

ФЕНИМОР КУПЕР

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ РОМАНОВ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ Н. МОГУЧЕГО

ТОМ XII

ФЕНИМОР КУПЕР

БЛУЖДАЮЩАЯ ИСКРА

РОМАН

ПРИКЛЮЧЕНИЯ МИЛЬСА ВЕЛЛИНГФОРДА

РОМАН

J. FENIMOR COOPER

WING AND WING OR LA FEU FOLLET

AFFLOAT AND ASHORE OR THE ADVENTURES OF MILES WALLINGFORD

ПРЕДИСЛОВИЕ

Драматический эпизод борьбы французского корсара против превосходных сил английского военного флота, послуживший основой для сюжета „Блуждающей Искры“, разворачивается на фоне больших исторических событий.

Коротко напомним о них читателю.

1799 год - последний год французской республики. В этот период французская буржуазия от ломки монархического государственного аппарата перешла к укреплению своей диктатуры и беспощадно подавляла остатки демократического движения революционной мелкой буржуазии и немногочисленного пролетариата. Опираясь на победоносную армию, буржуазия готовилась к организации твердого порядка, получившего в руках честолюбивого генерала Бонапарта название Французской империи.

В этих условиях борьба между Францией и Англией объективно перестала иметь даже намек на борьбу освободительного движения против монархического принципа. Дальновидные современники (в роде английского депутата Палаты Общин — Джекинсона) прекрасно понимали, что война Англии с Францией есть борьба против возможного опасного конкурента в мировой торговле и эксплуатации колониальных народов. С другой стороны, свою политику завоеваний - на континенте Европы, в Африке (египетский поход Наполеона) и в Азии (план поднятия восстания в Индии) - французская буржуазия выявляла весьма наглядно...

События в романе происходят в пору больших неудач Франции. Французскому и союзным ему, испанскому и голландскому, флотам англичане нанесли большое поражение и вновь утвердили свое господство на морях, блокируя французские порты. Австрия, Россия и Турция вступили в союз с Англией.

Попытки революционного движения, начавшиеся в Италии под влиянием ранее победоносного похода французов к Риму, были беспощадно подавлены, при прямом содействии британского флота.

Франция должна была отказаться от большой морской войны и вновь обратиться к защите своих границ. При таком положении дел ловкие партизаны, типа „Блуждающей Искры“, приобретали немаловажное значение. Их булавочные уколы, постоянные мелкие набеги должны были тревожить торговлю Англии и ее союзников и напоминать о силе французской республики...

Разумеется, моряки, шедшие на такое тяжелое и опасное дело, набирались из энтузиастов, еще не успевших разглядеть за трехцветным знаменем "свободы, равенства и братства" его торгово-капиталистической, хищнической природы. Такими и представляются нам командир и экипаж "Блуждающей Искры".

Для нашего времени социальный анализ, изображение характеров и отношений между ними в "Блуждающей Искре" - малоубедительны, поверхностны, архаичны. Однако Фенимор Купер имеет и в этом романе свои несомненные достоинства. Хорошо показаны: религиозные предрассудки, связывающие девушку по рукам и ногам, мешающие ей взять счастье, пойти одним путем с любимым человеком; ограниченное самодовольство и тупой мещанский эгоизм обывателей итальянской провинции и их сановного начальства; и, наконец, порядки королевского британского флота. „Великий“ адмирал, повинующийся авантюристке, уже для Фенимора Купера не существовал в том ореоле, который ему создала официальная английская история. Для нас он четко выступает — как славный предшественник нынешних массовых убийств в Китае...

Век с четвертью изменил лишь географию и размеры действий британских моряков. От Неаполя они прошли путь к Шанхаю и Кантону; от одиночных виселиц — к массовым расстрелам. Палочная дисциплина, лицемерие и эгоизм, нежелание действовать сообща—такова настоящая картина английского королевского флота...

Каким великолепным контрастом этим служакам является молодой командир „Блуждающей Искры“, который выполняет не внешний казенный долг, а волю своего свободного существа, потому что считает себя занимающим участок революционного фронта!..

Штат Нью-Йорк и до провозглашения независимости Соединенных Штатов представлял значительный центр торгово-капиталистических элементов молодой страны. Фенимор Купер возвращает читателя к концу XVIII столетия, и сам, будучи воплощенным поклонником этой бурной романтической полосы развития торгового капитала, — красочно изображает морскую торговлю той поры. Мы не боимся утверждать, что некоторые страницы этого занимательного романа могут составить блестящие страницы в художественной хрестоматии по истории экономического быта.

Нам тошны и чужды расчеты молодого владельца Клаубонни о том, сколько и когда он отложил фунтов стерлингов или долларов. Но мы не можем не восхищаться отвагой людей, отправлявшихся на утлых парусниках в двухлетние странствования по морям всего земного шара: за мехами — к неизвестным берегам, за пряностями — в Китай, за промышленными товарами — в старую Англию, и т. д.

От Кронштадта до Новой Земли и от Малакки до Бостона, то воюя, то скупая товары, то терпя кораблекрушения, то попадая в плен — проходят годы повествователя. И всегда он остается верен голосу

бодрой и действенной жизни.

Высокий жизненный тонус, несмотря на мещанскую организованность кругозора, патриархально-фермерские идеалы, делает настоящую книгу Фенимора Купера одним из наиболее значительных произведений этого писателя. Ее традиция — сила и бодрость — перешла в новой американской литературе — к революционному Джеку Лондону. В новой переплавке она несомненно станет традицией и пролетарской приключенческой литературы. Вот — основания горячо рекомендовать эту книгу нашему читателю. Что касается характера торговли с индейцами и другими туземными народами, обращения с матросами и неграми— указывать на них советскому читателю нет нужды. Мы предупредили в самом начале, что он будет иметь дело со страницей из истории торгового капитала. А известно, что на знамени его было написано: выгода. Выгода, каким бы хищничеством, вымогательством, обманом она ни достигалась...

БЛУЖДАЮЩАЯ ИСКРА

ГЛАВА I

Красота Тирренского моря¹ прославлена еще со времени Гомера². Вообще все путешественники считают область Средиземного моря, с его извилистыми, прихотливыми берегами, с Альпами и Апенниннами, выдающейся страной по климату, плодородию почвы и красоте местоположения. Этот чудный уголок, где с одной стороны — беспредельное море, усеянное живописно-оснащенными судами, а с другой — высокие башни на утесистых горах, представляет совершенно особый мир. Он не только приковывает к себе очарованного путешественника, но навсегда остается одним из чудных воспоминаний прошлого.

В течение многих веков турки и мавры³ делали для европейцев опасным плавание вдоль цветущих берегов Средиземного моря. После изгнания мавров из Испании⁴ это море сделалось ареною борьбы между самими победителями.

Особенно памяты события с 1790 по 1815 г., сделавшиеся достоянием истории. Тогда каждый месяц приносил известия о победе или поражении, о низложении правительств или завоевании какой-либо области.

Под вечер прекрасного августовского дня 1798 года легкое судно входило в канал Пиомбино⁵, подгоняемое благоприятным ветерком. Оснастка судов Средиземного моря вошла в поговорку, благодаря их изысканной красоте. Это суда разных типов и носят различные названия. Появившееся в канале судно представляло трехмачтовый люгер⁶ с огромным надутым парусом, черным кузовом, оживленным одной небольшой красной каймой, и с таким же высоким планширом⁷, что из-за него виднелись одни только шляпы более высоких матросов. Новоприбывшее судно казалось подозрительным, и не один даже простой рыбак не решился бы подойти к нему на расстоянии выстрела, пока не определятся яснее его намерения. Морские разбойники нередко появлялись у берегов.

Люгер был в полтора тонна⁸ водоизмещения, но черный цвет, в который он был окрашен, значительно скрадывал его размеры, к тому же он глубоко сидел в воде. Парус на нем был двойной, то-есть состоял как бы из двух крыльев, которыми он взмахивал, как птица, сильно смущая толпившихся на берегу моряков, внимательно следивших за всеми его движениями и поверявших друг другу свои сомнения. Все это происходило на каменистом мысе, возвышающемся над городом Порто-Феррайо на острове Эльбе. Небольшая гавань этого города совершенно невидима с моря, как будто она нарочно желает укрыться от неожиданных посещений подозрительных гостей. Однако, несмотря на свои небольшие размеры, гавань была достаточно укреплена на случай необходимости защищаться от неприятеля.

С набережной, тесно застроенной домами, обитатели, привлеченные слухами о появившемся иностранном судне, бросились на мыс, и на улицах города было пусто. Приближение люгера к этому сравнительно мало посещаемому порту произвело на его простодушных моряков такое впечатление, какое вызывает появление ястреба среди скромного пернатого населения птичьего двора. Делались различные предположения относительно характера и цели посещения этого судна.

Томазо-Тонти был старейшим моряком острова Эльбы, и его мнения, как человека опытного и вообще благоразумного, пользовались общим доверием, раз дело касалось моря. Кто бы ни прибыл в город — купец, трактирщик, рудокоп, — его первой заботой было разыскать Мазо, или Тонти — так как он известен был одинаково под обоими этими именами — и обратиться к нему со всеми своими сомнениями.

Сейчас толпа человек в двести окружала старого моряка; взрослые и дети держались так, чтобы не загромождать ему вида на море. Одни старики, — его сверстники, не стеснялись высказывать свои предположения, и Тонти не мешал им говорить, но сам высказывался очень мало и осторожно, чему и обязан был приобретенной им репутацией, так как всегда заставлял предполагать, что знает больше того, что высказывает. В данном случае из осторожности ли или потому, что действительно нелегко было остановиться на каком-нибудь определенном предположении, — но он упорно молчал, и его пасмурное лицо не предвещало ничего хорошего.

Весть о появлении иностранного судна не могла не привлечь на мыс порядочного количества женщин.

¹ Тирренское море—часть Средиземного моря от Лигурийского залива до острова Сицилии.

² Г о м е р—древнейший греческий поэт, который, по преданию, жил в IX веке До нашей эры. Прежде считали Гомера автором „Илиады" и „Одиссеи".

³ М а в р ы—жители древней Мавритании, смесь арабов и берберов.

⁴ Изгнание мавров из Испании—при короле Фердинанде-католике в 1494 году.

⁵ Пиомбино—канал между о. Эльбой и Италией.

⁶ Люгер—мелкое парусное судно для дозорной службы.

⁷ П л а н ш и р—горизонтальный брус, положенный вдоль борта судна.

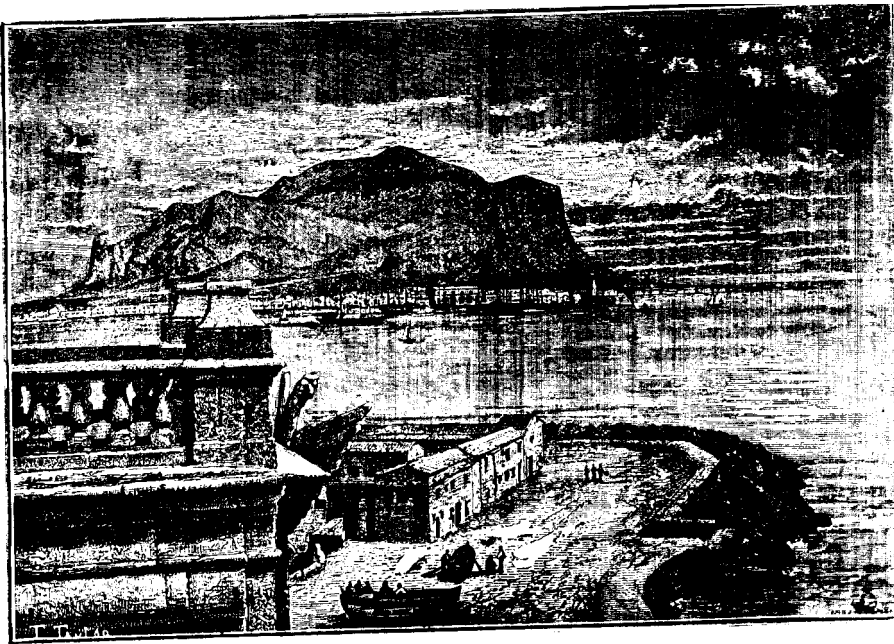
⁸ Тонна (грузовая) — 1 189 куб. метров.

Большинство из них протеснилось, насколько можно было, ближе к старому лоцману, чтобы первыми узнать и распространить новость. Но, повидимому, среди самых молодых девушек была своя толковательница: по крайней мере человек двадцать самых хорошеньких из них окружило Джиту.

Надо сказать, что все население города составляли купцы, ремесленники и рыбаки, потом несколько чиновников, два-три священника, адвокат и доктор.

Губернатором острова был один высокопоставленный тосканец⁹, но его посещения были очень редки, а его заместитель был слишком „свой человек“, чтобы напускать на себя важность.

Подругами Джиты были купеческие дочери, умевшие немного читать» посещавшие иногда Ливорно¹⁰ и водившие знакомство с ключницей заместителя губернатора, а потому считавшие себя выше любопытной толпы. Сама Джита тем влиянием, которое приобрела над своими сверстницами, обязана была лишь своим личным качествам, так как никому не было известно ни ее общественное положение, ни даже фамилия. Всего только шесть недель тому назад ее привез на остров и поместил к содержателю гостиницы, Христофору Дови, человек, выдававший себя за ее дядю. Эти качества были: здравый смысл, решительный характер, — скромность, грация и неотразимо привлекательное личико. Никто и не подумал ни разу осведомиться об ее фамилии, да и она сама, повиди-мому, считала совершенно ненужным упоминать о ней; с нее совершенно достаточно было имени Джиты, под которым и знали ее все, хотя и были еще две-три другие Джиты на острове.

Тирренское море.

Все знали, что Джита путешествовала, так как она на виду у всех приехала на фелуке¹¹, как говорили из Неаполитанской области. Если это была правда, то она являлась, по всей вероятности, единственной девушкой на острове, видевшей вулкан Везувий и те чудеса Италии, с которыми разве один Рим может поспорить. Поэтому естественно было предположение, что Джита могла высказать основательное суждение об иностранном судне. Но окружавшая Джиту молодежь, несмотря на все свое уважение к ней, далеко не отличалась сдержанностью верных почитателей Тонти; им всем приятно было слушать свои собственные молодые голоса, и они звонко и наперерыв высказывали самые невероятные предположения. Одна девушка даже усомнилась в реальности судна, предлагая принять его за игру воображения. На это другая заметила, что теперь не время для чудес, так как прошли и пост, и праздник Пасхи. Это объяснение вызвало общий смех. Затем решено было, что это, действительно, настоящее судно, хотя и не похожее на известные им.

Джита задумалась не менее самого Тонти, хотя и совершенно по другой причине. Ее глаза не отрывались от люгера. Если бы кому-нибудь было время наблюдать за выразительным, подвижным лицом молодой девушки, то он был бы поражен быстрой сменой отражавшихся в нем впечатлений. Оно то выражало тревогу, почти печаль, то озарялось лучом радости и счастья; румянец то исчезал с ее щек, то горячо разливался, и ярко блестели глубокие, темные, большие, синие глаза. Но обо всех этих превращениях даже не подозревала столпившаяся около нее шумная и болтливая молодежь.

Тем временем на скалу забрался градоначальник, Вито-Вити, и отдувался, как кит, вынырнувший на поверхность моря подышать воздухом.

⁹ Тосканец – уроженец Тосканы, бывшего итальянского герцогства.

¹⁰ Ливорно – порт в средние – итальянской провинции того же названия.

¹¹ Фелука – небольшое парусное судно прибрежного плавания.

— Что ты скажешь об этом судне, Мазо? — спросил чиновник, считая себя по своему положению в праве адресоваться к любому из граждан.

— Я полагаю, что это люгер, синьор, — лаконически и совершенно верно ответил старый моряк.

Синьор Вити был несколько шокирован лаконичностью ответа.

— И вы согласны под присягою подтвердить ваше уверение? — снова обратился он к Тонти.

Тонти, честный до щепетильности, даже, помимо всякой присяги, еще внимательнее всмотрелся в приближавшееся иностранное судно и снова повторил свое первое предположение.

— А могли бы вы мне сказать, почтенный Тонти, какой национальности принадлежит этот люгер? Вы, конечно, понимаете, насколько важен этот вопрос в наше беспокойное время.

— Вы совершенно правы, синьор подеста, так как если это судно алжирское, марокканское или французское, то его появление на Эльбе не доставит большого удовольствия. Но я должен попросить у вас разрешения подождать с ответом, так как мне надо ближе рассмотреть это судно.

Против благоразумности такого решения возражать было нечего, и градоначальник умолк. Но тут, обернувшись, он увидел Джиту, с которой познакомился и о которой составил очень хорошее мнение во время ее визита к его племяннице. Желая воспользоваться случаем поболтать с нею, он обратился к ней с приветливой улыбкой:

— Вот задача нашему бедному моряку: он уверяет, что это люгер, но затрудняется определить его национальность.

— Это действительно люгер, синьор, — сказала Джита, глубоко вздыхая.

Порто-Феррайо.

— Как! Вы такой знаток в распознавании судов на расстоянии мили?

— Я думаю, что это расстояние не более полумили, а что касается определения национальности, то мы ее можем узнать только тогда, когда они поднимут свой флаг...

— Ты совершенно права, милое дитя, и они должны его выкинуть! Ни одно судно не имеет права приближаться к порту, не выкинув своего флага. Друзья мои, — обратился он к окружающим, — заряжены ли пушки?

Получив утвердительный ответ, градоначальник поспешил к дому губернатора, и пять минут спустя показались солдаты, которые направили пушку в сторону люгера. Молодые девушки заранее затыкали себе уши и волновались. Джита, сильно побледнев и стиснув руки, внимательно следила за всеми приготовлениями. Наконец, она не в силах была более молчать.

— Вы, конечно, не направите выстрела в люгер, синьор градоначальник! — тревожно воскликнула она. — Я не встречала на юге такого способа заставлять поднять флаг.

— О, вы не знаете храбрости наших солдат, синьорина! — самодовольно отвечал тот. — Мы можем заставить трепетать Францию!

Раздался выстрел. Девушки с визгом бросились — кто в сторону, кто на землю; Джита, бледная, не отрывая глаз, следила за полетом ядра, не долетевшего до люгера и затонувшего в воде.

— Какое счастье! — прошептала она, и на губах ее появилась довольная и несколько ироническая улыбка.

— Славный удар, настоящий удар, прекрасная Джита! — воскликнул градоначальник, отнимая руки от своих ушей. — Еще два-три таких выстрела, и этот иностранец научится уважать тосканцев. Ну, что ты скажешь, честный Мазо? Объявит нам теперь этот люгер свою национальность или предпочтет еще испытать наши силы?

— Если они благоразумны, они поднимут флаг; но я что-то не вижу никаких к тому приготовлений.

Действительно, люгер, повидимому, не торопился удовлетворить любопытство жителей. Два-три матроса поднялись на мачты, но, очевидно, совершенно игнорируя полученное с берега приветствие. Затем люгер несколько уклонился, как бы желая обойти мыс, и береговая артиллерия смолкла; но вот он вдруг быстрым движением направился прямо в канал, и его встретили новым выстрелом, при чем (как бы подтверждая восторженные похвалы градоначальника местному гарнизону) ядро в виде разнообразия упало на этот раз позади судна.

— Очевидно, теперь уже понято ваше желание, синьор градоначальник, — живо обернулась к нему Джита, — и они не замедлят его исполнить. Ведь не будут больше стрелять, не правда ли?

— К сожалению, солдаты одного с вами мнения, синьора, они уже складывают свое оружие. Очень жаль, так как теперь они, наверное, попали бы в самый люгер; до сих пор вы видели одни приготовления.

— Этого было вполне достаточно, — улыбнулась Джита; она снова получила способность улыбаться, когда убедилась, что стрелять больше не будут.

— Но посмотрите, синьор, люгер готов удовлетворить ваше желание.

Прекрасное зрение не обмануло Джиту, а минуты через две и для всех стало очевидным, что сейчас поднимут флаг. Общее нетерпение увеличилось, все напряженно глядела на иностранное судно; наконец, флаг был поднят: белый флаг с красным крестом.

— Английское судно! — воскликнул Мазо. — Я так и предполагал, но не был вполне уверен.

— Истинное счастье иметь около себя в настоящее тревожное время такого моряка, как вы, почтенный Мазо! Но удивительно! Что побудило это маленькое судно пуститься в такое далекое путешествие? Оно как будто желает обойти наш порт.

— Повидимому, — с легким вздохом отозвалась Джита. — Но это несомненно английский люгер; мне знаком английский флаг.

— Ваш дядя ведь на континенте в настоящее время? — вкрадчиво спросил ее градоначальник, подозрительно всматриваясь в выражение ее лица.

— Я так думаю, синьор, — отвечала Джита. — Но я мало знаю о его делах, кроме одного, что как раз в настоящее время могу ожидать его сюда. Ах, взгляните, люгер заворачивает к нам.

Теперь все устремились с мыса, чтобы встретить на набережной нежданного гостя. Мазо и градоначальник открывали шествие, а молоденькие девушки с Джитой с любопытством спешили за ними. Скоро все разместились вдоль набережной и на ближайших лодках, а иностранное судно, пользуясь легким попутным ветром, грациозно и плавно входило в широкую и глубокую бухту.

ГЛАВА II

Почти стемнело, когда прибывшее судно бросило якорь в Порто-Феррайо. Удовлетворив свое праздное любопытство, толпа начала понемногу расходиться. Синьор Вити ушел последним, считая необходимым свое присутствие при посещении города иностранным судном „в настоящее тревожное время". Но, несмотря на всю суетливую деловитость Вито-Вити, от его внимания совершенно ускользнуло то обстоятельство, что люгер стал на якорь таким образом, что очутился вне выстрелов со стороны местных укреплений, сохраняя при этом для себя лично полную возможность самообороны в случае нападения. Но градоначальник вообще мало знал и думал о направлении пушечных ядер, лишь бы они не трогали его самого.

Из всей недоверчивой, боязливой и любопытной толпы, после того, как люгер бросил якорь, только Томазо и Джита оставались на набережной. Они не сводили с него глаз. На обычный служебный вопрос: „Кто и откуда?" со стороны карантинных чиновников — с судна дан был вполне ясный ответ: из Англии, через Лиссабон и Гибралтар. Упоминание этих мест подействовало успокоительно — оттуда нечего было ждать какой-либо заразы. Но когда дело дошло до названия судна, то произошла общая заминка.

— „Крыло и Крыло"! — отвечали с люгера.

Услышав это странное название карантинный персонал был вынужден обратиться к помощи переводчика, который в свою очередь оказался далеко не на высоте своего призвания и несколько не поспособствовал уяснению непонятных слов. После нескольких переключек на люгере подняли новый флаг с изображением на нем двух распростертых крыльев, между которыми ютился маленький люгер; в общем это изображение несколько напоминало летящего херувима и до некоторой степени дало наглядное объяснение названию „Крыло и Крыло", что послужило к общему успокоению и удовольствию.

Томазо и Джита дольше всех оставались на набережной. Лоцман, как называли Тонти за его

основательное знание всего побережья, при чем ему даже нередко приходилось руководить плавающими у острова судами, перебрался на палубу одной из фелук, откуда ему очень удобно было наблюдать за иностранным люгером. Джита осталась на набережной, избегая непосредственного столкновения с матросами, но и не теряя из виду люгера.

Прошло, однако, по крайней мере полчаса, пока, наконец, с люгера спустили шлюпку. Уже совсем стемнело, когда эта шлюпка подъехала к лестнице у пристани и к ней спустились двое таможенных чиновников. Прибывший моряк показал им свои бумаги, которые, повидимому, оказались в исправности, а потому ему позволили подняться на берег. Джита подошла к группе. Она была так плотно окутана широкой тальмой¹² что ее почти не было возможности узнать, но сама она внимательно всматривалась в черты лица и во всю фигуру незнакомца. Она казалась удовлетворенной результатом своего осмотра и немедленно исчезла. Между тем Тонти поднялся с своей фелуки на набережную и сказал незнакомцу:

— Сеньор, его сиятельство градоначальник приказал мне передать вам его приглашение пожаловать к нему; он живет поблизости и будет Очень огорчен, если вы не окажете ему этой чести.

— Его сиятельство не такое лицо, которое удобно было бы огорчать, — отвечал незнакомец на весьма хорошем итальянском языке, — и я немедленно отправлюсь к нему.

Он обернулся и приказал привезшим его матросам вернуться на люгер и ждать условного сигнала, чтобы приехать за ним.

Провожая его к Вито-Вити, Томазо не упустил случая предложить незнакомцу несколько вопросов, желая выяснить себе некоторые, еще продолжавшие его смущать подробности.

Скажите, сеньор капитан, давно ли англичане обзавелись люгерами? Кажется, ваша нация предпочитала до сих пор другие формы судов?

Незнакомец громко расхохотался.

- Видно, вам недалеко случалось плавать, а в Ламанше, должно быть, и совсем не были, если не знаете, что на острове Гернсей люгера предпочитают всем другим судам.

Мазо признался, что не имеет никакого понятия об этом острове.

- Гернсей — остров, и хотя он уже веками находится во власти англичан, но население в нем больше чем наполовину французское; имена и обычаи там по преимуществу французские.

Томазо промолчал. Если ответ незнакомца не был злостным вымыслом, то рассеивались все его подозрения по поводу слишком французского характера оснастки корабля; но он, конечно, не имел никаких оснований не доверять искренности капитана.

На всякий случай Томазо Тонти передал градоначальнику все, что успел узнать, а также и все свои подозрения.

Выслушав Мазо, градоначальник поспешил присоединиться к незнакомцу; но в комнате было так темно, что они едва могли различать лица друг друга.

— Сеньор капитан, — обратился градоначальник к приезжему, — надеюсь, вы позволите мне проводить вас к вице-губернатору, который ожидает вас и желает приветствовать.

Он говорил так вежливо, и предложение его было так естественно, что капитану нельзя было не дать своего согласия. Они отправились, и капитан с легкостью молодого человека взобрался на гору, где находился дом вице-губернатора.

Андреа Баррофальди, вице-губернатор, был человеком довольно начитанным, отчасти даже причастным к литературе. Он уже десять лет занимал настоящую должность и знал основательно свое дело, но в практической жизни был таким же простаком, как и его друг градоначальник.

Придя в помещение Баррофальди, градоначальник оставил на время капитана в первой комнате, желая предварительно переговорить с вице-губернатором без свидетелей. Через несколько минут он вернулся за ним.

В освещенной комнате сеньор Вити мог разглядеть капитана. Это был человек лет двадцати шести, высокого роста, стройный, крепкого сложения; на нем изящно сидела его форма морского офицера, и более опытный глаз сразу заметил бы в нем совершенное отсутствие простоты, характеризующей моряков-англичан. Черты его лица не имели ничего общего с наружностью этих островитян, они были строго классические, в особенности рот и подбородок; щеки были бледны, цвет кожи в общем смуглый. Его глаза были черные, как агат, лицо обрамлено черными бакенбардами. В общем, лицо его было поразительно красиво, точно слепок с древней медали, а при улыбке, оживлявшей его, становилось неотразимо привлекательно. Тем не менее в нем не было ничего женственного: голос мужской, при всей своей мягкости, взгляд твердый, члены гибкие, сильные и пропорционально сложенные.

Вице-губернатор и градоначальник были поражены таким богатым соединением внешних преимуществ и, после обычных приветствий, не могли отвести от него глаз. Когда затем все сели по приглашению Баррофальди, то вице-губернатор заговорил:

— Мне сообщили о прибытии в наш порт английского судна, сеньор капитан.

— Совершенно верно, сеньор, я служу под этим флагом.

— Вы англичанин? Как прикажете записать вас в нашу книгу? — и вице-губернатор через очки окинул его несколько подозрительным взглядом.

— Джэк Смит, — отвечал моряк, делая две ошибки в произношении, ускользнувшие от Баррофальди.

¹² Тальма — накидка.

— А название вашего люгера, синьор? — продолжал вице-губернатор, не отрывая пера от бумаги в ожидании ответа.

— „Крыло и Крыло“, — отвечал моряк, снова делая ошибки в произношении.

Вице-губернатор записал название, но затем попросил объяснений у капитана.

— Видите ли, на нашем судне двойной парус — по одному с каждой стороны, и они надуваются наподобие крыльев птицы — отсюда название.

— Но давно ли англичане стали строить люгера? До сих пор это были излюбленные французские суда?

— А, я понимаю, вы подозреваете во мне француза, или испанца, или я не знаю кого; но я могу вас успокоить: я англичанин и состою на службе английского короля.

— Ваш люгер принадлежит к королевскому флоту или разъезжает по поручению корсара¹³?

— Разве я похожу на морского разбойника? — обидчиво спросил капитан. — Вы оскорбляете меня вашим предположением.

— Простите, синьор, нам поневоле приходится быть очень осторожными на нашем уединенном острове в настоящее смутное время. По поводу некоторых подробностей в оснастке вашего судна у нас явились некоторые сомнения, и мне прежде всего необходимо уяснить себе вашу национальность.

— О, сделайте одолжение. Я совершенно разделяю и цену вашу осторожность и готов вам помочь; но как? Не угодно ли вам поехать со мной на мой люгер и лично осмотреть его? Мои бумаги при мне, и я передаю их в ваше полное распоряжение.

— Не беспокойтесь, капитан, мы все это устроим гораздо проще. Я—книжный червь и льщу себя уверенностью, что хотя и не бывал в Англии, но знаю ее довольно хорошо по книгам. Одного более подробного разговора с вами о ее администрации, нравах и обычаях будет для меня совершенно достаточно, чтобы уничтожить все сомнения.

— Я к вашим услугам, синьор. Я люблю свою родину и горжусь ею.

— Это делает вам честь. Ну, скажите же мне, какого рода правление в Англии? Монархическое, аристократическое или демократическое?

— Однако, синьор, такой вопрос смутил бы любого философа! В Англии есть король; но есть также очень могущественные лорды, да и демократия от времени до времени дает себя почувствовать.

— Это вполне допустимое определение, сосед, Вито-Вити, — обратился вице-губернатор к градоначальнику, желая перед ним похвастаться и своими знаниями и своим тонким обращением с иностранцами, — английская конституция, действительно, машина очень сложная. Ваш ответ мне нравится, капитан, он показывает вашу привычку вдумываться во все вопросы жизни, и я ценю разумного человека. Ну, а что вы мне скажете относительно религии вашей родины?

— О, на этот вопрос еще труднее ответить, так как в Англии столько же вероисповеданий, сколько человек населения. Признаюсь, этот вопрос меня всегда сильно тревожит.

— Надо, однако, признаться, что этот вопрос очень редко тревожит моряков. Ну, хорошо, не будем на этом останавливаться; скажите только, ведь вы и ваши сограждане лютеране?

— Допустите какое вам угодно предположение, — возразил капитан, иронически улыбаясь. — Моряки и церковь — лучшие друзья, так как они мало думают один о другом.

— Почти то же и у нас, мой дорогой Вито-Вити, хотя наши моряки жгут множество свечей и бесконечно повторяют молитвы.

¹³ Корсар – капер – так назывались частные лица, которые с разрешения своих правительств вооружали суда и во время войны захватывали торговые суда неприятеля, а также нейтральные, перевозившие неприятеля. Эти призы составляли доход корсаров. В общем это были морские партизаны.

...Чудеса Италии, с которыми может поспорить один Рим...

— Простите, вице-губернатор, — горячо ответил капитан, — но я нахожу это большой ошибкой со стороны ваших моряков. Их дело шло бы несравненно успешнее, если бы они меньше молились, а внимательнее относились к своим обязанностям.

— Это возмутительно! — воскликнул градоначальник с таким жаром, какой он редко обнаруживал.

— Синьор капитан прав, почтенный Вито-Вити, — остановил его вице-губернатор с таким внушительным видом, что как бы защищал им все свои либеральные идеи просвещенного человека. — Было бы полезнее для дела, если бы наши моряки сначала работали, а потом молились, а не наоборот, как это они делают теперь. Ну, а теперь относительно вашего языка, капитан, его я мало знаю, а вы, конечно, владеете им в совершенстве...

— Без сомнения, — отвечал капитан, сразу переходя с итальянского языка, на котором говорил до сих пор, на английский, с такой уверенностью, что уничтожал все подозрения.

Говорил он свободно и легко, но с несколько иностранным акцентом, неуловимым для непосвященного слуха. Баррофальди, который понял только, что ему ни за что не сказать хотя бы одну такую фразу, тотчас же постарался перевести разговор обратно на итальянский язык.

— Ваш родной язык, без сомнения, благозвучен, синьор, — да и может ли он быть иным, когда на нем писали Шекспир и Мильтон? Но что в нем затрудняет иностранца, так это множество одинаково произносимых различных слов, рознящихся по правописанию.

— Мне уже не раз приходилось выслушивать подобные жалобы, — отвечал капитан, довольный прекращением допроса и ничего не имевший против того, чтобы потолковать о неудобствах языка, до которого ему; в сущности не было никакого дела.

Но тут градоначальник, которому надоело только слушать, не принимая участия в разговоре, заметил, что лучше было бы не уклоняться от прямой цели и покончить с выяснением подозрительных пунктов устройства люгера. Вице-губернатор и сам был не прочь с честью закончить испытание, а потому согласился с замечанием градоначальника.

— Сосед Вито-Вити прав, — сказал он, — будем держаться одного вашего люгера. Есть у нас здесь некто Томазо Тонги, очень знающий моряк; он утверждает, что люгера встречаются преимущественно у французов, а что английские суда иного устройства.

— В данном случае ваш Томазо Тонти не обнаруживает больших знаний, так как люгера строят и в Англии. К тому же, я уже говорил ему, что я с острова Гернсей, больше чем наполовину населенного французами, где сохранились французские обычаи и нравы, хотя уже несколько столетий этот остров принадлежит Англии.

— О, это совершенно меняет дело! Сосед Вити, все, что сообщает нам капитан относительно острова Гернсей, совершенно верно. Теперь остается только удостовериться в именах, и тогда все будет в порядке. Джэк Смит и „Крыло и Крыло“ действительно гернсейские имена?

— Не вполне, синьор, — отвечал капитан, едва удерживаясь от смеха, — так как Джэк и Смит чисто английские имена, они там встречаются на каждом шагу, и мы уже из Англии занесли эти имена на Гернсей.

— Все это я нахожу вполне разумным, Вити, и так как бумаги капитана при нем, то, просмотревши их, мы можем спокойно уснуть до утра.

— Вот вам ваше снотворное, вице-губернатор, — сказал капитан, вынимая свои бумаги. — Вот

приказ адмирала — он не заключает в себе ничего секретного, и вы можете его прочесть; вот мои полномочия—под ними вы увидите подпись военного министра Англии и мою. Видите? Джэк Смит. А вот и мое назначение лейтенантом корабля „Крыло и Крыло“.

Все бумаги были написаны четко и прекрасным английским языком. Единственным сомнительным пунктом являлось различие в правописании имени: тогда как во всех бумагах упоминался Jack Smith, на подписи значилось Jacques Smit. Однако эта подробность совершенно ускользнула от внимания вице-губернатора. Таким образом, вся тревога, поднятая Томазо Тонти, оказалась напрасной, и просмотренные бумаги передали капитану, который совершенно спокойно спрятал их к себе в карман.

— Конечно, было бы неслыханной смелостью со стороны врага или корсара зайти в наш порт, зная нашу бдительность и осторожность, — заметил вице-губернатор самодовольно.

— Тем более, синьор, что подобный смельчак мог не ожидать себе иной награды, кроме потасовки и ареста, — прибавил капитан с своей обворожительной улыбкой.

Это настолько расположило вице-губернатора, что он пригласил лейтенанта к ужину. Приглашение было принято, и несколько минут спустя все трое сидели за столом в соседней комнате.

Всякие подозрения, если они и остались еще у старших чиновников Порто-Феррайо, совершенно рассеялись. Легкая итальянская кухня и еще более легкие вина только содействовали веселому настроению. Но приезжий ел и пил очень умеренно, видимо, желая поскорее освободиться, несмотря на всю любезность хозяина.

Андреа Баррофальди не преминул воспользоваться случаем, чтобы блеснуть своей начитанностью перед градоначальником. Он много говорил об истории, религии, правительстве, законах, климате и промышленности Англии, обращаясь к капитану за подтверждением или отрицанием высказываемых им взглядов, и по странной случайности их мнения всякий раз поразительно сходились. Капитан умел даже польстить вице-губернатору, выражая свое удивление перед такой начитанностью. Польщенный Баррофальди шепнул на ухо градоначальнику, что новоприбывший, может быть, не кто иной, как тайный агент британского правительства, подсланный с целью навести некоторые справки о торговле и мореплавании в Италии, чтобы, в случае возможности, расширить коммерческие сношения этих двух государств — „насколько выдается этот молодой человек своими способностями и рассудительностью“.

— Вы почитатель аристократии, — заметил Баррофальди во время разговора на эту тему, — и, если говорить откровенно, может быть, вы сами благородного происхождения?

— Я? Я ненавижу аристократов! — с необычайной горячностью произнес капитан, видимо, забывшись и в следующую же минуту сожалея о своей несдержанности.

— Это удивительно со стороны англичанина. А, я понимаю, — вы в оппозиции и потому так говорите. Странное явление, друг Вити, но тем не менее верно, что в Англии вечно существуют две враждующие между собой партии. И каждая из них считает себя правой, и каждая стремится к власти.

— Вы совершенно верно определяете наши политические партии, синьор; но теперь позвольте мне удалиться: уже ночь, а я далеко не спокоен относительно соблюдения надлежащей дисциплины на вверенном мне судне в мое отсутствие.

Так как вице-губернатор к этому времени успел уже сообщить все, что знал относительно Англии, то он более не задерживал гостя.

ГЛАВА III

Капитан был очень доволен, когда, наконец, оставил дом вице-губернатора — дворец, как называли его простодушные островитяне; его утомили ученые разглагольствования Баррофальди, и хотя он немало знал морских анекдотов, немало посетил английских гаваней и мог сравнительно успешно выпутаться при подобных обстоятельствах, но ему впервые пришлось поддерживать такой длинный разговор о предполагаемой его родине. Если бы почтенный Андреа услышал все посылаемые ему капитаном проклятия, к нему бы не замедлили вернуться первоначальные сомнения.

Была звездная, тихая, полная истомной неги ночь; такие ночи бывают только на побережье Средиземного моря. Едва ощущался легкий ветерок, казавшийся скорее нежным дыханием моря, и несколько праздных людей еще совершали свою вечернюю прогулку по горам. Когда моряк подошел к этому месту прогулок, он на минуту приостановился, как бы затрудняясь, куда идти. Женская фигура, тщательно задрапированная в широкий плащ, прошла мимо него и, окинув его пристальным взглядом, продолжала подыматься на гору. Неожиданность ее появления и мимолетность помешали молодому человеку в свою очередь рассмотреть ее; но, видя, что она направляется к местам, менее посещаемым, он последовал за нею. Женщина остановилась, и он не замедлил подойти к ней.

— Джита! — радостно воскликнул он, узнавая знакомое лицо. — Какая удача! Эта встреча снимет с меня большую заботу. Тысячу благодарностей за вашу доброту, дорогая Джита. Разыскивая ваше жилище, я рисковал скомпрометировать и вас и себя.

— Вот поэтому-то я и решила встретить вас, Рауль. Глаза всех в этом маленьком болтливом городке следят теперь за вашим люгером и, конечно, следили бы за вами, его капитаном, если бы подозревали, где вы. Вы ведь не знаете, за кого принимают вас и ваше судно.

— Ничего постыдного, надеюсь, дорогая Джита?

— Говорят, что вы француз, и ваше будто бы английское судно — одна уловка.

— Только-то? — засмеялся Рауль Ивар. — Что ж! Надо снести этот позор. Честное слово, они правы в своем обвинении; между нами всего один американец, нужный для нас при ведении переговоров. За что же мне обижаться, если жители Порто-Феррайо приняли нас как раз за то, что мы и есть на самом деле?!

— Я и не говорю, что вы должны себя чувствовать оскорбленным, но вам может грозить опасность. Если только вице-губернатор нападет на эту мысль, то он велит в вас стрелять, как в неприятеля, и вы погибнете.

— Нет, нет, Джита, он слишком пленен капитаном Смитом, чтобы допустить подобную жестокость. К тому же, ему придется совершенно переместить всю свою артиллерию, чтобы выстрелы с нее могли достигнуть „Блуждающей Искры“, там, где она теперь стоит; я никогда не ставлю свое маленькое судно под выстрелы неприятельской артиллерии. Посмотрите, Джита, мы стоим вне всякой опасности.

Я знаю, где вы стоите, я следила за вашим люгером, потому что узнала вас или думала, что узнала. Скажу даже, что довольна была вашим быть, не забыл, — появлением; больше того: обрадовалась при виде такого старого друга. „Он меня, должно подумала я, — неспроста подходит к этому острову“. Но, когда вы вошли в бухту, я думала, что вы потеряли рассудок.

— И я бы его действительно потерял, если бы еще отложил свидание с вами. Чего мне бояться этих ничтожных островитян? Что мне стоит поджечь все их суда? „Блуждающая Искра“ не даром заслужила свое название — она успеет быть всюду, прежде чем опомнится наш неповоротливый неприятель.

— Однако этот неприятель уже подозревает вас, и вы должны быть постоянно настороже. Что я испытала сегодня, когда в вас стреляли!

— И что они мне сделали? Только даром потратили заряды. Они даже не изменили направления нашего люгера. Вы слишком бывалый человек, Джита, чтобы смущаться пустым шумом!

— Именно потому, что я кое-что понимаю в этих вещах, я так и испугалась. Ведь вы бы погибли, если бы эти ядра попали в люгер!

— Но вот этого-то неперемного условия нашего несчастья и не было: они не попали. Однако не будем больше говорить об этом, Джита, будем наслаждаться настоящим счастьем, мы так давно не были вместе.

— Я и не могу не тревожиться, Рауль. Ну, что с вами будет, если вице-губернатору придет фантазия захватить ваш люгер, погнав на него отряд солдат?

— Пусть посылает! Я подошлю к нему моих матросиков, и он славно прогуляется. Да нет, ему ничего не придет в голову, не стоит говорить об этом.

Весь этот разговор происходил на французском языке, которым Джита вполне владела, хотя в ее произношении слышался итальянский акцент.

— Но вот идея! — воскликнул капитан. — Завтра я подошлю ему моего первого помощника, мою правую руку, моего друга Итуэля Больта, — пусть побеседует с ним о политике.

Но заметив встревоженное выражение лица Джиты, он сказал:

— Ну, хорошо! Поговорим о другом. Допустим, что нас захватят, — чего можем мы опасаться в худшем случае? Мы — честные корсары, имеем законные полномочия, находимся под покровительством французской республики и можем очутиться лишь в положении военнопленных. Это со мной уже было и привело лишь к тому, что я принял имя Смита и теперь насмеялся над вице-губернатором острова Эльбы.

Джита невольно улыбнулась, несмотря на всю испытываемую ею тревогу. Рауль умел расположить в пользу своих взглядов своей неподдельной веселостью и легкомыслием даже людей совершенно иного склада ума. Она знала, что Рауль был два года пленником в Англии, благодаря чему и изучил язык и порядки этого государства. Он бежал из тюрьмы при содействии моряка-американца, Итуэля Больта, который вполне проникся планами своего более предприимчивого друга.

Вынужденный служить на одном из английских военных судов вследствие насильственного набора в матросы, Болт горел жаждой мщения, и своим примером мог подтвердить, насколько опасен может быть, повидимому, слабейший из людей, доведенный до отчаяния несправедливостью сильнейших, которым неизбежно приходится в конце концов расплачиваться за свой деспотизм.

Джита была посвящена во все их дела и, хотя не симпатизировала Итуэлю Больту и не любила американца за его характер, но не раз смеялась, слушая о тех хитростях, которые он постоянно изобретал, чтобы нанести вред англичанам,

— Вы переименовали ваш люгер, Рауль? — спросила Джита после некоторого молчания. — Было бы опасно открыть его настоящее название, так как еще очень недавно я слышала рассказы одного моряка о нападениях, совершенных вашим люгером. Счастье, что этот моряк в настоящее время уехал, а то он бы мог узнать судно.

— В этом я далеко не так уверен, Джита. Мы часто меняем цвета и до некоторой степени оснастку люгера. А что касается названия, то раз он теперь считается находящимся на английской службе, то мы дали ему кличку „Крыло и Крыло“.

— Мне послышалось несколько иное, когда вы отвечали на карантинный допрос. Но это странное название, „Блуждающая Искра“, мне несравненно больше нравится, — задумчиво проговорила Джита.

— Дорогая Джита, я бы хотел, чтобы вы имя Ивара предпочитали всякому другому, — заметил молодой человек с упреком. — Вы обвиняете меня в вольнодумстве, но неужели различие наших взглядов

будет долго еще стоять стеною между нами и препятствовать получению, вашего согласия. О, если бы это было в Италии!

— Мне думается, что если бы я дала его вам, то вашему люгеру пришлось бы снова переменить имя и назваться „Безумием Джиты“, — принужденно засмеялась девушка, с трудом подавляя охватившую ее тоску. — Но довольно об этом, Рауль. Нас могут выследить, подслушать. Пора расстаться.

После короткого обмена еще немногими заключительными фразами, значительными и дорогими для обоих, они простились, и Джита поспешила домой, уверив капитана, что хорошо знает город и не чувствует ни малейшего страха, пробираясь по улицам в такое позднее время. И действительно, к чести Андреа Баррофальди надо заметить, что в городе было совершенно спокойно, и только теперь, с появлением Рауля, этому миру могла грозить опасность.

Однако, в Порто-Феррайо вовсе не было так спокойно. Томазо Тонти с группой своих приверженцев имел обыкновение заканчивать день в кабачке прекрасной вдовушки, Бенедетты Галопо, над дверями которого торчал на палке часто возобновляемый свежий пучок зелени, служивший вывеской. Отчаянная кокетка, о которой, впрочем, остерегались говорить что-нибудь дурное, Бенедетта дорожила посещениями Томазо по двум причинам: во-первых, его всегда сопровождала интересная и привлекательная молодежь, а во-вторых, он пил много и был очень аккуратным плательщиком.

В то время как Рауль Ивар и Джита расстались на горе, Томазо Тонти с тремя приятелями сидел на своем обычном месте за столом в небольшой комнате первого этажа кабачка интересной вдовушки. В окно он мог свободно наблюдать за всеми действиями приехавшего иностранного люгера. Приятели сидели не более четверти часа, а уже поставленная перед ними порция вина значительно уменьшилась.

— Я все это передал градоначальнику, — говорил Томазо с важностью, осушая стакан вина. — Да, и я не сомневаюсь, что Вито-Вити сообщил об этом вице-губернатору, так что и он в настоящее время знает не менее нас. И подумать только, что такие дела творятся в Порто-Феррайо, в столице острова Эльбы, где такой бдительный надзор!.. Градоначальник обещал мне зайти сюда после свидания с вице-губернатором, чтобы сообщить результат их разговора.

— Синьор градоначальник всегда будет здесь желанным гостем, — заметила Бенедетта, принимаясь стирать пыль с соседних столов. — Он едва ли где найдет лучшее вино.

— Бедняжка, — промолвил Тонти сострадательно, — и ты думаешь, что градоначальник придет сюда для того, чтобы пить твое вино? Он придет ради меня. Слишком часто угощается он превосходным вином вице-губернатора, чтобы его потянуло к твоему.

Бенедетта уже готова была горячо вступить за свое, отстаивая свои интересы, но в эту минуту за дверью раздались тяжелые шаги, и в комнату к общему удивлению вошел Вито-Вити, в сопровождении вице-губернатора. Бенедетта остановилась неподвижно, в немом почтении.

Посещение вице-губернатором было вызвано вновь зародившимися в нем сомнениями относительно личности и намерений Смита. Дело в том, что по уходе мнимого англичанина Вито-Вити указал Баррофальди на некоторые подозрительные подробности, подмеченные им за ужином в разговоре капитана, и Андреа пожелал лично осмотреть люгер, а так как градоначальник обещал Мазо зайти сюда повидаться с ним, то они и пришли оба.

— Синьор, ваше посещение делает мне такую честь! — заговорила Бенедетта, приходя, наконец, в себя. — Не часто выпадает мне на долю такое счастье, ваше сиятельство; мы бедные люди, хотя, может быть, такие же хорошие католики, как и те, что живут на горе.

— Так, так, Бенедетта, я не сомневаюсь, что вы хорошая христианка. Дайте-ка мне бутылочку вина!

Бенедетта присела с чувством благодарности — теперь репутация ее вина навеки обеспечена: уж если его пил сам его сиятельство, то кто же из моряков посмеет его бранить?

Она проворно вытерла два стула и через минуту подала бутылку, действительно, лучшего тосканского вина, которого у нее хранилось с дюжину для экстренных случаев.

— Пожалуйста, ваше сиятельство! Наше скромное заведение едва один раз в столетие удостоивается такого высокого посещения. Да и вы, синьор градоначальник, всего второй раз у меня.

— Нам, холостякам, небезопасно посещать таких, как вы, молодых и горячих вдовушек, красота которых с годами только расцветает, а не увядает, — любезно ответил Баррофальди.

Он спокойно налил вина, приглядываясь к находившимся в комнате молчаливым морякам; кроме Тонти и Даниеля Бруно, он никого не знал, а потому шопотом спросил у Томазо, может ли он поручиться за благонадежность своих товарищей.

— За всех, от первого до последнего, синьор, — отвечал Томазо.

Тогда Баррофальди обратился к присутствующим:

— Вам, без сомнения, известна причина, побудившая нас притти сюда? — спросил он.

Ответ получился не сразу. Наконец, Даниель Бруно ответил за всех:

— Мы догадываемся, ваше сиятельство. Мазо нам говорил, что этот люгер не английский, как нас хотят уверить, а французский.

Вдруг за дверью послышались шаги, и, прежде чем Бенедетта, остерегавшаяся, по желанию вице-губернатора, неизвестной и, может быть, неудобной встречи, успела задержать нежданного гостя, дверь отворилась и в комнату вошел Итуэль Болът в сопровождении одного генуэзца.

У Болъта совершенно отсутствовали признаки какой бы то ни было чувствительности. Очертания его

лица и фигуры были правильны, но резки и угловаты. Он весь состоял из одних костей; нервы замечались гораздо позднее, а мускулы, которых на его долю было отпущено немало, не округляли тела, а, напротив, придавали ему угловатость. Даже пальцы его казались не круглыми, а призматическими, а на открытой шее с небрежно повязанным черным шелковым платком, не служившим к его украшению и грации, выделялись все позвонки. Роста он был высокого, но его несколько скрадывала сутуловатость плеч. Черные волосы обрамляли лицо, подвергавшееся много лет действию самой разнообразной погоды и сильных ветров. Лоб у него был широкий, открытый, и рот замечательно красивый. Эту оригинальную физиономию как бы освещали пронизательные и подвижные глаза, казавшиеся не пятнами на Солнце, а солнцами на пятне.

Итуэль прошел все превратности жизни американца, вынужденного своими силами пробивать себе дорогу. Он был мальчиком у одного фермера, рабочим в типографии, младшим школьным учителем, кондуктором дилижансов и разносчиком; наконец, ему случилось даже не пренебрегать и более грубыми работами, например, мести улицы, изготовлять метлы. До тридцатилетнего возраста Итуэль не думал о море. Случай доставил ему место на каботажном судне¹⁴, на котором он и совершил свое первое путешествие. Ему посчастливилось в том отношении, что капитан не сразу открыл его полнейшую неподготовленность к занимаемой им должности, благодаря его самоуверенности, и ошибка обнаружилась лишь спустя несколько дней, когда судно было уже в плавании. Но и тут судьба сыграла в руку Больту: по несчастной неосторожности капитан упал в море, и Итуэль естественно занял его место. Другой бы в его положении поспешил вернуться в гавань, но не в его правилах было отступать, да к тому же итти назад было так же трудно, как и вперед, и он избрал последнее. Матросы не могли им достаточно нахвалиться, а он действовал очень осмотрительно и отдавал только те приказания, какие они подсказывали ему. Погода ему благоприятствовала, ветер дул попутный, и ничто не препятствовало благополучному плаванию. Он приобрел друзей, и судовладельца каботажных судов вверили ему судно. Он поручил тогда своему лейтенанту все ведение судна, а сам, не показывая вида, что присматривается, через полгода уже научился этому новому для себя делу лучше, чем другой научился бы в три года.

Но в конце концов Итуэль потерпел крушение вследствие своего круглого невежества в мореходном деле. Этот несчастный случай навлек на него более отдаленное путешествие в положении подчиненного: он был забран в матросы одного английского судна, когда капитан лишился значительной части своего экипажа, погибшего от желтой лихорадки. Итуэль не был таким человеком, которым можно было бы пренебречь в таком случае, и капитан притворился, что принял его за англичанина¹⁵.

ГЛАВА IV

Итуэлю достаточно было одного беглого взгляда, чтобы разобраться в общественном положении всех присутствующих. Он понял, что двое из них занимают место значительно высшее, чем четыре остальных, и что эти последние — простые матросы. Относительно Бенедетты, как хозяйки дома, не могло быть никаких сомнений.

— Вина! — приказал Итуэль, жестом поясняя свое желание, так как это было почти единственное известное ему итальянское слово.

— Сию минуту, синьор, — отвечала Бенедетта, кокетливо улыбаясь, — сию минуту вам подадут, но какого вина желаете вы? У нас вино различной стоимости.

Итуэль предоставил своему спутнику, генуэзцу Филиппо, объясняться с хозяйкой, а сам занял место у одного из свободных столов и, сдвинув в сторону находящиеся на нем стаканы, не замедлил непринужденно развалиться на стуле, подняв ноги на край сиденья и опираясь руками на соседние стулья.

Баррофальди с удивлением посматривал на него. Конечно, он не ожидал встречи с благовоспитанным обществом в кабачке Бенедетты, но манеры этого иностранца превзошли его ожидания. Однако он ничем не выдал своего впечатления.

Между тем, гостям подали то же вино, что и Баррофальди с градоначальником, и Итуэль, приложившись губами к бутылке, почти разом опустошил ее к немалому огорчению Филиппо.

— И это называется вином! — воскликнул Итуэль, отрываясь от горлышка бутылки, чтобы передохнуть. — Я мог бы выпить его целую бочку и, не пошатнувшись, пройти по узкой дощечке.

Он говорил это с самым довольным видом, доказывавшим, что только что выпитое вино доставило ему громадное наслаждение.

Все это время вице-губернатор старался уяснить себе характер этого незнакомца и припоминал особенности его родины. Весьма естественно, что он принял Больта за англичанина, и его недоверие к люгеру на время снова стухевалось. Подобно большинству итальянцев своего времени, он считал чем-то в роде дикарей всех жителей севера, и уж, конечно, не Итуэлю с его грубыми манерами было изменить такое мнение.

— Вы генуэзец? — спросил вице-губернатор Филиппо авторитетным тоном.

— Как же, синьор, к вашим услугам, хотя я и нахожусь в настоящее время на чужеземной службе.

— На чьей именно, мой друг? Говорите! Я блюститель порядка на этом острове и по своей должности

¹⁴ Каботажное судно—судно прибрежного плавания, перевозящее грузы.

¹⁵ В те времена в английском флоте набор матросов часто происходил в форме прямого насилия.

обязан сделать вам этот вопрос.

— Это сейчас видно, ваше сиятельство, — отвечал Филиппо, вставая и почтительно ему кланяясь. — Я нахожусь на службе у английского короля.

Он твердо произнес свой ответ, но невольно опустил глаза под пронизательным взглядом вице-губернатора.

— А ваш товарищ не говорит по-итальянски? Он англичанин?

— Нет, синьор, он американец, и Англию совсем не любит, насколько я его знаю.

— Американец! — воскликнул Баррофальди.

— Американец! — повторил за ним Вито-Вити.

— Американец! — хором окликнулись все четверо матросов, и все взоры обратились на любопытного иностранца, выдержавшего этот осмотр с невозмутимым спокойствием.

В том любопытстве, с которым моряки и начальство города смотрели на американца, не было ничего удивительного, так как еще в 1798 году итальянцы не имели верного представления об американцах и смешивали их с неграми; словом, двух с половиной веков существования нации и даже достигнутой независимости было недостаточно для того, чтобы поведать жителям Старого Света, что в Северо-Американских Соединенных Штатах живут люди европейского происхождения и с белой кожей.

— Да, я американец, — сказал Итуэль с важностью, слыша, как повторяется это слово, — и я не стыжусь своей родины. Если желаете знать подробнее, то я скажу вам, что родом я из Нью-Гемпшира¹⁶, Гранитного штата, как у нас его называют. Объясните им это все, Филиппо, и скажите мне, что они об этом думают.

Филиппо перевел его речь, как мог, а также и полученный на нее ответ. И весь последующий разговор велся при содействии Филиппо, как переводчика.

— Гранитный штат! — повторил вице-губернатор недоверчиво. — Бедные жители, как им трудно, должно быть, промышлять себе пищу. Спросите у него, Филиппо, есть ли там вино?

— Вино! — отвечал Итуэль. — Скажи этому господину, что у нас там не назовут вином того, что мы здесь пьем. То, что у нас там пьют, как пилой режет горло и точно лавой с Везувия обжигает внутренности.

— Не познакомит ли нас синьор американец с религией своей страны, если только они там не язычники? Я не помню. Вито, чтобы я когда-нибудь читал о религии в этой части света.

— Религия! О, подобный вопрос вызвал бы немалый шум в Нью-Гемпшире. Слушайте, синьор: все эти ваши обряды, образа, одежду попов, ваш колокольный звон и коленопреклонения — всего этого мы не называем религией так же, как не считаем вином вот этот напиток.

Голова Итуэля уже в значительной степени была отуманена тем самым напитком, о котором он так пренебрежительно отзывался, иначе он не позволил бы себе так громко высказывать свои убеждения, так как из многократного опыта знал, насколько надо сдерживаться по этим вопросам в католических странах. Баррофальди ответил ему сурово, хотя и не изменяя правилам вежливости:

— Очевидно, американец не понял нас. Такая малоцивилизированная страна, как его родина, не легко может постигнуть глубокие вопросы.

— Малоцивилизированная! Я полагаю, что надо основательно вспахать эту часть света, чтобы взрастить на ней цивилизацию, равную той, какой пользуются у нас малые дети. Но бесполезно говорить об этом, а потому лучше выпьем!

Андреа и сам увидел, что бесполезно продолжать этот разговор, тем более, что Филиппо сильно затруднялся переводом, а потому он прямо приступил к тем вопросам, которые привели его в кабачок.

— Должно быть, и американец также на службе у английского короля, — небрежно заметил он. — Помнится мне, что была война между американцами и англичанами, при чем французы помогли американцам одержать верх над англичанами и получить национальную независимость. В чем состоит эта независимость, я хорошенько не знаю, но возможно, что населению Нового Света есть еще чему поучиться у своих прежних хозяев, чтобы поднять своих моряков.

Все мускулы лица Итуэля страшно напряглись, и выражение глубокой горечи омрачило его физиономию; затем губы скривились в злую насмешку и он сказал:

— Может быть, вы правы, сударь, англичане, действительно как будто с полным правом вербуют себе наших соотечественников; возможно, что мы служим нашим прежним господам и что вся наша независимость — один пустой звук. Но как бы там ни было, а есть между нами молодцы, которые тем или иным способом сумеют воспользоваться первой возможностью отомстить за себя, и не видать мне никогда Нью-Гемпшира, будь он из камня или из гнилого дерева, если я не сыграю какой-нибудь очень скверной шутки с мистером Джоном Булем¹⁷.

Эта речь, хотя и переданная в неточном переводе Филиппо, произвела, тем не менее, довольно сильное впечатление на вице-губернатора: ему показалось крайне любопытным такое враждебное отношение американца к той нации, у которой он состоит на службе.

— Спросите американца, почему он остается на службе у английского короля, если это положение так сильно его возмущает, и как он в нее попал?

¹⁶ Нью-Гемпшир—на берегу Атлантического океана, был принят в число Штатов в 1788 году.

¹⁷ Джон Буль – Иван Бык – ироническая кличка, даваемая англичанам.

— Меня завербовали при наборе матросов и семь лет продержали как собаку, заставляя служить на себя. Но это еще не все, и я не думаю, что имею право рассказать остальное.

— Нам интересно будет послушать все, что американец найдет возможным сообщить нам.

Итуэль, все более хмелевший, не знал, на что ему решиться. Подумав, он подкрепил себя новым глотком и заговорил:

— Ну, худшее — это то, что к несправедливости присоединилось оскорбление. Казалось бы, довольно за глаза одной несправедливости к человеку, так нет, надо еще его оскорбить, да так, что самое каменное сердце воспламенится!

И разгоряченный выпитым вином, Итуэль разразился длинной тирадой, в которую включил свои воспоминания, свои обиды, которых, действительно, было немало, и вылил всю накипевшую в нем ненависть к англичанам. Он говорил захлебываясь, чуть не с пеной у рта, скороговоркой, и Филиппо совершенно не в состоянии был передать его слова. Баррофальди сначала внимательно прислушивался, надеясь хоть что-нибудь уловить; но он ничего не мог понять, к счастью для Итуэля, который, забываясь, выдавал себя с головой. Наконец, весь этот дикий шум надоел вице-губернатору, и он решил положить ему конец.

— То, что вы говорите, может быть, и справедливо, — заметил он, воспользовавшись минутным перерывом в речи задыхавшегося американца, — но неприлично в устах служащего той нации, которую он так третирует; и не подобает мне, служителю великого герцога Тосканского, союзника англичан, слушать такие речи. Перейдем к другому. Итак, люгер, на котором вы служите, английский?

— Как же, — отвечал Итуэль с язвительной усмешкой, — это очень хорошенькое судно. Это „гернсейский люгер“, — и надо видеть, как он улепетывает, когда проснется и обуется!

— Только моряки могут так выражаться! — засмеялся вице-губернатор. — Они так носятся со своими судами, что почти олицетворяют их. Подумать только — люгер, одевающий сапоги!

Вито-Вити, несмотря на свое итальянское происхождение и звучное имя, совершенно не обладал даром воображения. Он принимал все в буквальном смысле и интересовался одними делами, а потому прелесть выражения американца для него совершенно пропала.

Наступило сначала общее молчание, а затем негромкий разговор между вице-губернатором и градоначальником и отдельно в группе четверых матросов. Итуэль тем временем несколько успокоился и опомнился. В высшей степени находчивый, изобретательный и хитрый человек, когда он бывал настороже, теперь, под влиянием своей беспредельной ненависти к англичанам, он чуть не выдал тайны, которую обязан был усердно хранить.

В это время глаза всех обратились на вице-губернатора, ожидая, пока он заговорит. И, действительно, осведомившись у Бенедетты относительно отдельной комнаты, где бы ему никто не помешал, он встал и, взглядом пригласив американца и Филиппо следовать за собой, вышел с ними и с подестой из комнаты.

Когда они очутились в отдельной комнате, Баррофальди, не теряя ни секунды времени, выложил на стол деньги.

— Вот язык, общий всем нациям, — сказал он. — Не будем даром терять времени, вы меня понимаете, конечно.

— Я вижу золото, — отвечал Итуэль, — и знаю, что его предлагают не даром. Чего же вы от меня хотите? Говорите яснее, я не люблю бродить в потемках. Это против моих правил.

— Вы должны нам сказать правду. Мы подозреваем, что это французский люгер. Дайте нам доказательство, и вы найдете в нас друзей.

Андреа Баррофальди ошибался, думая, что ему удастся подкупить такого человека, как Итуэль. Завзятый плут и мошенник, Итуэль сохранил особую чуткость к поддержанию собственного достоинства и чести, и всякую подачку принимал за личное оскорбление. Не будь его люгер в такой опасности, он бы, не задумываясь, бросил этими деньгами в голову вице-губернатора; но он помнил, чем мог грозить такой поступок. Поэтому с полным самообладанием он отстранил золото и сказал:

— Нет, нет, синьор! Во-первых, мне нечего вам сообщать, а за ничто деньги брать зазорно; во-вторых, капитан имеет полномочия от короля Георга по всей форме, и люгер построен в Гернсее. У нас, в Америке, не берут денег, не имея чего дать в обмен; ведь после этого остается одно — выйти на улицу с протянутой рукой. Если я могу каким-нибудь законным образом услужить, то это другое дело.

Говоря таким образом, Итуэль перебирал пальцами монеты, и Андреа понял его так, будто он только не хочет продать тайны, но тайна есть.

— Оставьте у себя эти деньги, — сказал он. — Мы, итальянцы, не берем назад того, что раз дали. Может, завтра вы вспомните что-нибудь, что найдете возможным сообщить нам.

— Я не нуждаюсь в подарках, да и не в обычае Гранитного штата получать их, — резко возразил Итуэль. — Ничего нет постыднее, чем вымаливать подавание!

После некоторого колебания Андреа Баррофальди спрятал свои деньги. Но его недоверие к американцу нисколько не уменьшилось.

— Скажите мне только одно, синьор Болът, — сказал он после некоторого раздумья, — почему вы остаетесь на службе у англичан, если вы их так ненавидите? Земля велика, вы могли бы найти себе занятия в другом месте.

— Вы меня не знаете, иначе вы бы не задали мне такого вопроса, синьор. Я служу английскому королю, потому что он мне за это хорошо платит. Если вы хотите забрать кого в руки, становитесь его кредито-

ром — это вернейшее средство.

Все это вице-губернатор прекрасно понял и после нескольких вопросов, на которые не получил никакого удовлетворительного ответа, кончил тем, что вежливо простился, сказав Бенедетте, что не было никакой надобности уводить иностранцев в отдельную комнату.

Что касается Итуэля, то, решив после ухода должностных лиц, что, может быть, не совсем безопасно было бы для него продолжать пить, он расплатился с хозяйкой и вышел из каюта со своим товарищем.

Через час он спустил привезенные им контрабандою три бочонка табаку одному из местных купцов, для чего и сходил на берег. Этот личный его доход приобретался без ведома Рауля Ивара, капитана люгера.

ГЛАВА V

Побродив еще с час с градоначальником по набережной, вице-губернатор, наконец, удалился к себе, и результат его долгих размышлений остался неизвестным. Люгер продолжал стоять спокойно на своем месте. Неизвестно также, имели ли второе свидание Рауль Ивар и Джита.

Великолепны бывают утра на побережье Средиземного моря! Ласкающая, ясная тишина предшествует солнечному восходу, нежная окраска неба, словно призывающая нас любить природу, сменяется яркими солнечными лучами. Такое чарующее утро сменило ночь.

С восходом солнца началось движение на люгере, замелькали шляпы матросов, и две фигуры появились около борта, внимательно всматриваясь в еще спящий город. Это был Рауль Ивар и Итуэль Болът. Они говорили между собой по-французски, хотя последний из них совершенно игнорировал при этом все требования грамматики и правила произношения.

— Едва ли стоит заниматься этим австрийским судном, — говорил Рауль, — оно не принесет нам никаких выгод, и его гибель только разорит несколько бедных семейств.

— Вот новый взгляд для корсара, — насмешливо возразил Итуэль. — Посмотреть бы вам на революцию у нас! Уж, конечно, свобода и равенство покупаются не дешевой ценой, жертвы неизбежны. О, будь это английское судно! Как бы я его славно поджег! Вы знаете, Рауль, когда я вынужден был идти против ваших и отказывался, ссылаясь на свои политические убеждения, не позволявшие мне сражаться против республиканцев, мой капитан приказал принести розог и заявил мне, что желает проверить совестливость и деликатность моей кожи, и если она окажется несогласной с его понятиями о моих обязанностях, то он распорядится об увеличении отпускаемого мне наказания. Я должен вам признаться, что он одержал верх, и я бился, как тигр, чтобы избежать вторичной порки! Да, это не шутка!

— Но теперь вы в иных условиях, мой бедный Итуэль; день мщения близок.

Затем воцарилось продолжительное и мрачное молчание. Рауль машинально следил глазами за матросами, занимавшимися мытьем палубы, а Итуэль погрузился в невеселые воспоминания о всех перенесенных им оскорблениях.

Наконец, тяжело вздохнув, Итуэль поднялся и, как бы желая скрыть свое лицо от Рауля, повернулся лицом к входу в бухту. Но едва он взглянул по атому направлению, как сильно вздрогнул и невольно вскрикнул; в тот же миг Рауль был подле его и посмотрел в ту же сторону. Свет восхода дал им возможность различить предмет, представлявший для них немаловажное значение в их настоящем положении.

Когда накануне они выбирали наиболее безопасное для стоянки место, они естественно бросили якорь так, чтобы иметь перед собой свободный выход в море. Благодаря туману, они приняли за островок, который, действительно, должен был находиться здесь неподалеку, что-то темное, смутно выделявшееся своими очертаниями. И вот теперь, к своему ужасу, они определенно различили корабль на месте предполагаемого острова!

На корабле был поднят флаг, но нельзя было разобрать его рисунок. Ивар в свою очередь вскрикнул.

— Хороши мы будем, если это английское судно! Что вы скажете, Итуэль? Различаете вы флаг? Ваши глаза лучше моих.

— Но я тем не менее не знаю глаз, которые видели бы на таком расстоянии. Я принесу трубу.

Через минуту он вернулся с двумя биноклями—для себя и для Ивара.

— Трехцветный флаг! — воскликнул Рауль.

— Посмотрите, Итуэль, какое это судно могло прислать сюда республика?

— Не то, Ивар, — отозвался Итуэль таким странным тоном, что Рауль удивленно посмотрел на него.— Не то, капитан. Нелегко птице забыть клетку, в которой она томилась годами! Это проклятая „Прозерпина“.

— „Прозерпина“! — повторил Рауль, хорошо знакомый со всеми приключениями товарища и не нуждавшийся в дальнейших пояснениях. — Но если вы не ошибаетесь, „Блуждающей Искре“ следует потушить свой фонарь. Я различаю двадцать два отверстия с торчащими из них пушечными жерлами, — столько же, значит, и по другую сторону, и, следовательно, всего сорок четыре.

— Мне незачем подсчитывать число пушек, я знаю, что это „Прозерпина“, фрегат; капитаном там Куф, — да, я все знаю!.. Итак, это „Прозерпина“. От души желаю ей провалиться на дно моря!.. Вполне достаточно одного залпа с нее, чтобы загасить „Блуждающую Искру“!

— Я не сумасшедший, чтобы вступать в бой с фрегатом, Итуэль; но я слишком сжился со

случайностями на море и привык не тревожиться до тех пор, пока опасность не станет очевидною.

— Послушайте, Рауль, и рассудите сами, — с силою заговорил Итуэль. — Ни один французский корабль не выкинет своего флага перед неприятельским городом, — это значило бы обнаружить свои намерения. Но английское судно могло выкинуть французский флаг, потому что вполне в его власти выкинуть вслед за тем другой, а оно может кое-что выиграть этой хитростью. „Прозерпина“ французской конструкции. Да мне ли ее не узнать, когда все ее особенности неизгладимо запечатлелись на моей спине, так что никакой губкой не стереть?!

— Однако, Итуэль, если это английский фрегат, то ему может взбрести на ум зайти в эту гавань и стать возле нас, — проворчал Рауль.

— Что тут делать большому военному судну! Не все так любопытны, как „Блуждающая Искра“.

— И правда, что бы ему делать в этой трущобе? Ну, видно, надо быть ко всему готовым. Но так как он любезно выкинул свой флаг, ответим и мы ему тем же. Эй, выкинуть флаг!

— Который, капитан? — спросил старик рулевой, на обязанности которого было выкидывать флаги и который никогда не смеялся и смотрел всегда исподлобья, — Капитан не забыл, что сюда мы вошли под флагом Джона Буля?

— Ну да, и теперь его же поднимите, — приходится прибегнуть к наглости, раз мы одели на себя маску. Лейтенант, распорядитесь, чтобы все было в порядке и наши носовые платки заготовлены: никто не может сказать, когда понадобится „Блуждающей Искре“ утереть ими свое лицо. Итуэль! Вот он повернулся несколько больше на восток, мы можем его лучше рассмотреть.

Оба снова вооружились биноклями, и воцарилось общее молчание. Итуэль, обыкновенно такой болтливый, становился всегда серьезным и сосредоточенным в исключительных случаях. Раулю тоже было не до разговоров, а матросы подражали американцу, который пригрозил им серьезными последствиями в случае обнаружения их французского происхождения. Они старательно перенимали сдержанные, даже угрюмые манеры англичан, за которых себя выдавали, и упорно молчали, наперекор своему живому характеру. Прошло добрых два часа. Несколько судов подходило близко к „Блуждающей Искре“, но на все вопросы часовые хранили упорное молчание, прикидываясь непонимающими французского языка, на котором к ним обращались.

У Рауля было четверо матросов, разделявших с ним арест в Англии и так же, как и он, немного научившихся этому языку; с ними он высаживался на берег, в случае, если желал скрыть свою национальность. Так и теперь спокойно и тихо сделаны были необходимые приготовления, и Рауль, не торопясь, спустился в шлюпку и направился к городской пристани, где самоуверенно поднялся по знакомой лестнице, оставив гребцов дожидаться своего возвращения. Предупрежденные о том, что за ними могут следить, молодцы с полным самообладанием прохаживались по набережной, заговаривая, насколько умели, по-итальянски с женщинами и продолжая прикидываться непонимающими французского языка, когда к ним обращались опытные моряки, недурно владевшие этим языком: многократный опыт сделал из них хороших актеров.

Итак, они продолжали изображать из себя англичан, в ожидании возвращения Рауля. Молодые девушки подходили к ним, предлагая кто цветы, кто фрукты. Особенно назойлива в этом отношении была Аннунциата, которой Вито-Вити поручил попытаться проникнуть в тайны иностранцев. Но ее старания не увенчались успехом, и, после резкого окрика одного из гребцов, она отошла.

Рауль Ивар, руководимый чутьем или, может быть, имея в виду определенную цель, быстрыми и легкими шагами направился к террасе и поднялся на высокий мыс. Глаза всех прохожих были подозрительно устремлены на него, следили за каждым его движением: с минуты появления фрегата под французским флагом все население было в тревоге и держалось настороже. Вито-Вити уже успел побывать у вице-губернатора, созывавшего затем военный совет для обсуждения могущей грозить опасности. Батареи были снабжены в достаточном количестве снарядами. Но зачем могла понадобиться французам осада такого ничтожного городка, как Порто-Феррайо?

Снова высокий мыс был занят толпою любопытных обоого пола, всех возрастов и положений. Преобладали, по обыкновению, женщины. На одной из террас, прямо против дворца вице-губернатора, как здесь называли занимаемый им дом, сидела городская знать, не сводившая глаз с встревожившего всех французского фрегата. Появление Рауля, о котором за минуту до того была речь, как о человеке подозрительном, несколько смутило почетных горожан, и некоторые из них даже отвернулись, чтобы скрыть невольное выступившую на лице краску.

— Добрый день, синьор Баррофальди, — поклонился ему вежливо и развязно Рауль с присущим ему веселым, жизнерадостным лицом, способным совершенно рассеять малейшее подозрение в его виновности или страхе. — Вы тут на берегу наслаждаетесь прекрасным угром, а там, на воде, появился, повидимому, прекрасный фрегат французской республики.

— Мы как раз сейчас о нем говорили, синьор Смит, — отвечал Андреа. — Можете вы угадать мотивы появления около нашей мирной гавани фрегата такого угрожающего вида?

— Что вам на это сказать, синьор? Вы могли бы меня с тем же успехом спросить относительно многого, не менее поразительного, что проделывает французская республика. Зачем они обезглавили Людовика XVI? К чему прошли половину Италии, завоевали Египет и оттеснили австрийцев к Дунаю?

— Уж не говоря о том, что они дали себя побить Нельсону, — ядовито заметил Вито-Вити.

— Действительно, синьор, зачем они допустили моего храброго соотечественника Нельсона

уничтожить их флот в устьях Нила? Я не желал хвалиться, а потому и не задал сам этого вопроса. У меня на судне несколько человек из тех, что были тогда с Нельсоном; между прочим, наш лейтенант, Итуэль Болът.

— Я видел синьора Болъта, — заметил сухо Баррофальди. — Он американец.

Невольная дрожь охватила Рауля, несмотря на его напускное равнодушие.

— Американец, да, — отвечал он, — но он уроженец английской Америки, и мы считаем его англичанином. Вообще к янки¹⁸ мы относимся как к своим соотечественникам и охотно берем их на нашу службу.

— Совершенно верно; это как раз совпадает с тем, что сообщил синьор Болът. Он, повидимому, очень любит англичан.

Раулю стало не по себе. Он не имел понятия о том, что произошло в кабачке, и ему послышался оттенок иронии в словах вице-губернатора.

— Без сомнения, синьор, — уверенно возразил он, — американцы не могут не любить англичан за все, что те для них сделали. Но я, собственно, пришел сюда предложить вам помощь нашего люгера, в случае если этот фрегат имеет действительно дурные намерения. Наше судно невелико, и наши пушки небольшого калибра, но тем не менее мы могли бы быть вам полезными.

— Какого же рода услугу могли бы вы нам оказать, капитан? — вежливо спросил Баррофальди. — Вы, как моряк, можете дать нам подходящий совет.

— Видите ли, синьор Баррофальди, мне кажется, что если бы ваша славная батарея встретила приближающегося неприятеля, то нам лучше всего будет зайти с противоположной его стороны, чтобы таким образом поставить его между двух огней.

— Это было бы хорошо в том случае, если бы ваши силы были равны. Как вы рискнете выступить против неприятеля, у которого орудий вдвое больше вашего? — заметил полковник. — Но что означает это движение?

Глаза всех обратились на неприятельское судно, которое, к общему удивлению, направилось к дому вице-губернатора и встало почти против него; в то же время убран был французский флаг, и при пушечном выстреле, в знак приветия, поднят был другой, а именно английский.

Общий восторженный крик был ответом, так как теперь разом уничтожились все страхи и сомнения. Никто в эту минуту не помнил о Рауле, которого не на шутку обеспокоили различные соображения.

— Поздравляю вас с прибытием ваших соотечественников, синьор Смит, — обратился к нему Баррофальди, человек миролюбивый и в настоящую минуту очень довольный возможностью провести спокойный день. — Но я непременно сообщу куда следует о любезно предложенной вами помощи.

— О, это совершенно не нужно, — отвечал Рауль, едва сдерживая невольно просившуюся на лицо улыбку. — Напротив, ваши молодцы-артиллеристы, вероятно, сожалеют, что лишены случая показать свое искусство. Но я вижу, что фрегат подает сигналы моему люгеру; надеюсь, что мой лейтенант сумеет ответить в мое отсутствие.

Отсутствие Рауля Ивара на судне оказалось как нельзя более кстати. Фрегат, действительно, был „Прозерпина“, так хорошо знакомая Итуэлю Болъту, а уж, конечно, он был изобретательнее Рауля на наиболее пригодный и хитрый ответ на подаваемые сигналы. И действительно, на поданные сигналы Итуэль отвечал тем, что проворно и без малейшего страха и колебания выкинул наудачу несколько флагов, но так, что они спутались между собой и не было никакой возможности разобрать их.

ГЛАВА VI

Невозможно было узнать, как отнеслись к хитрости Итуэля на фрегате; но так как, повидимому, доброе согласие царило между обоими судами, то и у кителей Порто-Феррайо исчезла всякая тень недоверия к люгеру. Предположение, что французский корсар отвечает на сигналы английского фрегата, было так невероятно, что даже сам Вито-Вити шепнул вице-губернатору, что, по крайней мере, это обстоятельство говорит в пользу искренности капитана люгера. Спокойный вид Рауля, не торопившегося к тому же при приближении фрегата уходить, также не мало способствовал общему успокоению.

— На нашу долю выпала честь принимать разом двоих представителей вашей национальности, синьор Смит, — обратился к нему Баррофальди. — Я надеюсь, что вы не откажетесь сопровождать ко мне вашего соотечественника, так как, повидимому, фрегат намеревается бросить якорь в нашей гавани, и капитан должен будет сделать мне визит. Не можете ли вы разобрать название этого фрегата?

— Если не ошибаюсь, это „Прозерпина“, синьор, — беззаботно отвечал Рауль. — Он был построен во Франции, почему я и принял его за французский, когда они выкинули флаг этой нации.

— Вы, вероятно, также знаете и благородного капитана этого корабля?

— О, прекрасно! Это сын одного старого адмирала, под начальством которого я служил одно время, хотя ни разу не встречался с его сыном. Его зовут сэр Броун.

— Это настоящее английское имя, я встречал его много раз и у Шекспира и у Мильтона, если не ошибаюсь.

¹⁸ Янки – так называли колонистов, переселившихся из метрополии (Англии) в Америку.

— Во многих литературных произведениях, синьор, — поддержал его Рауль без малейшего колебания, — Мильтон, Шекспир, Цицерон — все наши лучшие писатели пользуются этим именем.

— Цицерон? — повторил совершенно озадаченный Андреа. — Но это древний римлянин, и он умер задолго до появления цивилизации в Англии.

Рауль увидал, что хватил через край, однако не растерялся и обнаружил замечательную находчивость.

— Вы совершенно правы относительно вашего Цицерона, синьор, но дело в том, что я говорю о нашем Цицероне, моем соотечественнике, умершем меньше чем сто лет тому назад. Он родом из Девоншира (место, где проживал Рауль все время своего ареста), а умер в Дублине.

На это Андреа не нашел никакого возражения. Его только неприятно поразило такое присвоение англичанами знаменитого итальянского имени; но он объяснил это историческими условиями и поспешил включить в свою объемистую коллекцию заметок это новое сведение, собираясь при первой возможности навести более обстоятельные справки об этом неведомом ему до сих пор светиле. Затем он отправился к себе, еще раз выразив Раулю твердое желание видеть его у себя вместе с сэром Броуном через какие-нибудь два часа.

Толпа понемногу разошлась, и Рауль остался один в далеко не веселом раздумьи.

Городок Порто-Феррайо так основательно скрывается за скалой, у подножия которой он расположен, так защищен своими укреплениями и самым расположением своей маленькой гавани, что приближение судна совершенно незаметно населению, если любопытствующие не поднимутся на высокий мыс. На этом-то возвышении все еще блуждали наиболее жадные до зрелищ, и Рауль в своей изящной морской форме, — не без рисовки, так как он прекрасно знал все внешние преимущества, которыми его наделила природа, — пробирался среди этой праздной толпы, зорко присматриваясь к каждому хорошенькому женскому личику. Он нетерпеливо отыскивал Джиту, ради которой рискнул на свое опасное предприятие.

Он прошел уже из конца в конец все обычное место прогулок и колебался, вернуться ли опять поискать ее здесь или спуститься в город, когда его окликнул знакомый голос; он быстро обернулся и увидел Джиту.

— Поклонитесь мне холодно и как посторонний, — шепнула она ему торопливо, тяжело дыша, — и сделайте вид, что вы спрашиваете меня о расположении улиц. Здесь мы виделись прошлой ночью, но теперь день, не забудьте этого.

Рауль исполнил ее указания, и каждый видевший, но не слышавший их разговора, не мог не принять их встречи за совершенно случайную. Между тем, он говорил ей слова любви и восхищения.

— Довольно, Рауль, перестаньте, — останавливала она его, невольно краснея и опуская глаза, хотя уже никак нельзя было прочесть неудовольствия в ее нежных мягких чертах. — Не время теперь, в другой раз вы мне повторите все это. Знаете ли вы, что ваше положение значительно ухудшилось со вчерашнего вечера? Вчера опасность можно было ожидать только со стороны нашего города, а теперь прибытие этого фрегата, английский, как мне сказали, много ухудшает дело.

— Несомненно! Это „Прозерпина“, как сообщил Итуэль, а он в этом уверен. Помните вы Итуэля, дорогая Джита? Того американца, что сидел вместе со мной в заключении? Он служил раньше на этом фрегате, капитан которого сэр Броун.

При этом Рауль расхохотался, к крайнему удивлению Джиты.

— Не понимаю, Рауль, что вы можете находить забавного во всем этом? Этот сэр Броун упрячет вас в одну из тех пловучих тюрем, о которых вы мне столько говорили, а эта перспектива далеко не из приятных.

— Полно, полно, дорогая! Сэр Броун, или там сэр Блэк, или сэр Грин¹⁹, но они еще не поймали меня. Я не ребенок, чтобы полезть в огонь, раз меня не водят больше на помочах. „Блуждающая Искра“ светится или гаснет, смотря по обстоятельствам. Десять шансов против одного, что этот фрегат войдет в гавань, чтобы ближе познакомиться с городом, а затем отправится в Ливорно, где уж, конечно, офицерам будет повеселее, чем в Порто-феррайо. У этого сэра Броуна, наверно, так же есть своя Джита, как и у Рауля Ивара.

— Нет, у него нет Джиты, Рауль, — отвечала она, невольно улыбаясь, тогда как румянец еще гуще залил ее щеки, — в Ливорно мало простушек, выросших в уединенной башне на морском берегу, как я.

— Джита, — возразил Рауль с глубоким чувством, — многие из римлян и неаполитанок могли бы позавидовать этой одинокой башне, которая помогла вам сохранить вашу непосредственность. Такая жемчужина редко встречается в больших городах, а если и бывает, то скоро теряет свою первоначальную красоту, потому что ее грязнят.

— Что вы знаете о Риме, Неаполе, дамах и жемчужинах, Рауль? — улыбаясь против воли, заметила Джита, и вся нежность, переполнявшая ее сердце, вылилась в том взгляде, который она бросила на него.

— Мне ли не знать, Джита! Я был в обоих этих городах и хорошо знаю то, о чем говорю.

— Слышите? Что это значит? — воскликнула Джита.

— Выстрелы с фрегата! Я должен узнать, в чем дело. Когда и где мы увидимся?

— Не знаю, но теперь мы слишком долго были вместе, нам давно пора разойтись. Доверьтесь мне, я найду средство увидеться. Во всяком случае, мы не замедлим воротиться в нашу башню.

Джита убежала, договаривая последние слова, и скоро Рауль потерял ее из виду; она скрылась в городских улицах. С минуту молодой моряк колебался, желая последовать за нею, но раздумал и поспешил на террасу, представлявшую наилучший наблюдательный пункт. Туда успела вновь набраться толпа, в которую он и вмешался.

¹⁹ Игра слов: сэр Коричневый, сэр Черный, сэр Зеленый.

„Прозерпина“, как совершенно верно признал Итуэль Болът, находилась уже на расстоянии одной мили от входа в бухту и, видимо, не удовлетворенная малопонятными ответами люгера на свои сигналы, желала добиться чего-нибудь более определенного. Это было совершенно ясно для Рауля, внимательно и с пониманием дела следившего за всеми действиями фрегата. У Рауля захватывало дыхание; он напряженно следил за тем, что собирался теперь предпринять его люгер.

Итуэль не торопился. Прошло несколько минут, прежде чем с люгера ответили условными знаками на сигнальные вопросы фрегата. Ответ Итуэля был совершенно непонятен Раулю, который получил от французского правительства лист сигнальных знаков для сношения с военными судами своей родной страны, но не знал, конечно, тех, при помощи которых можно было переговариваться с неприятелем. И тут его выручил Итуэль: в бытность на английской службе он присутствовал как-то при встрече „Прозерпины“ с одним английским люгером-корсаром и, благодаря свойственной ему наблюдательности, заметил и запомнил те флаги, которыми люгер отвечал фрегату. Теперь ему пришлось применить к делу свои знания, а в случае каких-нибудь ошибок он рассчитывал на то, что с корсара не станут требовать больших знаний и точности в употреблении сигналов.

Так и случилось: сбивчивость ответов отнесена была к невежеству, а не к дурным намерениям.

Между тем фрегат все шел вперед, и нельзя было решить, хочет ли он бросить якорь в бухте или собирается ближе осмотреть люгер.

Рауль Ивар решил, что наступила пора самому позаботиться о безопасности „Блуждающей Искры“. Он, конечно, сделал распоряжения на случай допроса фрегата, уезжая на берег; но теперь дело начинало принимать слишком серьезный оборот, и Рауль поспешил спуститься с горы. Крупно шагая, он наткнулся на Вито-Вити, отдававшего надлежащие приказания относительно встречи гостей.

— Вам, кажется, предстоит приятная встреча с вашим достойным соотечественником, капитаном Броуном, так как судя по всему, фрегат собирается бросить якорь в нашей бухте, — обратился к нему подеста, еще не успевший отдышаться после крутого спуска с горы.

— Говоря откровенно, синьор градоначальник, я и в половину теперь не так уверен, что это „Прозерпина“ с капитаном Броуном. Наоборот, я замечаю некоторые признаки, заставляющие меня предполагать, что это крейсер французской республики, и я считаю себя обязанным поспешить на мой маленький люгер.

— К чорту бы провалиться всем этим республиканцам! Но трудно поверить, чтобы такое прекрасное судно принадлежало этим негодным.

— О, что до этого, — засмеялся Рауль, — то нам ничего не стоит перещеголять их в этом отношении. Лучшие суда Великобритании — это призы, взятые нами у французов. Сама „Прозерпина“, если это она, того же происхождения. Но я нахожу, что вице-губернатор слишком поторопился успокоиться — это судно ве отвечает на наши сигналы, оно их не понимает.

Рауль был ближе к истине, чем он сам думал, так как, действительно, капитан Куф не мог разобрать ответов Итуэля. Наружная искренность Рауля возбудила доверие Вито-Вити, и он обратился к нему за советом, как поступить при настоящих затруднительных обстоятельствах.

— Нам надо сделать единственное, что возможно, — отвечал Рауль с полным самообладанием. — На моей ответственности лежит безопасность моего люгера; вы обязаны позаботиться о спокойствии города. Поэтому я должен поспешить на свое судно, и, может быть, мне даже удастся оказать вам некоторое содействие в том случае, если неприятельский фрегат действительно войдет в вашу гавань.

Все это было сказано самым искренним тоном, совершенно покоровшим подесту. Он немедленно отправил человека к вице-губернатору, а сам вместе с Раулем спустился к пристани.

Подеста был человеком несдержанным. Он громко высказывал все свои сомнения относительно фрегата, и чем менее оставалось в нем доверия к атому судну, тем сильнее и крепче росла в нем вера в капитана маленького люгера. Он почти мгновенно проникся совершенно противоположными убеждениями и, как это всегда бывает при таком внутреннем перевороте, усиленно старался загладить свое прежнее недоверие. Подчиняясь его настроению, и общее мнение также склонилось в пользу Рауля, что было как нельзя более на руку „Блуждающей Искре“ с ее экипажем. Не подоспей подеста со своими горячими заявлениями полного доверия и расположения, Томазо со своими друзьями уже совсем готов был признать четверых гребцов Ивара за волков в овечьей шкуре, то-есть за французов.

— Нет, нет, друзья мои, — говорил Вито-Вити, переходя от одной группы к другой, — не все то золото, что блестит, и всего скорее этот фрегат и есть наш самый опасный враг, а люгер за нас: синьор Смит показал нам свои бумаги, он много рассказывал нам об обычаях и нравах своей родины, об ее литературе; синьору Смицу мы вполне верим и даже, как увидите, будем ему, может быть, обязаны за поддержку в минуту опасности.

— Совершенно верно, синьор градоначальник, — отозвался Рауль, уже сидя в своей шлюпке, — а потому я и должен поспешить к своим, чтобы быть наготове в случае какой-либо для вас опасности.

Посылая рукою прощальное приветствие городу, Рауль быстро удалился от него при нескольких восторженных криках „эввива“.

Взойдя на палубу люгера, он лично убедился, что все его распоряжения были в точности исполнены. Тонкий канат привязывал люгер к кольцу на берегу, и в то же время якорь сидел только слегка, готовый уступить малейшему усилию. Едва капитан ступил на палубу своего люгера, как последний снялся с якоря и

подрезал канат, что дало ему сильный толчок и заставило почти врезаться в береговую насыпь. Обманув этим движением собравшуюся на пристани толпу, уже кричавшую ему радостное приветствие, „Блуждающая Искра“ быстро понеслась в открытое море. Эта перемена направления движения была так неожиданна, что жители Порто-Феррайо вместе с градоначальником приняли его в первое мгновение за неудачу, за ошибку, и раздали уже горестные соболезнования по поводу опасности, грозившей теперь маленькому люгеру со стороны фрегата.

Фрегат в первое мгновение также введенный в обман хитростью „Блуждающей Искры“, понял теперь ее настоящее намерение. Стрелять в нее уже не было возможности, так как при поразительной легкости и быстроте своего хода она уже перешла расстояние, доступное для успешной стрельбы; предстояла так называемая длинная охота, то-есть погоня.

Все это продолжалось не более каких-нибудь десяти минут, но тем не менее Андреа Баррофальди и его советники успели подняться на верхнюю террасу мыса как раз в ту минуту, когда его обходил люгер; Рауль стоял на палубе с рупором в руках. Но ветер был не сильный, и он, не прибегая к трубе, громко и ясно произнес:

— Синьоры, я увожу далеко от вашего порта этого негодного республиканца, пусть он за мною погоняется. Это лучший способ оказать вам услугу.

Эти слова были услышаны и поняты. Часть присутствующих ответила на них рукоплесканиями, другие отнеслись недоверчиво, находя дело темным.

Между тем люгер, встретив более крепкий ветер, понесся с невероятной быстротой и скоро совершенно скрылся из виду, повернув в одну из следующих бухт.

„Прозерпина“ также не оставалась в бездействии. Едва стало очевидным бегство маленького люгера, как на фрегате все пришло в движение: паруса, как белые облака, окутали его мачты сверху донизу, и он также понесся вслед за удалявшейся „Блуждающей Искрой“.

Двадцать минут спустя после того, как люгер пронесся под высоким мысом в виду еще не успевшей разойтись толпы, показался фрегат. Возникло сомнение, не следует ли наказать выстрелами дерзость осмелившегося подойти так близко неприятеля; но на фрегате снова развевался английский флаг, внушавший страх и почтение, и бедные горожане не знали, за кого же им принять в конце концов это военное судно. Ничто на палубе фрегата не давало ключа к разгадке этой задачи. Поэтому мнения разделились, и, как всегда в таких случаях, было очень трудно на каком-нибудь остановиться. Одно было ясно, что, в случае, если даже это был французский фрегат, в его намерения не входило причинить какой-нибудь вред городу, а потому большинством голосов решено было не начинать перестрелки.

Через десять минут скрылась из виду и „Прозерпина“, которая, завернув в ту же бухту, куда направилась „Блуждающая Искра“, увидела ее перед собой на расстоянии доброй мили, так что удача преследования становилась более чем сомнительной. Тем не менее фрегат не оставлял своего намерения, и одно время ему удалось даже немного сократить расстояние, хотя вслед за тем пришлось убедиться в несомненной недостижимости цели; люгер, точно пользуясь случаем выказывать все свои достоинства, кокетничал и рисовался легкостью, грацией и быстротой — он подвигался на шесть саженей, в то время как фрегат уходил на пять.

Капитан Куф сознавал всю безнадежность погони: к тому же он не был уверен, неприятельское ли это судно, хотя его ответы на сигналы с фрегата были очень подозрительны, но между тем он уходил из дружеского порта.

Но вот люгер подошел на расстояние почти нескольких часов к восточному берегу Корсики²⁰, изобилующему бухточками, в которых ничего не стоило скрыться такому маленькому судну. Тогда опытный капитан направился к северу, как бы пробираясь к Ливорно или к Генуэзскому заливу. Заметив перемену направления фрегата, люгер, прикрытый западным выступом острова Эльбы, совершенно скрылся из виду, собираясь, повидимому, обогнуть этот остров.

Эта погоня двух судов естественно сильно заинтересовала население городка Порто-Феррайо, являясь целым событием в их монотонной жизни. Несколько любопытных верхами на лошадях, перебираясь с одной возвышенности на другую, проследили это занимательное состязание и привезли в город известие о его результате. Теперь, хотя были еще сомневающиеся люди, но большинство примкнуло к мнению градоначальника — горячего защитника Рауля. Он не поспешил на яркие краски, а заключил свою речь выражением полнейшей уверенности, что на острове Гернсее, население которого было смешанного происхождения, именно и должны были строиться суда такого рода для того, чтобы им было удобнее и безопаснее крейсировать в виду своих соседей - французов.

Посреди всеобщих предположений, догадок, сомнений и опасений одно только лицо молча переживало самые разнообразнейшие, быстро сменявшие одно другое впечатления. Джита то радовалась, то испытывала чувство тоски и страха, то надеялась, то впадала в полное отчаяние. Ей незачем было высказывать какие-нибудь догадки, поддерживать чьи-нибудь мнения, делать предположения. Она внимательно прислушивалась ко всему, что говорилось около нее, и радовалась тому, что ее свидания с молодым корсаром прошли незамеченными. Наконец все ее тревоги миновали, и осталось одно лишь чувство нежного сожаления, когда вернувшиеся всадники сообщили, что фрегат направился к северу, а люгер, повидимому, желал пристать к

²⁰ Корсика – французский остров (и департамент) на Средиземном море, к северу от острова Сардинии.

корсиканскому берегу, — очевидно, с целью повредить торговле этого враждебного острова.

ГЛАВА VII

Таково было положение дел в Порто-Феррайо в полдень, в час, когда его обыватели предаются послеобеденному отдыху. Но перед наступлением вечера, когда подул свежий ветер с моря, и жители снова высыпали на улицы для вечерней прогулки, внезапно пронесся слух, все более и более подкреплявшийся, что люгер „Крыло и Крыло“ вновь подплывает к порту с поразительной скоростью, легкостью и уверенностью, как испытанный друг. Это известие с быстротой молнии переходило из уст в уста. Давно не случалось столько одновременных событий в этом мирном местечке. Мужчины, женщины и дети—все бросились на террасу, желая своими глазами убедиться в действительности этого сообщения. Престарелые, слабые и калеки напрасно зывали о помощи, в которой им до сих пор не отказывали; теперь от них убегали, как от зачумленных, предоставляя им карабкаться на террасу, как им угодно. Даже матери, тащившие за собою малых ребятшек, бросали их на полдороге. Словом, была полная сумятица, возбуждавшая и смех и пересуды, но, в сущности, совершенно естественная.

Не прошло и десяти минут с момента распространения этой последней новости, как наверху террасы собралось уже до двух тысяч человек, в числе которых находился Томазо-Тонти, Джита и другие, уже известные нам лица. Повторился буквально вчерашний вечер, только с еще большим количеством любопытных.

Действительно, люгер приближался на всех парусах, как лебедь, плывущий к своему гнезду. Английский флаг торжественно развевался наверху реи, а по ходу судна было очевидно, что ему прекрасно известен берег и что он не ожидает никакой опасности. С полным доверием проходил он чуть не под дулами орудий местной батареи, и такую смелость можно было объяснить не иначе, как его признанным положением друга.

— Заметьте, синьор Андреа, — с торжественным видом обратился Вито-Вити к вице-губернатору, — ни одно из этих негодных республиканских судов никогда не осмелилось бы подойти таким образом к Порто-Феррайо, зная, с кем ему придется иметь здесь дело. Ведь это значило бы сунуть голову в львиную пасть!

— Вы поразительно переменили ваше мнение на этот счет, сосед Вити, — несколько сухо возразил ему вице-губернатор, в душе которого остался некоторый осадок недоверия к Раулю после его промаха с Цицероном и других неточностей. — Начальники города должны быть осторожны и сдержанны.

— Пусть заявится человек более благоразумный и осмотрительный, чем бедный подеста города Порто-Феррайо, и пусть он это докажет. Я не признаю себя самым праздным и невежественным человеком во владениях великого герцога. Могут оказаться более ученые, как вы, например, ваше сиятельство, но вы не встретите человека более ревностного и преданного своему долгу.

— Я в этом не сомневаюсь, сосед Вити, — добродушно улыбнулся ему Баррофальди. — Я всегда принимал к сведению ваши советы и пользовался вашей помощью. Но желал бы я узнать что-нибудь об этом Цицероне. Признаюсь, я употребил все свое послеобеденное время сегодня на розыски в разных книгах, желая отыскать хотя бы малейший намек на это имя.

— И вы не нашли подтверждения того, что он вам сказал?

— Мало того, я не нашел даже нигде этого имени. Правда, там называют английскими Цицеронами лучших ораторов, но это только в виде похвалы, как это делают и другие нации.

— Но согласитесь сами, вице-губернатор, что было бы прямо преступлением подозревать людей, выказывающих нам такое полное доверие.

— Да, вы, пожалуй, правы, Вито-Вити; несомненно, что „Крыло и Крыло“ намеревается вторично бросить якорь в нашей бухте, а на это едва ли бы решилось враждебное судно. Распорядитесь же соблюдением всех необходимых формальностей.

Толпа уже начала спускаться с горы, чтобы посмотреть, как будет люгер входить в гавань. Градоначальник поспешил встретить сэра Смита, едва только дослушал распоряжения вице-губернатора. Андреа Баррофальди счел более для себя приличным остаться там, где он был, и ожидать прихода воображаемого английского офицера. Джита также осталась наверху. Сердце ее билось от тревоги при мысли о тех опасностях, которым подвергал себя дорогой для нее человек из любви к ней, и ее нежность к нему росла.

Джита с Башни, как ее называли знавшие ее, или Джита Караччиоли (таково было ее настоящее имя), с детства осталась сиротой. Благодаря этому обстоятельству она приобрела силу характера и твердую веру в себя. Воспитывали ее тетка и дядя, удалившийся от света и весь ушедший в свою внутреннюю жизнь.

Привитая с детства правдивость не позволяла Джите одобрить уловку, прибегнув к которой, Рауль получил возможность посетить ее; но, уступая чувству чисто женской нежности, она извиняла ее. Она ужасалась при мысли о тех хитростях и той лжи, которые являлись для Рауля неизбежными спасительными ширмами; ежеминутно трепетала она, ожидая возможной вспышки, могущей повлечь за собою пролитие человеческой крови; и в то же время она была глубоко тронута самопожертвованием любимого человека ради нее.

Они были до крайности несхожи по своим убеждениям, верованиям и привязанностям, и рассудок ей давно говорил, что Рауль Ивар и Джита Караччиоли должны быть чужими друг для друга; но сердце ее шептало ей совсем другое. Настоящий случай как раз обострил эту постоянно происходившую в ней борьбу, и,

оставшись на высоте, она погрузилась в глубокое раздумье. На ее глаза беспрестанно набегали слезы.

В планы Рауля вовсе не входило поместить свое судно так близко к населенному городу. Вместо того, чтобы войти в самую гавань и здесь искать защиты от всякого республиканского крейсера, он, наперекор общему ожиданию, снова бросил якорь приблизительно там же, где стоял раньше. Рауль спустился в шлюпку и подъехал налегке к пристани.

— Э, синьор капитан! — дружески приветствовал его Вито-Вити, едва только он ступил на берег. — Мы вас здесь ждем, чтобы, так сказать, принять вас в свои объятия. Славно вы провели этих санкюлотов²¹. Англичане — великая нация! Мне вице-губернатор порассказал кое-что про ваших соотечественников.

Рауль великодушно принял все комплименты, расточаемые градоначальником, снисходительно пожал ему руку, разыграв как нельзя лучше роль великого человека, с детства привыкшего к фимиаму. Как и подобало его положению, он немедленно заявил, что желает сейчас же отправиться к начальнику острова.

— Король Георг, — говорил он, идя рядом с Вито-Вити по направлению к дому вице-губернатора, — особенно настаивает на том, чтобы мы немедленно являлись к начальникам посещаемых нами мест. Еще когда я видел его в последний раз, он сказал мне: „Смит, вы нисколько не уроните своего достоинства, если будете соблюдать правила вежливости“.

— Вы счастливы, имея короля с такими взглядами; и счастливы вдвойне вашей близостью к нему.

— О, что до этого, то все моряки пользуются особым его расположением, а на нас, капитанов, он прямо смотрит как на своих детей. „Заходите ко мне во дворец, дорогой Смит, — говорил он мне, — каждый раз, когда вы будете приезжать в Лондон; вы всегда во мне найдете отца“. Вы, конечно, знаете, что один из его сыновей служит в морской службе? Еще недавно он был таким же капитаном, как и я.

— Ой, ой! Сын такого великого короля? Признаюсь вам, я ничего этого не знал, синьор.

— В Англии существует закон, в силу которого король обязан по крайней мере одного из своих сыновей отдавать в морскую службу.

Рауль с увлечением играл свою роль, но вследствие своей необузданной фантазии и отчаянной смелости он рисковал перейти границу вероятного и навлечь на себя неприятности. Беседа с градоначальником — круглым невеждой и поклонником всего необычайного — не могла ему грозить никакой опасностью, а подеста был счастлив, что говорит с человеком, удостоившимся личной беседы с королем. Он не мог удержаться от желания вслух высказать нахлынувшие на него мысли:

— Разве не величайшее счастье служить такому королю и даже умереть за него!

— Я еще не испытал этого последнего счастья, — невиннейшим образом отвечал Рауль. — Но как вы думаете, синьор подеста, ведь люди, жертвующие своею жизнью на военной службе, должны быть причтены к лику святых? Не правда ли?

— Это переполнило бы календари, синьор, в настоящее военное время; но я согласен с вами, если сделать исключение в пользу генералов и других высокопоставленных лиц. Таким образом, французы-республиканцы естественно лишаются этой чести.

— О, это все каналы, от первого до последнего! А скажите, синьор Вито-Вити, много позабавила город сегодняшняя гонка?

Градоначальник воспользовался этим вопросом, чтобы рассказать Раулю все перенесенные им ощущения, тревоги и восторги.

Они подошли к террасе, по которой нетерпеливо прохаживался Андреа Баррофальди.

Он встретил Рауля вежливо и без малейшей тени недоверия, но гораздо холоднее, нежели Вито-Вити.

— Я являюсь к вам, синьор вице-губернатор, — заговорил капитан люгера-корсара, — по непременному приказанию моего короля; являюсь, чтобы почтительно заявить вам о моем вторичном прибытии во вверенные вам владения, хотя мое отсутствие после первого моего визита к вам и не было столь продолжительным, как, положим, путешествие в восточную Индию.

— Как ни кратко временно было ваше путешествие, синьор, но мы сожалели о вашем отъезде — тем более, что вы только что перед тем заявили себя таким искусным моряком. Очень рады вас снова увидеть и надеемся, что так же, как и ваш английский Цицерон, вы доставите нам в этот второй приезд еще большее удовольствие, чем в первый.

Рауль не мог сдержать улыбки и легкой краски, выступившей у него на лице; но он поторопился принять на себя вид человека, поглощенного очень серьезными размышлениями. Затем он сказал, обращаясь к вице-губернатору:

— С позволения синьора градоначальника, я попросил бы у вас, синьор вице-губернатор, уделить мне две минуты для частного разговора.

Вито-Вити немедленно отошел, а Рауль продолжал:

— Я вижу, синьор, что вы не забыли моего маленького хвастовства Цицероном. Вот видите ли, я не получил серьезного научного образования, и, стесняясь своего невежества перед вами, таким высокообразованным человеком, я невольно, чтобы замаскировать свое незнание, слишком не поскупился на громкие и, к сожалению, мало известные мне имена. Ваша доброта дает мне необходимую храбрость сознаться перед вами в этой моей, согласитесь, все-таки довольно невинной выходке.

— Так вы признаете, синьор, что между англичанами не было Цицерона?

²¹Санкюлоты—буквально бесштанники, так назывались левые якобинцы в период Великой французской революции.

— Любовь к истине заставляет меня сознаться, что я никогда о таком английском писателе не слыхал.

— О, мне теперь совершенно понятно ваше поведение, синьор Смит, — возразил вице-губернатор, довольный собой не менее самого подесты. — Тяжело, должно быть, для тонко чувствующей натуры сознание своего невежества. Но вы еще так молоды, и это дело поправимое. Пожалуйста, если вам случится на более продолжительные сроки заезжать к нам, я всегда к вашим услугам; я горжусь тем, что могу быть полезен в этом отношении... Ну, если в Англии и не было Цицерона по имени, то немало их было по силе таланта!.. А при ваших способностях вы можете далеко пойти.

Рауль поблагодарил за любезность, и с этой минуты между ними установились наилучшие отношения.

Губернатор пригласил Рауля зайти к нему в дом. Так как еще не стемнело, и, следовательно, еще рано было думать о свидании с Джитой, то Рауль охотно согласился, но предварительно подошел к краю террасы, чтобы еще раз внимательно осмотреть берег. Вице-губернатор воспользовался этой минутой и сообщил Вито-Вити, что Рауль очень мило отказался от своего Цицерона и что хотя, к сожалению, он не получил серьезного образования в детстве, но при его способностях может еще достигнуть многого. Подеста был в восторге, что его друг разделяет его симпатию к иностранцу. Между тем, Баррофальди поручил ему напомнить сэру Смицу о его обещании зайти, так как желал немедленно же показать ему некоторые книги, необходимые для его самообразования.

Рауль продолжал всматриваться в море. Он видел два-три небольших береговых судна, не рисковавших пуститься в открытое море, чтобы не наткнуться на разьежающих корсаров или враждебных французов. Эти суда могли представить собою недурную добычу, но к чести Рауля надо сказать, что он не имел обыкновения нападать на суда этого типа. Но вот он заметил фелуку, с севера огибавшую мыс, и он решил завести с нею переговоры, как только вернется на свой люгер, с целью узнать, не повстречалась ли она с фрегатом. В ту самую минуту, как он остановился на этом решении, к нему подошел градоначальник с напоминанием о приглашении вице-губернатора, и они пошли в дом.

Нет надобности подробно передавать весь разговор в доме вице-губернатора. Прикрываясь невежеством более, чем это было на самом деле, Рауль нашел свою роль значительно облегченной и в то же время много выиграл в расположении Баррофальди. Увлекаясь своим стремлением просветить даровитого молодого человека, Андреа замучил его, совершенно этого не подозревая, и когда, наконец, пообещал ему составить к завтраку на следующий день полный список необходимых для него книг, то Рауль ухватился за возможность наконец раскланяться и ушел, изъявив горячую благодарность, но проклиная в душе все ученые книги и длинные толкования по поводу их.

Он облегченно вздохнул, выйдя на воздух. Ночь уже наступила, и он направился к обычному месту прогулок. На террасе было пусто, за исключением двух-трех запоздавших любителей вечерних прогулок. Вскоре он заметил перед собой женскую фигуру, удалявшуюся в более уединенную часть площадки. Он поспешил к ней и скоро узнал именно ту, которую искал, и которая, очевидно, ждала его.

— Рауль, — произнесла Джита с упреком, — как можете вы так отчаянно рисковать? После того, как вам удалось благополучно уйти из нашего порта, зачем было возвращаться?

— Вы знаете, зачем, Джита, — к чему спрашиваете? А ведь ловко я вывернулся утром, не правда ли? Ну, и провел же я этого здешнего вице-губернатора; знаете, Джита, я иногда думаю, что пошел не по своей дороге, что я рожден быть дипломатом.

— Почему же именно дипломатом, Рауль? Вы слишком честный человек, чтобы долго обманывать, хотя и способны на это в случаях, подобных настоящему, и когда вам нет иного выхода.

— Ну, все равно, — предоставим разбираться в разных вопросах Андреа Баррофальди и Вито-Вити, а теперь поговорим о нашем деле, потому что ведь не может „Блуждающая Искра" вечно украшать бухту Порто-Феррайо!

— Это правда, и я сама шла сюда, чтобы сказать вам это. Мой дядя приехал и хочет ехать в Башню с первой фелукой, какую найдет.

— Вот оно что! Мой люгер заменит для вас фелуку, и мы можем отправиться хоть сегодня ночью. Моя каюта будет в вашем полном распоряжении.

Джита ожидала это предложение и заранее взвесила его. Ей не подумало было ехать на копре, капитан которого был ее счастливым избранником, она находила это не особенно удобным; но, с другой стороны, до Башни было всего несколько часов езды и к тому же таким способом она вводила любимого человека от могущей ожидать его серьезной опасности, она как бы спасала его, а что значили все досужие сплетни кумушек в виду такой важной цели для любящего сердца девушки. Итак, она решила принять предложение.

— Если мой дядя и я примем ваше любезное предложение, Рауль, как скоро можете вы нас увезти? Мы слишком долго отсутствовали, дольше чем предполагали и чем имели право.

— Через час, если поднимется ветер. Но вы видите, Джита, совсем стихло, весь воздух Италии уснул. Поверьте, что мы тронемся при первой возможности; в крайнем случае, прибегнем даже к веслам.

— Так я повидаясь с дядей и скажу ему, что есть судно, готовое к отплытию, и что мы хорошо сделаем, если им воспользуемся. Не странно ли, Рауль, что он совершенно не подозревает о том, что вы стоите здесь в бухте? С каждым днем он все менее и менее замечает, что происходит около него, и я уверена, — редко вспоминает о том, что вы управляете неприятельским судном.

— Пусть он только верит мне! Ему никогда не придется разочароваться.

— Мы оба в этом не сомневаемся, Рауль. Ваш благородный поступок относительно нас, когда вы

спасли нас от алжирского корсара, почти год тому назад, навсегда соединил вас с нами. Теперь нам надо условиться о месте и времени свидания, а уж я позабочусь о том, чтобы дядя был готов к отплытию.

Рауль с Джитой обсудили все необходимые подробности отъезда. Они условились встретиться за городом недалеко от кабачка Бенедетты. Когда все было решено, Джита нашла, что пора проститься. Рауль не удерживал ее, надеясь встретиться снова через час.

Оставшись один, Рауль вспомнил, что Итуэль и Филиппо были, по всей вероятности, на берегу, как они это всегда делали, так как Болът согласился служить под его командой только с условием свободно высаживаться на берег каждый раз, как они бросали якорь. И надо сказать правду, Итуэль Болът сильно злоупотреблял этим правом, пользуясь им для своих контрабандных торговых сделок. Он поражал своей неосторожностью в этих делах, и Рауль, сам лично не сочувствовавший этого рода занятию, не боялся какой-нибудь неосторожности с его стороны. Однако, надо было забрать с собой этих двоих людей, иначе им приходилось оставаться на произвол судьбы. Случайно помня название кабачка, Рауль вошел туда и, действительно, застал Итуэля и Филиппо за хорошим вином Бенедетты. Тут же были Томазо и его приятели. Никому не могло показаться странным, что капитан люгера зашел сюда выпить стакан вина, а потому он сел к столу и спросил вина. Но из разговора Томазо с его приятелями Ивар понял, что насколько ему удалось пустить пыли в глаза вице-губернатору и градоначальнику, настолько здесь склонны были принять и его с его люгером, и удалившийся фрегат как раз за то, чем они были на самом деле: опытные старые моряки не дали в обман. Это открытие менее бы его тревожило, если бы не условие, заключенное сейчас с Джитой. Но он допил свое вино с самым беззаботным видом и ушел из кабачка, уводя с собою обоих товарищей.

ГЛАВА VIII

Наступила ночь, когда Рауль вышел из дома вице-губернатора, оставив Андреа Баррофальди в обществе Вито-Вити. Едва за ним затворилась дверь, как Баррофальди, польщенный признанием своей начитанности, обратился к Вито-Вити со следующими словами:

— Легко заметить, сосед Вити, что этот молодой англичанин высокого происхождения, несмотря на недостаток образования. Его наружность и манеры... Что тебе нужно?

Эти последние слова относились к слуге, который вошел в комнату с какой-то запиской.

— Там, в передней, какой-то человек пришел, просит, чтобы вы его приняли, синьор Андреа, — ответил слуга. — Он тут написал свое имя.

Вице-губернатор взял у него клочок бумажки и громко прочел: Эдвард Гриффин, офицер английского флота.

— А, этот офицер с какими-нибудь вестями с „Крыла и Крыла“, друг Вити. Я рад, что вы еще не ушли, мы его вместе послушаем. Введите лейтенанта, Пиетро.

Для человека опытного достаточно было бы одного взгляда, чтобы признать пришедшего за англичанина. Это был молодой человек лет двадцати двух-трех, круглолицый, румяный и добродушный с виду, в форменном платье, со всеми характерными особенностями своего общественного положения и национальности. Он прекрасно владел итальянским языком, почему и был выбран для исполнения данного поручения. После поклона вице-губернатору, он подал ему лист пергамента.

— Если вы знаете английский язык, синьор, вы из этой бумаги увидите, что я, действительно, тот, за кого себя выдаю.

— Без сомнения, синьор лейтенант, вы принадлежите к экипажу „Крыла и Крыла“ и служите под начальством сэра Смита?

Молодой человек казался крайне удивленным и даже едва удержался от смеха, так как во-время взвесил все неприличие подобного поведения.

— Я служу на судне английского короля, синьор, и оно называется „Прозерпиной“; я не понимаю, о каком „Крыле и Крыле“ вы говорите, — сухо отвечал моряк. — Капитан Куф, командир того фрегата, который стоял в виду вашей гавани сегодня утром, послал меня на пришедшей сюда сейчас фелуке сообщить вам результат нашей утренней погони за люгером; но я увидел его спокойно бросившим снова якорь в вашей бухте. „Прозерпина“ завтра будет здесь, чтобы захватить меня и получить сведения о люгере.

Андреа Баррофальди и Вито-Вити широко открытыми глазами смотрели друг на друга.

— И вы ничего не знаете о „Крыле и Крыле“? — с усилием произнес вице-губернатор.

— Честью заверяю вас, синьор, ничего не знаю. Это, во всяком случае, не английское судно, да и не итальянское, насколько мне известно.

Такое заверение Гриффина сильно повредило ему в мнении Баррофальди, так как подрывало авторитет вице-губернатора по части языковедения.

— Но это название люгера вашего же флота, синьор, и он в настоящее время бросил якорь в нашей бухте, — настаивал Баррофальди.

— А, понимаю! Это как раз то, что мы и предполагали. Плут обманул вас так же ловко, как провел сотню людей до вас и надует еще столько же, если мы не изловим его сегодня ночью. Это знаменитый французский корсар, за которым теперь гонятся шесть крейсеров, в том числе и наш. Называется он „Блуждающей Искрой“, а командир его, Рауль Ивар, самый смелый из всех когда-либо существовавших

корсаров, хотя за ним нельзя не признать и хороших качеств и даже глубокой честности.

Слушая лейтенанта, Баррофальди отчетливо вспоминал все, что слышал в свое время о Рауле Иваре, самом отчаянном из корсаров. Слишком обидно было для его учености признать, что он был жертвою ловкого обмана со стороны морского разбойника, которому сейчас только выказывал самое дружеское расположение; а потому естественно, что он стал протестовать.

— Это, должно быть, какая-нибудь ошибка, — говорил он. — Сэр Смит — сын лорда и человек вполне достойный.

Но Гриффин твердо стоял на своем, приводя все известные ему доказательства. Тогда смущенный вице-губернатор, наполовину не разобравший длинной речи Гриффина, увлекшегося излишними подробностями, понятными одному лишь моряку, обратился к Вито-Вити.

— Что вы на это скажете, синьор Вито-Вити? Вы присутствовали при всех наших беседах с сэром Смитом.

— Я скажу, вице-губернатор, что если мы, действительно, обмануты, то самым медоточивым языком в мире. Еще вчера я бы мог всему этому поверить, но после его возвращения не сомневался, что это самый преданный нам друг.

— Вам бы лучше самому съездить на люгер и лично убедиться в справедливости ваших предположений, — предложил вице-губернатор английскому лейтенанту.

— Извините, вице-губернатор, но если я покажусь на палубу „Блуждающей Искры“, то рискую поплатиться за это, может быть, весьма продолжительным пленом. Я и у вас инкогнито²² и серьезно прошу вас сохранить в тайне мое присутствие на вашем острове, иначе вы дадите возможность люгеру ускользнуть от нас. Об одном только я прошу вас — это позволить мне подавать сигналы сегодня ночью — у меня для этого есть все, что надо, — как только наш фрегат приблизится настолько, что в состоянии будет различить сигналы; а вы, с своей стороны, поздержите всеми зависящими от вас средствами этот маленький люгер до завтра. За остальное мы вам отвечаем.

— Не думаю, чтобы можно было опасаться ухода люгера сегодня ночью, лейтенант: капитан намекнул не далее как сегодня, что желает пробить у нас несколько дней. И зачем бы Раулю Ивару с его „Блуждающей Искрой“ понадобилось завернуть в наш порт?

— Кто знает! Какие-нибудь да были у него на то свои причины!

— Но скажите, чем вы мне можете доказать вашу личность? — воскликнул Баррофальди, хватаясь за соломинку. — Сэр Смит показал мне все свои бумаги, а вы дали мне одно полномочие, с которым вас послал к нам капитан Куф, если это правда.

— Я ожидал этого недоверия с вашей стороны, синьор вице-губернатор, но поторопился прежде показать полномочие, без которого были бы бесполезны все остальные бумаги. Вот они — вы их можете свободно прочесть, так как они написаны по-итальянски.

Андреа Баррофальди тщательно пересмотрел все бумаги и не нашел в них ничего подозрительного.

— Но почему вы предполагаете, что именно этот люгер и есть „Блуждающая Искра“? — не уступал Баррофальди.

— Тут не может быть ошибки, синьор; нам известны все английские корабли, плавающие в этих морях. К тому же на этом люгере находится в настоящее время один дезертир с нашего фрегата, некто Итуэль Больт, который...

— Американец, не правда ли, синьор? — вскричал подеста.

— По крайней мере, этот плут выдает себя за такового, — отвечал молодой офицер, краснея от неприятной необходимости признать факт несправедливого поступка с этим дезертиром.

— Я узнал от этого Итуэля Больта, что вы, англичане, насильно вербуете иностранцев к себе в матросы! — сухо вставил Андреа.

— Что делать, синьор! Король в праве рассчитывать на службу своих подданных, и он в них нуждается, а вербовка делается так поспешно, что ошибка всегда возможна; янки же так похожи на англичан.

Когда, наконец, все сомнения относительно тождественности люгера с знаменитым корсаром были устранены, все трое — Баррофальди, градоначальник и лейтенант прониклись единодушным желанием поймать люгер.

К счастью для „Блуждающей Искры“, капитан Куф выразил непереносимое желание взять корсара невредимым, не посягая на его уничтожение, а то ничего бы не стоило перевести часть огнестрельных орудий в одно из естественных углублений скалы и одним залпом потопить судно, так как, несмотря на ночное время, все же можно было различить люгер на том расстоянии, на каком он стоял от берега.

Руководимые единодушным желанием мести, все трое приступили к более точному определению дальнейшего образа действий. Одно окно в доме вице-губернатора вышло как раз в ту сторону, с которой ожидалось прибытие фрегата, и его поэтому предоставили в распоряжение Гриффина. Лейтенант расположился перед ним, готовый немедленно зажечь сигнальный огонь при первом появлении „Прозерпины“. Это окно представляло еще то удобство, что огонь в нем не мог быть виден со стороны города, тогда как он бросал яркий свет на море. В таком же положении находился и фрегат: подаваемые им сигналы должны были высокой скалой закрываться от городских домов; еще менее было вероятия, чтобы те и другие сигналы можно было ви-

²² Инкогнито — секретно.

дети с люгера.

Так проходили часы. Легкий ветерок уже давал себя чувствовать, но направление его не было благоприятно, и Рауль не мог еще сняться с якоря. Джита со своим дядей, Карло Джунтотарди, прибыла на судно около десяти часов вечера, но на люгере не видно было еще никаких приготовлений к отплытию. Говоря правду, Рауль и не торопился ехать, желая продлить счастливое время пребывания с Джитой. Он был уверен, что в тот же день доставит своих пассажиров к мысу Монте-Арджентаро, на котором возвышались башни, хранителем которых был Карло.

Упоенный счастьем свидания с Джитой, с которой до полуночи просидел на палубе, едва согласившись, наконец, позволить ей удалиться в отведенную для нее комнату, и слишком уверенный в успехе своего ловкого обмана, Рауль легкомысленно забыл о возможной опасности и спокойно ждал утреннего ветра с юга. Он не подозревал, что Томазо Тонти караулил на пристани, готовый забить тревогу при малейшем движении люгера.

Но в то время, как Рауль всего менее думал о грозившей ему опасности, Итуэль Болт далеко не разделял его уверенности. „Прозерпина" поглощала все его мысли, вновь оживляя в нем давнишнюю его ненависть к ней. Он в ней ненавидел все: наружный вид, паруса, оснастку, весь экипаж, самого короля, которому служило это судно, нацию, которой оно принадлежало... Ненависть—одна из самых упорных страстей, она неутомима, и вот почему Итуэль ни на минуту не забывал тот вред, какой мог принести фрегат люгеру. При таком настроении ему естественно пришла на мысль возможность возвращения фрегата по следам люгера, и, ложась спать, он велел разбудить себя в половине второго, желая проверить справедливость своего предположения.

Поднявшись, как предполагал, он взял с собою двоих надежных матросов, предупрежденных еще накануне, и спустился в шлюпку. Все это проделывалось без малейшего шума, даже весла были взяты подбитые мехом, чтобы не произвести ни звука. Тихо проскользнул он на намеченный им заранее удобный наблюдательный пост и через какие-нибудь полчаса времени стал прямо в виду освещенного окна в доме вице-губернатора, у которого дежурил Гриффин.

Яркий свет из этого окна, направленный к морю, поразил американца. Но это еще не был сигнал фрегату: Гриффин пока только сообщал, что он у вице-губернатора и помнит о своем поручении. Было два часа ночи, и через два часа должна была взойти заря. Береговой ветерок усилился настолько, что хорошо оснащенный корабль, паруса которого к тому же отсырели и сжались за ночь, мог смело рассчитывать на довольно скорый ход. Следовательно, ничто не мешало „Прозерпине" появиться в скором времени, если она тронулась с заходом солнца с того места, где остановилась вчера.

Вдруг появился другой, голубой огонь в другом окне, а за ним человеческая тень. Итуэль инстинктивно обернулся к морю и увидел знакомый сигнальный ночной фонарь наверху мачты „Прозерпины".

— А, чорт возьми! — заскрежетал зубами Итуэль, грозя кулаком в сторону уже исчезнувшего в окне голубого огня. — Я тебя хорошо знаю, и вот мой ответ!

С этими словами он зажег одну из захваченных с собой ракет и пустил ее. Она вспыхнула и поднялась достаточно высоко, чтобы быть замеченной с люгера и с фрегата. Гриффин и капитан Куф были совершенно сбиты с толку. Томазо Тонти также счел своею обязанностью побежать доложить начальству о случившемся. Общее мнение было таково, что это прибыло новое судно, подававшее свои сигналы „Прозерпине".

„Блуждающая Искра" поняла этот сигнал совсем иначе, и, когда Итуэль вторичной ракетой еще более смутил капитана Куфа, выставившего теперь условными знаками свой номер, люгер Рауля Ивара неслышно, но быстро скользил вдоль берега, под самым городом, мимо его батареи. Момент его прохождения под городом совпал с временем отсутствия бдительного Трмазо, и, смеясь над произведенным переполохом, люгер, все ускоряя ход, обогнул остров. Пять минут спустя и Итуэль Болт с своими гребцами присоединился к отъезжающим, неслышно пробравшись к люгеру на огонь нарочно для него со всеми предосторожностями зажженного фонаря, свет от которого направлен был в сторону пущенной Итуэлем ракеты и был совершенно невидим из города.

Полчаса спустя „Блуждающая Искра" уже полным ходом удалялась от острова и была далеко за пределами выстрелов с батареи Порто-Феррайо.

Между тем „Прозерпина" все приближалась к городу и при первых лучах восходящего солнца не могла не заметить ускользавший люгер. Едва признали в нем „Блуждающую Искру", как на фрегате все пришло в движение. Капитан был взбешен до последней степени, и жутко пришлось явившемуся к нему с рапортом Гриффину. Насилу удалось огорченному молодому лейтенанту заставить себя выслушать, и капитан только тогда несколько смягчился, когда узнал, что причиной недоразумения были ракеты, неизвестно кем пущенные. К концу объяснения капитан Куф даже почувствовал некоторое сострадание к огорченному моряку.

— Ну, хорошо, Гриффин! Не надо принимать вещи так близко к сердцу, это не поможет, — сказал капитан. — Приходите со мной пообедать, и мы еще потолкуем о всем происшедшем.

ГЛАВА IX

Все вспышки капитана Куфа по большей части кончались таким образом. Вспыльчивый по натуре, он скоро уступал более спокойному и добродушному настроению и становился вновь благоразумным.

Служителю отдан был приказ поставить лишний прибор на стол для Гриффина, а капитан со своим вторым лейтенантом вышел на палубу. Там было общее оживление, все с восторгом следили за ловкими маневрами люгера, который спокойно покачивался теперь на воде, сознавая свою безопасность.

— Славно было бы захватить его теперь, — говорил боцман Странд.

Странд был опытным моряком; он служил вместе с капитаном Куфом еще тогда, когда тот был мичманом, и, зная хорошо его характер, имел на него некоторое влияние. Нередко случалось, что капитан с ним соглашался даже в тех случаях, когда совершенно не принимал во внимание мнений своих лейтенантов. Так и теперь, при словах Странда, капитан быстро повернул к нему голову. Старший лейтенант Винчестер, заметивший это движение, незаметно сделал знак матросам, и те дружно воскликнули три раза кряду. Это был единственно дозволенный им способ выражать свои пожелания командиру.

— Мне не очень улыбается броситься в атаку на шлюпках среди бела дня, Винчестер, — проговорил капитан. — Малейший промах может нам стоить нескольких человек, и придется новой вербовкой пополнять наш экипаж.

— Но мы льстим себя надеждой, что останемся победителями, капитан, — заметил Винчестер, — и вам ли говорить об осторожности! Мы все знаем за вами не один отважный и очень рискованный подвиг.

— О, да, бывало, Винчестер! — улыбнулся капитан самодовольно. — Но этот Рауль Ивар чистый дьявол и увертлив, как змея. Вот если бы можно было найти какую-нибудь фелуку в Порто-Феррайо, довольно значительных размеров, тогда бы можно было попробовать устроить облаву на беглеца.

— Фелуку мы легко найдем, их там стоит, по словам Гриффина, до двенадцати штук, и власти на нашей стороне.

— В таком случае не взять ли вам человек сорок матросов, Винчестер, по вашему выбору, переправиться с ними на берег, занять одну из фелук и берегом, как бы крадучись, пробираться к люгеру, будто ища его охраны, благо у нас выставлен французский флаг. Когда вы зайдете несколько далее люгера, с нашей стороны, шлюпки, до тех пор будто бы гнавшиеся за вами, оцепят его со стороны, ближайшей сюда... Дальнейшее же предоставляю вашей находчивости, лейтенант.

Винчестер пришел в восторг от этого проекта и пять минут спустя уже плыл на шлюпках с отборными молодцами к гавани Порто-Феррайо.

Андреа Баррофальди отнесся очень сочувственно к намерениям английского фрегата. Винчестер нанял одну из фелук, а привезшие его лодки воротились на „Прозерпину“, чтобы с новыми матросами пуститься в мнимую за ним погоню. С берега раздалось несколько пушечных выстрелов по направлению к фрегату. Это имело цель показать люгеру полное к нему доверие и то, что они продолжают считать фрегат французским судном. При этом, конечно, тщательно позаботились промахнуться. С фрегата ответили тем же и отошли несколько далее, делая вид, что желают встать вне выстрелов.

Между тем „Блуждающая Искра“ оставалась совершенно неподвижной. Винчестер вышел из гавани, обогнул мыс и подъехал на довольно близкое расстояние к люгеру, настолько близко, что люди с палубы того и другого судна свободно различали друг друга. На фелуке видно было всего человек восемь-девять, все в костюме итальянских матросов; остальные были спрятаны внизу, под палубой.

Пока все благоприятствовало предприятию капитана Куфа: нельзя было заподозрить хитрости приближавшейся фелуки, и как нельзя более естественной должна была казаться погоня, пушенная за нею с фрегата.

Без сомнения, Рауль и его товарищи не могли не видеть всего происходящего, но молодой корсар предпочитал по возможности бездействовать днем, чтобы тем вернее обмануть неприятеля ночью; к тому же присутствие Джиты побуждало его не торопиться.

Не так было с Итуэлем. Его глубокая ненависть к „Прозерпине“ заставляла его не спускать с нее глаз; даже завтракая на скорую руку на палубе, он не терял из виду ненавистного фрегата. Никто на люгере не мог знать, стало ли известно в Порто-Феррайо настоящее название фрегата и его национальность; только сигнальный огонь, виденный Итуэлем в окне губернаторского дома, вызывал в нем сомнение и заставлял еще более настораживаться. Приближавшаяся же так доверчиво фелука решительно ни в ком не вызвала недоверия.

— Эта фелука стояла в гавани у самой лестницы, — говорил подошедший к Итуэлю Рауль, — она называется „Божественное Провидение“ и занимается контрабандой между Ливорно и Корсикой, куда, вероятно, и направляется теперь. Нельзя отрицать смелости ее поступка в настоящих условиях.

— Но ей не дойти сегодня до Корсики; удивляюсь, как можно было двинуться в путь при почти полном безветрии.

— Фелука, как и люгер, легко скользит по воде при малейшем дуновении ветерка.

— А, вот они, ненасытные англичане! Они гонятся за ней, не могут упустить случая поживиться, хотя бы им пришлось действовать против закона и совести: ведь неаполитанцы в союзе с англичанами.

Рауль, ничего не отвечая, внимательно следил за пятью шлюпками, спущенными с фрегата в погоню за фелукой.

Расположение трех судов было таково: „Блуждающая Искра“ в виду Порто-Феррайо, прямо против дома Андреа Баррофальди; фрегат в равном расстоянии с одной стороны от люгера, с другой — от мыса, прилегающего к городской гавани; „Божественное Провидение“ — вне выстрелов с фрегата; шлюпки с английского судна прямой линией направлялись к будто бы преследуемой ими фелуке.

Было одиннадцать часов утра, как раз такое время дня, когда в это время года на водах Средиземного моря полный штиль; но при легком ветерке с юга, недавно поднявшемся, Рауль имел возможность на своем ходком люгера обогнуть остров Эльбу и занять совершенно безопасное положение. Однако он предпочел не двигаться и проследить за тем, что около него происходило. Таким образом, он допустил другие суда приблизиться к себе.

Винчестер, находившийся на фелуке, и Гриффин, руководивший шлюпками, прекрасно играли свою роль. Им хорошо были известны ловкость и опытность противника, чтобы допустить малейшую оплошность. Вместо того, чтобы прямо направиться к люгеру, когда началось преследование, фелука сначала обнаружила некоторое колебание, потом направилась к одной из береговых бухт, где виднелась батарея, как бы желая стать под ее покровительство, и уже после быстро двинулась прямо к люгеру. Все это видел Рауль, и в нем стала подниматься тревога и недоверие.

Внешний вид Винчестера как нельзя более отвечал его целям: с своим сильно загорелым лицом, большими бакенбардами, среднего роста, в красной фригийской²³ шапочке, полосатой рубашке и белых бумажных панталонах, он сильно смахивал на итальянца. Матросы, помещенные на палубе, также подобраны были соответствующей наружности. Большинство их было уроженцы юга—иностранцы, которыми военное английское судно всегда пополняет свой экипаж. Эти люди позаботились выказать некоторую тревогу и смущение: они суетливо и без толку метались по палубе, а когда ветер совершенно стих, взялись за весла и усиленно гребли к люгеру.

— Чорт возьми! — воскликнул Рауль. — Все было бы ясно, если бы фрегат был действительно французским; но эти гребцы на шлюпках что-то сильно напоминают моих храбрых соотечественников.

— Между ними и нет иных, все настоящие Джоны Були, — уверенным тоном заметил Итуэль. — Фрегат этот — проклятая „Прозерпина“. А их французские шапки — это один обман. Попробуйте пустить в них солидной бомбой и увидите, что они все выдадут свою национальность.

— Я этого не сделаю, пока не буду убежден, что это враждебное нам судно. Но что они там затевают?

— У них небольшая пушка с собой...

— Да, совершенно верно, и они направляют ее на шлюпки. В эту минуту фелука на мгновение исчезла в облаке дыма, раздался выстрел, и бомба, после двух-трех рикошетов, разорвалась, не долетев до первой шлюпки. Через каких-нибудь полминуты послышался ответный выстрел, ядро пролетело по прямой линии к фелуке и перебило большую рею посередине.

— Чисто, — воскликнул Итуэль, — это называется рассчитаться добросовестно. Капитан Рауль, они лучше стреляют, когда желают обмануть, чем в действительном деле.

— Но ничто не дает повода заподозрить обман. Кто бы стал ломать большую рею на дружественном судне?

Как только матросы пяти шлюпок увидели результат выстрела, так перестали грести и испустили троекратное громкое восклицание; сделано это было по распоряжению Гриффина.

— А, теперь нет больше сомнения, это англичане! — воскликнул Рауль. — Кто когда-либо слышал, чтобы наши республиканцы так кричали! Господа англичане, ваши адские глотки выдали вас. Так слушайте же теперь, мы вам доскажем конец истории.

Итуэль радостно потирал руками. Он был теперь уверен, что Рауль больше не поддастся обману. Фелука продолжала, отстреливаясь, приближаться к люгеру; то же делали и шлюпки с фрегата, так что через каких-нибудь десять минут можно было ожидать их столкновения.

Рауль распорядился, чтобы весла были наготове, люди настороже, пушки налажены по четыре с каждой стороны и две впереди. Когда все предварительные приготовления были окончены, двенадцать весел люгера разом опустились в воду и сильным движением пустили судно вперед. Одной минуты было достаточно для Винчестера, чтобы понять, что ни фелуке, ни шлюпкам с фрегата не догнать „Блуждающей Искры“, если он будет от них убежать с такой скоростью. Между тем люгер не имел вида убегающего, его носовая часть была обращена к „Божественному Провидению“, и он скорее показывал, что попался на удочку, и желал оказать покровительство дружественной фелуке, преследуемой французами.

Останавливаясь на подобном предположении, Винчестер был далек от действительных намерений Рауля. Выдвигая свое судно в одну линию с фелукой и шлюпками, Рауль имел в виду то обстоятельство, что, щадя собственный экипаж, находившийся на „Божественном Провидении“, с шлюпок стреляли осторожно, высоко направляя выстрелы, и, кроме того, люгер имел теперь всех своих неприятелей прямо перед собой, то есть против своих пушек. Фелука подходила к „Блуждающей Искре“, сохраняя вид ищущей у него защиты от преследования; она вся была окутана дымом, так как канонада не прекращалась. Но среди этого облака дыма Итуэль заметил, что экипаж фелуки не только не уменьшается, но быстро увеличивается, что спущены новые весла для ускорения хода и слышатся крики на простонародном английском языке, фелука быстро приближалась. С другой стороны, крики и восклицания с шлюпок указывали приближение нового противника. Очевидно, наступала критическая минута. Ветер совершенно стих, все ближайшее пространство моря потемнело от клубов дыма, и „Божественное Провидение“ прямо несло, точно в каком-то слепом отчаянии, к „Блуждающей Искре“.

²³ Фригийская шапочка—головной убор якобинцев во время Французской революции. Имела форму колпака, верх которого падал впереди.

— Успокойтесь, дети мои! — воскликнул Рауль. — Пали!

Раздался залп из пяти пушек, и крики, донесшиеся с фелуки, подтвердили успешный результат залпа. На мгновение воцарилось торжественное молчание, свидетельствовавшее об изумлении англичан; затем громкий крик и восклицания как бы заявили о их желании пойти навстречу всем опасностям. Шлюпки фрегата окружили потерпевшую фелуку; раздался залп из пушек, на этот раз заряженных действительно смертоносными зарядами и старательно направленных на их настоящего врага; но уже было поздно, и нельзя было рассчитывать на успех. Когда Гриффин со своего баркаса, после рассеявшегося последнего клуба дыма, мог рассмотреть обстановку боя, то он увидел, как „Блуждающая Искра" легче птицы уносилась на своих распушенных парусах, пользуясь самым ничтожным южным ветром, достаточным при ее подвижности. Винчестер отдал распоряжение, чтобы шлюпки фрегата прекратили очевидно бесполезное преследование и сконцентрировались около фелуки; и Гриффин подчинился этому распоряжению, хотя и очень неохотно.

„Блуждающая Искра" совершенно не пострадала, тогда как на фелуке оказалось человек двенадцать убитых и раненых; в числе последних находился и сам Винчестер, и так как весь сомнительный успех мог бы быть отнесен к заслугам подчиненного ему второго лейтенанта, то с его стороны было совершенно естественно нежелание продолжать преследование.

Рауль же был совершенно иного мнения. Видя, что фрегат, пользуясь тем же легким ветром, продолжает приближаться, он решил отомстить ему за его враждебную попытку, прежде чем пуститься в дальнейший путь.

Люгер пошел наперерез „Божественному Провидению" и дал по нем залп на ходу. Когда дым несколько рассеялся, можно было видеть, как шлюпки разом оставили фелуку, увозя своих раненых к противоположному берегу залива. Раулю ничего бы не стоило докончить с ними, или потопив или взяв в плен, но было что-то рыцарское в его характере, и довольный ловко задуманным и хорошо выполненным планом он не хотел добивать врага. Может быть, и появление Джиги на палубе с мольбой о жалости к неприятелю поддержало в нем это чувство. Как бы то ни было, но люгер прекратил преследование и подошел к фелуке. Оба судна так осторожно коснулись один другого бортами, что, как говорится, яйцо бы не разбилось, и, Рауль, Итуэль и еще некоторые спокойно перешли на фелуку.

Вся палуба ее была залита кровью, лежало три трупа, но нигде не было никаких признаков живых людей. Нашли котел со смолой, навалили на него кучу горючего материала и подожгли. Огонь вспыхнул так быстро и с такой силой, что в первую минуту Рауль пожалел, что не отвел свой люгер дальше; но, по счастью, „Блуждающая Искра" успела отплыть на безопасное расстояние, прежде чем пламя охватило мачты, снасти и паруса фелуки.

На все это ушло минут десять, что дало возможность убежавшим шлюпкам укрыться в бухте, а фрегату поддвинуться на расстояние пушечного выстрела. Ветер окончательно стих, и Рауль распорядился, чтобы растянули навес, предохранявший несколько от палящих лучей солнца, и каждый занялся бы чем ему угодно, так как, очевидно, некоторое время предстоит оставаться в полной неподвижности. То же сделали и на фрегате, где также приняли все меры против невыносимой жары и расположились отдыхать. Но, находясь на расстоянии пушечного выстрела один от другого, меньшее судно подвергалось опасности попасть под обстрел более сильного; при настоящих условиях, однако, люгер спасло сознание только что данного им урока, и самоуверенность Рауля была так велика, что он даже не удостаивал фрегат особенной бдительностью.

Когда полчаса спустя Винчестер появился на палубе „Прозерпины", то узнали, что экипаж лишился семи славных матросов, убитых наповал, и принужден некоторое время обходиться без услуг других четырнадцати. Уже с того момента, как „Блуждающая Искра" дала залп по направлению фелуки и легко понеслась вперед, капитан Куф начал уже сомневаться в исходе своего предприятия. Когда же он увидел бегство своих шлюпок под защиту бухты, он окончательно убедился, что его дело проиграно. Теперь, когда шлюпки были снова подвязаны к фрегату, а раненному в ногу, хромящему Винчестеру стали перевязывать его рану, капитан Куф позвал Гриффина к себе в каюту.

— Однако, в приятное положение поставили все вы меня вашим неперменным желанием преследовать во что бы то ни стало „Блуждающую Искру"! Что скажет адмирал, когда узнает, что двадцать человек убито и ранено и что нам приходится оплатить еще стоимость фелуки, и все это за одну забаву?

— Мы сделали все, что от нас зависело, капитан, но легче потушить снежными комьями извержение Везувия, чем устоять перед картечью этого проклятого люгера!

— Да, ему следовало бы назваться не „Блуждающей Искрой", а „Большим Огнем", — заметил Куф. — Но скажите, ради какого чорта кричали вы „ура"? Никогда этого не делают французы, — вы себя выдали этим национальным криком; вам следовало кричать: „Да здравствует республика!"

— Это правда, капитан, мы немного погорячились и забыли свою роль. Но мы бы могли еще выиграть дело, если бы с люгера не так поторопились дать залп, которым у нас убило троих матросов и парализовало троих гребцов; и это в самую критическую минуту, когда люгер уносился на всех своих парусах, а мы были задержаны в движении нашей потерей.

— Не могу же я, однако, написать Нельсону²⁴, что все шло прекрасно, пока не ранили троих из наших гребцов, и мы не были задержаны в своем движении. Нет, нет, это не идет! Придумайте что-нибудь, Гриффин.

— Но, капитан, если бы люгер оставался на месте, мы бы его взяли.

²⁴ Нельсон — адмирал, командовавший английской эскадрой.

— А, хорошо, значит, люгер обратился в бегство, ветер ему благоприятствовал, он распустил все свои паруса, всякая попытка догнать его была бесполезна, наши люди выказали обычное мужество и держались превосходно — да, так звучит недурно, так можно пустить в газеты. Но эта проклятая фелука! Она пойдет ко дну через каких-нибудь несколько минут.

— Несомненно, капитан, но примите во внимание, что ни один француз не осмелился взойти на нее, пока мы там были.

— Хорошо, я вижу, что надо говорить: фелука была слишком тяжела, она не годилась для преследования. Этот Нельсон — сам чорт, и я в тысячу раз предпочел бы выдержать несколько действительных бурь, чем получить одно из его бурных писем. Но я теперь понимаю, как было дело, и вижу, что ведено оно было безукоризненно, и все люди заслуживают полного одобрения, несмотря на неудачный исход по независящим от нас обстоятельствам.

ГЛАВА X

Люгер нисколько не пострадал, на его палубе не было ни малейших следов крови; успех Рауля превзошел все ожидания. Безопасность люгера была обеспечена, по крайней мере, на некоторое время, потому что фрегат должен был сначала водворить у себя порядок, нарушенный понесенной утратой, а затем только мог рискнуть на вторичное преследование, требующее безусловной дисциплины.

Джита оставалась на палубе, желая избежать спертого воздуха маленькой каюты. Ее дядя пошел отдохнуть. Так как Рауль вскорости ожидал обычного морского ветра, то он распорядился, чтобы убрали навес. Осмотревшись, он содрогнулся, когда увидел, что, несмотря на отдых, которому предавался, невидимому, фрегат, люди на нем не теряли времени: судно значительно приблизилось к люгеру, и все на нем было совершенно готово, чтобы при первом порыве ветра пуститься в плавание. Рауль сразу заметил, что его провели, и упрекнул себя за свою беспечность. Фелука догорела, и только кузов ее, подталкиваемый чуть заметным движением на воде, понемногу направлялся к заливу. Лучи заходящего солнца падали на Порто-Феррайо, которого не было видно за скалами, и, казалось, весь остров был погружен в сон.

— Какая тишина! — обратился Рауль к Итуэлю. — Море, земля и горы, горожане и моряки — все спит вокруг нас. Только на фрегате жизнь, и мы должны удалиться от вашей дорогой „Прозерпины“. Зовите всех наверх, лейтенант, спустим весла и повернем люгер в другую сторону. Чорт возьми, моя „Блуждающая Искра“ так привыкла, очертя голову, лететь вперед, что я боюсь, как бы она не налетела сразбега на своего заклятого врага, как ребенок, которого притягивает пламя к печке и который расплачивается за свою стремительность сильными ожогами.

Все пришло в движение на люгере, и матросы уже готовы были опустить весла в воду, когда, наконец, повеяло давно ожидаемым ветерком. Все бросились к парусам. Сна как не бывало, закипела самая оживленная работа. Но и на „Прозерпине“ не зевали, и там радостно приветствовали появление ветра.

На этот раз это действительно был настоящий ветер. Рауль дал сигнал свистком, и люгер понесся к фрегату; но уже полминуты спустя повернул в другую сторону, и через пять минут удалился от „Прозерпины“ настолько, что стал вне всякой опасности.

Но и капитан Куф, судно которого было тяжелее и неповоротливее люгера, заранее был подготовлен к такому обороту дела и принял соответствующие меры. Он подождал того момента, когда мог из всех своих пушек настичь „Блуждающую Искру“, и дал разом залп из всех. Двадцать два ядра большого калибра порядочно искалечили оснастку люгера, но, по счастью, не затронули кузова и не ранили никого из людей.

Вот тут-то проявил Рауль все свое дарование. Все зависело от того, как они воспользуются первыми десятью минутами. Рауль распорядился, чтобы приготовили новые части оснастки; там, где нельзя было уже рассчитывать на поправку испорченных, были вынуты запасные паруса взамен прорванных, чтобы поднять их, как только необходимые поправки будут закончены.

Между тем с фрегата дали новый залп, оставшийся на этот раз без результата, благодаря тому, что, вследствие происшедшей на люгере перемены, их взаимное отношение теперь изменилось. Рауль не упустил случая воспользоваться этим и, продолжая двигаться все в том же направлении, с удовольствием убедился, что, несмотря на понесенные повреждения, люгер шел значительно скорее фрегата.

В этом не замедлили убедиться и англичане и перестали стрелять.

Дело шло пока лучше, чем мог ожидать Рауль; но он знал, что нельзя еще было поручиться за дальнейший успех. Он знал, что, когда ветер усилится, понадобится вся прочность оснастки и парусов, а долго ли могло устоять его поврежденное судно? За ним же шел фрегат, прославившийся в этом отношении своими отличными качествами. Но ему ничего другого не оставалось, как выиграть возможно больше времени и увеличить насколько возможно расстояние между двумя судами.

Погоня обыкновенно так возбуждает моряков, что они совершенно забывают о неравномерном возрастании сил судов различной величины и желают постоянно сильнейшего ветра. Разница в быстроте хода при небольшом ветре теперь, при ветре усилившемся, значительно уменьшилась, и прекрасно оснащенная „Прозерпина“ быстро нагоняла люгер.

Но корсару удалось войти в так называемый Корсиканский канал, отделявший Корсику от острова Эльбы. Маленький подвижной люгер чувствовал себя здесь полным хозяином, а огромный фрегат должен был

принять некоторые меры предосторожности, чтобы не наткнуться на скалы и выдающиеся мысы.

На фрегате все были не менее экипажа люгера заинтересованы исходом погони, потому что, если им и не угрожало никакой опасности, то желание отличиться поимкою знаменитейшего из французских корсаров заставляло их сильно желать удачи. Далеко выступающий плоский мыс и скалистый берег заставляли остерегаться или мели или подводных камней около берега.

Люгер быстро огибал мыс, придерживаясь берега. Капитан Куф, Гриффин и третий лейтенант следили за ним с беспокойством; Винчестер из-за своей раны лежал у себя в каюте.

— Какая отчаянная смелость! — воскликнул капитан Куф. — Можно заподозрить, что Рауль Ивар предпочитает утонуть, чем попасть в плен.

— Напрасно вы так думаете, капитан, — заметил Гриффин, — здесь достаточно глубоко не только для люгера, но и для нашего фрегата, и я уверен, что нам не пришлось бы возвращаться, если бы мы пошли за ним.

— Это все хорошо говорить, когда на вас не лежит ответственности перед военным советом; вы бы не то заговорили, если бы вас ожидало наказание за гибель „Прозерпины“. Теперь нам надо озаботиться подальше обойти это опасное место, или я поворачиваю и совершенно отказываюсь от преследования „Блуждающей Искры“.

— Но он садится на мель, смотрите! — воскликнул Изльвертон, третий лейтенант, и, действительно, можно было подумать, что люгер садится на мель, так как пенящаяся волна обдала маленькое судно. Но это предположение держалось всего одну минуту, так как люгер не замедлил оправиться и мчался с прежней быстротой, огибая мыс; затем он исчез из виду.

Фрегат, остерегаясь опасности, подвигался тем не менее также вперед, и, наконец, поравнялся с самым выдающимся концом мыса.

— Этому морскому разбойнику больше некуда было направиться, как в устье реки Голо; я думаю, что он так и сделал, — высказал свое предположение капитан Куф, когда грозившая фрегату опасность миновала, и все немного успокоилось. — Через какие-нибудь четыре часа мы это узнаем.

Эти четыре часа все были в сильном нетерпении.

Рауль действительно направился к устью реки Голо. Восточная часть Корсики настолько же лишена бухт и гаваней, насколько богата ими западная сторона, и при обыкновенных условиях река Голо, куда направлялся Рауль, далеко не считается удобным местом стоянки; но Раулю уже пришлось как-то воспользоваться ее устьем, и он главным образом надеялся на ее недостаточную глубину, как существенную помеху для фрегата.

Оба судна к этому времени уже настолько приблизились к острову, что с них можно было отчетливо различить отвесные скалы с вечно снеговыми вершинами, расположенные на довольно значительном расстоянии от моря в глубь острова.

Оставалось не больше часа до захода солнца. Ветер стал заметно спадать, и экипаж люгера, которому трудно было противостоять сильному напору воздуха со своими поврежденными снастями и парусами, поуспокоился. По возможности заменили новыми все существенно попорченные части оснастки судна, и люгер пошел опять так легко и ходко, что Рауль уже подумывал было пройти берегом к Бастии²⁵, где он мог бы основательно отремонтировать свое судно, но затем отказался от этого намерения, как слишком смелого, и решил согласно прежнему плану укрыться в неглубоком устье Голо.

В продолжение всего дня фрегат только на время поднял свой флаг — во время непродолжительной перестрелки с люгером; также и Рауль только перед залпом, посланным им на фелуку, выставил свое трехцветное знамя.

Теперь, у берега Корсики, принадлежавшей французам, Рауль чувствовал себя как бы среди друзей и не сомневался, что ему не будет отказано в содействии в случае надобности.

Между тем „Прозерпина“ неожиданно повернула к береговым мелким судам, рассыпанным в довольно большом числе вдоль острова, и захватила три или четыре из них, прежде чем те успели от нее увернуться. Обыкновенно крупные суда не беспокоили бедных рыбаков и мелкие береговые суда, а потому Рауль понял этот поступок капитана Куфа как желание нанести хотя косвенное оскорбление ему, Раулю Ивару. Он был готов уже вступить в новую борьбу, но положение его собственного судна внушало серьезные опасения и требовало очень внимательного отношения, а потому он отказался от своего первоначального желания.

В ту же минуту как солнце уже заходило, „Блуждающая Искра“ бросила якорь в устье реки Голо, на расстоянии, настолько значительном от входа, что можно было считать себя вне выстрелов фрегата. Тут все, казалось, благоприятствовало спокойной стоянке, начиная с незначительной глубины воды.

„Прозерпина“, с своей стороны, очевидно, далека была от мысли прекратить преследование: она отпустила захваченные ею мелкие суда, предоставляя им свободу уйти, — чем они не могли, однако, воспользоваться вследствие наступившего безветрия, — и, выбрав место поглубже около устья, также бросила якорь и спокойно расположилась отдыхать.

²⁵ Б а с т и я — порт на восточном берегу Корсики, против острова Эльбы.

ГЛАВА XI

Чудную картину представляет Средиземное море со всеми прилегающими к нему землями, чудную во всякое время; но и у него есть оттенки, повышающие или немного понижающие ее прелесть. Солнечный закат того дня, когда Рауль бросил якорь в устье реки Голо, представлял необыкновенную по своей красоте картину, и когда Джита вышла на палубу, считая преследование фрегатом и все опасности миновавшими, ее охватило восторженное чувство, и она сказала, что еще впервые видит такой дивный закат солнца.

Задолго до того, как солнце скрылось за горизонтом, темная тень от ближайших гор широко охватывала засыпанное море. Корсика и Сардиния казались большими, оторванными от Альп клочками, брошенными в море, и походили на сторожевые башни этой громадной европейской стены. Те же горы с остроконечными белыми вершинами, те же истерзанные и полные величия склоны; та же смесь оттенков нежного и сурового, мощного и прекрасного, что так характеризует очаровательную природу Италии.

На темно-синем море, при постепенно замиравшем ветре, мало-по-малу исчезали все следы зыби. Оно становилось гладким, как зеркало. Неправильные контуры отдаленных гор, крупных и величавых, резко вырисовывались на золотом небе, щедро окрашенном целым снопом лучей заходящего солнца, а долины и ближайшие равнины окутывались мраком, набрасываемым на них соседними горами, и получали более нежные очертания. На расстоянии двух миль виднелся фрегат, спокойно уснувший на якорю— и Рауль невольно залюбовался пропорциональностью его частей и размерами.

После тяжелого и тревожного дня Рауль наслаждался тишиной и покоем. Он ответил смехом на предостерегающее замечание Итуэля, что можно ожидать со стороны фрегата ночной атаки на шлюпки. Рауль не хотел думать об опасности; впрочем, на всякий случай, были приняты необходимые предосторожности.

В этот вечер, после ужина, матросам позволены были танцы. Среди ночной тишины понеслись звуки романтических песен Прованса²⁶. Самая задушевная веселость оживляла всех участников этого развлечения, и недоставало только женщин, чтобы придать вечеринке настоящий характер мирного деревенского веселья. Джита с удовольствием и любопытством слушала эти песни. Ее дядя стоял подле, а Рауль ходил взад и вперед на некотором расстоянии, беспрестанно подходя к ней, чтобы поделиться своими мыслями и ощущениями.

Наконец, пение и танцы кончились, и матросы разошлись спать по своим койкам, за исключением нескольких очередных дежурных. Перемена была так поразительна, как и внезапно торжественное молчание ночи, которое сменило смех, мелодичные песни и несколько шумное веселье толпы. С гор подул ветер и чуть-чуть зарябил нагретую за день поверхность воды. Луны не было, но сияли мириады звезд и позволяли различать предметы довольно отчетливо, хотя как бы сквозь легкую дымку. Рауль подчинился впечатлению этого мира, он тоже как-то весь затих, тронутый и настроенный на более серьезные мысли. Он присел подле Джиты, дядя которой ушел в свою каюту.

На палубе не раздавалось ничьих шагов. Итуэль ушел на противоположный конец, не теряя из виду своего давнишнего врага — „Прозерпину“. Двое дежурных, на большом расстоянии один от другого, чтобы помешать возможности разговора между ними, внимательно следили за морем и всем, что могло на нем произойти. Кроме фрегата и люгера, поблизости находились еще три береговых судна, захваченные было фрегатом и снова им отпущенные. Одно из них стояло на середине расстояния между люгером и фрегатом. Оно сделало под вечер попытку уйти дальше к северу, но принуждено было стать на якорь из-за полного отсутствия ветра. Так как теперь начинал пробуждаться некоторый ветерок, а эта фелука все еще оставалась неподвижной, и на таком близком расстоянии от фрегата, взявшего ее накануне, то Рауль особенно рекомендовал следить за нею. Другая фелука очень медленно двигалась к югу, а третья, повидимому, намеревалась мимо „Блуждающей Искры“ войти в реку; это была самая маленькая.

После некоторого молчания, Рауль, окинув взглядом окружавший его простор и подняв глаза к звездам, сказал Джите:

— Знаете ли вы, Джита, что значат звезды для моряка? По ним узнаем мы место, где находимся, ими руководствуемся, выбирая направление; они дают нам возможность чувствовать себя постоянно дома, как бы далеко на самом деле мы ни уехали от него. Моряку-европейцу надо уж очень далеко уехать к югу от экватора, чтобы перестать видеть те звезды, к которым он привык еще на пороге отцовского дома.

— Вот совсем новая для меня идея! — воскликнула Джита, глубоко пораженная поэтичностью его мысли. — Как это вы до сих пор не говорили мне ничего подобного. Это не пустяк, если эти звезды переносят вас домой и вызывают перед вами привычные и дорогие вам образы, когда вы разлучены надолго с теми, кого любите!

— Никогда не случалось вам слышать, что влюбленные условливались в известный час смотреть на одну и ту же звезду, чтобы мысленно встретиться, несмотря на дальность разделяющих их морей и земель?

— На этот вопрос вы сами ответьте, Рауль, потому что я ни от кого, кроме вас, никогда ничего не слыхала ни о любви, ни о влюбленных.

— Ну, так я вам это говорю и надеюсь, что мы не расстанемся, не выбрав нашего часа и нашей звезды, — если нам когда-либо суждено расстаться. Если я вам до сих пор не говорил об этом, Джита, то потому, что вы у меня всегда в мыслях. Мне нет надобности ни в какой звезде, чтобы постоянно помнить гору Арджентаро и Башни.

²⁶ П р о в а н с — провинция (теперь департамент) юго-восточной Франции.

Джита с удовольствием слушала его речи; чувство ее шло навстречу нежным словам Рауля; никакая музыка не могла заменить для ее слуха его уверений в любви и преданности. Но ее лицо, хотя и зарумянившееся, оставалось задумчиво, почти печально, а когда она тихо заговорила, то глубокие ноты ее голоса выдавали всю силу сдержанного, страстного чувства.

— Рауль, дайте мне мою гитару, я попробую спеть вам один из гимнов. Перебирая струны умелой рукой, Джита запела. Неаполитанка по происхождению, от природы одаренная чарующим, нежным голосом, очень музыкальная, и, кроме того, с некоторым музыкальным образованием Джита пела превосходно; сейчас она пела так, как никогда не певала раньше.

Итуэль Болът подошел, чтобы послушать ее ближе; оба сторожевых матроса забыли на время о своих обязанностях и прислушивались.

— Это вы, Итуэль? — спросил Рауль. — Вы разве поклонник пения?

— Синьора обладает редким голосом, капитан. Но теперь нам надо Заняться другим. Если вы потрудитесь пройти со мной на мой наблюдательный пост, то, может быть, поможете мне разобраться кое в чем. Видите ли эту маленькую фелуку? Она определенно приближается к нам, но совершенно сверхъестественным образом — при настоящем, довольно чувствительном ветре, на всех парусах, и не производя ни малейшей зыби на воде.

Рауль пожал руку Джиты и посоветовал ей перейти в ее каюту, опасаясь вредного влияния на ее здоровье свежего ночного воздуха. Затем он поспешил за Итуэлем и, различив указанную фелуку, насколько позволял ночной полумрак, содрогнулся при виде ее близости к люгеру. Когда он видел ее в последний раз вечером, она находилась, по крайней мере, в полумиле расстояния от „Блуждающей Искры“, и, продолжая подвигаться с прежней скоростью, должна была в настоящее время уйти уже на целую милю вперед; оказывалось, однако, что она переменяла направление и шла прямо на люгер.

— Вы давно за ней следите? — спросил Рауль.

— С тех пор, как она, повидимому, не трогалась с места, прошло минут двадцать. Ее направление к нам еще можно было бы, пожалуй, объяснить сильным течением в этом месте; но мне совершенно непонятно, почему она не идет вперед.

— Это береговое судно, Итуэль, во всяком случае. Не думаю, чтобы англичане пожелали вторично испробовать нашей картечи.

— Все может быть! Люди на том фрегате — сущие дьяволы. Посудите сами; при весьма удовлетворительном ветре и так медленно двигаться! Тут что-нибудь не просто.

Приходилось остановиться на том предположении, что на фелуке тайком подбирается неприятель, потому что, действительно, это маленькое судно направлялось прямо к люгеру. Следовало приготовиться к обороне.

Однако, Раулю очень не хотелось будить своих людей: как человек спокойный и твердый, он не любил поднимать фальшивой тревоги. К тому же матросы его были утомлены беспокойным днем и починкой повреждений на судне и спали теперь тяжелым сном усталых людей. Раулю не хотелось допустить мысли, что англичане осмелятся вторично попытать свои силы.

Между тем фелука все приближалась, а следовательно, росла и опасность быть захваченными. Принимая все это во внимание, Рауль решил предварительно опросить приближавшуюся фелуку, рассчитывая на то, что при первом его зове поднимется весь его экипаж, так как нападение с фрегата отчасти предполагалось, и все матросы спали с оружием под боком.

— Эгой! Вы, там, с фелуки! — крикнул Рауль, когда судно было уже настолько близко, что не требовалось никакого рупора.—Что это за судно и почему оно так наплывает на нас?

— „Красавица Корсика“, — отвечали ему с фелуки на полуфранцузском, полуйтальянском наречии. — Нас наняли в Падулелла, и мы держимся берега, потому что наше судно не ходко. А на вас нас тянет течением.

— Я не могу допустить такой близости, я стану стрелять! Вы знаете, что наше судно вооружено.

— Синьор! Мы — друзья республики и не хотим вам вредить. Мы надеемся, что вы не обидите бедных судовщиков. Мы пройдем у вас за кормой.

Это заявление было так внезапно и неожиданно, что Рауль не успел ничего возразить; к тому же было уже и поздно: быстрым движением фелука придвинулась к люгеру, чем окончательно подтвердила все опасения Итуэля.

— Все наверх, надо помешать столкновению! — крикнул Рауль, бросаясь за оружием, — Скорее сюда, ребята, наверх! Тут измена!

Едва раздался его громкий голос, как палуба стала быстро наполняться молодцами-матросами.

Фелука быстро надвинулась на люгер, и в тот момент, когда готово было произойти столкновение судов, послышался плеск весел, и пламя, вырвавшееся из открытого люка фелуки, осветило быстро удалявшуюся шлюпку.

— Брандер! Брандер!²⁷ — закричало разом несколько человек, и ужас, прозвучавший в этом возгласе, ясно показывал все страшное значение этой новой опасности, самой ужасной из всех, какие могут ожидать моряка.

Но среди раздавшихся голосов не слышно было голоса Рауля Ивара. Он исчез, и секунду спустя уже

²⁷ Брандер—судно, начиненное горючими веществами.

послышался его громкий клич:

— Антуан, Франсуа, Грегуар! Сюда, за мной! Пусть остальные приготовят все к отплытию!

Позванные матросы следом за Раулем перебрались на борт горевшей фелуки и, с опасностью быть отрезанными от своего судна, перерезали и отвязали канаты, которыми англичане успели соединить фелуку с лю-гером; затем благополучно перебрались обратно, хотя секунда промедления стоила бы им жизни.

— В путь живее, ребята, если мы хотим спасти наш прекрасный люгер от пожара! — распорядился Рауль.

Нельзя было терять ни секунды. Повинуясь ветру и течению, люгер плавно пошел, но сначала за ним же потянулась и фелука, палуба которой уже представляла одну сплошную огненную скатерть. Но вот, к общему восторгу, люгер совершенно отделился и, освобожденный от всех пут, легко подвигался вперед, оставляя неподвижным на прежнем месте горевшее предательское судно в виде одной сплошной огненной массы.

Все происшедшее заняло не более пяти минут и выполнено было с поразительной находчивостью и быстротой, с полным самообладанием — скорее инстинктивно, из чувства самосохранения, чем по указаниям рассудка.

До сих пор Рауль редко подавал голос; теперь же он подошел к Джите, поднявшейся на палубу и глядевшей на яркое пламя, осветившее большое пространство моря, со смешанным чувством восхищения и ужаса и заговорил с нею таким шутивным тоном, как будто бы все это зрелище было устроено с единственной целью доставить им развлечение.

— Наше освещение уступит разве только свечам в церкви святого Петра, дорогая моя, — улыбнулся он ей. — Надо признаться, мы счастливо избегли беды!

— Я все видела — я бросилась на палубу, как только услышала ваш призывный клич. О, как я боялась за вас, когда вы перешли на горевшее судно!

— А ловко задумали англичане — да не выгорело. На этой фелуке, еще с вечера захваченной ими, был большой запас смолы и других горючих материалов, и они думали более сильным огнем потушить нашу „Блуждающую Искру". Напрасно, мы прогорим еще долго после того, как их пламя погаснет.

Теперь, когда миновала всякая опасность, можно было полюбоваться красивым зрелищем: все лица, выражавшие живейшее любопытство, были ярко освещены, и из окружающего мрака поочередно выступали блестящие при сильном пламени мачты, паруса, пушки и другие предметы, находившиеся на люгере. Но такому сильному пламени немного понадобилось времени, чтобы поглотить весь отданный в его распоряжение горючий материал, и час спустя одни головни тлели над поверхностью воды.

ГЛАВА XII

Рауль совершенно верно понял намерения своего врага. На фелуке фрегат нашел большой запас смолы, и Гриффин, жаждавший мщения за свою утреннюю неудачу, напал на мысль употребить ее с целью поджечь люгер. Так как он сам вызвался подвести брандер, что всегда сопряжено с большим риском, то капитан Куф дал свое согласие. Все было задумано очень предусмотрительно: захваченная вечером фелука была спрятана позади фрегата, чтобы скрыть шлюпку, которую к ней привязали; затем позднее она как будто бы была отпущена, что нарочно — для устранения сомнения — действительно сделали с двумя другими, — и не случись тут подозрительного и пронизательного Итуэля, злостный умысел не был бы открыт; а не будь Рауля с его самообладанием и смелостью, предприятие несомненно бы удалось, хотя и было открыто.

Куф с другими офицерами с палубы фрегата следил за всем происходившим с живейшим интересом, и в ту минуту, как матрос крикнул, что оба судна сейчас столкнутся, вдруг показалось пламя. За дальностью расстояния казалось, что горят оба судна; и даже, когда люгер значительно отъехал от оставшейся на месте фелуки, с фрегата казалось, что он горит вместе с нею. С минуты на минуту англичане ждали взрыва запасного пороха на люгере, и так как этого не последовало, то решили, что он потоплен.

Между тем Гриффин, работая изо всех сил веслами, направлялся к берегу, — частью для того, чтобы не попасть под огонь, который должен был, по его расчетам, охватить корсара, частью с намерением перехватить Рауля, если бы тот захотел спастись на лодках. Он переждал некоторое время, а затем, видя, что ночная тьма сгущается, воротился на фрегат, тщательно объезжая сгоревшее и еще дымившееся судно.

Капитан Куф на следующий день вышел на палубу на рассвете. Он нарочно отдал приказ, чтобы его разбудили чуть свет, и с нетерпением ожидал полного рассвета, чтобы убедиться в положении вещей. Туман начал понемногу редеть, его взор охватывал все большее пространство вокруг, и наконец, он ясно увидел устье реки, то-есть место стоянки люгера. Никаких следов судна! Фелука давно догорела и пошла ко дну, кое-какие обломки ее течением прибило к берегу; но „Блуждающая Искра" исчезла бесследно! Ни поломанных мачт, ни обгорелых парусов, ни оторванной шлюпки — ничего, ничего! Очевидно, все до тла было уничтожено пожаром.

Куф спускался к себе в каюту с высоко поднятой головой — он был удовлетворен за все предшествовавшие неудачи и сел за свой письменный прибор, очень довольный собой и своим поступком.

Он написал письмо главнокомандующему английским Средиземным флотом:

С фрегата его величества „Прозерпина",
близ устья Голо, остров Корсика.

23 июля 1799 года.

„Милорд!

Честь имею довести до вашего сведения о совершенном уничтожении известного республиканского корсара „Блуждающая Искра“, командиром которого был знаменитый Рауль Ивар. Вот как было дело: узнав о том, что этот славный пират оказался вблизи Неаполя и Рима, где он совершил немало грабежей, я направился к острову Эльбе, куда прибыл 21 числа настоящего месяца. В бухте Порто-Феррайо мы застали люгер под английским флагом. На наши запросы мы получили сначала весьма сбивчивые и неясные ответы, а когда убедились в том, что этот люгер и есть отыскиваемый корсар, то было уже поздно, и ему удалось ускользнуть от нас. Тогда мы последовали за ним; но, желая скрыть свою цель, переждали до следующего дня в противоположной стороне, после чего снова направились к Порто-Феррайо, рассчитывая застать его опять в этой гавани. Так оно и случилось. Тут мы задали ему гонку и не без потерь с нашей стороны, но еще с большим ущербом для него, загнали этого морского разбойника сюда, где и подпустили ему брандера, воспользовавшись взятой нами фелукой, нагруженной смолой и другим горючим материалом. В этом последнем деле особенно отличился второй лейтенант Гриффин, тогда как раньше, при погоне, первый лейтенант Винчестер, раненый при этом в ногу.

Позвольте поздравить вас, милорд, с бесследным уничтожением такого смелого пирата. Надо полагать, что с ним вместе погиб и весь экипаж. По человечеству можно сожалеть о гибели стольких людей, но это сделано было по долгу службы и из уважения к церкви — люгер был переполнен непристойными женщинами, песни которых слышали люди с брандера. Предполагаю осмотреться еще немного, не найду ли хоть каких-нибудь остатков „Блуждающей Искры“, а затем отправлюсь в Ливорно.

Честь имею, милорд, пребывать Вашим покорным слугою

Ричард Куф.

Контр-адмиралу, досточтимому лорду Нельсону, герцогу де-Бранте и т. д., и т. д."

Куф дважды перечел это письмо и в третий раз прочел его вошедшему к нему в эту минуту Гриффину.

Оба остались довольны, и Гриффин попросил позволения взять шлюпку и съездить на место пожара, чтобы посмотреть, не осталось ли чего-нибудь от погибшего корсара.

— Я велю спустить мою гичку, и мы отправимся вместе, — отвечал капитан. — Винчестера мы не будем беспокоить, пусть еще отдохнет с своей раной. Я полагаю, что лучше было бы не тревожить адмирала сообщением действительного числа наших убитых и раненых, как вы находите?

— Вы совершенно правы, капитан, к чему пунктуальная точность!

— Вот именно. А относительно женщин, можно допустить, что их там было до двадцати человек? А?

— Этого я не знаю; но, подъезжая к люгеру, я слышал один женский голос,—и весьма вероятно, что там была не одна; к тому же судно было переполнено людьми, они, как рой пчел, высыпали на палубу, и я ясно видел лицо Рауля Ивара, когда его осветило пламенем. Я мог бы убить его одним выстрелом из ружья, но подумал, что это было бы неблагородно.

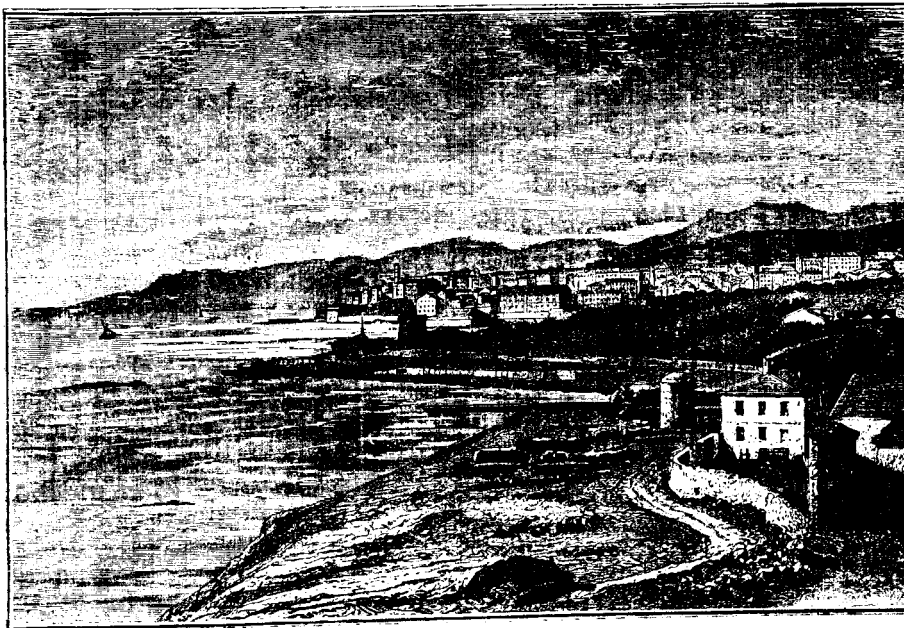
— И вы были правы! — заметил Куф.

Затем они вышли на палубу, спустились в приготовленную гичку и велели везти себя к месту предполагаемой гибели люгера.

Здесь они изъездили все вокруг и не нашли никаких следов „Блуждающей Искры“.

В этом не было ничего удивительного, так как „Блуждающая Искра“ в это время спокойно стояла на якоре в Бастии, ее матросы ставили новую мачту, взамен поврежденной, а Карло Джунтотарди, его племянница и Рауль Ивар поднимались по главной улице этого города, подобно Порто-Феррайо построенного на горе, не боясь ни английских фрегатов, ни брандеров и никаких других опасностей. Но все это было совершенно неизвестно капитану Куф и его помощнику, которые давно уже практиковали привычку самодовольства и самовосхваления после каждого совершенного ими поступка.

Куф любил охоту, а потому он взял с собою ружье, рассчитывая пострелять в прибрежных болотах. После двух-трех часов бесполезных поисков остатков люгера он сообщил свой план Гриффину.

Бастия.

— Тут должны водиться бекасы в этих болотах, Гриффин, и я думаю денька через два, когда спадет лихорадка, Винчестер очень будет не прочь полакомиться кусочком дичи. И теперь как раз время бекасов!

— Но, еще вероятнее, капитан, что несколько человек со сгоревшего корсара спаслось на обломках и скрываются на берегу, — отвечал Гриффин. — Они, быть может, высматривают наши лодки, и все вооружены длинными ножами; с ними было бы более чем нежелательно встретиться, хоть будь их только трое-четверо.

— Может быть, вы и правы, Гриффин, и я отказываюсь от своего намерения. Вернемся на фрегат.

Через полчаса гичка уже прикреплена была на своем обычном месте, а три часа спустя на фрегате подняли паруса, и он двинулся в путь. Всю ночь „Прозерпина“ медленно подвигалась вперед. Капитан Куф, по своему обыкновению, распорядился, чтобы его разбудили, чуть станет светать. Так и теперь, он стоял на палубе, когда к нему подошел Гриффин. После обмена обычных приветствий капитан сообщил лейтенанту, что намерен зайти в городок Порто-Феррайо, чтобы сообщить любезному вице-губернатору Андреа Баррофальди об участии „Блуждающей Искры“; отсюда он предполагал уже прямо отправиться в Ливорно, где мог отослать заготовленное письмо адмиралу Нельсону.

— Парус! — крикнул сторожевой. Капитан и Гриффин разом обернулись.

— С какой стороны? — спросил капитан.

— Вот за тем островком. Это люгер — и как две капли воды похож на тот, который мы сожгли прошлой ночью, — отвечал Бен Броун, матрос, обладавший острым зрением.

— Как люгер? Второй из этих разбойников! Пойти посмотреть его с того конца!

Убедившись, что вдали действительно был люгер, капитан отдал распоряжение немедленно направить фрегат к нему и, подойдя на расстояние пушечного выстрела, дать по нем залп, чтобы тем вернее обеспечить его захват.

Этот люгер был „Блуждающая Искра“. Желая избежать встречи с опасным врагом, Рауль Ивар с рассвета начал зорко присматриваться и, завидя слишком хорошо знакомый ему фрегат, направил свое судно полным ходом в неширокий проход между островками, рассчитывая на большую подвижность люгера, с одной стороны, и массивность и относительную неповоротливость фрегата — с другой.

Так и вышло. После нескольких тщетных попыток подойти к люгеру на расстояние выстрела, поворачив не один раз, капитан Куф должен был отказаться от попытки одолеть врага и решил вернуться в Порто-Феррайо.

— Оставим его, Гриффин, будет с нас и одного разбойника, — говорил капитан Куф, видя невозможность продолжать преследование. — К тому же он не выставляет флага, и мы не знаем, может быть, это и дружественное судно, — тем более, что он, повидимому, вышел из гавани дружественного нам Порто-Феррайо.

— Рауль Ивар дважды это проделал, — пробормотал Иельвертон, который очень сомневался в действительной гибели „Блуждающей Искры“. — Эти двойнички поразительно похожи между собой и в особенности этот, как говаривал один американский негр о своих двоих сыновьях.

Но никто не обратил внимания на это замечание, сделанное вполголоса, — было немного сомневающийся в гибели корсара. „Прозерпина“ снова повернула в знакомую бухту и стала на якорь у места, на котором дважды бросал якорь люгер Ивара. Гичка была спущена, и капитан в сопровождении Гриффина поехал с официальным визитом к вице-губернатору.

Так как ветер был очень небольшой, то на все путешествие пошло немало часов, и было как раз время визитов; Куф облачился в полную парадную форму, и его появление на пристани Порто-Феррайо произвело некоторое впечатление; Вито-Вити поспешил предупредить Баррофальди о посещении английских офицеров. Таким образом, Андреа Баррофальди имел возможность приготовить извинительную речь за тот обман, в который он введен был Раулем Иваром.

Он встретил гостей вежливо, но с достоинством, и торжественность приема ничуть не потеряла от того, что все фразы с той и другой стороны приходилось постоянно переводить. Это обстоятельство сначала несколько стесняло разговаривающих; но так как с обеих сторон было что сообщить, то они скоро отбросили церемонии и приступили к делу, как умели. Вице-губернатор рассказал, как Рауль Ивар представился ему под именем англичанина сэра Смита, сына лорда, — на что капитан Куф ему заметил, что такого лорда нет в списке английских пэров и что фамилия Смит не аристократическая фамилия. Затем Баррофальди сообщил, как Ивар обманул его, указав на Цицерона, однофамильца будто бы с римским Цицероном, в ряду известных английских писателей, и хотел уже перечислить все подробности своих бесед с ним, когда Куф попросил Гриффина поскорее передать вице-губернатору о кончине этого недостойного разбойника и всего его экипажа. Куф опасался, что дальнейшее промедление в сообщении столь важного известия может вызвать неудовольствие Андреа Баррофальди. Гриффин стал рассказывать последний эпизод с „Блуждающей Искрой“, и, по мере приближения его описания к концу, на лице вице-губернатора начало появляться выражение все большего и большего изумления, между тем как Вито-Вити ясно обнаруживал все признаки недоверия.

Когда Гриффин довел свой рассказ до конца и с удовольствием похоронил Рауля вместе со всем его экипажем, оба чиновника переглянулись с некоторым удивлением, и после короткого молчания Андреа Баррофальди сказал:

— Во всем этом кроется какая-то ошибка, синьор лейтенант, потому что Рауль Ивар жив и люгер его цел: сегодня на заре он обогнул наш мыс и даже захватил было одну из наших фелук, но затем отпустил ее, в благодарность, как он заявил, за хороший прием, который он встретил на нашем острове. Он имел дерзость переслать мне свой привет и выразил надежду побывать еще как-нибудь у меня и лично засвидетельствовать свое почтение.

Капитан Куф и Гриффин были поражены как громом; напрасно Куф делал предположения, что это, по всей вероятности, был виденный ими сегодня люгер, поразительно похожий на „Блуждающую Искру“. В конце концов приходилось поверить сообщению вице-губернатора и, как это ни было обидно, признать Рауля и его люгер невредимыми.

— И везет же ему, Гриффин, — заметил Куф, — чертовски везет! Хорошо еще, что я не успел послать рапорта Нельсону...

Гриффин сказал несколько участливых слов, но он и сам чувствовал себя так незаслуженно и глубоко оскорбленным, что не годился в роли утешителя.

Баррофальди удвоил свою любезность, чтобы несколько рассеять мрачное настроение посетителей, и пригласил их позавтракать.

ГЛАВА XIII

Перенесемся несколько вперед и остановимся в другой части моря, — хотя и не особенно далеко от прежнего места действия, — при входе в большой залив, около восемнадцати миль в диаметре, берега которого изрезаны мысами и бухточками.

Здесь наблюдатель увидит одну из лучших картин земного шара. Направо — каменистый высокий остров, покрытый черным туфом²⁸, на котором весело вьются виноградники, и оживленный живописными историческими развалинами; узкий пролив отделяет его от утесистого мыса, выдающегося с континента; далее ряд возвышенностей, перемешанных с очаровательными долинами, усеянными красиво разбросанными деревушками; кругом то ласкающая, то внушительная природа. Еще дальше, по берегу того же залива, громоздятся горы-исполины, остроконечные вершины которых тянутся к облакам на шесть и семь тысяч футов, а склоны изрыты рывинами и пропастями; по ним разбросаны опять башни, деревушки, монастыри, города, замки, виллы, — все величаво и красиво. Если к этому еще прибавить целую флотилию судов и клубы дыма, поднимающиеся из конусообразной горы у входа в залив, то мы получим некоторое представление о том, что так поражает каждого иностранца при въезде в Неаполь с моря.

Среди других судов находился и фрегат „Прозерпина“, капитан которого Куф был в это время на корабле адмирала Нельсона.

Небольшого роста, с желтоватым цветом лица, худой и потерявший правую руку, Нельсон нетерпеливо ходил взад и вперед по каюте, а капитан Куф стоял из уважения к нему, несмотря на его приглашение сесть.

— Ну, что же, Куф, готовы ли вы к отплытию? — говорил адмирал, с непривлекательным лицом, потрясая обрубок своей отрезанной руки.

— Мы поджидаем только депеш, за которыми отправили на берег, милорд, а затем снимаемся.

— Прекрасно. А этот Гриффин кажется весьма достойным молодым человеком. Я доволен его

²⁸ Туф—мягкая порода, преимущественно вулканического происхождения.

рапортом о брандере, от которого все-таки улизнул этот мошенник француз — как его звать? Все забываю эти французские имена.

— Рауль Ивар, милорд. Но, простите, я также несилён во французском языке, — я слишком для этого англичанин.

— За это я вас ценю ещё больше, Куф. Но что мне нравится в этом Гриффине, так это его смелость, энергия — подвести брандер всегда страшно, рискованно, тут жизнь ставится на карту...

Нельсон задумчиво приостановился; на лице его появилось особенно неприятное выражение, и он продолжал:

— Во всяком случае надо, как бы то ни было, положить предел грабежам этого люгера; все меры надо принять, Куф, чтобы осадить этих расходившихся тигров-французов.

— Я это знаю, милорд, и не менее вашего не люблю республиканцев.

— Я в вас уверен, Куф; я ни минуты не сомневался в вас и всегда вас уважал.

Продолжению разговора помешало появление мичмана с докладом о приходе каких-то мужчины и женщины, имевших неотложное дело к адмиралу.

— Впустите их, — сказал Нельсон. — Оставайтесь, Куф, вы поможете мне — меня здесь осаждают разбирательством всевозможных недоразумений.

Дверь отворилась, и вошли двое людей, мужчина лет пятидесяти, по крайней мере, и молоденькая девушка лет девятнадцати. Наружность первого не представляла ничего особенного; вид он имел озабоченный, и глаза были опущены в землю; но молодая девушка была олицетворением жизни, грации и красоты, присущим Джите Караччиоли — потому что это и была она с своим дядею, Карло Джунтотарди.

Неаполитанский залив.

Нельсон был поражен милой и скромной наружностью Джиты и, хотя сам продолжал стоять так же, как и капитан Куф, предложил ей сесть. С первых же слов он увидел, что не может обойтись без переводчика, так как ни дядя, ни племянница не говорили по-английски, а он сам слишком плохо знал итальянский язык, чтобы вести на нем объяснение. После некоторого колебания он направился к двери, ведущей в следующую каюту, из которой по временам слышны были голоса, и между ними женский; еще на секунду приостановясь у самой двери, он кончил тем, что приотворил ее и сказал с мягкостью, доказывавшей, что особа, к которой он обращался, имела над ним большое влияние.

— Мне приходится просить вас об одолжении, на что я никогда бы не решился без крайней надобности. Дело в том, что мне нужен посредник между мною и второй красавицей Неаполя, — а кому же, как не первой, это выполнить?

— Очень охотно, дорогой Нельсон, — отвечали из глубины каюты красивым и звучным голосом. — Сэр Вильям поглощен своими древностями, и я уже начала было скучать от бездействия.

После этих слов в первую каюту вошла замечательно красивая дама; но искусственность, прикрашенность и что-то не совсем естественное в выражении ее лица много уменьшало ее привлекательность.

Эта дама достигла возраста, когда красота, достигшая вершины своего расцвета, требует уже помощи и подспорья в изысканном костюме. На Джите, напротив, был самый простой неаполитанский костюм с темным корсажем, а голову ее украшали одни ее чудные волосы; но никакая знаменитая портниха не смогла бы лучше подчеркнуть ее стройную талию и чарующее личико. При первом взгляде на Джиту на лице дамы про-

мелькнуло выражение удивления, и даже легкая тень тревоги; но она была слишком хорошей актрисой, чтобы не суметь скрыть своего ощущения, а потому, в ту же минуту, вполне овладела собой и улыбнулась.

— Так вот для кого меня вызвали! — проговорила она с напускной лаской. — Капитан Куф, сэръ Вильям присоединяется к приглашению адмирала и просит вас отобедать сегодня в семейном кругу.

— А что на это говорит хозяйка — если не дома, то корабля? — спросил Куф, который не сводил глаз с красавицы с тех пор, как она вошла.

— Она говорит, не принимая звание, которое вы ей пожаловали, как бы оно ни было почетно, что присоединяет и свое приглашение к остальным и просит капитана Куфа сделать нам удовольствие своим присутствием.

Тут Нельсон вмешался в разговор и заметил, что старик итальянец и молодая девушка, оба такого почтенного и скромного вида, все еще ждут своей очереди.

— Предупреждаю вас, господа, что я буду изображать только верное эхо и точно передавать слова обеих сторон, — заметила дама.

— Прежде всего спросите имя этого почтенного старика, если вы будете так любезны, — обратился Нельсон к красавице.

— Карло Джунтотарди, благородная дама; когда-то бедный ученый в Неаполе, а теперь сторож башен князя на высотах Арджентаро, — почтительно отвечал дядя Джиты, который, как и его племянница, отказался сесть.

— А я Джита Караччиоли, ваше сиятельство, дочь сестры его, — отвечала Джита, в свою очередь.

Если бы бомба взорвалась на его судне, Нельсон, наверное, не задрожал бы так, как теперь. На красивом лице дамы также отразилось выражение затаенной досады, не без примеси страха. И Куф уловил имя Караччиоли и двинулся вперед с любопытством, видимо, заинтересованный. Но все скоро успокоилось — дама раньше других; один лишь Нельсон сделал пять-шесть концов по комнате, помахивая своей искалеченной правой рукой, прежде чем поднял опущенные глаза.

— Желала бы я знать, покончим ли мы когда-нибудь со всеми этими неприятностями, — сказала дама по-английски. — Но я думаю, что тут какое-нибудь недоразумение. Я расспрошу ее. Синьорина, — продолжала она по-итальянски строгим тоном, как бы заранее уже не доверяя тому, что услышит, — имя Караччиоли одно из славнейших имен Италии, и его не часто носит дочь смотрителя башен какого бы то ни было князя.

Джита вздрогнула и казалась смущенной; но она не могла молчать, когда ее обвиняли чуть не в преступлении, и хотя яркий румянец, напоминавший вечернюю зорю ее отечества, сбежал с ее щек, она подняла глаза на нахмуренное лицо дамы и ответила:

— Я знаю, что вы хотите сказать, ваше сиятельство, и сознаю, что вы правы; но жестоко было бы запретить дочери носить имя ее отца. Моего отца звали Караччиоли, и это имя осталось мне единственным от него наследством. Какие он имел права на него, об этом спросите моего дядю.

— Объясните же, синьор Джунтотарди, скажите нам сначала историю этого имени, а затем причину, приведшую вас сюда.

— Благородная дама, — сказал старик, — моя сестра, теперь уже умершая, была замужем за доном Франческо Караччиоли, сыном дона Франческо из известной знаменитой семьи, того дона Франческо²⁹, который в настоящее время приговорен к смерти за то, что повел флот против короля. Джита, которая находится здесь перед вами, единственный ребенок от этого брака. Правда, церковь не освятила того союза, которому обязан был своим рождением отец моей племянницы, но благородный адмирал ни минуты не колебался признать его своим сыном; он дал ему свое имя и не оставлял своим покровительством до тех пор, пока тот не женился на сестре бедного ученого. Тогда сын впал в немилость отца. Но тут в скором времени смерть избавила обоих—и мужа, и жену от неудовольствия адмирала. Вот и вся наша история, благородная синьора, — она очень проста.

— Известно ли князю Караччиоли, что у него есть внучка?

— Я сильно в этом сомневаюсь, синьора. Ребенок осиротел в раннем детстве, и я считал бесполезным обратиться к такому важному человеку, не рассчитывая, чтобы ему приятно было признать свое родство с нашей скромной семьей.

Эти слова, повидимому, успокоили даму, и она передала Нельсону весь разговор.

— Возможно, — продолжала она, — что они пришли сюда по поводу того же дела, о котором мы уже многое—и совершенно безрезультатно слышали. Хотя не думаю: что им за дело до человека, совершенно им незнакомого? Что вам надобно, Джита? Вот это дон Горацио Нельсон, славный английский адмирал, о котором вы, наверное, много слышали.

— Я знаю его, ваша светлость. Мой добрый дядя сейчас сказал вам, кто мы, и теперь вам нетрудно угадать причину, приведшую нас сюда. Мы прибыли только сегодня утром из Санта-Агаты, с того берега залива, и узнали здесь от одного нашего родственника о только что совершившемся аресте дона Франческо, вслед за тем услышали, что его приговорили к смерти; говорят, что казнь над ним будет совершена еще до солнечного заката.

²⁹Франческо Караччиоли—неаполитанский адмирал и патриот. Был морским министром созданной французами Партенопейской республики. Благодаря проискам англичан, в частности Нельсона, после падения республики был казнен по приговору неаполитанского военного трибунала.

— Если бы это и действительно так было, какое вам до этого дело? Вы его не знаете.

— Он отец моего отца, ваша светлость; и хотя я его никогда не видала, я уважаю в нем родственника.

— Все это прекрасно, Джита, но ведь не можете же вы любить человека, которого никогда не видали и который даже не знает, что вы его внучка? Вы еще так молоды, и, как девушке, вам надо поступать очень осторожно. Даже мужчины зачастую действуют весьма опрометчиво, вмешиваясь в политику в настоящее смутное время.

— Синьора, меня сюда привели не политические вопросы, а естественное родственное чувство.

— Что же вы имеете нам сказать? — нетерпеливо воскликнула красавица. — Подумайте, что вы отнимаете время у человека, занятого множеством самых важных дел.

— Я это знаю, ваша светлость, и постараюсь высказаться как можно короче. Я пришла просить этого знатного иностранца о помиловании моего деда. Мне сказали, что король ни в чем не откажет ему, и ему стоит только попросить.

В то время как прелестное личико Джиты дышало надеждой, темная туча заволочла чело англичанки, изгладив с него все следы мягкости и женственности. Не будь свидетелей, Джиту, по всей вероятности, грубо выпроводили бы; но дама была слишком большая дипломатка, и она сумела сдержать себя ради известной цели.

— Адмирал — не неаполитанец, он — англичанин и не имеет права изменить судебный приговор вашего короля. Ему даже неловко вмешиваться в постановления вашего государства.

— Никогда не может быть неловко вмешаться для спасения жизни человека.

— Что вы понимаете в этом? Сознание, что в ваших жилах течет кровь Караччиоли, заставляет вас забыть свое положение и порождает в вас какие-то романтические понятия о долге.

— Вы ошибаетесь, синьора. Уже восемнадцать лет я знаю, что несчастный адмирал Караччиоли мой дед; но так как он ни разу не выразил желания видеть меня, то и я никогда не испытывала желания представиться ему, чтобы не показаться навязчивою. До сегодняшнего дня я никогда не думала о семействе Караччиоли иначе, как глубоко сожалея о проступке моей бабушки.

— Ты смело говоришь о твоих благородных и славных родственниках, девушка.

Дама произнесла эти слова еще суровее, с нахмуренными бровями.

— Можете теперь удалиться, я передам адмиралу все, что вы мне сказали, — проговорила она.

— У меня еще другая просьба, ваша светлость: повидать дона Франческо.

— Его нет на нашем судне, он на фрегате „Минерва“, и вас, конечно, допустят к нему. Пойдите, несколько слов помогут вам добиться желаемого. Вот, возьмите! Прощайте, синьорина.

— Могу я сколько-нибудь надеяться, ваша светлость?

— Я не могу сказать вам ничего определенного — дело в руках неаполитанского суда, и мы, англичане, в него не вмешиваемся. Уходите теперь оба, адмиралу надо заняться другими неотложными делами.

Джита удалилась со своим дядей. В дверях каюты они встретились с лейтенантом, под караулом которого находился приговоренный и который шел теперь к адмиралу с последней просьбой дона Франческо позволить ему умереть смертью солдата, а не казнью разбойника. В этой просьбе ему было отказано.

ГЛАВА XIV

Весьма возможно, что Нельсон так и не узнал в точности того, что говорила Джита; по крайней мере, ее просьба была оставлена без всяких последствий. Вообще в этом деле поступили почти с неприличной поспешностью и не пожелали даже смягчить род казни князя Караччиоли. Куф остался обедать у адмирала, а Карло Джунтотарди и его племянница отправились на лодке к неаполитанскому фрегату, на котором в это время находился пленником несчастный Караччиоли.

Их свободно пропустили на фрегат, где Джунтотарди сообщил вахтенному офицеру о цели их прихода, и тот послал спросить арестанта, желает ли он принять посетителей; при этом сказано было имя одного только дяди.

Князю Франческо Караччиоли было под семьдесят лет; он принадлежал к одной из известнейших фамилий в Италии и всю жизнь занимал важные должности. Теперь он находился в ожидании исполнения приговора уже на том судне, на котором должна была совершиться казнь.

Офицер, явившийся к нему от имени Джунтотарди, застал этого несчастного с его духовником. Караччиоли равнодушно выслушал просьбу и, предполагая, что это или какой-нибудь старый слуга их дома или поставщик, которому не уплачено чего-нибудь по счету, согласился его принять, и даже задержал духовника, собиравшегося уже уходить.

— Я рад буду расплатиться; если за мной есть еще какие недоимки, — сказал Караччиоли.

Дверь отворилась, и вошла Джита с своим дядей. Наступила минута общего молчания: приговоренный старался припомнить тех, кого он видел перед собой, а Джита была слишком огорчена и испугана, чтобы говорить. Наконец, она подошла к Караччиоли и сказала, опускаясь перед ним на колени:

— Дедушка, я дочь вашего единственного сына.

— Дедушка?! Мой сын! Его дочь! — повторил дон Франческо. — Да, у меня был сын; я признаю это с раскаянием; но он давно умер, и я никогда не слышал, чтобы после него осталась дочь.

— Эта дочь перед вами, синьор, — сказал Джунтотарди, — а ее мать была моя сестра. Вы считали нас ниже себя, и мы не хотели вас беспокоить.

— Как же вы теперь надеетесь получить признание ваших прав со стороны приговоренного к смерти преступника, друг мой?

— Нет, нет, — послышался голос у его ног, — дочь вашего сына не ищет никаких прав.

— Я этого не достоин, отец, — обратился неаполитанский адмирал к своему духовнику. — Взгляните на это нежное растение, до сих пор пренебрежительно оставленное в тени, которое словно поднимает теперь свою головку, чтобы оделить меня своим благоуханием в минуту моей смерти. Нет, я этого не заслужил!

— Сын мой, скажите, разве у вас действительно был сын?

— Да, у меня был сын, которому я дал право носить мое имя и о котором заботился как отец; он жил у меня во дворце до его женитьбы; я имел в виду обеспечить его со временем, но его преждевременная смерть предупредила меня. Однако я ничего не знал о том, что у него была дочь. Но посмотрите, отец, разве не выражают эти черты чистейшей искренности?

— Зачем же мы стали бы вас обманывать, и, тем более — в такую минуту! — воскликнула Джита, все еще оставаясь на коленях. — Мы у вас не просим ни положения, ни богатств; мое единственное желание успокоить вас сообщением, что после вас остается на земле родная вам по крови девушка, которая будет вспоминать вас.

— Отец, тут не может быть никакой ошибки, потому что эта девушка поразительно похожа на свою бабушку, и я чувствую правду в ее словах. Не знаю, считать ли мне это позднее открытие счастьем или несчастьем.

— Да, ваша светлость, — сказал Карло, — она дочь вашего сына, Франческо, и моей сестры. Я никого не желаю обмануть, а всего менее человека, обреченного на смерть.

— У меня нет имущества, которое я мог бы ей передать, нет отличий, которые перешли бы на нее, не могу ей даже дать имя, которым бы она гордилась!

— Не тревожьтесь, дедушка, мы свыклись со своим положением, и богатство только стеснило бы нас.

— Помнится мне, отец, что подозрение в желании эксплуатировать мое богатство было главной причиной моего неудовольствия по поводу брака моего сына — и вот эти люди оставляли меня в покое, пока я был богат и знатен, и пришли ко мне теперь, когда мои земли конфискованы, мое имя обесчещено, когда я в горе и несчастьи. Я не встречал таких сердец... Но что это?

В эту минуту дону Франческо подали бумагу, которую он лихорадочно схватил и страшно побледнел, узнав ее содержание.

— Мне отказано в моей последней просьбе, — глухо заговорил он, — и я умру смертью разбойника... Джита, дитя мое, тебе надо уйти, час моей смерти приближается, а это зрелище не для молодой девушки. Это короткое свидание принесло мне облегчение... Да, вот возьми этот кошелек золота, его принес мне один из моих родственников в надежде, что оно поможет мне, но мне ничего не поможет. При твоих скромных привычках его тебе хватит надолго.

Джита, с глазами, полными слез, оттолкнула кошелек.

— Нет, дедушка, мне не надо золота!

Дон Франческо с глубокой нежностью смотрел на юную энтузиастку; он обнял и благословил ее. В эту минуту на часах пробило половину пятого, и Караччиоли узнал, что ему остается только полчаса до казни, назначенной в пять. Он счел необходимым отпустить внучку. Прощанье было трогательное и торжественное, и когда дверь затворилась за Джитой, дед почувствовал такую тоску, точно он сейчас простился с долго любимым, самым дорогим и близким существом.

Палуба "Минервы" имела печальный, похоронный вид: симпатии неаполитанцев были на стороне осужденного, и фрегат был сплошь окружен множеством лодок с людьми, сожалевшими о несчастной участи Караччиоли. На судне никто не подозревал о родственной связи Джиты с князем, но ее расстроенное, милое личико вызывало общее участие. Ее дяде удалось найти перевозчика.

— Вы отвезете нас в сторону, чтобы мы могли переждать окончания казни, — она близко затрагивает нас! — сказал Карло лодочнику.

— Я это знаю, синьор Карло, — отвечал перевозчик-лаццарони в белой рубашке, фригийской шапке и коротких штанах, доходивших ему немного ниже колен. Его обнаженные руки и ноги обладали мускулами, годными служить моделью для скульптора. На ногах его были холстинковые башмаки.

При звуках его голоса Джита слегка вскрикнула и взглянула на него.

Перед нею сидел Рауль Ивар, которого она сначала не узнала в этом костюме. Едва заметным жестом он предостерег ее о необходимости не выдавать его секрета; а ее дядя, погруженный в свои мысли, был далек от того, чтобы угадать, кто скрывался перед ним под видом лодочника, и, приняв ее возглас за страх, заметил:

— Не тревожься, Джита, страшная минута еще не наступила. Но Джита была далеко не спокойна. Она сознавала всю опасность, которой подвергался любимый ею человек. Его присутствие нарушало ее торжественное настроение; она даже предпочла бы, чтобы его не было сейчас с нею, хотя и не могла не чувствовать к нему нежной благодарности за его заботливость о ней: он, так сказать, клал свою голову в львиную пасть врагов. Джита не скрывала от Рауля своего родства с князем Караччиоли, и он прекрасно понимал, что привело ее сюда. А она робко оглядывалась, боясь где-нибудь увидеть "Блуждающую Искру"; но Рауль был слишком умен, чтобы допустить подобный промах, и люгера нигде не было видно.

К „Минерве" подъезжали все новые и новые суда, и море около нее было буквально запружено ими. Рауль направил свою лодку в пространство между „Минервой" и фрегатом Нельсона, где не было тесноты, и остановился, подняв весла, чтобы переждать окончание казни.

Торжественное молчание, вызванное выжиданием, царило на палубах всех соседних с „Минервою" судов. Было жарко; море как бы застыло в мертвой неподвижности, и ни малейшее дуновение легкого ветерка не нарушало печальной картины. На палубе не заметно было никаких признаков жизни, и только род виселицы, наскоро приспособленной среди корабельных снастей, и особая платформа под нею напоминали о том, что должно было сейчас совершиться. Рауль опытным глазом различал назначенную для этого веревку среди множества такелажных канатов; но, конечно, ни Джита, ни ее дядя не видели всего этого.

Прошло минут десять томительного ожидания; лодки все прибывали, и соседним судам разрешено было стать таким образом, чтобы увидеть это назидательное, как полагали, зрелище, могущее послужить предостережением для других республиканцев. Раздался свисток боцмана с судна контр-адмирала, и Рауль увидел, как в поданную гичку спустились двое морских офицеров и двое мужчин в штатском платье. Гичка легко поплыла к тому же, притягивавшему общее любопытство кораблю „Минерва", и остановилась в каких-нибудь десяти футах от маленького ялика Рауля, который, к величайшему своему удивлению, узнал в подъехавших капитана Куфа, лейтенанта Гриффина, Андреа Баррофальди и Вито-Вити. Прибавим, что двое последних вызвались сопровождать первых в небольшом плавании единственно с целью поимки „Блуждающей Искры".

Всякий другой на месте Рауля почувствовал бы себя не совсем приятно при подобных обстоятельствах; но Рауль только посмеивался. Он рассчитывал на свою неузнаваемость в чужом платье и слишком хорошо был знаком со всеми подобными опасностями, а потому нисколько не утратил своего хладнокровия и самообладания. Не зная в лицо Куфа и Гриффина, но зная, что „Прозерпина" стоит тут же, Рауль легко догадался о том, кто были офицеры, сидевшие с Баррофальди и градоначальником, а также верно определил соединявшую их цель.

Не прикрываясь, с открытым лицом, в своей красной фригийской шапочке, он смело смотрел на них.

— Не нравится мне это дело,—говорил Куф Гриффину. — Я знавал старика Караччиоли, это хороший человек — и кто разберет в настоящее смутное время, где кроется измена? А! Вон на том ялике я вижу старика с девушкой, которые сейчас были у Нельсона.

— Что у них может быть общего с князем Караччиоли и изменой? Старик смотрит книгоедом, а молодая девушка хорошо сложена, но, вероятно, боится нарушить благоприятное впечатление от своей стройной фигуры, так как старательно закрыла себе лицо.

Рауль подавил в себе порыв негодования, а Куф, мало стеснявшийся привычных гребцов, возразил:

— Я близко видел эту девушку у адмирала и могу вас уверить, что ей нет причины прятать свое лицо. Она замечательно красива, редко можно встретить такую красавицу. К сожалению, она по-итальянски объяснялась с милэди, и та, очевидно, добрую половину объяснения сохранила при себе. Однако, с чего бы это так засмотрелся на нее блюститель порядка Порто-Феррайо? Спросите-ка его, Гриффин, по-итальянски, что за птичку почуял он в гнездышке?

— Синьор подеста, — сказал Гриффин, — скажите, что вас отвлекает от „Минервы"? Уж не Венера ли?

Между тем Вито-Вити слегка толкнул локтем вице-губернатора и, указывая ему на закутанную фигуру в ялике Рауля, проговорил:

— Я сильно ошибусь, если это не маленькая Джита, вон там, — Джита, появившаяся у нас, как комета, и исчезнувшая с быстротою... быстротою... чего бы, синьор Андреа?

— С быстротою „Блуждающей Искры", — подхватил Гриффин, — а так как их исчезновение совпало, то, может быть, не было бы нелогичностью заподозрить в этом какую-нибудь связь?

Градоначальник не успел ответить, так как в эту минуту раздался пушечный выстрел, поднялся столб дыма и взвился желтый флаг.

В то время суда четырех различных национальностей сошлись одновременно в гавани: неаполитанские, английские, русские и турецкие — все для защиты „своих прав, домашнего очага и алтаря" от французской революции. Итак, флаги четырех монархий должны были быть свидетелями последующей печальной сцены.

Сигнал, поданный с „Минервы" поднятием флага, и пушечный выстрел разом приостановили все обычные, ежедневные занятия и работы на всех других судах. Экипажи всех судов столпились на своих палубах с возбужденными мрачными лицами, ясно говорившими об их сочувствии к осужденному. Однако не слышно было ни звука ропота, не видно было жеста протеста и возмущения. Невидимое покрывало власти все ступшеывало. Громадная толпа недовольных людей покорялась решению суда, как велению судьбы. Строгая дисциплина обязывала к молчанию, но общее внутреннее убеждение говорило за то, что в данном случае они явились свидетелями одного из проявлений несправедливости своих начальников.

Джита, когда услышала выстрел, подняла полные слез глаза к фрегату. Взгляды всех обратились на приведенную в движение веревку, а затем на приговоренного, стоявшего в сопровождении священника на приготовленной платформе. Несчастный Караччиоли без мундира, с обнаженной шеей, на которую уже была надета петля для предупреждения какой-либо неожиданности и которая своим трением не переставала напоминать ему о своем назначении, — шел со связанными за спиной руками, с обнаженной седой головой.

Глухой ропот прошел в толпе на всех судах при этом зрелище. Этот знак общего сочувствия послужил

минутным утешением несчастному, конец которого был так близок. И старик Караччиоли охватил прощальным взглядом все окружающее. Это была невыразимо тяжелая минута для такого человека, как дон Франческо Караччиоли. Никогда не поражала его до такой степени красота природы представшего его глазам дивного Неаполитанского залива, как теперь. Караччиоли бросил невольный взгляд упрека по направлению судна адмирала Нельсона, а затем обвел глазами всю; собравшуюся толпу, вырисовавшуюся наподобие ковра из человеческих голов, раскинутого на море. Взгляд приговоренного был тверд, хотя все возмущалось внутри его. Джита упала на колени на дно лодки и не поднимала головы и глаз до окончания печального акта.

— Передайте Нельсону, отец, — обратился Караччиоли к сопровождавшему его священнику, — что я не жалею о своей деятельности. Моя служба республике составляет мою гордость.

Сильный голос старика дрожал от волнения.

— Желал бы я, чтобы Нельсон не имел ничего общего со всем этим, — проговорил капитан Куф.

Он невольно оглянулся на палубу судна адмирала и различил милэди, служившую утром посредницей между Джитой и Нельсоном. Та стояла со своей служанкой, жадно всматриваясь в открывшееся перед нею зрелище; ни один из близких ей мужчин не чувствовал себя в силах присутствовать при этом ужасном акте. Куф отвернулся от нее с отвращением и снова взглянул на „Минерву“: мощные руки неаполитанских матросов тянули за веревку, надетую на шею несчастного Караччиоли, стоявшего на коленях, и вздернули его наверх. Затем последовала ужасная минута борьбы жизни со смертью, и все было кончено: тело неаполитанского адмирала, за минуту одушевленное жизнью, повисло неподвижно, такое же безжизненное, как кусок дерева, с которого оно свешивалось.

ГЛАВА XV

Весь длинный летний вечер тело Караччиоли не снимали с веревки, к общему негодованию не только его сограждан, но и иностранцев. Затем тело положили в шлюпку, привязав к ногам тяжесть, отвезли на добрую милю дальше и бросили в море.

Что касается Джиты, то она незаметно исчезла — Рауль удалил ее от такого тяжелого для нее зрелища, пока внимание Вито-Вити и его товарищей было отвлечено совершавшеюся казнью. Затем Куф отправился на свой фрегат, который полчаса спустя на всех парусах вышел из Неаполитанского залива.

Выйдя за пределы тесно стоявших судов и лодок, Рауль направил свой ялик к садам Портити, достаточно удаленным от обычных мест стоянки судов, и в то же время не настолько, чтобы к ним нельзя было доехать в час. По мере того как легкий ялик подвигался вперед, Джита начала успокаиваться; она осушила глаза и огляделась, как бы спрашивая, куда ее везут.

— Я не спрашиваю у вас, Рауль, как вы очутились здесь в настоящую минуту, но я хотела бы знать, куда вы нас теперь везете. Наш дом в настоящее время в Санта-Агата, по ту сторону залива; мы ежегодно проводим там месяц у сестры моей покойной матери, имеющей все права на привязанность с нашей стороны.

— Если бы мне не было уже все это известно, Джита, меня бы здесь не было. Я был сегодня утром у вашей тети, а оттуда последовал за вами в Неаполь, где узнал о суде и приговоре над вашим дедом; я видел, как вы вошли на корабль английского адмирала и, ловко спровадив лодочника, поджидал вас. Все это произошло так же естественно, как непосредственно самое чувство, побудившее меня еще раз сунуть свою голову в пасть льву.

— Повалился кувшин по воду ходить, там ему и голову сложить, Рауль, — заметила Джита с упреком, не заглушившим, однако, преобладавшего оттенка нежности в ее голосе.

— Вам все известно, Джита. На мою глубокую и горячую любовь вы холодно отвечаете положительным отказом выйти за меня замуж; вы бежите от моих преследований в Порто-Феррайо, рассчитывая на весь риск для меня в посещениях этого враждебного французам острова; наконец, вы здесь, среди англичан и других врагов Франции, и что же? Вы видите, чего вы этим достигли: сам адмирал английского флота, Нельсон, не в состоянии помешать Раулю Ивару последовать за той, которую он любит.

Рауль положил весла. Вокруг стояла такая тишина, что, казалось, сама природа затаила дыхание; присутствие старика дяди, вечно погруженного в размышления и не замечавшего ничего происходившего перед ним, не могло помешать объяснению влюбленных.

— Я могу только повторить то, что я уже вам говорила, — отвечала Джита, — я не покину своей родной земли, а вы не откажетесь от вашей славной республики, которую вы так гордитесь. Наконец, что всего важнее, вы пропитаны новыми идеями вашей нации. Неужели всего этого не достаточно, чтобы развести нас, хотя бы мы чувствовали взаимное расположение?

— О, Джита, любовь преодолевает все преграды! — с горечью воскликнул Рауль. — Но оставим этот разговор до другого раза. Теперь я должен прежде всего позаботиться о том, чтобы доставить вас в дом вашей тети, если вы не пожелаете вернуться в ваши башни на „Блуждающей Искре“.

— Разве здесь „Блуждающая Искра“? О, Рауль! Какая неосторожность! Наконец, ваш экипаж возмутится против вас за то, что вы так часто подвергаете его серьезной опасности ради удовлетворения вашей прихоти.

— Мой экипаж в меня — он любит риск и приключения. Кроме того, я пришел к убеждению, что нет лучшего способа скрыться, как замешаться в толпу — здесь, среди этого множества самых разнообразных су-

дов, мой люгер пройдет незамеченным. Однако, вот и рыбак, который нас сейчас примет.

Лодочка Рауля подходила в эту минуту к речке, на которой спокойно стоял привязанный к берегу ялик, и рыбак, до тех пор сосредоточенно следивший за своей удочкой, поднял голову, пытливо взгляделся в подъезжавших и, узнав Рауля, вытащил лесу из воды, убрал рыболовные принадлежности и двинулся им навстречу. Внимательно всмотревшись в переодетого рыбаком человека, Джита узнала в нем Итуэля Больта. Когда ялики стали борт о борт, Рауль и его пассажиры перешли в лодку Итуэля, а свою лодочку Рауль привязал к берегу, рассчитывая, что ее владелец, чьей собственностью он воспользовался без разрешения, найдет ее в какой-нибудь счастливый день. Затем, взяв каждый по веслу, переодетые гребцы сильными взмахами быстро направились к противоположной стороне залива.

Лодки, разбегаящиеся по всем направлениям Неаполитанского залива, не обращают на себя ничего внимания, настолько это привычное здесь явление, а потому в море на своей легкой шлюпке, взятой с люгера, Рауль и Итуэль чувствовали себя в полной безопасности.

Солнце уже низко стояло над горизонтом, но еще можно было различать предметы. „Прозерпина“, продвигавшаяся в том же направлении, пользуясь благоприятным ветром, летела на всех парусах и скоро почти поровнялась с лодкой Рауля. Чувствовалось что-то преднамеренное в атом настойчивом приближении, и наши гребцы не могли этого не заметить; а когда судно круто повернулось к ним, то и Джита испугалась.

— Ничего не бойтесь! — закричал Гриффин по-итальянски. — Мы хотим только взять вас на буксир. Ловите веревку, вот!

Веревку бросили, и так как она попала на голову Итуэлю, то ему ничего не оставалось другого, как схватить ее. При всей своей ненависти к англичанам, и этому судну в особенности, Итуэль обладал склонностью, общей его соотечественникам, по возможности беречь себя от излишнего утомления; к тому же ему показалось даже забавным заставить английский фрегат тащить лодку французского корсара. Рауль продолжал гребти, наблюдая, чтобы лодка не наехала на фрегат.

Все это случилось так внезапно и неожиданно, что Джита не могла удержаться и шопотом высказала Раулю свое опасение, как бы с фрегата не открыли переодетых перевозчиков.

— Не тревожьтесь, дорогая Джита, — отвечал ей так же тихо Рауль, — они далеки от мысли, что мы можем быть здесь. Во всяком случае „Блуждающей Искре“ нечего опасаться их в настоящую минуту.

— Вы судовщики с Капри? — спросил Гриффин, стоявший на палубе рядом с капитаном Куфом и двумя итальянцами.

— Да, синьор, — отвечал Рауль простонародным говором и насколько возможно более изменяя свой голос.—Мы судовщики с Капри и возили вино в Неаполь. Да вот запоздали, хотели посмотреть на то, что происходило на „Минерве“. Ну, уж и знать же ваша! Они, кажется, меньше беспокоятся о жизни князя, чем мы у себя о каких-нибудь жалких перепелах. Простите, Джита, надо им отвести глаза!

— Не знаете ли вы, какое судно прошло мимо вашего острова сутки тому назад?

— Там много судов проходит, синьор, — турецкие, русские, английские.

— Это все ваши союзники, а я говорю о враждебном судне. Не заметили ли у вас французского люгера день или два назад?

— Как же, как же... Я понимаю теперь, о чем вы говорите, синьор. Именно такое судно и прошло совсем подле нас,—это верно, я видел своими глазами. Это было вчера вечером, а по свирепому виду экипажа надо полагать, что то были французы.

— Рауль, — остановила его Джита, испуганная его неосторожностью.

— Они заподозрили бы нас, Джита, если бы мы стали отрицать то, что им уже известно. Да, синьор, судя по оснастке и матросам, это — французское судно.

— Не пристанете ли вы к нам и не подниметесь ли на борт, приятель? — продолжал Гриффин. — Тут у меня имеется дукат, который, вероятно, придется вам по карману.

— Берегитесь, Рауль! — удерживала его Джита. — Я вижу там вице-губернатора и градоначальника, они узнают вас, и тогда все пропало.

— Напротив того, малейшее колебание может нас погубить; доверьтесь моей находчивости, Джита, — ответил он шопотом, а потом сказал громко: — Когда же и где видано, чтобы нищий отказывался от дуката, синьор!

Рауль шепнул два слова Итуэлю и затем ловко поднялся на борт „Прозерпины“. Никто не мог заподозрить его, да и к тому же свет падал от одной луны, а чиновники Порто-Феррайо далеко не отличались догадливостью. Рауля, как отчаянного храбреца, даже забавляло это новое приключение.

— Подойдите сюда, приятель, — не без важности начал Вито-Вити, — и говорите нам только одну правду. Да обдумайте хорошенько свои ответы, от них многое зависит.

— Слушаюсь, синьор, и постараюсь отвечать вам очень обдуманно.

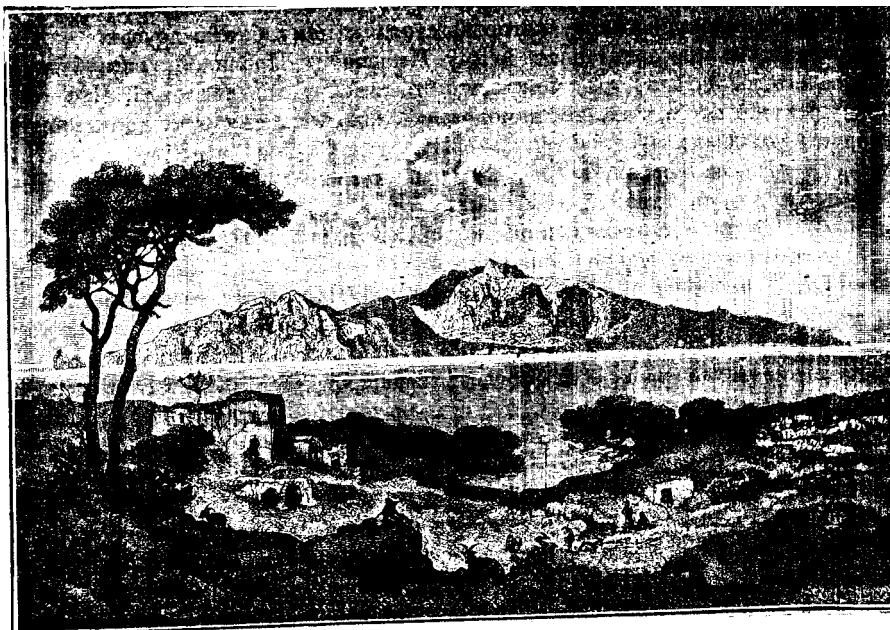
— Что у вас там, на острове все говорят так, как вы?

— У меня несколько французский акцент, синьор, потому что моя мать была француженкой, а нам всегда хоть что-нибудь да передается от матери.

— Это совершенно верно. Ну, а теперь скажите мне, где и когда видели вы французский люгер?

— Я так полагаю, синьор, что я должен вам сказать сначала, где я его видел, а потом—когда?

— Вот именно, сообщите нам сначала, где вы его видели?

Капри.

— Вот видите ли... как вам это сказать?.. он направлялся к Искии, куда должен притти ночью, потому что с суши дул хороший ветер с вечера и до рассвета.

— Это прямо противоречит сообщению, сделанному нам тамошним епископом, — заметил Гриффин.— Он нам указал как раз противоположное направление: по его словам, люгер огибал мыс, чтобы войти в залив Салерно.

Рауль внутренне содрогнулся, так как сообщение епископа было совершенно верным. Однако, он не потерялся.

— Если вы имеете сведения от нашего епископа, ваша светлость, то я не удивляюсь ошибочности его показания — он почти слеп. При всем нашем уважении к нему, мы совершенно не полагаемся на его указание там, где наши глаза могут нам служить; но что касается евангельских истин, то мы верим каждому его слову, потому что он изучил их, когда еще обладал хорошим зрением.

— Можно ли положиться на показания этого чудака? — заметил капитан Куф. — С другой стороны, если он не лжет, то мы совершенно понапрасну прогуляемся в Салерно. Нелегко гоняться за „Блуждающей Искрой" на одном фрегате; нам надо бы иметь в своем распоряжении два судна. Он слишком подвижен и слишком смел.

— Я удивляюсь, почему не дал вам Нельсон другого судна в подспорье, — ведь дело не в битве, а в поимке, и, конечно, небольшой французский люгер подвижнее огромного английского фрегата.

Рауль не мог не проворчать сквозь зубы проклятия; но заметил это один только вице-губернатор, который стоял к нему ближе других.

— Раз этот корсар встанет между Искиею и Прочидой, нам будет труднее его выгнать оттуда, чем выманить лисицу из ее норы. Что же касается атаки на лодках, то, я полагаю, с вас пока слишком достаточно того, что уже было.

— Я того же мнения, капитан. Наши матросы все еще под впечатлением неудачи и, пожалуй, утратили некоторую долю самоуверенности, — подтвердил Гриффин с откровенностью действительно храброго человека. — Надо дать им время оправиться.

— Так! — пробормотал Рауль, забывая, что его могут услышать.

— А все-таки мы должны его захватить, Гриффин, во что бы то ни стало!

Разговор на английском языке двух офицеров был совершенно непонятен ни Андреа Баррофальди, ни градоначальнику, и первый сначала безучастно присутствовал при допросе мнимого судовщика, пока два его восклицания не обратили на себя его внимания и не возбудили смутного неопределенного подозрения.

Глубоко оскорбленный за тот обман, который позволил себе проделать над ним знаменитый французский корсар, желая прежде всего бежать от насмешек своих горожан, вице-губернатор со своим другом ухватились за сделанное им Куфом предложение как за единственный выход из их неприятного положения. Им были предложены две койки в каюте капитана и общий с ним стол, и представители власти города Порто-Феррайо надеялись оказать англичанам содействие в поимке корсара и затем с честью вернуться домой. Но уже сутки, проведенные на корабле в непривычных для них условиях, повергли вице-губернатора в некоторое уныние и совершенно убедили в полной бесполезности их для желанного дела. Тревожные мысли не давали покоя несчастному Баррофальди и в силу лихорадочного возбуждения изощрили до некоторой степени его обычную простоту и доверчивость.

Присутствие Джиты и ее дяди при казни Караччиоли уже тогда показалось ему странным; и вот теперь он вторично различает их в этой взятой на буксир лодке. Самое одновременное исчезновение этих трех лиц из Порто-Феррайо, не обратившее на себя до сих пор его внимания, хотя о нем и поговаривали в городе, показалось ему теперь подозрительным. Теперь же Рауль выдал себя своими восклицаниями.

В ту минуту, когда Куф высказал свое неперемное намерение захватить люгер, Андреа подошел к Гриффину и шепнул ему что-то на ухо.

— Чорт возьми! — воскликнул Гриффин. — Если вице-губернатор не ошибается, то наше дело наполовину сделано, капитан.

— Вице-губернатор пороку не выдумает, но он все же хороший человек, — сказал Куф. — Ну, что он вам такое сообщил, Гриффин?

Гриффин отвел его в сторону, и после короткого между ними разговора отданы были надлежащие распоряжения, и они оба быстро сошли с палубы.

ГЛАВА XVI

Во время отсутствия капитана и лейтенанта, Рауль с самым простоватым видом осматривал пушки и другие предметы, находившиеся на корабле; но ничто не ускользало от его тонкой наблюдательности. Исчезновение офицеров несколько тревожило его, и он уже начинал сожалеть о своей отчаянной смелости, как вдруг его позвали в каюту капитана. Спускаясь туда, так как послушаться было довольно рискованно, он заметил, что оба чиновника с острова Эльбы идут за ним следом.

В каюте горела лампа, и едва вошел в нее Рауль, как очутился под ярким освещением. Куф и Гриффин стояли перед столом, а вице-губернатор и подеста поместились по сторонам их; все предвещало допрос. В первое мгновение Рауль почувствовал, что предпочел бы находиться перед судом инквизиции, чем перед этими судьями.

— Вы, должно быть, озябли, — обратился к нему Гриффин. — Сделайте мне удовольствие, наденьте этот черный шелковый платок на шею.

В эту эпоху черный шелковый платок на шее считался необходимой принадлежностью одежды офицера — морского или сухопутного. Рауль это знал, но сознавал в то же время, что и послушаться было рискованно.

— Вы изволите шутить, ваша светлость! Где нам, судовщикам, думать о ночной свежести; но, если вы этого желаете, я надену. Вы делаете князя из бедного судовщика, синьор: жена примет меня за важного генерала.

— Для полноты сходства, наденьте-ка вот и это платье, дружище, — прибавил Гриффин, подавая ему свой мундир, так как был приблизительно одного с ним роста.

Почти не оставалось никаких сомнений в намерении офицеров, но Рауль пока не видел выхода из своего положения и надел мундир.

— Итак, вице-губернатор, здесь светло, и вы его видите в мундире, что вы теперь скажете?

— Я скажу, что господи офицер посетил меня недавно в Порто-Феррайо и что я его вижу сегодня с особенным удовольствием. Вы, как видно, любите маскарад, синьор Смит, а масленица длится у вас круглый год.

— Господа, — воскликнул Рауль, срывая с себя мундир и платок, — я вижу, что больше нет надобности притворяться.

— Знаете ли вы, что вы теперь пленник?

— Это победа не из славных, — насмешливо возразил Рауль, — но, как бы то ни было, а я в ваших руках. Уже не в первый раз приходится мне быть военным пленником на этих судах.

— Ваше положение в настоящем случае несколько иное; мы вас арестуем как шпиона.

— Как шпиона! — повторил Рауль, содрогаясь. — Но я не имел намерения пробраться на борт вашего фрегата, я поднялся только по вашему приглашению; бесчестно было бы утверждать противное.

— Подозрение на вас падает не за ваше появление на палубе нашего фрегата, а за ваше выслеживание переодетым наших судов в заливе.

Все это было слишком верно, и несчастный молодой моряк только теперь увидел всю серьезную опасность своего положения. Он не мог не сознаться самому себе, что хотя желание увидеть Джиту было главной побудительной причиной его приезда в Неаполитанский залив, но он в то же время не пропустил бы случая разузнать все, что возможно, соблюдая интересы республики. Итак, он обвинялся в преступлении, подлежащем самому строгому наказанию по законам военного суда; он не видел для себя никаких смягчающих вину обстоятельств. И причиной всего этого была его страсть к Джите.

— Что говорит бедняга, Гриффин? — спросил Куф, которому, несмотря на все его нерасположение к французам, было жаль видеть такого молодца в безнадежном положении. — Не налегайте на него слишком круто сразу. Чем он объясняет свое перереживание?

— Что же может он сказать в свое оправдание, капитан? — насмешливо заметил Гриффин. — Очевидно, он на все готов ради своей республики.

— Господа, — заявил Рауль по-английски, — нет надобности в посредничестве между нами; я, как

видите, говорю на вашем языке.

— Мне очень жаль, что вы очутились в таком скверном положении, господин Ивар, — сказал Куф. — Я предпочел бы для вас более почетную поимку.

— Совершенно естественно, капитан, так как в том случае была бы захвачена и „Блуждающая Искра". Но это бесполезные слова. Я — ваш пленник и должен покориться своей участи. Однако, было бы несправедливо, чтобы остальные мои спутники разделили эту участь со мной, и я попросил бы вас, в виде особой милости, позволить добрым людям в моей лодке спокойно доехать до Сорренто, куда они отправляются.

— Можете вы дать нам слово, что между вашими спутниками нет ни одного француза?

— Да, капитан, между ними нет ни одного француза, даю вам честное слово.

— Не мешало бы нам самим их порасспросить, капитан, — сухо заметил Гриффин.

— Я уже поручил Винчестеру пригласить их на борт корабля.

— В лодке есть молодая девушка. Она не привыкла бывать на палубах больших судов, — торопливо воскликнул Рауль, — и я просил бы вас о снисхождении к ней, капитан. Пусть поднимутся мужчины, а синьорину оставят в покое.

— Не беспокойтесь, мы позаботимся о ней, в особенности в виду вашего видимого участия к ней. А теперь я должен оставить вас под стражей: вы останетесь в этой комнате, по крайней мере до завтра. Гриффин, распорядитесь!

Через минуту солдат уже водворен был в комнате, и оба офицера, оставив Рауля под его караулом, поднялись на палубу в сопровождении обоих итальянцев.

Между тем Итуэль, Джита и ее дядя в это время оставались в лодке в очень тревожном и неприятном состоянии. На палубе фрегата было тихо, оттуда не доносилось ни звука, и у них не было никаких данных, чтобы остановиться на каком-нибудь определенном предположении. Беспокойство Джиты еще более увеличивалось оттого, что „Прозерпина" в эту минуту находилась прямо против того места на берегу, к которому им надо было причалить, а между тем она продолжала подвигаться с прежней скоростью, и о них никто не думал.

Но вот фрегат начал убавлять ход; на палубе появился офицер, засуетилось несколько человек матросов, лодку подтянули к борту корабля, и в нее соскочил один из матросов. Осмотревшись во все стороны, он несколько оттолкнул лодку из-под борта и дал свисток. С борта фрегата спустили канаты, которые англичанин-матрос ловко зацепил за крючья и кольца лодки, и ее подняли на борт судна со всеми сидящими в ней людьми. Джита невольно слегка вскрикнула, когда почувствовала, что поднимается на воздух, и закрыла лицо руками; ее дядя на секунду был выведен криком из своего состояния задумчивости. Итуэль в первое мгновение хотел броситься в воду, рассчитывая, что он сможет доплыть какую-нибудь милую расстояния до берега; но во-время сообразил что ему не уйти от погони за ним на лодке, и решил не сопротивляться, не находя пока другого выхода.

Не трудно себе представить ощущение, охватившее американца, когда лодку бережно поместили на палубе того самого судна, на котором он был когда-то пленником. Ему грозило наказание за дезертирство, в случае, если он будет узнан.

Как только лодка была установлена, к ней подошел боцман фрегата, чтобы помочь выйти из нее сидящим в ней людям. Он внимательно всматривался в каждого из них, но наружность Джиты немедленно заставила его забыть об остальном. Действительно, она была неотразимо привлекательна и трогательна со своим кротким личиком, при мягком лунном свете, и одинаково очаровала всех, как матросов, так и офицеров.

— Однако, этот Ивар не может пожаловаться, что попался на неприятельский фрегат в дурном обществе, — заметил Куф. — Эта молоденькая девушка, повидимому, итальянка, Винчестер, у нее вид очень скромный.

— Это маленькая Джита, — воскликнул Вито-Вити. — Красавица Джита, как вы сюда попали, да еще в таком дурном обществе?

Джита в слезах, не зная, насколько был скомпрометирован Рауль, постаралась овладеть своим волнением, чтобы не повредить любимому человеку. Она вытерла глаза, поклонилась вице-губернатору и градоначальнику и затем ответила на предложенный ей вопрос:

— Синьоры, для меня большое облегчение встретить моих соотечественников и старых знакомых на палубе иностранного судна, и я надеюсь на ваше покровительство. Нельзя обвинять в сообществе с дурной компанией сироту, которая едет со своим дядей, всегда заменявшим ей отца.

— Она права, вице губернатор. Ее дядя Карло Джунтотарди вечно погружен в свои молитвы и духовные размышления. Но вы должны знать, Джита, что один из ваших судовщиков не кто иной как Рауль Ивар, один из опаснейших французских корсаров, чума и бич всего итальянского побережья.

— Рауль Ивар! — повторила Джита таким удивленным тоном, что в свою очередь поразила Вито-Вити. — И вы в этом вполне уверены, синьор подеста?

— Он сам признался.

— Сам признался, синьор?

— Как же; ваш судовщик с Капри, ваш лаццарони сам сознался, что он не более, не менее, как командир этого исчадия ада, „Блуждающей Искры".

— Разве „Блуждающая Искра" вреднее прочих корсаров? — спросила было Джита, но затем замолчала, боясь быть нескромной.

— Сдается мне, что я именно эту девушку видел сегодня у Нельсона, Винчестер; ей что-то надобно было по поводу того казненного князя.

— Что может быть общего у этих людей с злополучным Караччиоли?

— Не знаю. Девушка долго беседовала с нашей лэди адмиральшей; но говорили они по-итальянски, и я ничего не понял, а барыня, как вы сами можете судить, мне их разговора не передала. Да сдается мне, я так думаю, что и Нельсон от нее мало что узнал.

— По многим причинам желал бы я, чтоб Нельсон отпустил эту лэди на все четыре стороны. Если бы знали, капитан, что говорят на этот счет почти вслух по всей эскадре! Коснись это кого-нибудь другого, шум подняли бы невообразимый, но имя Нельсона всем зажимает рты.

— Ну, хорошо уж, каждый волен отвечать сам за свои поступки. И не вам бы осуждать Нельсона, Винчестер; он так участливо отнесся к вашей ране. Сам он, бедняга, стал таким калекой со своей изуродованной рукой, что в каждом раненом видит своего собрата. Откровенно говоря, я бы и сам был бы не прочь, чтобы оспа попортила эту адскую красоту. Но спросите Гриффина, действительно ли эта девушка была сегодня на корабле адмирала?

Вопрос был предложен, и Джита спокойно и без колебаний отвечала утвердительно.

— А теперь попросите ее объяснить нам, каким образом очутилась она в обществе Рауля Ивара?

— Синьоры, — отвечала Джита так же естественно, потому что она и не думала скрывать этого, — мы с дядей живем на горе Арджентаро, где дядя смотритель княжеских башен. В прошлом году один пират захватил нас в плен, дядю и меня, и увез в Африку. Тогда синьор Ивар пришел туда на своем люгере и освободил нас. С тех пор мы считаем его своим другом, и он иногда навещает нас в нашем доме. Сегодня мы встретили его в его лодочке около адмиральского английского судна, и так как нанятый нами перевозчик куда-то пропал, то в силу старого знакомства мы согласились на его предложение отвезти нас в Сорренто, где мы гостим в настоящее время у сестры моей матери.

Рассказ Джиты дышал такой искренностью, что, переводя его для капитана, Гриффин от себя прибавил, что не сомневается в его правдивости.

— Так, так, Гриффин; вы молодые люди, всегда покровительствуете хорошеньким девушкам. Впрочем, она действительно внушает доверие и смотрит такой скромной и честной. Уверьте ее, что ей нечего бояться, но что все-таки ей нельзя будет оставить нас раньше, как завтра утром.

После этого Джиту и ее дядю проводили в отдельные пустые каюты, куда позаботились положить для них матрацы, чтобы они могли отдохнуть за ночь.

Рауль сидел под сильным караулом, и от него было отобрано всякое оружие, а также и все, что могло бы ему послужить к самоуправству.

— Бедняга! — пожалел его Куф. — Ему не миновать виселицы! И зачем лишать его возможности самому с собой покончить? По крайней мере, мы были бы избавлены от этой тягостной обязанности.

— Я думаю, капитан, что его повесят на его собственном люгере, если нам удастся его захватить.

— Вы правы, Гриффин. Если нам удастся его найти!

Затем офицеры и оба итальянских гостя перешли в свою каюту, и тут капитан вспомнил еще об одном не допрошенном пленнике, четвертом из пассажиров в лодке Рауля, и велел его привести.

Итуэль Болът, видя, что общее внимание сосредоточено на Джите, надеялся остаться незамеченным и забытым и с этой целью украдкой снова забрался в свою лодку, где и притаился на дне, притворяясь спящим и рассчитывая улизнуть за борт, как только стемнеет, если фрегат не удалится от берега. Но его нашли, подняли и повели к капитану.

Рискуя попасться на глаза своим старым врагам, Итуэль отправился с Раулем в Неаполитанский залив, принял все от него зависящие меры предосторожности, гарантирующие его неузнаваемость: поверх его рыжих длинных и жестких волос Рауль, искусный в переодевании, напялил ему черный кудрявый парик и даже подкрасил его бакенбарды и брови; к тому же самый костюм сильно изменил его наружность.

В ожидании четвертого пленника капитан говорил Гриффину:

— Наверное, это какой-нибудь бедняга матрос из экипажа „Блуждающей Искры“, и было бы жестоко подвергать его строгому наказанию за его обязательное послушание своему командиру. Мы отошлем его как простого французского пленника в Англию при первой возможности.

В эту минуту ввели Итуэля. Прекрасно понимая все, что говорилось по-английски, Итуэль чувствовал холодный пот при одной мысли о том, что его будут спрашивать на французском языке, предполагая в нем француза; единственный для себя выход он видел в том, чтоб притвориться немой.

— Слушайте меня внимательно, приятель, — начал Гриффин весьма порядочным французским языком, — и отвечайте одну правду — вам от этого лучше будет. Вы из экипажа „Блуждающей Искры“?

Итуэль отрицательно и энергично покачал головой, с усилием издавая при этом звук, какой мог бы издать немой, желая произвести впечатление на Неаполь.

— Что такое бормочет этот шут? — спросил Куф. — Возможно ли, чтобы он не понимал французского языка? Попробуйте заговорить с ним по-итальянски, Гриффин.

Гриффин повторил свой вопрос по-итальянски, но с тем же успехом; в ответ раздались те же глухие звуки, как будто у этого человека был забит рот. Присутствующие переглянулись с недоумением. Но тут выдало Итуэля его характерное носовое произношение, и чем больше усилия он приложил, чтобы подражать звукам немой, тем громче заговорил его природный недостаток, и Андреа Баррофальди, которого эта

особенность Итуэля поразила еще в кабачке Бенедетты, теперь невольно вспомнил об этом и, сопоставляя близость этого человека к Раулю, мгновенно сообразил в чем дело. Ободренный своим первым успехом, вице-губернатор, не говоря ни слова, подошел к Итуэлю и смело сорвал с него парик. Жесткие, рыжие волосы американца рассыпались ему по плечам. Куф засмеялся.

— Каково, вице-губернатор, вы нынче всех лисиц выгоняете из их нор! Однако, Гриффин, будь я повешен, если я не видел уже этого чудака раньше!

— Мне также знакомо его лицо, капитан. Позвольте позвать кого-нибудь из наших мичманов, те как раз признают. Призвали старшего из мичманов, мистера Роллера.

— Посмотрите на этого человека. Роллер,—обратился к нему Гриффин,— не напоминает ли вам кого-нибудь его физиономия?

— Да, это лаццарони с той лодки, что мы взяли на борт сейчас.

— Совершенно верно, но нам с капитаном кажется, что мы его видели еще где-то раньше, не припомните ли вы?

Роллер внимательно всмотрелся в совершенно неподвижного Итуэля, даже обошел его кругом и вдруг хлопнул по плечу:

— Ты-таки вернулся, товарищ! — воскликнул он. — Добро пожаловать! Надеюсь, что тебе теперь здесь будет не хуже прежнего. Это Болът, капитан, наш матрос, бежавший с нашего судна, когда мы в последний раз были в Англии. Его тогда поймали и посадили на плашкот, откуда он опять бежал с двумя или тремя французскими пленниками, стащив одну из казенных лодок, как мы слышали. Неужели вы этого не помните, мистер Гриффин? Еще он вздумал выдавать себя за американца. Итуэлю теперь ничего не оставалось, как покориться судьбе. Лицо капитана Куфа омрачилось: по своему положению он не мог снисходительно относиться к дезертирам, а в настоящем случае дурное настроение его усиливалось тайным голосом совести, нашептывавшем ему, что не совсем-то справедливо было силою вербовать иностранцев, заставляя их против желания служить Англии. Но именно такое фальшивое положение и заставляло его удваивать строгость к дезертирам.

— Вы слышали, что говорит мистер Роллер, — обратился к Итуэлю капитан. — Я теперь совершенно ясно припоминаю вас.

— Будь вы на моем месте, капитан Куф, вы бы также бежали.

— Молчите! Лейтенант, распорядитесь заковать в кандалы этого человека! Завтра мы разберем его дело.

Когда все было исполнено, и Итуэля в цепях отдали под стражу, капитан простился со своими гостями, отпустил лейтенанта и удалился в свой кабинет, чтобы приготовить рапорт адмиралу обо всем случившемся. Больше часу употребил он на изготовление этого извещения и наконец остался доволен последней редакцией. Он излагал адмиралу обстоятельства поимки Рауля Ивара, а также Итуэля, и в заключение настоятельно просил о присылке ему в помощь еще одного судна в виду слишком большой подвижности „Блуждающей Искры“, делающейся при незначительном ветре совершенно неуловимой для такого огромного фрегата, как „Прозерпина“.

Окончив письмо, капитан положил его в конверт, запечатал и пошел на палубу. Было девять часов вечера, и Винчестер стоял около борта. Матросы на вахте по большей части задремали в разных положениях; все вокруг было тихо, легкий ветерок едва заметно напоминал о своем присутствии, вода спала неподвижно, луна серебрила ее поверхность. Вершина Везувия³⁰ окуталась дымкой, из-за которой по временам сверкало пламя; Капри виднелся в тумане в нескольких милях.

По распоряжению Куфа, все мгновенно пришло в движение. На воду спущена была лодка, появился Роллер в плаще, чтобы уберечься от ночного холода, и Куф дал ему свои инструкции. Роллер уехал.

Через полчаса его лодка совершенно скрылась из виду, а Куф еще с добрый час прохаживался со своим первым лейтенантом по палубе; затем, убедившись в том, что ночь не предвещала ничего дурного, он спустился в свою каюту.

Роллер подъехал к судну адмирала в полночь. Нельсон еще не спал; он занимался у себя в каюте. Прочтя рапорт, он немедленно разбудил своего секретаря, так как его подвижной натуре мучительны были малейшие промедления. Приказ был продиктован, записан, переписан, подписан и в два часа ночи уже отослан по назначению. Тогда только его служащие получили позволение итти на покой.

Пужинав с аппетитом в каюте адмирала, Роллер перебрался на фрегат, куда назначил его Нельсон, и уже в четыре часа ночи на этом корабле отправился на Капри.

ГЛАВА XVII

На следующее утро с палубы „Прозерпины“ увидели, что они находятся на расстоянии не более мили от Капри. Пользуясь дневным светом, пустили в ход зрительные трубы, желая высмотреть, нет ли где признаков присутствия „Блуждающей Искры“ вдоль крутых и живописных берегов этого острова. Но на этом

³⁰ Везувий— вулкан, находящийся на расстоянии двенадцати километров от Неаполя, единственный действующий вулкан на материке Европы.

обширном водном пространстве, под громадными, окаймляющими его горами и при необыкновенной прозрачности атмосферы самые большие суда теряли в своих размерах; весьма возможно, что „Блуждающая Искра" могла неделями стоять на якоре близ устья какой-нибудь речки, не будучи никем замеченной.

Куф последним поднялся на палубу уже около семи часов утра. Он окинул взглядом присутствующих и обратился к Гриффину:

— Я вижу вдаль два судна, выходящие из залива; интересно бы знать, что это за суда?

— Вот они, как на ладони! Это фрегат и корвет, очевидно, посланные нам на помощь.

Час спустя оба приближающиеся судна подошли уже на расстояние человеческого голоса; командиры фрегата и корвета пересели в гички, Роллер на своей лодке, взятой на буксир, сопровождал их, и все подплыли к „Прозерпине".

Капитаном нового фрегата „Терпсихоры" был сэр Фредерик Дэшвуд, молодой баронет³¹. Командиром корвета был некто Лейон, старик шестидесяти лет, добившийся настоящего своего положения путем долгой и трудной службы. Оба одновременно поднялись на палубу „Прозерпины", где их встретил капитан Куф со своими офицерами.

— Здравствуйте, Куф, — приветствовал его Дэшвуд, подавая концы пальцев. — Что это вздумалось Нельсону послать нас сюда в такое чудное утро? Я, впрочем, отчасти знаю: на нас возлагается обязанность выследить и захватить люгер, как сообщил мне лейтенант, подавая вот этот пакет от нашего маленького Нелли, в которого все старые служаки, кажется, влюблены, как в хорошенькую девушку.

— Нет, сэр Фредерик, — возразил Лейон, — я никогда не позволяю себе называть адмирала иначе, как лордом Нельсоном или милордом, со времени его пожалования в герцоги Бронте.

— Вот данные нам инструкции, господа, — начал Куф. — Нам предписывается составить военный совет: мне, сэру Дэшвуду, капитану Лейону, Винчестеру — старшему лейтенанту моего фрегата, и Спригсу — старшему лейтенанту фрегата „Терпсихора", с целью произвести расследование и произнести приговор над Раулем Иваром, французским гражданином, обвиняемым в шпионстве, и Итуэлем Больтом, матросом, обвиняемым в дезертирстве. Все в порядке, и вот приказы, лично относящиеся к вам, господа.

— Я был далек от мысли о подобного рода приказе! — воскликнул Лейон, не любивший этого рода обязанностей офицеров.

— Совершенно разделяю с вами вашу антипатию к этим обязанностям, капитан Лейон, — сказал Куф, — но это неизбежно. Теперь вы потрудитесь, господа, вернуться на ваши суда, так как я нахожу более удобным бросить якорь близ Капри, где мы можем простоять некоторое время, — вероятно, очень недолго, — и прити к соглашению по этому делу. Вам дан будет сигнал, когда можно будет открыть наш военный совет.

Капитаны вошли в свои гички и вернулись на свои суда, после чего все три корабля направились к назначенному месту, где и бросили якорь. Десять минут спустя с „Прозерпины" раздался выстрел из пушки, и поднят был флаг, означавший открытие военного совета.

Члены военного совета явились в полной парадной форме, торжественно произнесли присягу и сохраняли на своих лицах подобающую важность во все время суда. Не теряя напрасно времени, отдали распоряжение ввести арестантов.

Рауль Ивар и Итуэль Больт появились одновременно, хотя с различных частей судна; до сих пор между ними не дозволено было никаких сношений. Когда они заняли указанные места, им прочли обвинительный акт, и так как оба понимали английский язык и в переводчике не оказалось надобности, то прямо приступили к делу. Так как Раулю предстояло судиться первому и Итуэль мог явиться свидетелем по его делу, то Больта на время удалили, чтобы ему были неизвестны показания обвиняемого.

— Теперь следует привести к присяге синьора Андреа Баррофальди, — заявил Медфорд, офицер, исполнявший роль королевского прокурора. — Но сначала я сам присягну, как посредник между членами суда и свидетелями, не знающими английского языка. Вот католическая библия, синьор: я скажу вам итальянский текст присяги, а вы повторяйте его за мной.

По выполнении этой процедуры, королевский прокурор задал Баррофальди обычные вопросы об его имени, возрасте, звании и т. п. и затем уже приступил к более существенному.

— Синьор вице-губернатор, знаете ли вы этого человека?

— Как же, синьор! Я имел честь принимать его у себя на острове Эльбе.

— Под каким именем и при каких обстоятельствах вы его знали?

— Он назвал себя сэром Смитом и рекомендовался как капитан на службе английского короля.

— Как называл он судно, командиром которого явился?

— „Крыло и Крыло", люгер; но я позднее узнал, что это была „Блуждающая Искра", французский корсар. Капитан удостоил меня двумя визитами под фамилией сэра Смита.

— А теперь вам известно, что его имя Рауль Ивар и что он капитан французского корсара?

— Знаю ли я это? Гм! Я знаю только то, что мне сказали: что сэр Смит — Рауль Ивар, а „Крыло и Крыло" — „Блуждающая Искра".

— Показание такого рода не может нас удовлетворить, нам недостаточно того, что „говорят", синьор Баррофальди. Не можете ли вы лично подтвердить верность сообщенных вами сведений?

— Не могу, синьор.

³¹Баронет—дворянский титул.

Совещание на минуту было прервано. Послали за Вито-Вити, с которого также сняли присягу, при чем его внимание было исключительно поглощено переплетом библии.

— Синьор Вити, — обратился к нему королевский прокурор после предварительных вопросов, — видели вы арестованного до настоящей минуты?

— Да, синьор, и даже чаще, чем мне было бы приятно об этом вспомнить. Не думаю, чтобы когда-либо двое высокопоставленных должностных лиц города были более одурачены, чем вице-губернатор и я. Но бывает, что самые умные люди обращаются в грудных младенцев, точно туман застилает им глаза.

— Сообщите совету, при каких обстоятельствах все это случилось, синьор градоначальник?

— Да вот как, синьор. Андреа Баррофальди, как вам известно, вице-губернатор острова Эльбы, а я недостойный градоначальник Порто-Феррайо. Само собой, наша обязанность наблюдать за всем, что относится к общественному спокойствию, и в особенности осведомляться о поводах прибытия к нам иностранцев. Вот, недели две-три тому назад заметили люгер или фелуку...

— Что же это было — люгер или фелука? — спросил королевский прокурор, держа перо наготове, чтобы записать ответ.

— И то, и другое, синьор.

— Значит, было два судна?

— Нет, синьор. Я хочу только сказать, что эта фелука была люгер. Томазо Тонти пытался сбить меня на этот счет; но я недаром прослужил градоначальником приморского города, успел приглядеться ко всевозможным фелукам: есть корабли — фелуки, фелуки — люгеры...

При этом ответе члены совета не могли сдержать невольной улыбки, а Рауль готов был расхохотаться.

— Итак, синьор подеста, — продолжал королевский прокурор, — арестованный прибыл к вам в Порто-Феррайо на люгере.

— По крайней мере, мне так сказали, синьор, так как сам я не видел его на палубе этого судна. Он говорил, что он капитан на судне „Крыло и Крыло“, состоит на службе английского короля и зовут его сэра Смит.

— Он вам это сказал? А вы не знаете, что этот люгер — знаменитый французский корсар, называющийся „Блуждающей Искрой“?

— Теперь я знаю, что это говорят, синьор; а тогда мы с вице-губернатором думали, что он называется „Крыло и Крыло“.

— Ну, а сами-то вы лично не знаете, что находящийся здесь перед вами арестант действительно Рауль Ивар?

— Да как же я могу это знать, синьор? Мне не доводилось принимать у себя корсаров, если они не назывались сэром Смитом.

Королевский прокурор и члены совета с недоумением посматривали один на другого. Никто из них ни на минуту не сомневался в том, что арестованный ими человек и есть именно Рауль Ивар, но им необходимо было законное доказательство для произнесения приговора.

Спросили Куфа — не признался ли подсудимый в своем тождестве с упомянутым лицом. Но ни Куф, ни другие офицеры не могли сказать, что бы он положительно сознался, хотя в том, что он говорил, как бы отчасти заключалось признание. Словом, суду, повидимому, грозила опасность оказаться в положении невозможности доказать то, в чем никто не сомневался, — положение далеко не составляющее редкого явления. Но вот Куф вспомнил об Итуэле и о Джите и, написав их имена на клочке бумаги, передал его прокурору. Тот наклоном головы дал понять председателю совета, Куфу, что понял его мысль; вслед за тем предложил Раулю, в свою очередь, переспросить свидетеля.

Рауль прекрасно понимал свое положение. Хотя прибыл он в Неаполитанский залив не как шпион, но раз уже оказался скомпрометированным в этом отношении, он видел ясно, что его враги не упустят случая осудить его, если получат законные доказательства.

Видя теперь затруднительное положение, в которое поставлены бы судьи невозможностью доказать подлинность его личности, он решил извлечь все возможное в свою пользу из этого обстоятельства. До настоящей минуты ему не приходило в голову отрицать свое имя, теперь же он совершенно естественно пожелал прибегнуть к этому средству спасения.

Он обратился к градоначальнику с вопросами на английском языке, на котором обращались к нему самому.

— Вы говорите, синьор подеста, что видели меня в Порто-Феррайо на острове Эльбе?

— Да, синьор, и я имею честь состоять в должности в этом городе.

— Вы говорите, будто бы я заявил вам, что состою на службе английского короля в качестве капитана фелуки „Крыло и Крыло“?

— Да? „Крыло и Крыло“, — вы так называли эту фелуку.

— Сколько я понял, мистер подеста, вы называли это судно люгером, — сказал Лейон.

— Фелука-люгер, синьор капитан, ни более ни менее, честное слово.

— Все присутствующие здесь почтенные офицеры как нельзя лучше знают, что фелука-люгер, и такой люгер, как говорят, „Блуждающая Искра“, две вещи совершенно различные. Далее, синьор, скажите, слышали ли вы когда-нибудь от меня, будто я француз?

— Нет, вы не так были глупы, чтобы назваться им человеку, который ненавидит французов. Клянусь,

если бы все подданные великого герцога ненавидели этих врагов так, как я, он был бы могущественнейшим князем в целой Италии.

— Без сомнения, синьор. Теперь позвольте мне спросить вас, называл ли я когда-нибудь эту фелуку иначе, как „Крыло и Крыло"? Упоминал ли когда-нибудь о „Блуждающей Искре"?

— Нет, вы всегда говорили: „Крыло и Крыло", никогда иначе; но...

— Извините, синьор, но я попрошу вас ограничиться только одними ответами на мои вопросы. Итак, фелуку я всегда называл „Крыло и Крыло", а себя капитаном Смит, не правда ли?

— Совершенно верно, синьор: „Крыло и Крыло" и капитан Смит, сэр Смит, потомок славной английской фамилии, сколько мне помнится.

Рауль улыбнулся, так как он помнил, что, возбужденный беседой с двумя итальянцами, он случайно, совершенно не преднамеренно обмолвился двумя-тремя словами в этом роде, а затем уже его собеседники сами ухватились за них и раздули их. Однако, он счел неуместным противоречить подесте, который до сих пор не говорил ничего такого, что могло бы ему повредить.

— Когда молодой человек из тщеславия желает прослыть знатным, господа, то это еще не дает права считать его шпионом, это доказывает только его легкомыслие, — спокойно заметил Рауль. — Вы говорите, синьор, что я никогда не выдавал себя за француза; но разве не сказал я вам, что моя родина Гернсей?

— Да, вы мне сказали, что поколение Смит — уроженцы этого острова. Признаюсь, я никогда не слышал об атом острове, но вице-губернатор знает; он все знает, вице-губернатор, я думаю, в целой Италии не найдется равного ему по учености.

— Хорошо, хорошо! Теперь будьте любезны, синьор подеста, заявите этим господам, если вы по совести и согласно данной вами присяги можете это утвердить, что вы лично ручаетесь в том, что я имею какое-нибудь отношение к этой фелуке „Крыло и Крыло".

— Я могу только сказать, что знаю это с ваших собственных слов. На вас был точно такой мундир, как на этих офицерах, и вы себя называли командиром „Крыла и Крыла".

— Прекрасно; вот это значит — действительно помнить о присяге: ваши показания удивительно точны. Итак, все ваше сообщение сводится к тому, что вы не знаете, называется ли фелука, о которой вы говорите, „Блуждающей Искрой", ни того — француз ли я, и еще того менее, что я — Рауль Ивар; но вы помните, что я назвался Джэком Смитом, уроженцем Гернсея.

— Да, вы называли себя Джэком Смитом, а не Раулем Иваром. Но, синьор, я видел, как вы направляли пушки против лодок фрегата, на котором мы теперь находимся; и вы тогда подняли французский флаг. Это доказывает, что вы ему враг, насколько у нас понимают эти дела в Порто-Феррайо.

Рауль почувствовал, что это последнее заявление говорит против него; но в то же время ему чего-то недоставало, чтобы стать настоящим доказательством.

— Видели вы, что я стрелял или отдавал приказание стрелять, синьор? Вы хотите сказать, что „Крыло и Крыло" враждебно выступило против лодок с „Прозерпины"; но уверены ли вы, что я был в то время на палубе этой фелуки?

— Нет, синьор, но вы мне говорили, что вы на ней командиром.

— Разберемся хорошенько, — сказал королевский прокурор, — вы намерены отрицать то, что вы француз и враг англичан, подсудимый?

— Я намерен, сэр, отрицать все, что не будет доказано.

— Но ваше произношение, обороты, которые вы употребляете, говоря по-английски, самая наружность ваша — все говорит, что вы француз.

— Извините, господа, но теперь во многих странах говорят по-французски, далеко не в одних французских владениях. И вы приговорите человека за то только, что его выговор не обнаруживает в нем англичанина?

— Мы желаем держаться полной справедливости и законности, подсудимый, — сказал Куф, — и вы имеете полную возможность воспользоваться нашими сомнениями. Однако, я должен вас предупредить, что мы уверены в том, что вы француз и Рауль Ивар. Если вам удастся доказать противное, ваша удача, — но доказать вы должны несомненно и ясно.

— А как же предполагает почтенный совет, могу я это доказать? Меня арестовали в ночь, а утром уже привели к допросу, не дав больше времени, чем Караччиоли. Дайте мне время вызвать свидетелей, и я вам докажу, кто я такой и что.

Он произнес эти слова с полным самообладанием, как человек, уверенный в своей невинности, что произвело некоторое впечатление на судей. Но они не сомневались в том, что перед ними не кто другой, как самый опасный из их врагов, Рауль Ивар, с люгера „Блуждающая Искра", которого нельзя допустить ускользнуть от них. Воззвание Рауля вызвало лишь с их стороны большую осмотрительность с целью устранить малейшее обвинение в пристрастии.

— Не имеете ли вы еще какого-нибудь вопроса предложить свидетелю, подсудимый?—спросил председатель.

— В настоящую минуту ничего больше; вы можете продолжать допрос, сэр.

— Пусть приведут Итуэля Больта, — сказал королевский прокурор, читая это имя на листе лежащей перед ним бумаги.

Рауль внутренне содрогнулся, так как свидетельство американца, о котором он совершенно забыл,

могло его погубить.

Между тем Итуэля вреди, сняли с него присягу и приступили к допросу.

— Ваше имя Итуэль Болт? — обратился к нему королевский прокурор.

— Так говорят здесь. Что касается меня, то я не отвечаю на подобный вопрос.

— Вы отрицаете, что это ваше имя?

— Я ничего не отрицаю и ничего не утверждаю; я не желаю ведаться ни с этим судебным разбирательством, ни с этим судом.

Рауль вздохнул свободнее, потому что, говоря правду, он мало доверял твердости и бескорыстию Итуэля и боялся, что того могло подкупить обещание помилования.

— Не забываете, что вы дали присягу, и вас будут судить как бы за неявку, если вы откажетесь давать показания.

— Я имею некоторое понятие о законах, — невозмутимо возразил Итуэль, — и я знаю, что никогда свидетель не должен давать ответа, могущего повернуться против него.

— Так что неопределенность ваших ответов проистекает из страха навлечь обвинение против вас самих?

— Я отказываюсь отвечать на этот вопрос, — заявил Итуэль с достоинством.

— Знакомы вы лично с подсудимым?

— И на это я также не отвечу.

— Знаете вы человека, называющегося Раулем Иваром?

— Какое кому дело до того, знаю ли я его или нет? Я американец, и имею полное право заводить знакомство между всеми национальностями, когда это в моих выгодах или доставляет мне удовольствие.

— Служили вы когда-нибудь на одном из судов его величества?

— Какого еще „величества“? Насколько мне известно, в Америке нет никаких „величеств“!

— Имейте в виду, что все ваши ответы записаны, и ими могут воспользоваться при другом случае.

— Это противозаконно.

— Видели вы судно, известное под именем „Блуждающая Искра“?

— Разве можно запомнить все суда, виденные на океане?

— Служили вы когда-нибудь под французским флагом?

— Я не обязан входить в подробности своих личных дел. Я родился в свободной стране и волен служить кому захочу.

— Бесплезно предлагать дальнейшие вопросы этому свидетелю, — сказал капитан Куф. — Этот человек хорошо известен на нашем фрегате и будет, вероятно, подвергнут суду, после того как мы покончим с настоящим разбирательством.

Итак, Итуэлю позволено было удалиться. И все еще не было доказательств к обвинению подсудимого. Еще свежий в памяти всех суд над Караччиоли, возбудивший общее негодование за свою поспешность, заставлял теперь судей действовать со всею возможною осмотрительностью. Дело обставлялось довольно серьезными затруднениями, и судьи сделали вторичный перерыв заседания, чтобы переговорить между собой.

Капитан Куф подробно рассказал все обстоятельства поимки Рауля, и высказал предположение в его шпионстве; но именно потому, что это было одно предположение, ничем до сих пор не доказанное, совет склонялся скорее к отсрочке суда за отсутствием необходимых доказательств, чем к произнесению опрометчивого приговора. После всестороннего обсуждения настоящего дела Куф указал еще на одно, по его мнению, действительное средство помочь суду выбраться на настоящую дорогу, и после продолжительных пререканий по этому поводу военный совет возобновил свое заседание.

— Пусть приведут молодую девушку, известную под именем Джиты, — распорядился прокурор, делая вид, что просматривает свои заметки.

Рауль содрогнулся, но он быстро подавил свое волнение, по крайней мере наружно, и принял свой прежний, невозмутимо спокойный вид.

Прошло некоторое время, прежде чем дверь отворилась и появилась Джита, так как ее вместе с ее дядей перевели в отдаленную часть корабля из той каюты, в которой они провели ночь, с целью скрыть от них все происходившее на военном совете. Войдя в комнату, Джита остановила на Рауле взгляд, полный нежного участия; но скоро ее всю охватило волнение, и она сосредоточила все свое внимание на том, что происходило перед нею. Не имея времени дать себе ясный отчет в том, какие могли быть последствия от ее показаний, и разобрав только то, что от нее требовалась одна правда в ответах, она, ненавидящая лжи, не колеблясь, вполне естественно обещала говорить только правду.

Все это было крайне тяжело для Рауля, предвидевшего все последствия подобного начала. Но он так глубоко уважал искренность Джиты, что ни жестом, ни взглядом не хотел смутить эту любовь к истине, составлявшую сущность ее характера.

ГЛАВА XVIII

— Ваше имя — Джита? — спросил королевский прокурор, просматривая свои бумаги. — Джита, а дальше?

— Джита Караччиоли, синьор, — отвечала молодая девушка. Имя Караччиоли заставило всех вздрогнуть и переглянуться.

— Караччиоли!.. — повторил прокурор с удивлением, — это одно из известнейших имен Италии; уж не претендуете ли вы на родство с ним?

— Синьор, я не претендую ни на что известное; я бедная, простая девушка и живу с моим дядей в княжеских башнях на горе Арджентаро.

— Но почему вы носите знаменитое имя Караччиоли?

— Синьор, — горячо заговорила Джита, — это имя моего отца, покрытое вчера страшным позором, когда в виду тысячной толпы неаполитанцев отец моего отца был повешен на одном из ваших судов.

— И вы считаете себя внучкой этого несчастного адмирала?

— Я выросла с этой мыслью. Да, преступник, как вы его называете, был моим дедом, хотя это мало кому было известно, пока он жил в почете, всеми уважаемый.

Водворилось глубокое молчание: неожиданность сообщения и неподдельная искренность девушки не могли не произвести сильного впечатления.

— Вспомните, что вы обязались показывать одну правду, — снова обратился к Джите королевский прокурор. — Скажите, знали ли вы Рауля Ивара, француза, командира „Блуждающей Искры“?

Сердце Джиты сильно забилося, и она невольно покраснела. Она не имела никакого понятия о судопроизводстве, а сейчас забыла даже о деле, ради которого была приглашена. Совесть ее была спокойна, и она решила, что ей нечего краснеть за свое чувство к Ивару.

— Синьор, — отвечала она, опуская веки перед пытливо устремленными на нее глазами всех присутствующих, — я знаю Рауля Ивара, о котором, вы спрашиваете. Вот он сидит между тех двух пушек. Он француз и командир люгера „Блуждающая Искра“.

— Недаром я рассчитывал на эту свидетельницу! — воскликнул Куф, не скрывая своего удовольствия.

— И вы говорите, что сами все это знаете, не по наслышке? — переспросил королевский прокурор.

— Господа! — обратился Рауль к судьям, вставая. — Позвольте мне говорить! Жестоко продолжать этот допрос, жестоко по отношению к этой девушке, которой предстоит тяжелое и неожиданное для нее открытие, я в этом уверен; позвольте ей удалиться, и я обещаю вам не скрывать от вас ничего, на что вы имеете теперь право после ее свидетельского показания.

После некоторого совещания между собою, судьи отпустили Джиту; но она уже успела прочесть на лице Рауля что-то такое, что подняло в ней мучительную тревогу, и не могла уйти, не выяснив себе выражения его лица, которое так поразило ее своею резкою переменою.

— Сказала я что-нибудь такое, что может вам повредить, Рауль? — спросила она его с беспокойством. — Если бы я могла предвидеть, что правда повредит вам, никакая власть не вынудила бы от меня слова.

— Ничего, Джита, так или иначе правда всплыла бы наружу; вы узнаете все в свое время. Итак, господа, между нами нет больше недоразумений, — начал Рауль, когда затворилась дверь за Джитой, — я Рауль Ивар, как вы и предполагали. Я стрелял в ваши лодки, капитан Куф, я избег вашего брандера, я же устроил вам веселую гонку вокруг острова Эльбы; я обманул синьора Баррофальди и его друга градоначальника — и все это сделал из любви к прекрасной и скромной девушке, которая сейчас ушла из этой комнаты. Никакой другой мотив не руководил мною ни при моем появлении в Порто-Феррайо, ни здесь — в Неаполитанском заливе — клянусь вам в этом честью француза!

Во всяком другом случае ненависть к ловкому врагу одержала бы верх; но в заявлении Рауля было столько неподдельной горячности, оно дышало такой очевидной искренностью, что внушало невольное уважение, и хотя, может быть, суд не вполне поверил его словам, но смеяться никто не позволил себе над положением этого мужественного человека.

— После вашего признания, господин Ивар, нам не нужны больше никакие свидетели, — заговорил Куф, — но я должен вас предупредить, что падающее на вас обвинение в шпионстве может иметь серьезные последствия.

— Я объяснил уже, какая была у меня побудительная причина проникнуть в Неаполитанский залив. Своего отношения к нации, враждебно настроенной против моей родины, прилагающей все старания повредить ей, я отрицать не стану, — я служу моему отечеству. Что же касается появления моего на этом фрегате, то вам известно, что я не добровольно сюда попал, меня позвали — и мне нечего говорить о повсеместно признаваемых правах гостеприимства.

Члены суда обменялись выразительными взглядами и на минуту водворилось молчание. Затем королевский прокурор снова приступил к своим обязанностям и сказал:

— Вы обвиняетесь, подсудимый, в том, что переодетым проникли в Неаполитанский залив с целью заручиться некоторыми сведениями, могущими пригодиться вашей родине в ее борьбе с нами. В только что сделанном вами признании вы дадите иной мотив своему поступку, но нам недостаточно одного вашего заявления — мы должны опираться на законные доказательства; если вы можете нам их представить, сообщите.

Рауль колебался. Он не сомневался в том, что подтверждение его заявления Джитой придавало бы ему большой вес; но ему очень не хотелось снова призывать ее перед судьями. Его чувство деликатности не позволяло выставлять Джиту после его признания предметом общего любопытства.

- Можете вы доказать свои слова, Рауль Ивар? — обратился к нему снова королевский прокурор.

— Боюсь, что это мне не удастся. Если бы мне, впрочем, разрешили вызвать моего товарища, то может быть...

— Итуэля Больта? Отчего же, мы выслушаем его показания и посмотрим, можно ли будет дать им цену.

— В таком случае я попрошу вызвать Итуэля.

Отдан был приказ, и Итуэль появился перед судьями. После снятия обычного допроса Итуэль заявил, что он только в таком случае будет отвечать как свидетель, если ему позволят говорить свободно и снимут с него кандалы... При этом он поднял руки, и судьи увидели на них ручные цепи, надетые на него каптенармусом. Взгляда упрека и двух слов со стороны Куфа было достаточно, и ручные кандалы были с него сняты.

— Теперь я могу говорить более добросовестно, — заметил Итуэль с насмешкой, — а то, знаете ли, когда железо вбивается в человеческое тело, то хочется говорить одни только любезности. Спрашивайте меня, если у вас есть о чем меня спросить.

— Повидимому, вы англичанин?

— Неужели? В таком случае моя наружность обманывает. Я уроженец Северной Америки.

— Знаете вы подсудимого, Итуэль Больт, человека, называемого Раулем Иваром?

Итуэль не знал, что ему на это ответить.

Внимательно всматриваясь в выражение лица Рауля, он, казалось, начинал угадывать, в чем дело.

— Мне кажется, что да, по крайней мере, насколько я... — протянул Итуэль неопределенно, но, уловив в эту минуту выражение одобрения на лице Рауля, продолжал уже увереннее: — Да, как же, я его знаю.

— Известно вам, что заставило Рауля Ивара явиться в Неаполитанский залив?

— Собственно говоря, нет, господа судьи; эта поездка сюда капитана Рауля мне не вполне понятна; его дела здесь не поддаются точному определению.

Тогда суд предложил Раулю, со своей стороны, предложить несколько вопросов свидетелю.

— Итуэль, — обратился к нему Рауль, — разве вы не знали, что я люблю Джиту Караччиоли?

— Я, капитан? Я много раз слышал это от вас, но, вы знаете, я не знаток в такого рода делах.

— Разве не случилось мне много раз приставать к враждебному берегу единственно с целью увидеть ее, быть подле нее?

Итуэль, пораженный сначала заявлением Рауля, теперь начал понимать дело.

— Ничего не может быть вернее, капитан, хотя я много раз противился вашему желанию в таких случаях.

— Разве не Джита, одна только Джита была причиной моего приезда в этот залив?

— Именно. Это так же верно, господа судьи, как то, что отсюда виден Везувий. Это было единственным делом капитана Рауля здесь.

— Сейчас вы заявили, что поведение подсудимого в Неаполитанском заливе для вас туманно и необъяснимо, свидетель, а теперь вы говорите совершенно другое, — заметил прокурор.

— Совершенно верно, господин судья, но это именно то, что и есть. Я прекрасно знал, что любовь была в основании всего, но ее-то и называю причиной туманной, неясной и необъяснимой.

— Как же вы узнали, что именно это чувство побудило подсудимого приехать сюда?

— Эти вещи понимаются сами собой, господа, когда живешь с человеком. Сначала мы заехали туда на гору, где живет тетка этой девушки, и когда мисс Джиты не оказалось, поехали к Неаполю. Вот и все.

Все это, действительно, так и было, и Итуэль говорил вполне естественным тоном, внушающим доверие.

— Вы говорите, что сопровождали Рауля Ивара сначала к жилищу родственницы той молодой девушки, а затем сюда. Но откуда, собственно, вы приехали? — спросил его капитан Куф, стараясь равнодушным тоном замаскировать расставляемую ловушку.

— Это смотря по тому, с какого времени начать считать, — невозмутимо ответил Итуэль. — Собственно, первый мой выезд был из Америки.

— Нет, мы возьмем последний, предшествовавший вашему появлению здесь.

— А, я понимаю вас, капитан Куф, мы съехали с люгера, известного под названием „Блуждающая Искра“.

— Я так и думал. Теперь скажите мне, где вы оставили люгер?

— Мы, собственно говоря, нигде его не оставили, так как едва мы с него сошли, как его и след простыл.

— Но где это было?

— На море, само собой, капитан Куф: подобной вещи не могло случиться на земле.

— Вне всякого сомнения. Но, видите ли, так как точное доказательство настоящего положения вещей может иметь важное значение для решения участи подсудимого, то нам и было бы желательно проследить все это дело обстоятельно.

— Я оставил люгер приблизительно в полуверсте от того места, где теперь стоит ваш фрегат, — вмешался Рауль, — но его здесь нет, как вы видите.

— Где же он теперь? Вы присягнули говорить правду, свидетель, отвечайте?

— Я, право, затрудняюсь, капитан Куф; именно в виду моей присяги я по совести не могу вам ответить

на этот вопрос. Никто не знает, где в настоящее время находится люгер, кроме тех, кто на нем.

Куф был немного смущен этим ответом, а капитан Лейон иронически улыбался и сам обратился к Итуэлю:

— Вы совершенно верно заметили, что только людям на борте люгера известно, где они находятся; но не скажете ли вы нам, где вы условились найти друг друга, когда сошли с судна, предпринимая ваше смелое путешествие?

— Я протестую против этого вопроса, как противозаконного, — отвечал Итуэль с такой силой и порывистостью, что прокурор вздрогнул, а прочие члены суда переглянулись с удивлением.

Затем, в виду важности и затруднительности положения, суд удалился для совещания. После того, как каждый высказал свое мнение по этому поводу, решено было все-таки вторично предложить свидетелю этот вопрос, принимая во внимание его значение для дальнейших действий фрегата. Суд вернулся в комнату, где происходило разбирательство дела, и прокурор снова обратился к Итуэлю:

— Свидетель, суд постановил, что вы обязаны отвечать на этот вопрос. Итак, в каком месте условился Рауль Ивар встретиться со своим экипажем?

— Не думаю, чтобы капитан Рауль о чем-нибудь уславливался со своим экипажем; я, по крайней мере, не слышал. Да и не такой человек капитан Рауль. Он решает все один, а другие его слушаются; вот какой человек капитан Рауль.

— Бесплезно его спрашивать, — опять вмешался Рауль. — Я оставил судно здесь, как я уже говорил вам, и в случае, если бы подал сигнал прошлой ночью, меня ожидали бы близ скал Сирен; но так как сигнал не был дан, и время для него уже прошло, то более чем вероятно, что мой старший лейтенант отправился на другое условленное между нами место, о котором свидетель не знает и которого я, конечно, никогда вам не назову.

Рауль сохранял полное самообладание и твердость, держал себя так спокойно и с таким достоинством, что не мог не внушать к себе невольное уважения. Его ответ сделал бесполезным дальнейший допрос Итуэля, и, после нескольких незначительных замечаний со стороны прокурора, оставалось только выслушать оправдание подсудимого.

— Господа, — начал Рауль, — я не скрыл от вас своего имени, своей национальности, характера профессии. Я — француз и ваш враг, так же, как и враг Неаполитанского короля; я одинаково истреблял как ваши, так и его суда. Если вы отпустите меня на мой люгер, я примусь опять за прежнее. Все враги Франции — враги Рауля Ивара. Вы, господа, не можете этого не понять. Я молод, у меня не каменное сердце, и меня не может не восхищать красота. Я полюбил Джиту Караччиоли, и вот уже год, как добиваюсь ее руки. Должен признаться, что она не поощряет меня в этом направлении, но от этого она ничего не теряет в моих глазах. Мы расходимся с нею во взглядах на религию, и я думаю, что, отказав мне в своей руке, она сочла за лучшее удалиться из Арджентаро, чтобы больше не встречаться со мной. Таковы девушки, господа, но мы, как вам должно быть известно, мы не так легко соглашаемся на подобную жертву. Я узнал, куда отправилась Джита, и последовал за нею. Необходимо было войти в Неаполитанский залив и пройти среди неприятельских судов, чтобы разыскать ту, которую я любил; но это совсем не то, что взяться за гнусное ремесло шпионства. Кто бы из вас, господа, поступил иначе? Я вижу молодых среди вас, они должны сознавать силу красоты; да и другие, более пожилые, вероятно, испытали в свое время подобные страсти, общие всем людям. Если вы осудите меня, то осудите, как просто француза, сердце которого оказалось слишком слабым, но не как шпиона.

Сила и искренность этой речи не прошли бесследно, и если бы решение зависело от воли сэра Фредерика, подсудимый был бы немедленно оправдан. Но Лейон не понимал любви, и к тому же обладал неуправляемым духом противоречия, не допускавшим его легко соглашаться с чужими мнениями. Подсудимого увели, а судьи приступили к обсуждению дела.

Капитан Куф почувствовал некоторую долю сострадания к мужественному врагу, а если бы решение зависело от него, то он отпустил бы его на борт „Блуждающей Искры“, дал бы ему отъехать на известное расстояние и затем снова начал бы свою погоню за ним. Но решение зависело не от него одного, да к тому же его связывало присутствие королевского прокурора, не обладавшего большей мягкостью, чем сам Лейон.

Результат совещания, длившегося добрый час, оказался роковым для подсудимого. Двери открыли, подсудимого ввели и прочли приговор. Он заключался в том, что Рауля Ивара, пойманного переодетым среди враждебных ему союзных эскадр, как шпиона, присудили к повешению завтра на одном из английских судов, по указанию главнокомандующего.

Так как Рауль и не ожидал ничего другого, то он выслушал приговор спокойно и вежливо и с достоинством поклонился военному совету. После этого его увели, чтобы заковать в кандалы, согласно установленному для подобных случаев обычаю.

ГЛАВА XIX

Болът не был предан суду, так как относительно его судьбы возникало много затруднений и разногласий. Капитану Куфу дано было полномочие неограниченного произвола в подобных случаях, но в нем заговорило чувство гуманности по отношению к иностранцу, насильно завербованному в число английских матросов. Куф решил взять Итуэля обратно на свое судно на том основании, что он не может быть подвергнут

суду, пока не докажет своей национальности— к такому выходу из затруднительного положения нередко прибегали капитаны, желавшие избежать необходимости произнесения смертного приговора. Во всяком случае, Куф решил переговорить об этом с адмиралом, который не был иногда чужд снисходительности, когда не был под влиянием той сирены,³² у которой он находился в положении покорного раба.

По произнесении приговора над Раулем и после того, как он был уведен из комнаты совещания военного совета, суд поспешил немедленно отправить лодку к Нельсону, чтобы отвезти ему копию с судебного приговора для подписи. Затем возникли горячие прения относительно местонахождения люгера „Блуждающая Искра" и способах изловить его. В одном все были согласны: люгер не должен быть далеко, но где именно? Этого никто не мог сказать. Офицеры были отправлены на все прибрежные высоты Капри, откуда можно было обозреть море по всем направлениям на большое протяжение; но все было безуспешно: люгер как в воду канул.

Прошла большая часть дня. Полное затишье не позволяло судам двинуться в путь. Капитан Куф настолько был уверен в том, что преследуемый люгер непременно находится неподалеку, что даже сделал уже некоторые приготовления к новой атаке, рассчитывая на этот раз на большой успех в виду соединенных сил трех судов. Но воротилась и последняя лодка, посланная на разведки к острову Искии, и с тем же результатом— нигде никаких признаков „Блуждающей Искры".

Куф разговаривал с другими двумя капитанами в то время, когда ему принесли это известие.

— Меня уверяли, — сказал он, — что этот Рауль Ивар имел смелость входить во многие из наших портов под английским флагом и оставаться в них, сколько ему заблагорассудится, не возбуждая подозрения. Не пробрался ли он и теперь в глубь залива? Около городского мола такое множество разнообразных судов, что при некоторых незначительных изменениях во внешнем виде такое небольшое судно, как люгер „Блуждающая Искра", могло не обратить на себя ничего внимания. Что вы об этом думаете, Лейон?

— Действительно, капитан Куф, таков закон природы: мелкие предметы теряются перед лицом крупных, и то, что вы говорите, вероятно. Нет лучшего средства укрыться, как затеряться в массе.

— Может быть, это и верно, Лейон, — проговорил сэр Фредерик, — но мне что-то не верится, чтобы французское судно, большое ли, маленькое ли, осмелилось бросить якорь перед самым носом Нельсона.

— Это было бы в роде того, как если бы ягненок улегся перед волком, — сказал Куф. — Винчестер, не наша ли это едет лодка?

— Как же, капитан, это возвращаются с ответом от Нельсона. Рулевой!

— Рулевой! — сурово крикнул Куф. — Вы невнимательны к вашим обязанностям! Наша лодка почти подъехала к нам, а вам дела нет!

Рулевой ничего не возразил, приученный к строгой дисциплине и безмолвному послушанию. Офицер, отзовивший Нельсону постановление военного совета, поднялся на палубу „Прозерпины" и вручил капитану Куфу ответ адмирала.

— Посмотрим! — сказал Куф, вскрывая пакет у себя в каюте, куда он удалился с обоими командирами.

„Одобряю. Приговор должен быть приведен в исполнение на палубе фрегата „Прозерпина" завтра днем между восходом и закатом солнца".

Затем следовала хорошо всем знакомая подпись Нельсона. Это было то, чего и ожидал Куф, даже, чего он желал; о, он предпочел бы больший простор в выборе времени для исполнения приговора... Объявлением подписанного адмиралом смертного приговора он надеялся добыть от Рауля сведения о местонахождении люгера, а затем, опираясь на его признание, хотел испросить для него помилование и задержать у себя в качестве военнопленного. Куф не был высокого мнения о корсарах и предполагал, что человек, для своих личных выгод вступивший в борьбу, не остановится перед возможностью спасти свою жизнь ценою выдачи тайны; морскому кадровому офицеру, состоявшему на службе у французской республики, он не решился бы сделать подобное предложение.

Сэр Фредерик и Лейон были того же мнения, а потому возможность взятия „Блуждающей Искры" все они считали делом решенным.

— Однако, очень печально, — заметил сэр Фредерик своим ленивым тоном, — когда нет другого выбора, как предать своих друзей или быть повешенным.

— Так, так, Дэшвуд, — отвечал Куф, — никто, вероятно, и не находил его положение приятным. Чего бы я не дал, чтобы поскорее покончить с этим ненавистным люгером! Ну, да теперь недолго ждать.

В эту минуту в каюту буквально ворвался Гриффин, не предупредив даже о своем приходе обычным стуком в дверь.

— Что случилось, Гриффин? — холодно спросил его Куф.

— Простите, капитан, — начал Гриффин, тяжело дыша, так как он торопился сообщить новость, — часовой, оставленный на высотах Кампанеллы, сейчас дал знать, что он видит люгер на юго-востоке, приблизительно в окрестностях горы Пиане, и что это нам как нельзя более кстати теперь: ветер уже поднимается.

— Превосходная новость! — воскликнул Куф, потирая руки от удовольствия. — Распорядитесь, Гриффин! Скажите Винчестеру, чтобы снимались с якоря, и другим бы судам об этом передали. Ну, господа, игра начинается, и остается только хорошо ее разыграть. Теперь распределим наши обязанности. Так как

³²Сирена — коварное мифическое существо, которое по верованиям древних греков под видом прекрасной девушки влекло моряка на гибель.

„Прозерпина“ лучшее из трех судов (при этом сэр Фредерик иронически улыбнулся, а Лейон поднял брови, как будто услышал нечто совершенно новое для себя), то она пойдет вперед, а вы, сэр Фредерик, только после солнечного заката последуете за мной; вы же, Лейон, переждете, когда наступит ночь. Таким образом мы преградим все пути отступления и, наверное, удачно выполним свое дело; окруженный со всех сторон нашими судами и лодками, загнанный в залив, люгер будет принужден сдаться.

— Прекрасно задуманный план, капитан Куф, — заметил Лейон. — Только иногда случается, что, вместо того, чтобы его вогнать между берегом и нами, мы сами окажемся пригнанными к берегу, а неприятель останется снаружи. Что тогда делать?

— Пуститься за ним в погоню, и тогда видно будет, что надо делать каждому из нас. А теперь, господа, простите за негостеприимство, но „Прозерпине“ пора пуститься в путь, так как путь ей предстоит немалый, а сами вы знаете, можно ли очень рассчитывать на ветер в это время года.

Куф так торопился, что его гости немедленно поднялись. Вернувшись на свой фрегат, сэр Фредерик потребовал себе обед, на который пригласил некоторых из своих офицеров. После обильного обеда он часа два пиликал на скрипке, затем отдал необходимые приказания первому лейтенанту, и больше уже не заботился о своем фрегате.

Капитан же Лейон, поднявшись на свой корвет, прежде всего распорядился, чтобы принялись за починку по меньшей мере в восьмой или девятый раз нескольких старых парусов; после этого он приступил в одиночестве к довольно умеренному обеду.

Совсем иное происходило на „Прозерпине“. Работа кипела, и в скором времени фрегат на всех парусах уже огибал вершину Ана-Капри. Дул попутный ветер, и ход судна не обманул ожиданий командира.

Когда солнце зашло, и все кругом оделось легким туманом, с фрегата „Прозерпина“ можно было смутно различить вдали темную точку — то была „Терпсихора“, двинувшаяся по следам первого фрегата. Сэр Фредерик ужинал у себя в каюте с приглашенными офицерами, но на палубе у него находился умелый и добросовестный старший лейтенант, строго державшийся данных ему инструкций, и настолько опытный, что в случае какой-нибудь неожиданности мог распорядиться и самостоятельно.

На корвете капитана Лейона в это время шла усиленная починка старых парусов, которые необходимо было исправить, прежде чем отправиться в путь. Но вот и для корвета наступило время отплытия, и он снялся с якоря.

Когда он шел уже полным ходом, капитан Лейон позвал к себе в каюту своего старшего лейтенанта.

— Посмотрите, Мак-Бин, — сказал Лейон, указывая ему на разложенную на столе карту, — капитан Куф должен теперь находиться как раз около Пиане, а сэр Фредерик вот здесь. Должен же стоять чего-нибудь этот люгер, если на него пускают такую солидную облаву! Говорят, эти корсары большие любители золота, да если еще принять во внимание стоимость самого судна, да перерыть там все сундуки — меня бы не удивило, если бы этот приз дал от восьми до десяти тысяч фунтов стерлингов! Недурно было бы для экипажа корвета, но сущая безделица, если разделить между экипажами трех судов. Что вы об этом думаете?

— Совершенно то же самое, что вы мне сейчас сказали, капитан. Придется делить на три части долю каждого лейтенанта, как и каждого капитана.

— Вот именно. Нет никакой надобности идти так далеко, как предписал капитан Куф, потому что, в случае, если загонят этот люгер в залив, он, естественно, прежде всего захочет выбраться из него к этому мысу, и тут-то мы его и встретим. Вы следите за моей мыслью?

— Вполне, капитан, и обо всем позабочусь.

— Если мы возьмем люгер перед наступлением полной темноты, когда капитан Куф и сэр Фредерик не будут даже знать, где он, то как они могут нам помочь овладеть им?

— И вы желаете, чтобы мы смотрели во все глаза в эту ночь, капитан Лейон?

— Несомненно. Чем лучше будем смотреть, тем скорее захватим добычу. Согласитесь, что было бы жаль разделить на троих то, что мы можем получить одни.

Час или два спустя после заката солнца, собираясь лечь спать, Куф послал за своим старшим лейтенантом, приглашая его к себе, если он еще не лег в постель. Винчестер занят был составлением своих личных заметок, но сейчас же пошел на призыв капитана.

— Добрый вечер, Винчестер, — дружески и фамильярно обратился к нему капитан, из чего лейтенант понял, что его призвали не для выговоров. — Садитесь и попробуйте этого славного винца.

— Благодарю, капитан. Это действительно очень хорошее вино. Я слышал, капитан, что адмирал подписал решение совета, и этого француза повесят завтра на нашем судне?

— Так стоит на бумаге; если же он укажет нам, где стоит его люгер, он будет помилован. Но теперь обстоятельства так сложились, что мы возьмем эту проклятую „Блуждающую Искру“ и будем за это обязаны только самим себе.

— Так оно и лучше, капитан. Неприятно слышать, когда человек выдает своих товарищей.

— Я с вами согласен, Винчестер; однако нам во что бы то ни стало надо захватить этот люгер. Но я вас позвал собственно по поводу Больта. Надо как-нибудь порешить с этим плутом.

— Это совершенно несомненный случай дезертирства, капитан, и даже дезертирства к врагам. Я предпочел бы видеть повешенным десять подобных ему негодяев, чем того француза.

— Вы не злопамятны, Винчестер. Забыли вы Порто-Феррайо и гонку на лодках?

— Все шло совершенно правильно в том деле, о котором вы говорите, капитан, и мне не в чем

упрекнуть мистера Ивара. Совсем другое дело — Болът! Беглый негодяй, предоставляющий другим отстаивать интересы своей родины в то время, когда сам поступает на службу ее врагов!

— Вот в этом-то и вопрос, Винчестер. Интересы „своей“ ли родины отстаивал он на нашем фрегате?

— Мы его взяли как англичанина на наше судно. Или, капитан, вы верите его рассказам о том, что он янки? Если это правда, то мы, действительно, поступили с ним несправедливо, но я не верю этим уверткам.

— Прекрасное средство усыпить свою совесть, Винчестер. Но дело становится серьезным, когда касается жизни человека, а я не уверен в том, что он не американец, также и относительно некоторых других из нашего экипажа.

— Но в таком случае, почему он не представит доказательства своей национальности?

— Это не всегда возможно. Откуда ему взять все нужные для того бумаги?

— Но тогда вам остается только отпустить всех, в чьем происхождении вы не уверены, капитан!

— Большая разница — отпустить или повесить, Винчестер. Нам не достает рук в настоящую минуту, мне бы надо было по меньшей мере еще человек восемнадцать-двадцать, чтобы поставить фрегат на хорошую ногу. А Болът очень не бесполезный человек, он мастер на все руки — словом, мы не можем обойтись без него.

— Как же думаете вы поступить, капитан?

— Я думаю опять взять его в свой экипаж. Если он действительно американец, то в его поступке нет ни дезертирства, ни измены. Нельсон дал мне произвольную власть, и я воспользуюсь ею, чтобы успокоить совесть и получить пользу. Через год, много два, мы вернемся в Англию, и там можно будет основательно разобрать вопрос о его национальности, а до тех пор, я полагаю, Болът может только радоваться предлагаемым ему условиям.

— Может быть, капитан. Но что скажет экипаж при виде такой безнаказанности проступка?

— Я уже думал объявить его королевским свидетелем. Знаете вы, что это такое? Когда, за неимением никого другого, свидетелем является соучастник обвиненного, то он получает помилование в награду за выдачу товарища. Болът, как вам известно, служил свидетелем в деле Ивара.

— Это возможно, капитан, но тяжеленько тогда придется бедняге: матросы ненавидят доносчиков более, чем преступников.

— Все это лучше, чем быть повешенным, Винчестер. Плут будет рад, что дешево отделался. К тому же вы присмотрите, чтобы его уже не слишком преследовали. Итак, Винчестер, распорядитесь, чтобы с него сняли кандалы и объявили ему о его судьбе, прежде чем ляжете спать.

Таким образом была решена участь Итуэля Болъта, по крайней мере, в настоящую минуту. Винчестер, согласно приказаниям капитана Куфа, разбудил каптенармуса и велел ему расковать американца.

— После всего происшедшего сегодня, Болът, — обратился к нему лейтенант, повышая голос настолько, чтобы его могли слышать все присутствующие поблизости матросы, — капитан приказал снять с вас цепи и вернуть вас к вашим прежним занятиям. Вы должны оценить снисходительность капитана, Болът, и не забывать, что вы были на волосок от смерти. С завтрашнего утра вы вступаете в свою прежнюю должность.

Хитрый Итуэль промолчал. Он прекрасно понял, в силу каких соображений его пощадили, и решил, что не пропустит первого случая для вторичного бегства. Однако мысль Куфа выдать его за государственного свидетеля, предавшего своего друга, далеко ему не нравилась, так как, по общему убеждению матросов, такой поступок хуже, чем тысяча преступлений. Винчестер не мог уловить того, что происходило у него в уме; поболтав еще немного с дежурным офицером, зевнув раза два, он отправился в свою каюту, бросился на койку и через каких-нибудь пять минут уже спал крепким сном.

ГЛАВА XX

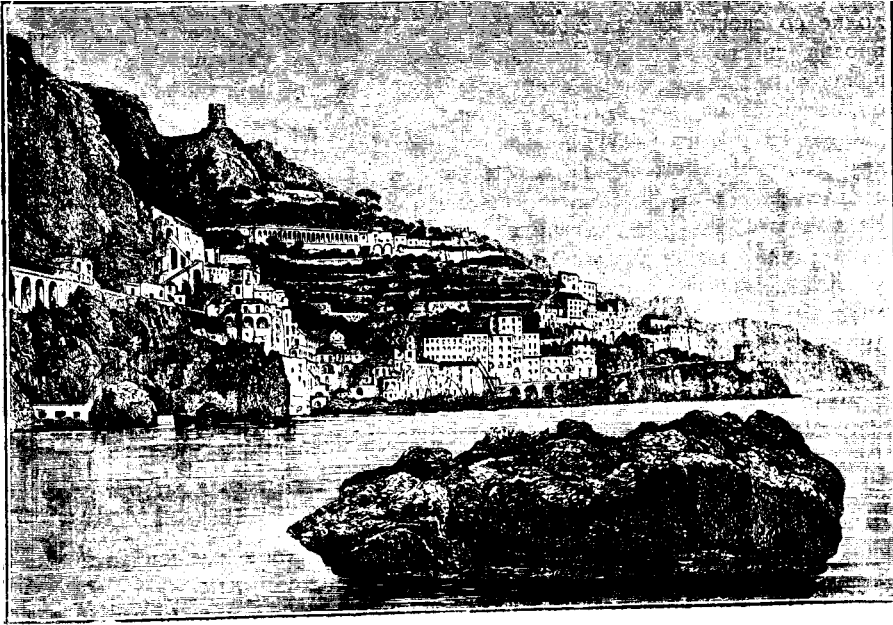
На следующий день рано утром капитан Куф и Лейон стояли уже на палубах своих судов, пытливо всматриваясь в окружающие предметы. Даже сэр Фредерик Дэшвуд разрешил дежурному офицеру разбудить себя и притти сообщить о положении вещей.

Куф поднялся еще за полчаса до восхода солнца и теперь вместе с подошедшим к нему Гриффином присутствовал при появлении первых лучей, озаривших дивную панораму пробуждения дня.

— Я не вижу ровно ничего там, вдоль берега, — заметил Куф.

— Я различаю что-то чернеющее около тех развалин, о которых мы слышали столько чудесного. Но ничего похожего на оснастку люгера.

— А в той стороне, Гриффин? Но это слишком велико для „Блуждающей Искры“.

Амальфи.

— Это должно быть „Терпсихора“, капитан; она как раз должна быть на этом месте. Но вон какие-то удаляющиеся паруса туда, к северу; возможно, что это люгер.

— Это непременно люгер; он, очевидно, все время скрывался в окрестностях Амальфи.

„Прозерпина“ шла хорошим ходом по направлению предполагавшегося люгера; но, по мере того, как расстояние между двумя судами уменьшалось, возникало все больше и больше сомнения относительно того, люгер ли это на самом деле.

„Терпсихора“ следовала за первым фрегатом; но уже два часа спустя все убедились, что судно, ошибочно принятое за люгер, было не что иное как корвет Лейона. В своем желании опередить оба фрегата и захватить люгер раньше, чем другие его заметят, капитан Лейон нарушил предписание Куфа и обманул его ожидания.

— Не может быть никакого сомнения, что это большое судно, и даже, по всей вероятности, именно корвет Лейона! — воскликнул капитан Куф с явной досадой. — Но, чорт его знает, что он там делает? Разве он заметил что-нибудь подозрительное?! Мы это сейчас сами узнаем.

У всех почти пропала надежда на удачу. Решили, что часовой, сообщивший о люгере, ошибся, приняв за него какую-нибудь фелуку. Но как-никак, а ошибка была сделана на фрегате „Прозерпина“, и виновником оказывался очень опытный и пользующийся общим доверием офицер, который давно уже дослужился бы до звания лейтенанта, если бы не его несчастное пристрастие к вину. Теперь он подъезжал к борту фрегата на лодке со своего сторожевого поста, и Куф не мог скрыть раздражения против своего любимца и, как всегда в таких случаях, ушел к себе в каюту, приказав, чтобы виновника прислали ему немедленно, как только он появится на палубе „Прозерпины“.

— Что же это значит, сударь! — закричал Куф пронзительным и резким голосом, когда в дверях показалась голова злополучного офицера, с красным и в то же время смуглым лицом, с правильными чертами. — За кем это вы нас заставили гоняться? И теперь, благодаря вам, мы зашли туда, откуда неизвестно когда выберемся по милости ветра.

Клинч по опыту знал, что в таких случаях надо дать гневу начальника излиться беспрепятственно, а потому не возражал; он только позволял себе в этом случае выражение некоторого недоумения и сожаления на своем лице, как будто говорившее: „Но что же я такое сделал? А если я действительно в чем-нибудь виноват, то вы видите, как я об этом сокрушаюсь“. И это немного комическое выражение всегда влияло смягчающим образом на расходившегося командира.

— Извольте же объясниться, по крайней мере, — закончил, наконец, Куф, передохнув.

— Будьте любезны, капитан, скажите мне, что я должен вам объяснить? — возразил Клинч с ясно выраженным недоумением.

— Это мне нравится! Но, послушайте, как было понять ваш сигнал? Разве вы действительно видели „Блуждающую Искру“?

— Видел, и я вижу, капитан, что поданные мною сигналы были поняты совершенно правильно. Я видел люгер около южной части Капри — я не мог ошибиться, слишком характерна внешность этого люгера, и кто раз его видел, тот его навсегда запомнит.

— Но куда же он в таком случае девался?

— Я полагаю, капитан, что, пользуясь ночной тьмой, люгер проскользнул незамеченным и ушел из

залива в открытое море; на это у него хватило смелости. Но что это был именно тот люгер, это несомненно, я его видел на расстоянии не более четырех миль!

— Четырех? Я полагал, что на восьми, по крайней мере. Почему вы не дали нам знать о расстоянии?

— У меня не имелось для этого надлежащих сигналов, да и к тому же...

— Что к тому же? Говорите!

— Я полагал, что на фрегате никто не может сомневаться в том, что небольшой люгер не может быть виден на расстоянии восьми-девяти миль.

На самом деле, „Блуждающая Искра“, которую, действительно, видел Клинич, прошла ночью между обоими фрегатами никем не замеченной, под благодатным покровом ночи и направилась к Искии, пересекая последнее место стоянки трех судов. Оставляя люгер, Рауль условился относительно сигналов со своим старшим лейтенантом Пентгаром; но тот напрасно прождал в обоих указанных пунктах: он не получил никакого сигнала от своего капитана. Замеченные с люгера корвет и два фрегата были им приняты за отправлявшиеся на Мальту и в Сицилию, а самый люгер до наступления ночи спасало от посторонних глаз частью отсутствие верхних парусов, которые убираются корсарами именно во избежание быть замеченными, частью скалы, до некоторой степени прикрывавшие его. Клинич же не мог видеть дальнейшего движения „Блуждающей Искры“, так как поспешил со своими матросами отыскать какую-нибудь деревушку, где можно было бы приютиться на ночь, как только увидел, что „Прозерпина“ откликнулась на подаваемые сигналы.

— Где вы переночевали, Клинич? Надеюсь, не под открытым небом на той возвышенности? — спросил Куф, после того, как уже исчерпан был весь материал, касающийся люгера.

— Как нельзя лучше, капитан, в деревне, где нас и приютили, и накормили.

— И вы не надеялись растерять ваших людей, Клинич? Вино и хорошенькие девушки такая приманка для наших матросов.

— Как видите, мы воротились в полном составе. И вообще мне ни разу не случилось терять моих людей.

— Вероятно, вы выбрали с собой женатых?

— Напротив, я совершенно не этим руководствовался. Наши семьянины еще хуже холостых, капитан: они рады избавиться от своих жен.

— Да, это, пожалуй, верно. А вы сами женаты, Клинич? Я слышал, что-то говорили...

— Ради самого неба, капитан Куф! Это одна из сказок наших мичманов. На нашем фрегате в настоящее время такие сумасбродные мичманы, что надо только удивляться тому, как справляется с ними Винчестер.

— Мы с вами тоже были молоды. Клинич, не будем слишком строги к молодежи. Но расскажите-ка, как же вы устроились на ночь?

— Так хорошо, как только может быть вне Англии. Бок-о-бок с одной старой женщиной, по имени Джунтотарди — итальянской фелукой, наверно, сооруженной шестьдесят лет тому назад.

— А!.. Но вы немного понимаете по-итальянски, если не ошибаюсь?

— Я так много ездил по свету, что кое-что удержал из каждого языка — все, знаете, пригодится, когда захочешь достать чего-нибудь поесть или выпить. Так вот она мне рассказала целую историю, так как была в большой тревоге и сильно огорчена. К ней, видите ли, приехали погостить брат и племянница, да отправились в Неаполь, откуда должны были воротиться еще третьего дня вечером, а между тем их нет и до сих пор. Она спрашивала, не повстречалась ли нам их лодка.

— Клинич, вы напали на след, и я сожалею, что вы об этом ничего не знали. Наш арестант ссылался на то, что был в этой местности, и от этой женщины мы могли бы кое-что разузнать, если бы ее половчее выспросить. Надеюсь, что вы расстались друзьями?

— Лучшими в мире, капитан. Мне всегда друг тот, кто меня пригreet и накормит.

— Я в этом не сомневаюсь, Клинич, вы верный человек. Легкая судорога передернула лицо моряка, и его глаза забегали по всей комнате, избегая лица его командира. Он знал, что давно пора ему была повыситься по службе, и также знал, что служило ему помехой.

— Я служу королю, а он кормит меня ложкой подшкипера и укрывает в трюме, — проговорил Клинич, отпивая гог.

— Мы с вами давно вместе служим. Клинич, — мягко возразил ему Куф, — мне знакомо ваше положение, и вы не обидетесь на меня, если я скажу вам, что всему виною ваш любимый враг, который тем более вредит, чем вы чаще к нему прибегаете. Вы понимаете меня, Клинич?

— Да, капитан, и я не могу не согласиться с вами. Но тяжела жизнь без всякой надежды впереди!

Эти слова, произнесенные с неподдельной тоской, вообще свойственной Клинчу, тронули Куфа. Он вспомнил, как они оба с Клинчем одновременно служили мичманами, и какая теперь разница в их служебном повышении.

— Конечно, тяжела жизнь без всякой надежды, — начал опять Куф, — но надежда — это последнее, что должно умереть в человеке. Вы должны еще раз испробовать свои силы, прежде чем окончательно отказаться от всякой надежды.

— Если я об этом думаю, капитан, то не столько ради себя, сколько ради моих родных. Когда мой отец, купец в Плимуте, отдал меня в морскую службу, он надеялся, что я со временем стану выше его в общественном положении. И вот вы видите, я занимаю положение скорее низшее сравнительно с ним.

— Но это может быть переходной ступенью. Клинич. Почему вы ставите крест на возможности вашего

повышения?

— Подшкипер в мои годы, капитан, — это безнадежно.

— Но вы, должно быть, моих лет. Клинч? Сколько вам?

— Тридцать два, капитан. А моя мать мечтала видеть меня на более видном месте... И еще одна молодая особа, подарившая всю свою привязанность человеку недостойному.

— Вот это новость для меня. Клинч! — с любопытством обернулся к нему Куф. — Я почему-то никогда не думал о возможности женитьбы с вашей стороны. К тому же люди вашего положения редко женятся.

— Мы с Джен решили ждать более благоприятного времени и не торопиться со свадьбой.

— А справедливо ли, Клинч, держать таким образом молодую девушку на буксире без ее ведома, куда ее ведут, в таком возрасте, когда она могла бы, может быть, найти хорошую гавань и бросить якорь на всю жизнь?

Глаза Клинча поднялись к лицу его капитана и подернулись слезой. Он не дотрогивался до своего стакана с тех пор, как разговор принял это направление, а на лице, обыкновенно бесстрастным, отразилось сдерживаемое глубокое волнение.

— Это не моя вина, капитан, — отвечал он, понижая голос, — вот уже шесть лет, как я прошу ее забыть обо мне, но она и слышать не хочет. Ей представлялись случаи выйти замуж, и я уговаривал ее, но она отвечала мне на это, что считает святотатством даже думать об этом и что выйдет не иначе как за моряка, или останется незамужней.

— Вероятно, вы ей внушали какие-нибудь романические идеи относительно нашей службы, и поэтому вам и трудно было убедить ее в том, что вы ее уговариваете ради ее же блага.

— Джен Вестон и романические идеи! О, нет, капитан, нет! В ее характере нет и тени чего-нибудь романического, так же, как не найти его на белой бумаге под заглавными словами „молитвенник“. Она вся — сердце. И это сердце она целиком отдала мне, и мне никогда с нею не расквитаться! Для меня необъяснимая загадка, как мог я так твердо укрепиться там.

Клинч еще хорошо сохранился, и его можно было назвать даже красивым человеком, хотя ветер, солнце, усталость и пристрастие к вину наложили свою печать на его лицо, от природы открытое и привлекательное. В настоящую минуту на этом лице преобладало выражение почти отчаяния от сознания его неудавшейся жизни. Куф был искренно тронут его страданиями, и опять ярко вспомнилось ему время их общего мичманства, когда для дальнейшей карьеры за Куфом было одно только преимущество более высокого происхождения. Клинч был превосходный моряк, смелый, как лев, и пользовался значительной долей общего уважения, устоявшего даже перед его несчастным недостатком. Куф протянул руку своему старому товарищу и сердечно пожал ее, говоря ему ласковые, дружеские слова, полные доверия, от чего Клинч уже давно отвык.

— Мой честный друг, — говорил он ему, — еще не все пропало, в вас еще не все умерло, надо забрать себя в руки, напрячь все свои силы — и, кто знает, может быть, через каких-нибудь несколько месяцев представится случай, который даст вам возможность жениться на вашей бедной Джен и порадовать сердце вашей старой матери.

Бывают минуты в жизни человека, когда ласковое участие производит внезапный поворот в их судьбе. Так было и теперь с Клинчем. Нежные письма его невесты, никогда не позволявшей себе ни малейшего упрека, каждый раз повергали его в глубокое отчаяние, но не изменили его привычек. А дружеское, гуманное обращение к нему его капитана, человека значительно высшего перед ним по своему рангу, совершенно потрясло его. Он плакал и сжимал почти судорожно руку капитана.

— Что мне делать, капитан?! — воскликнул он. — Я всегда добросовестно исполняю свои обязанности, но, когда я не бываю занят, на меня нападает такая невыносимая тоска, что единственным исходом служит вино.

— Я бы вам посоветовал совершенно отказаться от него, Клинч; отказаться даже от вашей ежедневной порции. Знаете, раз уже человек имеет подобного рода влечение, ему трудно ограничиться известной мерой, а стоит перейти границу, и он утрачивает самообладание и теряет рассудок. Нам теперь предстоит очень большое дело, и я могу возложить на вас важное поручение, которое сразу выдвинет вас. Ночь, проведенная вами под крышей той старой женщины, может принести вам большое счастье. Только не загораживайте себе пути к этому счастью.

— Я употреблю все старания, чтобы последовать вашему совету, — дрожащим голосом сказал Клинч.

— Думайте о вашей матери, думайте о вашей бедной Джен! Когда подобная женщина вверяет все свое счастье человеку, то надо быть негодяем, чтобы не оправдать ее ожиданий.

Клинч затонал. Капитан затронул самое больное место с целью излечить его. Вытерев пот, выступивший у него на лбу. Клинч овладел собой до некоторой степени и казался более спокойным.

— Если бы дружеская рука указала мне, капитан Куф, где я могу найти те блага, которых лишился, моя благодарность не имела бы границ!

— Так вот, я и хочу вам сказать: Нельсон придает большое значение поимке этого люгера, и офицер, причастный к успеху этого предприятия, может смело рассчитывать на его внимание. А я вам доставлю все от меня зависящие средства выдвинуться. Ступайте, оденьте ваш лучший мундир, чтобы в вас видели джентльмена, каким, я знаю, вы можете быть, и приготовьтесь к немедленному отплытию на лодке. Я вам дам поручение, которое послужит началом вашему счастью, если вы останетесь верны вашей матери, Джен и себе

самому.

Эти слова вдохнули новую жизнь в душу Клинча, как будто яркий луч прорезал густые потемки его будущности. Даже сам Куф был поражен жизнью, блеснувшей в его чертах, и живостью его движений и не мог не упрекнуть себя за свое невнимание до настоящей минуты к участи человека, имевшего некоторые права на его дружбу.

Не прошло получаса, как Клинч в своем лучшем мундире появился на палубе корабля. Это вызвало всеобщее удивление, но подчиненные строгой дисциплине военного судна офицеры ни одним словом не выразили своего любопытства. Клинч переговорил с капитаном с-глазу-на-глаз, получил от него приказания и спустился с сияющим лицом в капитанскую гичку, лучшую из лодок фрегата, уже спущенную на воду по распоряжению Куфа. Едва он сел в нее, как гичка двинулась по направлению к возвышенности Кампанеллы, находившейся в трех милях от фрегата. Никто не знал, куда и зачем он был отправлен, но каждый предполагал, что его поручение имеет отношение к люгеру и для успешного выполнения требует опытного моряка. Что же касается Куфа, то тревожное и озабоченное выражение, не сходившее с его лица с самого утра, сменилось спокойным и удовлетворенным, когда он увидел, с какой быстротой летела его гичка.

ГЛАВА XXI

Не оставалось никакого сомнения в том, что „Блуждающей Искры" не было в Салернском заливе, так как наводили зрительные трубы по всем направлениям и не видели нигде никаких признаков присутствия этого судна. Раздосадованный Лейон должен был отказаться от своего первоначального плана и двинуться по направлению к Кампанелле. Куф, поджидая западного ветра, продолжал свой путь к северу, намереваясь дойти до Амальфи и опросить всех встречных рыбаков.

Джите и ее дяде оказывалось полное внимание во все время их ареста. Как дядю, так и племянницу ни в каком случае не считали преступниками, и капитан выжидал только удобного случая, чтобы высадить их на берег, после того, как убедился, что от них нельзя получить никаких указаний относительно местонахождения люгера.

Итуэль вступил в отправление своих обязанностей на судне и был занят целое утро. Лодку, на которой приехали пленники, спустили на воду и взяли на буксир, чтобы при первой возможности отдать ее Джунтотарди, так как она только мешала на палубе.

Совсем иным было положение Рауля Ивара. Он находился под строгим караулом в ожидании казни. Ожидавшая его участь была известна всем на фрегате и возбуждала общее участие, хотя и не произвела особенно потрясающего впечатления благодаря тому, что в то военное время наказания, аресты и казни были явлением слишком частым, и ощущения, обыкновенно вызываемые ими в мирное время, значительно притуплялись. Но нашлись все-таки и такие люди, у которых участие к приговоренному доходило прямо до глубокого к нему сострадания.

Винчестер сделал все от него зависящее для облегчения участи заключенного. Он поместил его посреди двух открытых пушечных портов, чтобы была постоянная циркуляция воздуха, обстоятельство далеко не маловажное, принимая во внимание жаркий климат места; устроил ему род полотняной перегородки, чтобы никто не мешал его уединенным размышлениям; приказал снять с него цепи, хотя в то же время принял все меры предосторожности, чтобы не дать ему возможности самому лишить себя жизни. Вероятность того, что он прыгнет в море через один из открытых пушечных портов, вызывавшая разногласие между первым и вторым лейтенантами, была, повидимому, устранена строгим внушением страже бдительного надзора; да и Рауль выглядел таким спокойным и покорным, что устранял все подобные опасения. Самый ход судна был такой медленный, что Рауля всегда можно было успеть вытащить, если бы он на это решился. Впрочем, многие из офицеров предпочли бы видеть его утонувшим, нежели повешенным на фрегате.

Рауль провел ночь и следующее утро в этом тесном заключении. Было бы невероятно, если бы мы сказали, что он вполне равнодушно отнесся к своему положению. Напротив, одна только твердая решимость умереть мужественно, как подобало, по его мнению, солдату, спасала его от полного отчаяния в это мучительное время. Масса жертв, покончивших на гильотине свое существование, как-то установили обычай твердо идти на смерть, и редко кто поддавался слабости в эти последние минуты. Мужественный по натуре, много раз серьезно рисковавший жизнью, Рауль и теперь отнесся бы спокойно к неизбежности своей скорой смерти, если бы его не притягивала к жизни как раз в настоящее время его любовь и молодость; он не мог примириться с тем, что терял.

Свою судьбу он считал решенной, и приговор объяснял не столько мнимым обвинением в шпионстве, сколько давно накипевшей против него злобой англичан за весь тот действительно немалый вред, какой он причинял их торговле. Рауль умел ненавидеть, и он глубоко ненавидел английских офицеров и купцов, считая их представителями самой хитрой породы людей. Он не знал и не понимал англичан, как и те, в свою очередь, не понимали его.

Узнику были сделаны два или три визита в течение утра; между прочим, его посетил Гриффин, считавший своей обязанностью развлечь осужденного среди его мрачных размышлений, что он мог сделать, благодаря своему знанию языков. Твердость арестанта устраняла малейший оттенок грусти при их разговоре. Винчестер, как мы уже сказали, огородил полотном небольшое пространство, где помещался Рауль, устроив

ему таким образом род комнаты с двумя пушками на правой и на левой стороне, что давало более свободный доступ в нее воздуху и свету через открытые пушечные порты и делало ее менее тесной. Рауль обратил внимание на это необыкновенное убранство своего помещения во второе же посещение Гриффина. Он сел на один складной стул, предлагая Гриффину другой.

— Как видите, меня здесь охраняют два почтенных орудия с обеих сторон, господин лейтенант, и если бы от них должен я был получить смерть, то настоящая казнь, может быть, всего на несколько месяцев, даже дней предупредила бы нормальный ход событий.

— Поверьте, что мы вполне сочувствуем вашему положению, господин Ивар, — отвечал Гриффин с волнением, — и все предпочли бы встретиться с вами лицом к лицу в честном бою, каждый на своем корабле.

— Судьба судила иное. Но почему вы не садитесь, господин лейтенант?

— Извините, господин Ивар, но я к вам собственно с поручением от капитана Куфа: он просит вас к себе в каюту на несколько минут, если вам это не будет неприятно.

Рауль был невольно тронут деликатным отношением к себе офицеров фрегата, которые, действительно, оказывали полное уважение своему смелому врагу; он научился лучше ценить их и теперь немедленно поднялся, выражая полную готовность исполнить желание капитана.

Куф поджидал его у себя в каюте и, когда те вошли, он вежливо пригласил их обоих сесть и заявил Гриффину, что просит его остаться не только в качестве свидетеля, но и в качестве переводчика, если в этом встретится надобность. После короткого молчания, капитан начал разговор на английском языке, и так как Рауль владел им довольно порядочно, то почти не понадобилось помощи Гриффина.

— Я весьма сожалею, господин Ивар, что такому храброму человеку, как вы, довелось очутиться в подобном положении, — сказал Куф. — Мы отдаем полную справедливость вашему мужеству и способностям, хотя, конечно, сделали все от нас зависящее, чтобы овладеть вами. Но военные законы поневоле очень суровы, и наш главнокомандующий не из тех, что уклоняются от своих обязанностей.

— Господин капитан, — вежливо, но твердо ответил Рауль, — я сумею умереть за свободу и Францию.

— Я в этом не сомневаюсь, господин Ивар, но не вижу необходимости в том, чтобы дело зашло так далеко. Англия так же щедра на вознаграждения, как сильна в мести. Может быть, найдется средство пощадить жизнь такого смелого человека.

— Я не разыгрываю из себя героя, господин капитан, и если окажется какой-нибудь честный выход, то я буду только благодарен.

— Вот это я назову разумным ответом; я не сомневаюсь, что, поговорив откровенно, мы с вами поладим как нельзя лучше. Гриффин, не хотите ли вина? Надеюсь, что и господин Ивар не откажется? Это хорошее каприйское вино, и оно очень кстати в такую жару.

Гриффин не отказался от предложения, хотя его лицо далеко не выражало того удовольствия, которым сияла физиономия Куфа. Рауль поблагодарил и с нескрываемым любопытством ожидал дальнейшего объяснения. Куф, несколько смущенный, медлил ответом; но так как остальные молчали, то он начал:

— Да, сударь, Англия умеет карать своих врагов, но она же умеет и прощать их. Несчастье, что вы попали под суд в военное время.

— На какой выход вы намекали, капитан? Не стану скрывать, что я неравнодушен к возможности сохранения жизни, особенно в виду позорной смерти.

— Я счастлив, что встречаю в вас такое настроение, господин Ивар! Оно значительно облегчает мне мою тяжелую задачу. Вам, без сомнения, известен характер нашего славного адмирала Нельсона?

— Кому неизвестно это имя, капитан, — сдержанно возразил Рауль, неудержимо подаваясь своей естественной ненависти, несмотря на всю опасность своего положения.

— Да, его должны знать. Это железный человек и добивается во что бы то ни стало желаемого, не сходя, однако, с почвы законности. Итак, господин Ивар, говоря прямо, он сильно желает овладеть вашей „Блуждающей Искрой“.

— А! — воскликнул Рауль, иронически улыбаясь. — Нельсон не единственный из английских адмиралов, возымевший такое желание. „Блуждающая Искра“ так прекрасна, господин капитан, что у нее множество поклонников.

— Но Нельсон один из самых горячих, что значительно облегчает ваше дело. Вам стоит только отдать нам в руки этот люгер, и в обмен вам даруют жизнь и оставят военнопленным.

— И Нельсон уполномочил вас сделать мне подобное предложение? — серьезно спросил Рауль.

— Да, господин Ивар. Обязанный блюсти интересы своего государства, он склонен забыть нарушение вами закона, если ему удастся лишить врага средства вредить его народу. Отдайте ему ваш люгер, и он будет видеть в вас лишь случайного военнопленного. Сообщите нам только место, где он в настоящее время скрывается, а остальное уж мы берем на себя.

— Нельсон, без сомнения, исполняет свои обязанности, — серьезно возразил Рауль. — Его долг охранять интересы английской торговли, и он в праве предложить такого рода сделку; но нам приходится заключать договор не на равных условиях. Нельсон исполняет таким образом свой долг, тогда как я не могу...

— Вы можете сказать нам, какие вы дали распоряжения, оставляя ваш люгер, и где он теперь находится; этого с нас довольно.

— Нет, капитан, я этого не могу. Я не могу сделать того, что покроет меня бесчестьем. Когда дело касается измены, мой язык подчиняется самым суровым, не мною выдуманному закону!

Если бы Рауль произнес эти слова с театральным пафосом, они не произвели бы впечатления на Куфа; но его спокойный, полный достоинства, убежденный тон обманул ожидания капитана. Никогда не осмелившийся бы обратиться с подобным предложением к морскому офицеру регулярного флота, он не ожидал встретить такую честность у корсара и даже готов бы, под первым впечатлением разочарования, высказать эту свою мысль Раулю, но сдержался из чувства деликатности.

— Вы бы хорошенько взвесили это предложение, господин Ивар, — сказал капитан после довольно продолжительного молчания. — Дело слишком важно, чтобы так легко с ним порешить.

— Господин Куф, я извиняю вас, если вы сами можете себя извинить, — возразил Рауль с достоинством и поднялся с места, как бы желая показать, что не желает долее пользоваться любезностью капитана. — Мне знакомо ваше мнение о нас, корсарах; но честный офицер должен очень призадуматься, прежде чем решиться искушать человека нарушить его долг. Тем осторожнее должен был бы действовать честный моряк, когда на карту поставлена жизнь человека и рассчитывают на его подавленное душевное состояние, чтобы пошатнуть его нравственные правила. Но, повторяю, я вам прощаю, если вы себе сами можете это простить.

Куф был сильно смущен: кровь прилила к его сердцу, а затем, казалось, выступила из всех пор его лица. Но он скоро овладел собой и взглянул на дело свойственным ему трезвым взглядом. Он только не в состоянии еще был говорить и прошелся несколько раз по комнате.

— Господин Ивар, — начал он, наконец, когда почувствовал, что может говорить, не выдавая голосом своего волнения, — я чистосердечно прошу у вас извинения. Я вас не знал, иначе не сделал бы вам такого оскорбительного предложения и не унизил бы в своем лице английского офицера. Сам Нельсон всего менее способен оскорбить чувства благородного врага; но мы вас не знали. Не все корсары держатся вашей точки зрения, откуда и произошла эта ошибка.

— Вот вам моя рука, — отвечал Рауль, искренно протягивая ему руку, — мы с вами, капитан Куф, должны были бы встретиться каждый на своем корабле в честном бою за интересы наших отечеств. Каков бы ни был результат этого боя, но он послужил бы залогом вечной дружбы между нами. Я прожил достаточно долго в Англии, чтобы убедиться, как у вас плохо понимают нас, французов. Но все равно! Честные люди повсюду поймут друг друга, и мы с вами будем друзьями то короткое время, которое мне еще остается жить.

Куф взял руку Рауля, и слеза скатилась из-под опущенных век капитана, когда он крепко пожимал ее.

— Это подлое, адское дело, Гриффин, — сказал капитан, — и никогда больше не возьмусь я ни за что подобное, хотя бы мне посулили командование целой эскадрой в награду за него!

— Я всегда думал, что оно не удастся, капитан, и, говоря откровенно, надеялся на это. Простите меня, капитан, но я не могу не высказаться: по моему мнению, мы, англичане, слишком презрительно относимся к другим нациям. Я с самого начала предвидел, что искушение будет бесполезно.

Куф еще раз повторил свои извинения, и после взаимного обмена выражений уважения и дружбы, Рауль удалился в свою парусинную тюрьму, отказавшись от предложенной ему капитаном каюты рядом с его собственной. Гриффин, проводив арестанта, снова вернулся в каюту капитана; и между ними возобновился разговор на ту же тему.

— Вообще это страшно тяжелое дело, Гриффин. Суд над злополучным Раулем Иваром велся вполне правильно, и приговор несомненно соответствовал признанной за ним вине. Но, что хотите, а я верю его искреннему рассказу! Джита — это девушка, которую он любит — сама чистота и правдивость, а ее слова подтверждают его показания. Даже вице-губернатор и сам старый градоначальник говорят то же и склонны думать, что только ради нее Рауль заходил в Порто-Феррайо.

— Я уверен, капитан, что Нельсон отсрочил бы казнь или даже дал бы полное прощение подсудимому, если бы ему представить дело в его настоящем виде.

— Вот в этом-то и все затруднение, Гриффин; мы теперь на таком расстоянии от Неаполя, что нет возможности сноситься знаками, а между тем приговор подписан и должен быть приведен в исполнение сегодня же до солнечного заката; теперь уже полдень.

Гриффин вздрогнул; только теперь вполне отчетливо встала перед ним вся затруднительность положения.

— Какое несчастье, капитан! — воскликнул он. — Нельзя ли послать нарочного к адмиралу?

— Что я и сделал. Я отправил к нему Клинча.

— Клинча! Но, капитан, на это нужен расторопный офицер и... трезвый.

— Клинч достаточно ловок, а что касается его несчастной склонности, то, я знаю, сегодня с ним этого не случится. Я ему дал возможность выдвинуться в глазах Нельсона, а никто с моего корабля не доезжал скорее его до Неаполя на гичке. Мы с ним условились относительно сигналов, которые он нам даст на расстоянии восьми или даже десяти миль от фрегата.

— Разве Нельсон не уполномочил Вас действовать самостоятельно в случае каких-нибудь новых открытий по этому делу?

— Нет. Единственно, что было оговорено, это разрешение отсрочить казнь в случае выдачи подсудимым местонахождения люгера до времени возможности личных переговоров с адмиралом.

— Какая неудача! Но не могли бы вы взять на себя личной ответственности, капитан, и действовать так, как будто бы вы имели на то разрешение?

— Это легче говорить другим, чем на это решиться, — сухо возразил Куф. — Я предпочел бы повесить

сорок французов, чем получить от адмирала выговор за неисполнение моих обязанностей.

— Все мы, капитан, могу вас уверить, желаем так же, как и вы, отмены этой ужасной казни. Еще так недавно мы хвалились, что на нашем фрегате не было произнесено и исполнено ни одного смертного приговора, хотя вот уже четыре года, как „Прозерпина" спущена на воду, и мы участвовали в семи правильных сражениях.

— Будем надеяться, Гриффин, что Клинч застанет адмирала и во-время вернется.

— Не послать ли того вице-губернатора к арестанту? Может быть, ему удастся уговорить Ивара, хотя бы для виду, согласиться на ваше предложение, капитан, и тем выиграть время. Эти итальянцы такой хитрый народ.

— Что и доказал вице-губернатор в своих свиданиях с Иваром. Нет, это ни к чему не поведет. А вот разве допросить еще раз этого плута Больта?

— Что же лучше, капитан?! К тому же этот Больт такая продувная bestия, что его и учить не надо. Позвать его?

Куф с минуту колебался; но ему так сильно и почти в одинаковой степени хотелось и спасти от смерти Рауля и захватить люгер, что он не хотел пренебрегать никакими средствами. Утвердительным наклоном головы он ответил на вопрос Гриффина, и через несколько минут Итуэль был введен в комнату капитана.

— Больт, — обратился к нему капитан, — ветер подул с благоприятной для вас стороны, и я имею желание даже содействовать вашему успеху. Вы знаете, я полагаю, где остался люгер?

— Я не уверен, вспомню ли, капитан, — отвечал Итуэль, осматриваясь и недоумевая, к чему ведет капитан. — Не ручаюсь, в случае надобности, я, может быть, и вспомнил бы, но, говоря откровенно, у меня довольно-таки плохая память.

— В таком случае вам не мешает знать, что от вашего ответа зависит жизнь вашего старого друга, господина Ивара.

— Я бы желал знать... Ей-богу, чудная страна эта Европа!.. Что же такое сделал капитан Рауль, что ему так плохо приходится?

— Он приговорен к смертной казни, которая должна совершиться здесь на фрегате сегодня же, если он не укажет места, где находится его люгер; в этом последнем случае ему оказано будет снисхождение, так как мы имеем дело с народом, а не с отдельными лицами.

Куф не знал Итуэля, обращаясь к нему с этим предложением. Итуэль не любил ни Рауля, ни люгера, и вообще никого и ничего, кроме своей особы; если бы это не было сопряжено ни с каким риском для него, он, может быть, и выручил бы Рауля, но в данном случае над всем преобладала его исконная ненависть к англичанам, и он прежде всего не желал облегчить им поимку люгера, то-есть достижения их заветной цели.

— И если вам удастся получить люгер, капитан, вы возвратите свободу капитану Раулю? — спросил он с напускным участием.

— Да, весьма возможно, хотя это будет зависеть от адмирала.

— Я сильно затрудняюсь ответить на ваш вопрос, капитан, потому что это самое подвижное из всех судов, и никогда нельзя с точностью определить, сколько оно успеет пройти в данное время.

— Неужели? — иронически заметил Куф. — Но все-таки подумайте, может быть, вы можете дать хоть приблизительный ответ относительно того, где, по вашим расчетам, он должен был бы теперь находиться.

— Приблизительный? Может быть, капитан. Я так думаю, что „Блуждающая Искра" должна теперь находиться где-нибудь на широте острова Капри в ожидании возвращения капитана Рауля и меня. Да, где-нибудь поблизости этого острова. Но, поверьте, капитан, он зорко следит за тем, чтобы не допустить к себе какой-нибудь английский крейсер.

Было ли это верно или нет, но, по крайней мере, Итуэль думал, что говорит правду, и, вовсе не желая предавать своих старых товарищей, нарочно сказал правду, совершенно верно рассчитывая на то, что при явном недоверии к нему со стороны капитана эта правда сойдет за ложь. Так и случилось: Куф и Гриффин, обманутые всей его плутовской и лживой наружностью, не поверили ни одному его слову. Затем его отпустили, строго внушив ему добросовестное отношение к его обязанностям.

— Итак, мы все при том же, Гриффин! — воскликнул безнадежно Куф. — Если Клинч опоздает, я никогда себе этого не прощу!

— Нельзя всего предвидеть, капитан; вы сделали все, что могли и ваша совесть должна быть спокойна. Нельзя ли было бы... К этому средству, впрочем, не любят прибегать! Однако, по необходимости...

— Объяснитесь, Гриффин, что вы хотите сказать?

— Я думаю, капитан, не может ли та молоденькая итальянка дать какие-нибудь сведения о люгере? И так как она любит Рауля Ивара, то может быть...

Куф пристально смотрел на лейтенанта с полминуты, а затем сказал, отрицательно покачивая головой:

— Нет, нет, Гриффин, я ни за что на это не соглашусь. Одно дело пустить все в ход с таким негодяем, как этот американец, и совсем другое играть на чувстве любящей девушки. Нет, нет, никогда!

Гриффин покраснел и закусил губы; ему было неприятно, что капитан превзошел его в великодушии.

— Но мне кажется, капитан, что она осталась бы только в выигрыше, если бы предала люгер ценою спасения жизни жениха. Другое дело, если бы потребовали от нее выдачи любимого человека.

— Все равно, Гриффин, не станем поднимать покрыва, закрывающего тайные чувства девушки, случайно обнаруженные перед нами. Как только мы ближе подыдем к берегу, я решил отправить старика-

итальянца с его племянницей на их лодке. Таким образом мы честно избавимся от них. Но что станется с французом — не знаю.

На этом разговор кончился. Гриффин вернулся на палубу, куда его призывали его обязанности, а Куф принялся в восьмой или девятый раз перечитывать полученные им от адмирала инструкции.

ГЛАВА XXII

День начал уже склоняться к вечеру, и беспокойство Куфа росло не без причины. Ни разу до сих пор не приходилось фрегату „Прозерпина“ так глубоко въезжать в Салернский залив, чудная картина природы, представшая их глазам, временно помогла офицерам отвлечься от гнетущего вида их пленника. Грандиозные скалы, с лепящимися по ним и между ними деревушками, монастырями и церквями, представляли такое величественное и живописное зрелище, в сравнении с которым совершенно уничтожились размеры военного фрегата, и с берега он должен был казаться не более как небольшим торговым судном. Но моряки менее чем кто-либо склонны проявлять свой восторг внешними знаками удовольствия; напротив, особенным достоинством считается между ними полное ко всему равнодушие. Наибольшим авторитетом пользуются опытные старые моряки, и каждый новичок больше всего заботится о том, чтобы своим равнодушием ко всякой новизне доказать свою большую опытность.

Но самым сдержанным в этом отношении являлся боцман Странд, лондонец по происхождению.

В то время как „Прозерпина“ медленно подвигалась, следуя направлению берега, Странд стоял на своем посту, где чувствовал себя полным хозяином, и, соблюдая вполне деловой вид, прислушивался к разговорам других офицеров. В смысле безусловного послушания начальству он был безупречен, будучи для этого слишком рптыным моряком, но на все имел свои мнения, которые не постеснялся бы отстаивать перед самим Нельсоном.

Один из младших офицеров, Кэтфольд, старый моряк стоял в группе нескольких матросов около бушприта³³ и, как старший перед ними по рангу, имел среди них первенствующую роль в разговоре. Матросы стояли со скрещенными на груди руками, с щепоткой жевательного табаку за щекой, и то-и-дело подтягивали штаны, которые они носили без подтяжек; между штанами и курткой неизбежно лежала кольцом полоса белой рубахи, резко оттеняя голубой цвет платья.

— Говорят, эти горы высоки, грандиозны! — говорил старик Кэтфольд. — Я этого не нахожу. Я не вижу ничего необычного в этих берегах! И все, что мы тут видим, эти дома, деревни, все это можно встретить на любом из островов. Когда я делал кругосветное путешествие с капитаном Куком...

Но в это время появился Куф. Он редко появлялся в этой части судна, но его, конечно, везде встречали как лицо привилегированное. Все поднялись из уважения к нему, а Странд уступил ему свое место. Куф подошел к нему твердой, хотя и легкой походкой, так как ему не было еще и тридцати шести лет. Куф состоял еще мичманом на корабле, на котором тогда уже боцманом был Странд. Куф никогда не забывал этого обстоятельства и всегда находил сказать несколько приветливых слов опытному моряку.

— Замечательная местность, Странд, — заговорил он, присаживаясь, — в Англии можно проездить неделю и не найти ничего подобного.

Между ними завязался довольно бессодержательный разговор, но Странд от времени до времени самодовольно поглядывал на матросов, несколько отступивших из почтения к капитану, точно взглядами хотел им сказать: „Видите, какой старый друг вашему боцману капитан!“

— Тут решительно негде спрятаться „Блуждающей Искре“, Странд! — проговорил между тем капитан. Боцман хитро улыбнулся, как человек, не желающий ни с кем делиться своими секретами.

— „Блуждающая Искра“ не из тех судов, которые мы опять увидим, капитан, — ответил он, считая невежливым оставить без ответа замечание капитана.

— Почему? „Прозерпина“ всегда находила то, что искала.

— Видите ли, капитан, были уже с нашей стороны три неудачные попытки овладеть этим люгером, и четвертая не поведет ни к чему; все хорошо только до трех раз.

Куф с удивлением посмотрел на боцмана.

— Заметьте, — продолжал тот, — все идет по трое: у нас три класса адмиралов, три цвета для флагов, три мачты на корабле...

— И один капитан! — засмеялся Куф, для которого была новинкой эта тройная теория.

— Да, потому что в противном случае экипаж не знал бы, которого слушаться.

Оба с минуту помолчали.

— Какое печальное зрелище представляет тот человек между двух пушек, там, на штирборте³⁴, капитан.

— Вы говорите о нашем пленном, Странд? О, я бы от всего сердца желал, чтобы он был где-нибудь в другом месте. Больше всего хотел бы я, чтобы он был на своем люгере и чтобы мы пошли на него в четвертый раз, хотя вы этого и не одобряете, Странд.

³³ Б у ш п р и т—выдающаяся вперед часть носа судна.

³⁴ Штирборт — правый бок корабля, если стать по направлению его носа.

Куф задумчиво замолчал, а когда это случилось, никто не решался с ним заговаривать. Затем он встал и, не останавливаясь, прошел на противоположный конец корабля, не поднимая головы и с тем же рассеянным взглядом. Все перед ним расступались, давая ему дорогу, и даже сам Винчестер боялся этого настроения своего командира и не подошел к нему, хотя имел к нему дело.

Андреа Баррофальди и Вито-Вити все еще находились на корабле и начали понемногу осваиваться с неудобствами непривычных для них условий. Конечно, они не избежали подшучивания, но в общем к ним относились хорошо, у них не было причин жаловаться на свое положение, особенно с тех пор, как снова разгорелась надежда на поимку люгера. Они знали о смертном приговоре над Раулем и пожелали повидать его еще раз, чтобы уверить его в своем полном прощении за обман. Они сказали об этом Винчестеру, и тот выжидал теперь удобной минуты спросить разрешения капитана.

Наконец, Куф очнулся от своей задумчивости, и Винчестер передал ему просьбу двоих итальянцев.

— Бедняга! Ему немного остается жить, если только мы не получим каких-нибудь известий от Клинча. Мы ничем не рискуем, если позволим себе все возможные ему уступки. Допустите к нему всех, кто желает его видеть, Винчестер.

— Даже старика Джунтотарди и его племянницу? И нашего дезертира Вольта? Он также желал бы проститься с своим прежним командиром.

— Относительно первых двоих не может быть никакого сомнения; что же касается Вольта, то мы, конечно, имеем право ему отказать, если только господин Ивар сам не пожелает его видеть.

Винчестер не заставил повторить разрешение и поспешил оповестить как всех желавших свидания или, как он думал, могущих желать его, так и стражу, караулившую пленника, о том, что разрешение на свидание дано. Не спросили только согласия самого осужденного.

На „Прозерпине“ царило общее подавленное, мрачное настроение духа. Всем было известно настоящее положение дел, и мало кто верил в возможность своевременного возвращения Клинча. Оставалось не более трех часов до солнечного заката, а время, вместо того, чтобы тянуться, казалось, летело на крыльях. Общее напряженное состояние и тревога росли с каждой минутой; все следили за заходящим солнцем, находя, что оно на этот раз опускается особенно быстро; большая часть мичманов столпилась на передней части корабля с единственной целью раньше всех увидеть возвращающегося Клинча.

Было уже половина шестого, а в шесть часов солнце должно было зайти. Оставалось всего полчаса до срока совершения казни. Куф не отходил от борта и вздрогнул, когда часы начали бить шесть. Винчестер подошел к нему и глазами спросил его; в ответ он получил едва заметный жест, но этого ему было довольно. В определенном месте палубы началось не шумное движение, появилась веревка, которую прилаживали со слишком для всех понятной целью, устраивали род временной платформы — все угрожающие приготовления к близкой казни. Несмотря на всю привычку к разного рода опасностям и зрелищу всевозможных человеческих страданий, всеми присутствовавшими овладело волнение.

Рауль был их врагом, и еще двое суток тому назад все они искренно ненавидели его; но настоящие обстоятельства изменили эту ненависть в чувство более великодушное. Торжествующий враг совсем не то, что человек, вполне зависящий теперь от них; к тому же, хотя по закону и осужденный как шпион, он в их глазах был только страстно любившим человеком, который, очертя голову, бросился в явную опасность ради свидания с дорогой девушкой. Все это, в соединении с присущим морякам нерасположением к совершению казни на палубе их судна, совершенно изменило положение вещей, и Рауль, который два дня тому назад столкнулся бы на „Прозерпине“ с двумя или тремя сотнями заклятых врагов, теперь имел столько же друзей, не чувствовавших к нему ничего иного, кроме уважения и сострадания.

На приготовления к казни все посматривали косо, хотя невидимая власть тяготела над всеми. Куф не считал себя в праве долее ждать и сделал последние необходимые распоряжения, после чего ушел к себе в каюту.

Следующие за тем десять минут прошли в сильной тревоге и тяжелом ожидании. Винчестер ожидал только возвращения капитана, чтобы привести осужденного. Один из мичманов был отправлен доложить ему, что все готово, и Куф медленной походкой поднялся к платформе. Матросы стояли впереди и по обеим сторонам; солдаты вытянулись с ружьями; офицеры сгруппировались в одном месте; тягостное молчание воцарилось на палубе и резко раздавался малейший посторонний шум. Андреа Баррофальди и Вито-Вити стали в сторонке; но никто нигде не видел ни Карло Джунтотарди, ни его племянницы.

— Я полагаю, что в нашем распоряжении еще двадцать пять минут, Винчестер, — сказал Куф, тревожно посматривая на заходящее солнце, достигшее уже почти горизонта и озарившее ближайшую часть небесного свода золотом и пурпуром.

— Боюсь, что не больше двадцати, капитан.

— Полагаю, что пяти достаточно, чтобы все покончить, — хрипло и с дрожью в голосе произнес Куф, устремив глаза на лейтенанта, который ответил ему одним пожатием плеч, как бы желая сказать, что он этого не знает.

Тогда капитан перекинулся несколькими словами с врачом, допытываясь, сколько времени в лучшем случае может прожить повешенный человек; и ответ, вероятно, не оправдал его ожиданий, так как он тут же дал знак, чтобы привели арестанта.

Рауль появился в сопровождении каптенармуса с одной Стороны и офицера, исполнявшего обязанность духовника, с другой. Он был в своем платье итальянского лаццарони. Рауль был бледен, но нельзя

было заметить ни малейшей дрожи в его мускулах, сильно открытых, благодаря его костюму. Он вежливо поклонился офицерам, и только невольное содрогание пробежало по его телу, когда его взгляд упал на веревку и всю обстановку казни. Однако, через секунду он совершенно овладел собой и, поклонившись капитану Куфу, твердыми шагами направился к роковому месту, но в то же время без малейшей рисовки.

Ему надели веревку на шею при гробовом молчании вокруг. Затем Винчестер шопотом сделал последние указания тем людям, на которых возложена была тяжелая обязанность совершения казни, внушая им главным образом быстроту действия, как единственное облегчение для несчастного в данном случае.

— Возможно ли, чтобы так и умер человек! — воскликнул Куф. — Спросите еще раз у часового наверху мачты, Винчестер.

— Видите вы что-нибудь похожее на лодку? Хорошенько смотрите в Неаполитанский залив, вам должен быть виден вход в него.

Прошла добрая минута, и часовой ответил отрицательным движением головы. Винчестер взглянул на капитана. Куф вскочил на пушку и направил к северу свою зрительную трубу.

— Все готово, капитан, — сказал старший лейтенант, когда прошла еще одна минута.

Куф уже готов был поднять руку, что было бы сигналом к совершению казни, когда издали со стороны Неаполя послышался глухой пушечный выстрел.

— Остановите! — закричал Куф, боясь, как бы не поторопились матросы, державшие концы веревки. — Лоцман, выньте из губ свисток!.. Еще два таких выстрела, Винчестер, и я буду счастливейшим человеком из всей эскадры Нельсона.

В то время, как он говорил, раздался второй выстрел и затем третий через полминуты.

— Может быть, это салютование? — проговорил Гриффин с беспокойством.

— Слишком велик промежуток. Слушайте. Все напрягли слух. Куф вынул часы, и с каждой секундой черты его лица прояснились. Через две минуты он с торжеством поднял руки.

— Все идет прекрасно, господа! — воскликнул он. — Господин Винчестер, отведите арестанта в его камеру. Отвяжите эту проклятую веревку и к чорту отправьте все это адское сооружение. Господин Странд, распустите команду.

Рауль был немедленно отведен обратно в свою загородку среди пушек. На пути все офицеры поздравляли его, радостно приветствуя его спасение; и не было ни одного человека на всем корабле, который не вздохнул бы облегченно при известии о полученной отсрочке.

ГЛАВА XXIII

Рауль Ивар на этот раз обязан был своим спасением присутствию духа и предусмотрительности Клинча. Не будь трех выстрелов с судна адмирала, казнь была бы совершена; они были даны единственно благодаря предусмотрительности подшкипера.

Еще в то время, когда Куф отправлял Клинча и условливался с ним, этому последнему пришлось в голову, что какая-нибудь непредвиденная задержка с его стороны хотя бы на одну минуту может погубить все дело, и он тогда же получил от Куфа предписание о трех выстрелах с адмиральского судна, о чем капитан упомянул в своем письме к Нельсону, настаивая на них, как на мере крайне важной. По прибытии в эскадру, Клинч узнал, что адмирал в Кастелламаре, и должен был туда отправиться на лошадях. Отыскав его, он передал ему бумаги.

— Капитан пишет мне, — сказал Нельсон, два раза перечтя письмо Куфа, — что не может быть никакого сомнения в том, что Ивар заезжал в залив единственно по своим сердечным делам, а никак не в качестве шпиона.

— Таково у нас общее мнение, милорд. У Ивара в лодке сидел старик и прелестная молодая девушка, которую капитан Куф видел на вашем корабле, в вашей комнате, милорд, несколько дней тому назад.

Нельсон вздрогнул и покраснел.

— Возьмите перо и запишите, что я вам продиктую. Потеряв правую руку несколько лет тому назад, Нельсон мог самостоятельно только подписываться под бумагой левой рукой, но много писать не мог. Клинч повиновался, и Нельсон продиктовал ему приказ об отсрочке казни Рауля впредь до нового распоряжения.

— Возьмите это и поторопитесь доставить вашему капитану.

— Простите, милорд, но я могу опоздать вернуться на „Прозерпину“ до солнечного заката. Ничего не пишет вашей милости капитан о трех выстрелах с вашего судна?

— А, в самом деле, это скорейший способ сообщения, а при настоящем легком западном ветре эти выстрелы должны быть далеко слышны. Возьмите перо, напишите.

И он продиктовал приказ о трех выстрелах с своего судна, каждый на расстоянии полминуты один от другого.

Едва только оба приказа были скреплены магическим именем „Нельсон“, как Клинч встал и отклонялся адмиралу.

— Не теряйте времени, — торопил его Нельсон. — Передайте вашему капитану, что я прошу его прислать вас ко мне как можно скорее, чтобы сообщить мне обо всем. Доброго вечера!

Клинч поспешил на адмиральское судно, передал приказ Нельсона, и немедленно даны были три

выстрела, спасшие жизнь Раулю.

Через полчаса на палубе „Прозерпины“ не осталось никаких следов предшествовавшей мрачной картины, все дышало радостью и весельем. Куф снова оживился и беспечно болтал с обоими итальянцами, при чем Гриффин служил ему переводчиком. Они не могли сделать визит Раулю, так как тот выразил желание остаться один, но после вторичного запроса с их стороны Ивар согласился. Оба еще не вполне освоились с неудобствами корабля, а потому шли очень медленно и осторожно, разговаривая между собою.

— Синьор Андреа! — говорил старый градоначальник. — Можно подумать, что мы живем в мире чудес! За полчаса еще можно было считать этого мнимого сэра Смита мертвым, а теперь он живехонек.

— Скажите лучше, сосед Вити, — глубокомысленно отвечал вице-губернатор, — что надо удивляться тому, что мы все еще живы, когда каждая минута может принести человеку смерть.

— О, с такими мыслями вы могли бы быть одним из лучших проповедников, вице-губернатор! Церковь много потеряла, не имея вас в числе своих представителей. Но к чему постоянно такие грустные мысли? Думайте больше о живом, тогда и вам, и вашим близким будет веселее жить.

— Знаете, сосед, что я вам скажу? Существует философская теория, утверждающая, что на свете нет ничего реального, а все, что мы видим кругом, создано одним нашим воображением.

— Что? Так выходит, что я не живу, а только воображаю, что живу?

— Да, и вы, может быть, не градоначальник, а только воображаете, что вы подеста.

— Но, в таком случае, я выхожу таким же обманщиком, как этот сэр Смит?

— Нет, потому что другого Вито-Вити совсем нет.

— И вы заявите гражданам Порто-Феррайо, что у них нет ни градоначальника, ни Вито-Вити? Но ведь тогда же пойдет невообразимая анархия!

— Я полагаю, синьор Вити, что вам трудно сразу охватить всю глубину этой философии; отчасти это, вероятно, моя вина, но я не нахожу удобным в настоящую минуту заставлять ожидать нашего несчастного арестанта.

— Но в таком случае и его ведь не существует, и некому ждать?!

Но Андреа Баррофальди уклонился от дальнейшего разговора, и скоро оба итальянца вошли к Раулю, куда их без задержки пропустили часовые, получившие уже приказ вводить к нему каждого беспрепятственно.

Рауль встретил их приветливо и, видимо, чувствовал радость и облегчение от сознания миновавшей смерти, — хотя и миновавшей, может быть, лишь на короткий срок, в виду только отсрочки и пересмотра его дела, а не отмены приговора. Довольный в настоящую минуту своим положением, он приветствовал бы и более неприятных ему людей.

Винчестер крайне внимательно отнесся ко всем его потребностям; ему дали два складных стула, которые он и предложил своим гостям, а сам присел на выступ около пушки. Стемнело, и так как легкие тучи заволокли звезды, то за загородку, занимаемую Раулем, проникал только слабый свет от отдаленных фонарей. Ему была предложена лампа, но, заметив еще раньше, что он составляет до некоторой степени предмет любопытства и люди менее церемонные заглядывают в щели полотна, Рауль отказался от света, не желая выставлять на показ свое радостное лицо.

Андреа Баррофальди, как человек более деликатный, счел невежливым заговорить о последнем событии и завел довольно безразличный разговор о всякой всячине, предполагая вставить свое поздравление, когда это окажется кстати. Вито-Вити, недовольный таким оборотом дела, возобновил прерванное рассуждение с Баррофальди, гораздо более интересное для него. Баррофальди почувствовал себя несколько обиженным при этом неожиданном натиске, но вынужден был отвечать и разъяснять.

Выслушав его теорию, Рауль, повидимому, заинтересованный, улегся поудобнее на своем не особенно удобном ложе, положив голову к самому отверстию за пушкой, и начал оживленно возражать и спрашивать. Объясняя себе его лежачее положение неудобством его ложа, посетители не думали обижаться на невежливость с его стороны, и беседа шла очень оживленно.

— Но мне кажется, что молодой хорошенькой девушке не должно быть особенно приятно, когда ей скажут, что ее красота только кажущаяся! — смеялся Рауль.

В увлечении разговаривающие все более и более повышали голоса, так что Гриффин, проходивший в эту минуту мимо перегородки, заинтересовался и приостановился, к нему понемногу присоединилось и еще несколько человек офицеров, которым он, улыбаясь, сообщил тему горячего разговора, происходившего на итальянском языке. Стража отступила из почтения перед офицерами.

Между тем Рауль, сначала вставлявший слова с единственной целью расшевелить своих посетителей, мало-по-малу и сам искренно увлекся темой разговора и, в пылу увлечения, подвигал свою голову все дальше и дальше в отверстие, освежая ее прохладой вечернего воздуха. Каково же было его удивление, когда он неожиданно почувствовал осторожное прикосновение руки к своему лбу.

— Тш! — послышался шопот около его уха. — Это я, Итуэль! Теперь как раз время нам бежать.

Рауль слишком хорошо владел собой, чтобы выдать себя каким-нибудь восклицанием или неосторожным движением; но все его ощущения обострились мгновенно. Он полагался на Итуэля, признавая за ним в подобных случаях опытность, предприимчивость и смелость. Следовательно, американец несомненно наметил план, выполнимый в его глазах; иначе он не начал бы дела, так как это был не такой человек, чтобы рисковать навлечь на себя наказание в случае неудачи.

— Что вы хотите сказать, Итуэль? — шопотом спросил Рауль, пока его посетители, увлеченные

собственными рассуждениями, не могли его слышать.

— Итальянец с племянницей уезжают на нашей лодке, так я полагал, что вы можете пролезть в отверстие и бежать с ними. Будьте покойны, я все предвидел.

Рауль ни минуты не заблуждался относительно смысла данной ему отсрочки; он знал, что в лучшем случае это означало отправку в Англию в качестве военнопленного, тогда как в предложении Итуэля была возможность получить свободу и Джиту. Он заволновался, но быстро овладел своим смятением.

— Когда, дорогой Итуэль, когда? — спрашивал он голосом, дрожавшим от сдерживаемого волнения.

— Сейчас, — отвечал Итуэль. — Лодка уже спущена, Джунтотарди сидит в ней, и сейчас спустят в нее молодую девушку. Вот, она уже садится. Слышите свисток?

Рауль прекрасно слышал свисток, данный боцманом, чтобы отъезжали. Минута была критическая, на палубе, наверно, кто-нибудь следил за отъезжавшей лодкой, и хотя ночь была очень темная, но действовать надо было, чтобы надеяться на успех с величайшими предосторожностями.

— Время приближается, — шепнул Итуэль, — старику Карло даны инструкции, а маленькая Джита позаботится, чтобы он их не забыл. Все теперь зависит от безмолвия и быстроты действия. Меньше, чем через пять минут, лодка подойдет под отверстие.

Рауль вполне понимал план Итуэля, но находил его совершенно неосуществимым. Он считал невозможным, чтобы уезжающая Джита не привлекла к себе общего внимания; ему казалось невероятным исчезнуть никем не замеченным, но времени не оставалось на колебание, надо было или решиться на страшный риск или вовсе отказаться от бегства. Раздавшийся громкий приказ, данный дежурным офицером в рупор, немного ободрил его, так как он увидел из этого, что, по крайней мере, тот чем-то отвлечен. Это уже было большим облегчением, потому что кто же бы осмелился заняться чем-нибудь другим, когда его призывают на другой конец судна?

Целый вихрь мыслей кружился в голове Рауля. Он слышал, как оба итальянца горячее прежнего обсуждали поднятый ими вопрос, как смеялись собравшиеся перед загородкой офицеры, присутствие которых в пылу увлечения итальянцы совершенно не подозревали; различал малейшее трение лодки о кормовую часть судна, каждый всплеск весел старика Джунтотарди. Молодому корсару казалось, что все его ощущения, весь интерес его жизни, его настоящее, прошедшее и будущее — все заключалось в этой одной минуте. Не желая действовать без совета Итуэля, он шопотом спросил его, что ему делать.

— Должен я головой вниз броситься в воду и доплыть до лодки?

— Не двигайтесь, пока я вам не скажу, капитан Рауль; пусть себе горланят итальянцы.

Рауль не мог видеть воды, потому что лежал на спине, держа голову в отверстии. Лодка медленно обходила корму, как бы собираясь от нее удалиться. Старик Карло как нельзя лучше играл взятую им на себя роль. Он так повернул свою лодку, что ее трудно было бы рассмотреть с палубы, если бы кто-нибудь и следил. Затем он приостановился и выжидал дальнейшего хода событий. С судна не следили за ним, так как считали его слишком далеким от житейских дел.

— Вот! Надо сейчас! — шепнул Итуэль. — У вас все в порядке? Рауль поднял голову и осмотрелся. Он слышал еще смех и разговоры офицеров около его помещения, но им не было никакого дела до него. Однако он подумал, что, пожалуй, может возбудить подозрение своим долгим молчанием, и, приняв меры, чтобы голос не выходил из отверстия, он повторил одно из прежних своих возражений; но оба гостя были так заняты своим спором, что не пожелали даже потратить время на ответ ему. Рауль и не рассчитывал на ответ, но достиг своей цели, напомнил о своем присутствии и таким образом надеялся, что его не сразу хватятся.

Итак, все обстояло благополучно, и Рауль снова принял свое прежнее положение, далеко выставив голову в отверстие, так что она пришлась всего в нескольких дюймах от головы Итуэля.

— Все хорошо, — сказал он, — что мне теперь делать?

— Больше ничего, как просунуть голову и плечи в отверстие, упираясь ногами.

Рауль последовал этому совету и двигался очень медленно и с величайшей осторожностью. Но едва только одна его рука просунулась в отверстие, как Итуэль вложил в нее веревку, шепнув, что она надежно закреплена. С помощью веревки дело пошло гораздо успешнее и надо было остерегаться только одного, чтобы поспешностью не испортить всего дела. Теперь Раулю ничего не стоило вылезть всем телом в отверстие; но для окончательного успеха необходимо было сделать это незаметно. Раулю оставалось сделать еще одно последнее усилие, чтобы совершенно вылезти и спуститься в лодку; но Итуэль удержал его за руку.

— Послушайте, все ли еще грызутся ваши итальянцы? — шепнул он. Прения шли все так же оживленно и шумно, не смолкая ни на секунду. Итуэль дал понять, что надо кончать, и Рауль крепко держась за веревку, оттолкнулся ногами от пушки, совершенно вылез из отверстия и повис над водою. Легко опуститься затем в лодку, бросив веревку, было делом одной секунды. Коснувшись ногами одной из скамеек, он заметил, что Итуэль уже предупредил его. Затем американец притянул его к себе, и оба они легли на дно лодки, а Джита накрыла их своим плащом. Карло Джунтотарди умел править лодкой, и ему оставалось только отцепить багор, которым он придерживался за одну из цепей. Фрегат продолжал медленно подвигаться вперед, оставив их через минуту футов на сто позади себя.

До сих пор все складывалось замечательно удачно. Ночь была так темна, что оба беглеца осмелились приподняться и сесть на скамьи; они даже взяли весла, хотя с большими предосторожностями и совершенно бесшумно. Рауль задрожал от радостного чувства, когда с первым же сильным размахом весла лодка далеко отошла.

— Тише, капитан Рауль, тише, — шопотом предостерег его Итуэль, — нас еще могут услышать с фрегата. Еще пять минут, и мы в безопасности.

В эту минуту с „Прозерпины“ раздались сигналы для смены дежурства, но в сопровождении необыкновенного шума.

— Это простая смена дежурства, — заметил Рауль, замечая некоторую тревогу на лице Итуэля.

— Обыкновенно не бывает такого шума.

— Что это?

Не было никакого сомнения: с судна спустили на воду лодку.

ГЛАВА XXIV

Уступая чувству сострадания, над Раулем Иваром ослабили надзор, и Винчестер приказал часовым только каждые полчаса немного приподнимать угол занавески, чтобы убедиться, что арестант не ушел и ничего над собой не сделал, не тревожа его постоянным подсматриванием. Теперь как раз на часах пробило половину, и один из часовых почтительно приблизился к кучке офицеров, чтобы исполнить приказ старшего лейтенанта. Ему дали дорогу, хотя и находили излишней пунктуальностью эту проверку теперь, когда из-за занавески громко раздавались голоса Баррофальди и Вито-Вити. Через плечо часового туда заглянул и Иельвертон, один из младших и очень усердных офицеров. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что случилось, и Иельвертон, ничего не сказав другим, поспешил со своим открытием к дежурному офицеру. Новость быстро разнеслась; Винчестер приказал сорвать парусину, и глазам всех предстали все еще горячо спорившие, кричавшие и жестикулировавшие итальянцы, не подозревавшие об исчезновении Рауля.

— Чорт возьми, господин вице-губернатор! — вскричал Гриффин, который понимал, что в эту минуту надо отложить в сторону всякие церемонии. — Где же Рауль Ивар?

— Синьор сэра Смит?.. Или мосье Ивар, если вы предпочитаете это имя?.. Ах!.. Слушайте-ка, милейший Вити, где же он в самом деле?.. Ведь он был все время тут, около нас. Минуты не прошло, как он был тут!..

— Синьор Андреа! Да ведь по вашей же доктрине выходит, что никакого настоящего, реального человека тут вовсе и не было, а был воображаемый человек, так что нет ничего удивительного в том, что его здесь больше и нет!

— Послушайте, сосед Вити, — начал Баррофальди. Но тут его нетерпеливо перебил Гриффин.

— Простите, вице-губернатор, но в настоящую минуту, казалось бы, не до философских измышлений; по крайней мере нам, морякам, надо торопиться исполнить нашу прямую обязанность.

— Что это?..

Капитану Куфу сообщили о случившемся, и он явился из своей каюты раздраженный.

— Где лодка старика итальянца с его племянницей? — спросил он. И этот вопрос разом все осветил. В эту же минуту молодой матросик спустился с мачты и впопыхах сообщил, что, насколько можно было разобрать среди темноты, он заметил, что лодка итальянца приостановилась под пушечными отверстиями на батарее, и ему показалось, что в нее спустился кто-то из отверстия.

— Пусть позовут Больта, скорее! — приказал капитан.

И когда Итуэля нигде не нашли, для всех стало совершенно понятно, каким образом исчез Рауль. Мигом спустили пять или шесть лодок, в каждую село по офицеру, не считая матросов, и пустились в погоню за беглецами, а на фрегате подняли фонарь.

Было так темно, что совершенно невозможно было увидеть маленькую лодочку. С одной стороны черной массой выделялся остров Капри, а с другой — слабо виднелись очертания берегов Италии. Фрегат направлялся опять к Неаполитанскому заливу, намереваясь стать на якорь приблизительно там же, откуда тронулись накануне.

Иельвертон первый заметил лодочку, удалявшуюся по направлению берега; заподозрив, что это и есть разыскиваемая лодка итальянца, он устремился за нею, чем навлек за собой погоню своих же двух гичек, слышавших сильный всплеск весел и принявших его легкую лодку с четырьмя искусными гребцами за удалявшуюся лодку беглецов. Началась сумасшедшая гонка.

Так как Рауль и Итуэль все время не переставали усердно работать веслами, а лодки фрегата потеряли немало времени на розыски около самого судна, то беглецы опередили их, по крайней мере, на пятьдесят сажений. Их легкая лодка была приспособлена только для двоих гребцов, и четыре сильные руки действовали как нельзя лучше; но все же их нельзя было приравнять к очень ходкой гичке Иельвертона с четырьмя отборными гребцами, и чуткое ухо Рауля довольно скоро различило, что расстояние между ними значительно сократилось. Так как весла Рауля были приспособлены таким образом, что не производили никакого шума, то он решил изменить направление и дать гичке Иельвертона опередить себя, рассчитывая, что тот его не заметит. Эта хитрость вполне удалась ему. Иельвертон, увлеченный погоней, устремился вперед, все по направлению к берегу, и ему даже по временам казалось, что он видит перед собой лодку Рауля. Рауль и Итуэль перестали грести, давая установиться новому положению вещей, и Итуэль облегчил свою душу несколькими насмешками по адресу преследователей. Пропустив значительно вперед себя лодки с фрегата, которые все так же устремились за Иельвертоном, слыша только удары с его гички, Рауль и Итуэль медленно направились следом за ними, намеренно сберегая свои силы для какого-нибудь непредвиденного случая.

Подстрекаемый желанием лично отличиться в поимке беглецов, Иельвертон мчался изо всех сил; другие две лодки старались по той же причине не отставать от него, а Рауль и Итуэль могли только благословлять судьбу, облегчавшую их задачу.

— Можно подумать, Джита, что ваши друзья — вице-губернатор и градоначальник — распоряжаются погоней, если бы не знать наверное, что они в настоящее время разбирают вопрос, существует ли в действительности остров Эльба, — говорил Рауль смеясь, хотя и шопотом.

— Рауль! Вспомните об ужасных часах, которые вы только что провели, и не шутите, пока не будете в полной безопасности...

— Честное слово, я теперь не могу не признать за англичанами некоторой доли великодушия! Я не могу отрицать того, что они ко мне хорошо относились; я бы даже, пожалуй, предпочел бы большую строгость с их стороны.

— Признавать за англичанами великодушие! Это слишком, — пробурчал Итуэль. — Это жестокий, безжалостный народ!

— Но, мой добрый Итуэль, вы-то уж, кажется, только можете их благодарить за то, что они вас пощадили.

— А почему? Потому что им нужны были лишние руки опытного матроса; иначе бы они не задумались прикончить со мной.

— Ну, а что касается меня, то я навсегда сохраню добрую память об этом судне. Капитан Куф принял меня ласково, хорошо кормил, удобно поместил; дал хорошую постель и добился отсрочки как раз во-время.

— За нами едут остальные лодки с фрегата, — заметил Карло Джунтотарди, внимательно, против своего обыкновения, все время прислушивавшийся.

Эти слова заставили обоих разговаривавших разом замолчать; они перестали даже грести, чтобы лучше прислушаться. Не было никакого сомнения: за ними гнались. Решено было после некоторого обсуждения пройти в проход между Капри и Кампанеллой, рассчитывая на то, что едва ли английские лодки поедут дальше этого мыса и что они, по всей вероятности, откажутся от дальнейшего преследования.

— Еще часок — другой, и мы можем высадить вас, дорогая Джита, вас и вашего дядю; там уж вам немного останется дойти до Санта-Агата.

— О, не думайте обо мне, Рауль! Спустите меня при первой возможности и спешите к вашему люгеру. Что для меня значат несколько миль, когда вы все еще находитесь в опасности?!

— О нас не беспокойтесь, мы сумеем отыскать „Блуждающую Искру". Здесь еще вам рано сходить.

Джита попробовала было возражать, но это оказалось совершенно бесполезным; Рауль настоял на своем, и ей пришлось уступить. Всякие разговоры прекратились, и оба гребца налегли на весла. По временам они переставали грести и прислушивались к шуму весел с лодок фрегата.

Им казалось, что теперь все они сгруппировались около мыса. Скоро лодка Рауля далеко отъехала от лодок своих преследователей, хотя в такой темноте нельзя было с точностью определить местонахождение лодок с фрегата. Раулю много помогало то обстоятельство, что его весла скользили бесшумно по воде, и, после некоторого времени усиленной гребли, беглецы почти убедились в своей безопасности.

Еще около часу не прерывалась усиленная работа веслами, и затем Рауль, совершенно уверенный теперь в их безопасности и возбужденный радостным сознанием свободы и близости Джиты, положил весла и принялся весело болтать, подсмеиваясь над Итуэлем, который все еще тревожно прислушивался.

— Ого-го, лодка! — раздался окрик саженьх в двадцати от них, ближе к берегу. Голос, очевидно, принадлежал человеку, служащему на военном судне — он был сух и решителен.

С секунду беглецы молчали, так как этот окрик, эта близость не- известных людей застала их совершенно врасплох. Наконец, Рауль, опасаясь, что чужая лодка подъедет к самому их борту, откликнулся в ответ на итальянском местном наречии.

Клинич — так как это он возвращался на „Прозерпину" из Неаполя и намеренно держался берега, выслеживая люгер, — проворчал что-то по поводу затруднений с этими иностранными языками, а затем, как умел, заговорил по-итальянски.

— Вы с Капри? — спросил он.

— Нет, мы из Санта-Агаты; возьмем винные ягоды в Неаполь, — отвечал Рауль.

— Из Санта-Агаты? А, это деревушка на горе. Я в ней ночевал у Марии Джунтотарди.

— Кто это может быть? — прошептала Джита. — Тетя не знакома ни с какими иностранцами.

— Судя по его выговору, он англичанин, — отвечал Рауль. — Надеюсь, что он у нас не спросит винных ягод себе на ужин. Между тем Клинич продолжал:

— Не попался ли вам тут где-нибудь люгер с французской оснасткой и французским экипажем?

— Как же, синьор, мы видели, как он направился к северу, в Гэтский залив, перед самым солнечным закатом.

— А фрегата не видали около мыса Кампанеллы? Английское большое военное судно!

— Как же, синьор! Вон там горит на нем фонарь наверху мачты. Мы его видели весь вечер, и он даже подтянул нас немного на буксире.

— А! В таком случае вы мне, может быть, сообщите кое-что. Не знаете вы, был повешен человек на этом судне при закате солнца?

Рауля немного покорило — он не мог решить, какой ответ мог быть приятнее спрашивающему.

— Если это вам доставит удовольствие, синьор, то я могу вам сказать, что казнь действительно была назначена, но капитану угодно было отменить ее.

— После того, как даны были три выстрела со стороны Неаполя? — с живостью спросил Клинч.

— Чорт возьми! Это, пожалуй, тот человек, который меня спас, — подумал Рауль. — Да, после трех выстрелов, — отвечал он громко, — только я не знаю, какое они могли иметь отношение к казни?

— Какое отношение! Да я сам об этом распорядился: это был сигнал об отсрочке, данной адмиралом этому бедному Раулю Ивару. Как я рад, что все так прекрасно удалось! Не люблю я этих казней!

— Это показывает, что у вас доброе сердце, синьор, и вы когда-нибудь получите награду за ваше великодушие. Желал бы я знать имя такого великодушного человека, чтобы упоминать его в своих ежедневных молитвах.

— Кто бы мог думать, что это говорит капитан Рауль? — с гримасой проворчал Итуэль.

— Что до моего имени, приятель, то не велика она штука — Клинч, а звание — подшкипер, хотя в мои годы другие сидят обыкновенно гораздо выше. Добрый вечер!

И Клинч поехал своей дорогой.

— Честный он человек! — заметил Рауль, когда они немного отъехали. — Будь сотня таких людей в английском флоте, мы могли бы его любить, Итуэль.

— Все они огненные драконы, капитан Рауль, не доверяйте им. Впрочем, этот Клинч еще довольно порядочный, вообще; только вот беда: прог злейший его враг.

— Ого-го! Лодка! — снова раздался оклик Клинча с некоторого расстояния.

Рауль и Итуэль невольно оставили весла, думая, что этот оклик опять относится к ним.

— Го-го! Лодка! — повторил Клинч. — Отвечайте же!

— Это вы, Клинч? — послышалось с других лодок.

— Да, да; а это вы, Иельвертон? Я как будто узнаю ваш голос.

— И вы не ошиблись. Но тише, не шумите так и скажите, с кем это вы сейчас разговаривали?

Затем стало очевидно, что лодки близко подъехали одна к другой, и разговор продолжался вполголоса. Рауль не мог расслышать ни слова. В тревожном ожидании они почти не смели шевелить веслами и сдерживали дыхание. Они чувствовали, что неприятельские лодки должны находиться всего в каких-нибудь ста саженях от их маленького ялика, и, конечно, четыре весла имели перевес перед двумя, в особенности на ходкой гичке капитана Куфа, не один раз взявшей приз на гонках.

— Тш! — воскликнула Джита, вся дрожа. — О, Рауль! Они приближаются!

Они действительно приближались и подошли к беглецам саженей на сто. С их лодок не доносилось никаких звуков, кроме удара весел. Близость опасности пробудила все дремавшие силы Карло Джунтотарди; он умелой и твердой рукой направил ялик прямо на береговые скалы, имея две цели в виду: или укрыться еще надежнее под их мрачным навесом или, в крайнем случае, высадиться на берег и скрыться в горах.

Англичане несомненно уже настигали беглецов; силы были слишком неравны.

— О, дядя! — воскликнула Джита, прижимая руки к груди и стараясь унять сильное сердцебиение, — скорее, скорее! Правьте в пещеру!.. Это единственное средство спасения.

Маленький ялик огибал в эту минуту скалы, огораживавшие с одной стороны глубокую бухточку. Карло Джунтотарди ухватился за мысль, поданную его племянницей, и приказал Раулю и Итуэлю перестать грести. Те повиновались, думая, что он рассчитывает здесь высадиться; Рауль только мысленно удивлялся его выбору места, так как тут утесистые скалы почти отвесно спускались в воду. Но в эту минуту ялик незаметно прошмыгнул под низкой, самой природой образованной аркой и вошел в небольшой бассейн так тихо и неслышно, точно он был не более как соломинкой, несомой течением. В следующую минуту две английские лодки обогнули скалы: одна ближе к берегу, чтобы помешать беглецам высадиться на берег, другая параллельно первой, но дальше в море, чтобы преградить им путь в море. Еще одну минут спустя обе лодки ушли на сто саженей вперед, и их уже не было слышно.

ГЛАВА XXV

Место, где укрылся Карло Джунтотарди, хорошо известно по побережью Сорренто под названием Морской Пещеры, хотя это, собственно, не пещера, несмотря на то, что в нее попадают через естественную низкую арку или с вод. Бассейн внутри открыт и точно нарочно приспособлен для того, чтобы в нем могли укрыться лодки в случае надобности. Даже в полдень это убежище представлялось вполне надежным, так как проникшая туда лодка совершенно исчезала от глаз преследователей, и никому, не знающему особенностей этого входа, никогда бы не пришло в голову искать здесь лодку, погребенную в скалах этого небольшого мыса.

Ни Джита, ни ее дядя теперь ничего не боялись, но первая выразила свое непереносимое желание здесь сойти на берег, так как отсюда легко могла дойти по знакомой тропинке до Санта-Агаты.

Все последние, так противоположные и так быстро сменявшие друг друга, события и необходимость расстаться с Джитой повергли Рауля в мрачное и тяжелое настроение. Он сознавал, что не имеет возможности и даже права дольше удерживать при себе Джиту, подвергая ее постоянным и серьезным опасностям, но боялся, чтобы разлука не оказалась постоянной. Однако он не возражал и, поручив лодку Итуэлю, помог Джите подняться на берег и пошел ее проводить. Карло Джунтотарди ускорил шаги, предупредив племянницу, что она

найдет его в известном ей домике на дороге, и Джита осталась вдвоем с Раулем.

Не было полного мрака и можно было пробираться по дороге довольно свободно. Рауль и Джита медленно отправились через горы, каждый под ощущением тяжелого гнета в виду предстоящей разлуки, хотя каждому из них будущее рисовалось совершенно с противоположных точек зрения. Молодая девушка без колебания взяла руку Рауля, и в ее манерах, в мягком тоне ее голоса сказались вся ее нежность к нему и все участие; но нравственные правила она во всем всегда ставила на первый план, и теперь решила говорить с ним без малейшей утайки.

— Рауль, — начала она, выслушав его горячее объяснение в преданности, которое не могло не польстить ей даже в эту тяжелую минуту прощанья. — Рауль, нам надо кончить. Я не могу вторично переживать события, подобные сейчас совершившимся, а также и вам не могу позволить подвергать себя таким опасностям. Надо нам хорошенько понять друг друга: необходимо расстаться, и чем скорее, тем лучше во всех отношениях. Я упрекаю себя за то, что допустила между нами такую глубокую и продолжительную близость.

— И это говорит пылкая итальянка! Молоденькая восемнадцатилетняя девушка, уроженка той страны, где, говорят, сердца жгут горячее солнце, где женщины готовы принести в жертву избранному им любимому человеку все — семью, родину, надежды, счастье, даже самую жизнь!

— И как бы мне легко было принести все это в жертву вам, Рауль! Я чувствую, я знаю это, но нас разделяет непроходимая пропасть, которая на моих глазах увеличивается с каждым днем. Вы знаете, о чем я говорю, Рауль. Вы не хотите перешагнуть через нее, а я не могу.

— О, Джита, вы заблуждаетесь! Если бы вы любили меня действительно так, как вы говорите, никакие бы препятствия не разлучили нас.

— Это не житейские препятствия, Рауль, а нечто более глубокое.

— Поистине эти попы — бич, посланный на мучение человеку! Они дают нам суровые уроки в детстве, учат нетерпимости в юности и делают идиотами и суеверными под старость. Я не удивляюсь, что мои честные соотечественники изгнали их из Франции; они, как саранча, пожирают и уродуют землю.

— Рауль! — остановила его Джита мягко и печально.

— Простите, дорогая Джита, но я теряю терпение, когда вижу, из-за какого пустяка вас теряю. И вы воображаете, что любите меня!

— Я не воображаю, Рауль, — это слишком глубокая и, боюсь, тяжелая действительность.

— Возможно ли, чтобы молодая девушка, такая открытая, с таким любящим сердцем и честной душой потерпела, чтобы какие-то второстепенные соображения разлучили ее с избранным ею человеком!

— О, Рауль, если бы вы могли понять!

— Но я не буду становиться поперек ваших убеждений; разве мало примеров, что жена предана одному, а муж занят совершенно другими делами?

— Я не вас боюсь, Рауль, а себя самою, — возразила Джита с блестящими от слез глазами, когда ей удалось подавить подступавшее к горлу рыдание. — Я не скрываю, что меня обрадует весть о том, что вы счастливы и спокойны, и я желаю вам всякой удачи, хотя это, может быть, и нехорошо, потому что вы наш враг. Но вот и дорога, а вон и домик, где меня ждет дядя, и мы должны проститься, Рауль! Я никогда не забуду вас! Не рискуйте, не рискуйте ничем, чтобы меня увидеть, но если...

Сердце бедной девушки было переполнено, и она не могла продолжать. Рауль напряженно ждал, чтобы она высказалась, но она молчала. Он протянул руки, чтобы обнять ее, но Джита уклонилась, не доверяя себе, и убежала, как бы спасаясь от преследования. С минуту он колебался, не пойти ли и ему за нею, но затем благоразумие одержало верх, и он решил позаботиться о собственной безопасности, пока еще была ночь. Будущее еще было перед ним, и он не отчаивался достигнуть, наконец, своей цели относительно Джиты тем или другим способом.

Рауль нашел Итуэля безмятежно спавшим в лодке. Предвидя, что ему предстоит продолжительная работа веслами, он удобно расположился на одной из скамеек и уснул так крепко, что Рауль насилу его добудился. Прежде чем сойти с горы, Рауль внимательно прислушался и, не различая ни малейшего подозрительного звука, рассчитал, что может безопасно выехать в открытое море и к рассвету совершенно исчезнуть из их глаз.

— Говорят, природа хороший работник, капитан Рауль; и действительно, нельзя выдумать более укромного местечка — здесь так славно спится! Однако нам необходимо выбраться! Этот низкий проход труднее отыскать, чем канат продеть в ушко иглы. Вот так! Отталкивайтесь, мы живо выскочим в открытое море.

Рауль последовал этому совету, и ялик легко проскочил через нависший свод и выплыл в широкое море. Обоих моряков охватило несколько тревожное чувство от этого простора вокруг, потонувшего во мраке; сноп огня, освещавший вершину Везувия, верхушки гор около Каstellамаре, — вот все, что вырисовывалось на этом громадном полотне уснувшей воды.

Оглядевшись с минуту, они взялись за весла. Но только что вошли в залив, как совсем близко от них послышалось мерное надувание паруса, что заставило их обоих вздрогнуть. Судя по звуку, можно было подумать, что судно идет прямо к горам и грозит перерезать им путь.

— Переждем, Итуэль, — сказал Рауль.

— Это, пожалуй, будет, действительно, самое благоразумное. Но, прислушайтесь! Точно ножом режут спелый арбуз.

— Моя „Блуждающая Искра"! — воскликнул Рауль, протягивая руки, как бы желая обнять судно, — Она нас ищет, Итуэль, ведь нас ждали туда гораздо раньше.

Судно быстро приближалось, и сквозь сплошной туман мало-по-малу начали выделяться его изящные, прихотливые очертания. Не могло быть сомнения в том, что это был люгер Рауля; он подъехал уже саженой на пятьдесят, надо было не упустить его.

— Да здравствует республика! — отчетливо произнес Рауль, не решаясь громко крикнуть.

С судна услышали. Слышно было, как на нем забегали, затем прибавили ходу; Рауль направил свой ялик вдоль борта и скоро мог ухватиться за сброшенную веревку, а секунду спустя был уже у себя.

Он поднялся на палубу, уверенный в достоинствах своего люгера, на который смело можно было положить в минуты опасности, полный веры в себя, не ощущая ни малейшей тревоги, хотя знал, что он окружен врагами. В нескольких словах были выяснены взаимные недоразумения. Общая радость и оживление при внезапном появлении Рауля не поддавались никакому описанию, так как он пользовался общей любовью за свою смелость, энергию, предприимчивость, доброту и великодушие.

— Я-таки чуть не вовлек вас в беду, ребята, — говорил Рауль, тронутый общим участием, — но теперь мы за себя отплатим. Тут по берегу рыщут кой-какие английские лодки: они гонялись за моим яликом. Не худо бы их пощипать, пусть знают, что еще существует судно, называющееся „Блуждающей Искрой".

Дружные радостные восклицания были ответом. Старик рулевой, когда-то руководивший первыми мореплавательными попытками Рауля, протиснулся теперь к нему с фамильярностью свободного моряка.

— Капитан, — сказал он, — вы разве так близко видели англичан?

— Ближе даже, чем этого можно было желать, Бенуа! Откровенно говоря, причина, задержавшая меня там надолго, была именно та, что я провел некоторое время на палубе нашего старого друга — „Прозерпины".

Ее офицеры и матросы не желали со мной расстаться, раз они меня заполучили.

— Чорт возьми, капитан! Да этак выходит, что вы были военнопленным?

— В этом роде, Бенуа. По крайней мере, они поставили меня с надлежащей торжественностью на платформу, одели петлю на шею и собирались вешать, когда три выстрела из Неаполя возвестили им о распоряжении Нельсона дать мне отсрочку. Но так как мне такая перспектива не особенно улыбалась, то мы с Итуэлем воспользовались нашим яликом и улизнули от них, не попрощавшись. Впрочем, я мысленно дал обещание вернуться к ним и дать себя повесить, когда для меня ничего лучшего не останется.

Затем Рауль приказал всем приняться за дело, и люгер направился к скалам.

— Я вижу огонек вблизи Капри, капитан, — сказал старший лейтенант. — Не с неприятельского ли это судна?

— Вы правы, это „Прозерпина"; но она слишком далеко, чтобы стоило о ней беспокоиться. На ней зажгли фонарь, чтобы была возможность воротиться к ней ее разъехавшимся лодкам. А хорошо ли скрыты наши огни, Пентар? Позаботьтесь об этом.

— Все в порядке, капитан. „Блуждающая Искра" только тогда светится, когда собирается вовлечь неприятеля впросак.

Рауль улыбнулся и одобрил распорядительность и бдительность лейтенанта. Люгер быстро шел к скале, и Рауль сам принял участие в наблюдении над тем, чтобы не случилось какой-нибудь беды. Итуэль, по обыкновению, не отставал от него.

Эти скалы около Сорренто были хорошо знакомы Раулю; он знал, что его люгер может подойти к ним почти вплотную, и рассчитывал именно где-нибудь здесь наткнуться на неприятельские лодки. Но вдруг он сильно вздрогнул от неожиданного окрика:

— Го-го, фелука! — кричали по-английски.

— Го-го! — откликнулся Итуэль, поднимая руку, чтобы предупредить всех о молчании.

— Что за судно? — продолжал тот же голос с лодки.

— Фелука, посланная адмиралом на розыски „Прозерпины"; но так как мы ее не нашли, то возвращаемся опять в залив.

— Постойте минуту, пожалуйста, я перейду к вам на борт и помогу вам, я кое-что знаю об этом.

— Сделайте одолжение, только поторопитесь, потому что мы хотим воспользоваться попутным ветром.

По странной недогадливости моряку в лодке показался фелукой давно отыскиваемый им люгер, о котором он именно в эту минуту совершенно забыл, и был далек от мысли попасть в руки врага. Он подъехал к борту люгера и через секунду уже был наверху.

— Знаете вы этого человека, Итуэль? — спросил, проходя, Рауль.

— Это Клинич, подшкипер проклятой „Прозерпины".

— Как! — воскликнул Клинич, и голос его выдал все его отчаяние. — Я попал в руки французов?

— Именно, — вежливо поклонился ему Рауль, — но не в руки врагов. Вы на борту „Блуждающей Искры" и видите перед собою Рауля Ивара.

— О, в таком случае прости, Джен! Простите все мои надежды!.. А только что мне готово было улыбнуться давно желанное счастье!..

Теперь все погребло!..

— Я вас прошу пройти ко мне в каюту: там нам будет свободнее и удобнее разговаривать при огне.

Клинич был в отчаянии. Ему было все равно куда идти. Он вошел в каюту капитана и сел с

блуждающими глазами. Перед ним стояла бутылка вина, и он бросил на нее свирепый взгляд, как голодный волк при виде ягненка.

— Вы не ошибаетесь, Итуэль? Это действительно тот человек, который так радовался известию, что арестант не был повешен?

— Без сомнения, капитан. В сущности, честный офицер, никому не сделавший зла, кроме себя самого. Говорили на фрегате, что он для вас поехал в Неаполь.

— Хорошо! Вы давно уже едете в вашей лодке, господин Клинч; — вы у нас поужинаете, выпьете стакан вина, а затем беспрепятственно воротитесь в вашу лодку и догоните фрегат.

Клинч широко раскрыл глаза, как бы не доверяя своим ушам. Когда он, наконец, понял, что ему говорили, он разрыдался. Весь этот день был для него сплошным рядом сильных волнений: сердечное участие Куфа, его советы, поручение, так удачно исполненное, острое ощущение всей своей вины перед терпеливой, верной Джен; сознание того, что он мог бы, по своим способностям, занимать несравненно высшую должность, если бы не его несчастная склонность, которой он сам стыдится; все воздушные замки, которые он сейчас строил на обратном пути из Неаполя — все разом рушились, и он заканчивал день в положении пленника... И вдруг это неожиданное великодушие Рауля, которому он не мог теперь не верить — всего этого было слишком много, и его напряженные нервы не выдержали.

ГЛАВА XXVI

Рауль скоро решил, как ему действовать. Пока он утешал Клинча, он поручил Пентару, своему старшему лейтенанту, отыскать еще одну лодку с фрегата. Но все розыски оказались безуспешными; безуспешны были также и все расспросы матросов Клинча — те хранили упорное молчание; они так же, как и экипаж „Блуждающей Искры“, не боялись никаких угроз и никогда бы не выдали своих. Делать было нечего, приходилось, хотя и неохотно, отказаться от надежды захватить вторую лодку, тем более, что Рауль должен был поторопиться еще до рассвета выйти из залива. Сделав распоряжение повернуть, Рауль не терял еще надежды на обратном пути наткнуться на лодки своих врагов; но легкий, как птица, люгер мигом миновал все крутое побережье, в том числе и ту укромную бухточку, в которой они с Итуэлем так недавно еще и так успешно укрывались, и выехал в открытое море. Рауль был очень огорчен: он твердо решил отпустить Клинча, но сильно желал заполучить какого-нибудь другого пленника с „Прозерпины“.

Между тем люгер приблизился к английскому фрегату, насколько позволяло благоразумие, и под покровом ночи рассчитывал проплыть незамеченным, направляясь в свое дальнейшее путешествие. Рауль пригласил Клинча подняться на палубу, куда приказал привести и его матросов.

— Здесь мы должны расстаться, господин Клинч, — вежливо сказал Рауль, — осторожность не позволяет мне дольше пользоваться вашим приятным обществом. Отсюда вам недалеко до вашей „Прозерпины“, а мы стремимся к берегам нашей милой Франции. Будьте любезны, передайте мой привет капитану Куфу и этим честным итальянцам, так полюбившим сэра Смита! Прощайте!

Рауль улыбался: чувство безопасности после стольких волнений переполняло его сердце безумной радостью, и перед ним всплывали одни забавные сцены. Клинч, которому совершенно непонятно было многое в его словах, ощущал только одну глубокую к нему благодарность за свое освобождение; но в то же время он не забывал своих обязанностей, как офицера английского флота, и счел своим долгом предупредить Рауля.

— Капитан Рауль, — сказал он, пожимая протянутую ему руку, — я никогда не забуду вашей доброты, но, тем не менее, я считаю своим долгом заявить вам, что как офицер английского флота я обязан буду сделать все от меня зависящее, чтобы взять или уничтожить ваш люгер, как неприятельское судно.

— Мне нравится ваша откровенность, господин Клинч!

— Я должен донести капитану Куфу о том, где видел ваш люгер, куда, как можно предположить, он направится, и в каком состоянии я нашел ваше вооружение, ваш экипаж и все прочее.

— Дорогой мой, вы храбрый и честный человек. Желал бы я, чтобы теперь был полдень, и вы могли бы полюбоваться моим маленьким люгером в полном его блеске, так как он настолько красив, что не нуждается в вуали, чтобы прикрываться. Итак, скажите капитану Куфу все, что вы желаете; теперь же расстанемся! До свидания, дорогой Клинч, до свидания!

Все пожали руку Клинчу, который еще раз, сильно взволнованный, благодарил их за гуманное отношение к нему. Затем он сел в свою гичку, сопровождаемый своими матросами, и направился на светлый фонарь „Прозерпины“, скоро потеряв из виду „Блуждающую Искру“, взявшую курс, якобы, в сторону Франции.

В действительности Рауль вовсе не имел этого намерения. Его плавание еще не кончилось: оно, сопряженное со столькими опасностями, имело для него свою привлекательную сторону. Накануне того дня, когда он в одежде лаццарони прибыл в Неаполь, ему удалось перехватить английское транспортное судно со съестными припасами и отправить его в Марсель; теперь ожидалось второе такое же, и этим можно было объяснить экипажу его промедление вблизи Неаполитанского залива. Но все заманчивые стороны его профессии — эта почти постоянная необходимость проходить, так сказать, сквозь строй среди враждебных судов, наслаждаясь превосходством хода своего люгера, возможность отличиться и прославиться — все это терялось перед главной для него притягательной силой — Джитой. К его чувству к ней начал примешиваться оттенок отчаяния. Твердо и ясно высказанное ею убеждение в невозможности в ее глазах брака с человеком иных

воззрений на вещи не могло оставлять сомнения в непоколебимости этого ее взгляда; она не скрывала и не отрицала своей глубокой преданности Раулю, и не было повода заподозрить ее в неискренности или временном увлечении. Последний разговор лежал тяжелым камнем на душе Рауля, и он не мог решиться на продолжительную разлуку с нею после этой как бы размолвки между ними.

Как только можно было с уверенностью предположить, что люгер совершенно скрылся из глаз Клинка, Рауль приказал изменить направление и направиться в восточную часть Салернского залива. „Блуждающая Искра" летела с поразительной быстротой и довольно скоро подошла прямо к высотам около Санта-Агаты, местопребывания Джиты. Рауль имел две причины, чтобы поступить таким образом: с одной стороны, отсюда ему всего удобнее было подкараулить подходящее для него английское торговое судно; с другой — здесь он мог получить какую-нибудь весточку от Джиты, весточку, очень дорогую для его сердца.

За последние два-три дня все так утомились на люгере от тревожного ожидания и неуверенности в своей безопасности, также и сам капитан, что всеми чувствовалась настоятельная потребность основательно выспаться. Итуэль уже с час как улегся в свою койку, а теперь и Рауль, сделав необходимые распоряжения, ушел к себе в каюту и через несколько минут погрузился в глубокий сон, позабыв на время все свои страхи и надежды.

Все, казалось, благоприятствовало люгеру и проектам его командира. Ветер почти замер, и море покойно дышало, как уснувший исполин. Утро наступило пасмурное, но, повидимому, все вокруг было спокойно и не требовало особенно внимательного наблюдения.

Бывают минуты как бы летаргии в жизни моряка. Тяжелые и тревожные дни требуют после себя безусловного покоя, и сон всей природы с наступлением ночи неудержимо манит последовать его примеру; самый мирный всплеск воды о бок судна как бы заменяет колыбельную песнь. Неудивительно поэтому, что все на „Блуждающей Искре" уснуло; оставались бодрствующими одни очередные дежурные, но и эти почти все поддались неудержимой потребности сна. Всякая обязанность кажется вдвое тяжелее, если в ней нет непрременной необходимости, — а кругом было так мирно, — и молодой лейтенант, уступая естественному влечению, уже видел во сне свой родной дом, свою мать, свою первую любовь.

Бодрствовал один только старый, опытный моряк, особенно гордившийся своей неуклонной строгой пунктуальностью в исполнении своих обязанностей. Он сознавал, что на нем одном лежит теперь вся ответственность за целостность судна и людей; но его ободряло отсутствие, повидимому, всякой опасности. Чтобы скрасить несколько тоску своего одиночества, он напевал вполголоса одну из местных песенок своей родины, которой научился еще в юности. Так дотянул он до того момента, когда далеко где-то пробуждающееся солнце послало свои первые лучи и позолотило вершины прибрежных гор; часовой радостно приветствовал утреннюю зарю, тем более, что с некоторых пор его бдительное ухо начал тревожить какой-то глухой и неопределенный шум.

— Ге-ге! Господин лейтенант! — тихо окликнул Антуан крепко спавшего молодого моряка, остерегаясь разбудить товарищей и выдать им несвоевременный сон дежурного офицера. — Это я, мой лейтенант, Антуан.

— Э! О! Что такое? Это вы, Антуан? В чем дело?

— Я слышу шум, который мне не нравится, лейтенант; боюсь, что это шум прибора. Слышите? Вода ударяет о скалы.

— Мы на милю от берега, Антуан, и было совсем тихо.

— Но пойдите, посмотрите и прислушайтесь, уже немного светает. Не нравится мне этот шум!

Молодой человек зевнул, потянулся и неохотно пошел к борту; его ноги отяжелели, и он двигался медленнее обыкновенного. Но едва поровнялся он с бортом судна, как поднял обе руки с каким-то безумным отчаянием и забил тревогу: судно плотно село на мель! Его незаметно, по недосмотру часовых, прибило на один из многочисленных подводных островов, известных под названием островов Сирен, которыми славится местность около гор Санта-Агаты.

Вот в такие-то минуты серьезной опасности и обнаруживаются все качества капитана: когда поднялась тревога, Рауль первый появился наверху судна, и один не только сохранил полное самообладание, но еще нашел в себе силы ободрить свой экипаж. Не время было теперь упрекать виновных, надо было все искусство, все силы, всю изобретательность употребить на то, чтобы, если еще можно, спасти прекрасное судно, предмет, самый дорогой сердцу Рауля после Джиты.

Между тем несчастный молодой лейтенант, бросив еще один взгляд на, повидимому, безнадежное положение люгера, сознавая свою вину, в отчаянии, со свойственной морякам необузданной пылкостью, бросился с противоположного конца судна в море и тут же утонул.

Об этом несчастье немедленно доложили Раулю.

— Если бы он это сделал час тому назад, „Блуждающая Искра" не сидела бы теперь пригвожденной к этим скалам, как судно, которое требует починки. Но бодритесь, ребята! Попробуем спасти наш прекрасный люгер.

В словах Рауля не было бессердечной жестокости, в них говорило сдержанное отчаяние: он не мог простить того, что его чудное судно, верх совершенства и изящества, гибнет в тихую погоду по одной только небрежности.

Насколько можно было осмотреть швы судна, они казались непопорченными, — судно, очевидно, очень плавно село на мель; это подавало некоторую надежду. В это время восходящее солнце осветило

проходившую неподалеку фелуку, и Рауль отрядил за нею часть матросов под командой Итуэля, чтобы захватить ее и привести к люгеру. У него была двойная цель: или переложив на нее часть груза с люгера, тем облегчить его и дать ему, быть может, возможность подняться и сойти с мели; или, в крайнем случае, перевести на фелуку людей, если уж от люгера придется окончательно отказаться. Но он никому не высказал своих мотивов, и никто не осмелился спрашивать его. Дисциплина на судне Рауля была образцовая, и в этом заключалась вся его сила.

Отправив Итуэля за фелукой, Рауль сел на ялик, желая лично осмотреть состояние люгера. Острова Сирены несколько выступают из воды, и если бы часовые не уснули в свое дежурство, они не могли бы не заметить опасности, когда судно стало слишком близко подходить к ним. Наступившее утро дало возможность людям в точности познакомиться с их положением. Люгер, оказалось, поднятый более обыкновенного сильной волной, засел в трещину между двух скал. Кругом было очень глубоко, но сдвинуть его нельзя было иначе, как облегчив от части груза. Пока было тихо, люгер находился в сравнительной безопасности; но сильные волны должны были его поднять и разбить о скалы. Пять минут было достаточно Раулю, чтобы убедиться в положении дел, и он радовался, что успел уже отправить Итуэля за фелукой. Затем осмотрены были ближайшие скалы, и Рауль увидел, что на некоторых из них можно было без повреждения сохранить часть груза.

Рауль немедленно распорядился, чтобы принялись за дело. На трех лодках стали вывозить вещи. Рауль сразу увидел, что полумеры не будут годиться и что придется многим пожертвовать; надо было главное спасти во что бы то ни стало судно и людей. Поэтому-то все его распоряжения имели в виду эти две цели. Бросали в воду все, без чего можно было обойтись, оставляя провизии лишь столько, чтобы хватило дойти до Корсики.

Рауль сделал все, к чему обязывала его ответственность, как капитана. Час деятельного, целесообразного и настойчивого труда уже принес много. Между тем ему донесли, что волной снизу уже начинает немного поднимать значительно облегченный люгер. Фелука, захваченная Итуэлем, приближалась, и можно было рассчитывать, что она совсем подойдет к люгеру через десять минут.

На палубе люгера снесено было множество различных предметов для перемещения на фелуку; кругом по скалам разложены были бочки, ящики, снасти, баласт и другие вещи; только с оружием и припасами Рауль не расставался, решив защищаться до последних сил, но, повидимому, нападения ниоткуда не предвиделось. Чтобы не терять времени даром и с приходом фелуки прямо приняться за окончательную перегрузку, Рауль отдал приказ команде завтракать. Эта минута отдыха дала ему возможность осмотреться и поразмыслить. Много раз его глаза тревожно обращались к высотам Санта-Агаты. Помимо образа дорогой ему Джиты, его влекло туда и беспокойство, как бы какой-нибудь случайный путник не заметил его потерпевшего судна и как бы весть об этом не дошла до англичан. Но было еще слишком раннее утро, и никого не было видно; к тому же Итуэль приближался с фелукой.

Как все изменилось! Давно ли Рауль стоял на своем маленьком люгере с головой, поднятой вверх, с сознанием своих сил и молодости. А теперь? Его голова поникла, он имел вид человека, достигнутого несчастьем. Но все же он не утратил врожденной предприимчивости и, сидя на палубе своей потухшей „Блуждающей Искры“, строил планы возможности захвата какого-нибудь хорошего английского судна, если не удастся спасти люгер. Ожидаемая фелука давала ему эту возможность, а экипаж его был достаточно многочислен и смел, чтобы предприятие удалось.

Пока он еще сидел таким образом, погруженный в свои соображения, подъехал и Итуэль. Фелуку привязали к люгеру, матросов, бывших с Итуэлем, отправили завтракать, а Итуэля Рауль пригласил разделить с ним его умеренный завтрак. За едой оба обменялись сообщениями о том, что произошло за это короткое время разлуки, и Рауль с тревогой узнал, что все люди с фелуки сели в лодку при первом приближении Итуэля с матросами, считая сдачу фелуки несомненной, и уехали. Из того, в какую сторону они отправились, Раулю стало ясно, что они поняли, какое судно засело в трещине скал Сирены, и теперь можно было наверное поручиться, что еще в течение утра об этом происшествии будет сообщено англичанам.

ГЛАВА XXVII

Известие, сообщенное Итуэлем, совершенно меняло положение дел. Менее чем через час могли явиться неприятельские лодки с такими военными силами, против которых маленькому люгеру нельзя было устоять; самих фрегатов и корвета нельзя было ожидать вследствие полного безветрия.

Рауль еще раз взвесил все обстоятельства, посмотрел на своих матросов, спокойно завтракавших со свойственным морякам равнодушием к опасностям, и понял, что вся ответственность лежит на нем. Он не был человеком, уклоняющимся от своих обязанностей, и употребил те свободные секунды, которыми еще мог располагать, на окончательное, зрелое обдумывание возможного выхода из почти безвыходного положения.

Все вооружение люгера находилось еще на нем, но часть его необходимо было снять, чтобы сдвинуться с места. Рауль решил часть оружия перенести на фелуку, куда перевести также и часть экипажа. Кроме того, он решил воспользоваться развалинами древнего храма на одном из островов Сирен, чтобы за ними укрыть также часть вооруженных ружьями людей. Он сам отправился на ялике освидетельствовать вблизи эти руины и вынес благоприятное впечатление.

Между тем время, определенное для завтрака, прошло, и весь экипаж был созван наверх. Рауль

распределил офицеров, дав им соответственные инструкции и надлежащее число матросов. На фелуку перешел Итуаль, которому Рауль предоставил по его усмотрению использовать четыре перенесенных туда пушки.

Второй отряд под командою первого лейтенанта был перевезен к руинам; туда же доставили достаточное количество припасов, воды и более легкое оружие.

В то же время Рауль с помощью одного из офицеров пытался изменить положение люгера. Это дело требовало ловкости, сообразительности и осторожности. По расчетам Рауля английский фрегат в настоящую минуту уже должен был знать о несчастье с люгером, и надо было дорожить каждой минутой. Рауль всем распорядился, но соединенные силы всех матросов и офицеров не привели ни к чему — люгер не двигался с места. У Рауля уже мелькнула было мысль поджечь люгер, а самому со всем экипажем и тем, что можно было еще спасти, пересечь на фелуку и спастись пока еще не было поздно. Он даже, хотя и скрепя сердце, высказал это предположение офицерам, но те не были людьми, способными бросить прекрасное судно, пока еще была малейшая надежда спасти его.

Рауль с точностью осторожного командира высчитал время, когда можно было ожидать врага: оставалось всего несколько минут, но никто еще не появлялся. Тогда он начал надеяться, что, может быть, судовщики с фелуки ошибкой дали знать судам, стоящим в Неаполитанском заливе, вместо того, чтобы известить фрегат „Прозерпину“. Такой промах, если он, действительно, был сделан, давал в распоряжение Рауля еще целый день, и он мог отплыть под благоприятным покровом ночи.

Рауль Ивар чувствовал, что наступает решительная минута. Как нарочно, постоянный прибой волн значительно ослабел с наступлением утра, а экипажу необходима была помощь со стороны самого моря: надо было, чтобы волной подняло дно люгера. Рауль напряженно следил за ходом дела и вселял бодрость и энергию в своих бравых молодцов матросов.

— Еще одно усилие, ребята, набегаёт волна! Сильней! Вот так! — подбодрял он.

В первый раз закаменевшее в своей неподвижности судно сделало чуть заметное движение вверх; это придало энергию экипажу, а Рауль, с своей стороны, постарался не дать остыть этой энергии.

— Прекрасно! Еще раз! Молодцами!..

Теперь уже ощутительно подняло люгер волной; еще одно последнее страшное усилие, и „Блуждающая Искра“, покинув свое каменное ложе, выплыла на глубокое место.

Это было успехом, торжеством, и как раз в такую минуту, когда наиболее устойчивые уже начали приходить в отчаяние. Восторг был всеобщий: матросы обнимали друг друга. У Рауля выступили слезы на глаза, и он не мог их скрыть, потому что все его окружили с поздравлениями. Выражение восторга продолжалось две или три минуты, как вдруг Итуэль, как всегда холодный и непроницаемый, протиснулся сквозь толпу и молча указал рукой в сторону Кампанеллы: оттуда показались давно ожидаемые неприятельские лодки.

Выражение лиц у всех разом изменилось: следовало приготовиться к отчаянной обороне. Для всех было совершенно ясно, каким образом и кем были оповещены англичане, так как собственник фелуки естественно поторопился сделать все для возвращения своего судна.

Но, оповещая англичан, он раньше попал на фрегат „Терпсихору“, и сэр Фредерик Дэшвуд воспылал желанием пожать несколько лавров. Он сообщил полученное сведение капитану Куфу, и решено было с каждого судна отправить по две вооруженных лодки; промедление, возбудившее надежду в Рауле, произошло от возникшего несогласия по вопросу о том, кому поручить командование экспедицией. В конце концов первенство осталось за сэром Фредериком Дэшвудом.

С того момента, когда неприятель мог подойти совсем близко, оставалось с час времени, но не было никакой возможности успеть вновь нагрузить люгер всем необходимым, чтобы настоящим образом им воспользоваться. Наиболее прочной защитой при настоящих обстоятельствах Рауль считал руины, а потому и перешел сам туда, поручив Итуэлю фелуку, а старшему лейтенанту люгер, и предоставив им право по их личному усмотрению отвести их в наиболее надежное место.

В полчаса все привели в порядок. Итуэль поместил фелуку посреди островков Сирены, чем затруднил доступ к ней неприятельских лодок; на люгер же успели переложить надлежащий балласт и провизию и разместили на нем пушки, принимая во внимание более выгодное положение неприятеля, как свободного в своих движениях; кроме того, имелась в виду возможность оказывать друг другу помощь.

Когда все таким образом было готово, Рауль обошел люгер и фелуку, чтобы лично убедиться в исправности обоих и ободрить своих славных людей. Все оказалось в образцовом порядке. Со своим старшим лейтенантом Рауль перекинулся всего несколькими словами: это был опытный моряк, и Рауль ему вполне доверял. Разговор с Итуэлем был несколько продолжительнее не потому, что на него менее можно было надеяться, а потому, что надо было возбудить в нем особый подъем духа, при котором проявлялась его необыкновенная изобретательность.

— Вы, конечно, ничего не упустите из виду такого, что могло бы нам помочь, Итуэль? — говорил ему между прочим Рауль.

— Я? Ведь я помню, что иду на борьбу уже с веревкой на шее — они не забудут мне ничего из моего прошлого, эти дьяволы!

— Прощайте, мой друг; помните о наших двух республиках.

Рауль пожал руку американцу и воротился к своему ялику. Островок с развалинами находился недалеко, но надо было подъехать к нему в обход. На одном из поворотов Рауль неожиданно столкнулся с

лодкой и невольно вздрогнул; но страх оказался напрасным, так как в лодке сидели только старик Джунтотарди и его племянница. Джита сидела с поникшей головой и, казалось, плакала. Рауль был крайне удивлен такой неожиданностью и, говоря откровенно, предпочел бы прибытие этих посетителей в другое время.

— Что это значит, Джита? — воскликнул он. — Видите, там англичане, сейчас начнется атака, а вы здесь!

— Мы сначала не заметили их, а когда увидели, то уже не захотели вернуться. Я первая в Санта-Агате увидела несчастье с вашим люгером и упростила дядю проводить меня сюда.

— Почему, Джита, ваши убеждения изменились? Вы согласны стать моей женой? Мое несчастье пробудило в вас дремавшую женщину — да?

— Не совсем так, Рауль; но я не могу оставить вас в таком большом несчастье. У нас есть друзья там, наверху, они вас спрячут до первой возможности уехать во Францию. Пойдемте к ним, мы вас проводим — вас и американца.

— Как! Вы хотите, чтобы я бросил моих храбрых товарищей в такую минуту? Никогда я не сделаю такой низости, Джита, даже если вы мне в награду обещаете вашу руку.

— Вы не в таком положении, как они, над вами тяготеет смертный приговор, и если вы теперь попадете к ним в руки, вас ничто не спасет.

— Довольно, Джита, довольно! Теперь не время спорить. Английские лодки приближаются, и вы едва успеете отъехать на безопасное расстояние, Я не забуду вашего участия. Синьор Джунтотарди, гребите скорее к Амальфи!

— Ваши слова бесполезны, Рауль, мы останемся, если вы не хотите следовать за нами, — сказала Джита.

— Это невозможно, Джита! Мы беззащитны, нам некуда вас поместить, и вы, конечно, не захотите отвлекать меня от моих прямых обязанностей беспокойством за вас.

— Мы вас не оставим, Рауль.

Рауль был тронут участием молодой энтузиастки; надо было дорожить каждой минутой, и он, уступая поневоле настояниям дяди и племянницы, взял их с собой на островок с развалинами, который приготовился отчаянно защищать.

Оставленная Раулем на этом острове часть его экипажа начинала уже обнаруживать признаки нетерпения; но когда он появился с Джитой, иные чувства пересилили, и их встретили восторженные приветствия. По счастью, доктор экипажа избрал именно этот остров местом своего пребывания, совершенно верно рассчитывая, что здесь будет происходить наиболее ожесточенная битва; он отыскал даже углубление в одной из скал позади развалин, где думал перевязывать своих раненых. Сюда-то и пристроил Рауль Джиту и ее дядю; затем он нежно поцеловал Джиту и сейчас же вырвался из ее объятий, чтобы поспешить к своим товарищам.

Сэр Фредерик Дэшвуд подошел уже на расстояние выстрела, и подошел именно так, как ожидал Рауль. Семь английских хорошо вооруженных лодок вытянулись в одну линию, а на восьмой ехал сам командир; на некотором расстоянии позади, вне неприятельских выстрелов, на наемной лодке тащились Андреа Баррофальди и Вито-Вити, которым не было проходу от насмешек всех офицеров и даже матросов после чудесного исчезновения Рауля у них на глазах. Вице-губернатор даже сильно настаивал на своем желании принять активное участие в битве; но от этого его удержал Вито-Вити, который благоразумно выставлял на вид все неудобство взяться в их солидном положении за совершенно чуждое для них дело.

— Если вы чувствуете в себе такой прилив энергии и такую жажду деятельности, то прочтите громко одну из речей древних римских консулов, — убеждал его с жаром подеста.

Вице-губернатор, наконец, уступил, и они явились таким образом только в качестве зрителей.

Лодки остановились на полмили от французов, и когда Рауль, подсчитывая в зрительную трубу неприятельские силы, узнал обоих итальянцев, то не мог удержаться от смеха, хотя теперь и не время было для забавных воспоминаний.

ГЛАВА XXVIII

Сэр Фредерик Дэшвуд приготовился к атаке со стороны суши, опасаясь, как бы французы не укрылись на реке. Рауль предвидел это, и для того, чтобы более защитить свои суда, он их поставил за едва заметно выступавшими из воды скалами, делая их таким образом как бы оплотом, баррикадой между судами и неприятельскими лодками. Итуэль имел две пушки и пятнадцать хорошо вооруженных матросов на своей фелуке.

„Блуждающая Искра“ была поручена Жюлю Пентару, старшему лейтенанту люгера. Ему было вверено четыре пушки и двадцать пять человек команды; на люгер успели перенести только часть его оснастки и около трети всякого груза, оставив остальное на скалах в ожидании исхода битвы. Люгер даже в таком виде был обставлен порядочно и, в случае надобности, мог хорошо пойти при легком ветре. Все четыре пушки были направлены по одну сторону люгера, что делало силы французов более грозными, давая возможность одновременно употреблять в дело четыре орудия.

Среди развалин на островке Рауль примостил остальные четыре пушки и остался доволен той

тщательностью, с какою они были установлены. Развалины не представляли из себя ничего грандиозного и были почти незаметны, тем не менее благодаря расположению скал и больших камней, которыми можно было воспользоваться, французы до некоторой степени были под прикрытием.

Доктор, Джунтотарди и Джита укрылись в естественном углублении одной из скал, где они были в полной безопасности. Доктор готовил все необходимое для могущих представиться несчастных случаев, приводил в порядок свои хирургические инструменты, зонды, скальпели и пр.

В ту минуту, когда все приготовления были окончены, Итуэль в рупор спросил Рауля, не поднять ли паруса на обоих судах, так как они только загромаждают палубу. Рауль отвечал, что ничего не имеет против этого, и Итуэль был атому рад, так как предпочитал во всякую минуту быть готовым к бегству и заранее забавлялся замешательством англичан, когда им придется одновременно гнаться за двумя судами.

Со стороны англичан все затруднения были разрешены и все предварительные распоряжения кончены. Капитан сэр Фредерик Дэшвуд руководил экспедицией, а лейтенант Винчестер и Гриффин после нескольких возражений, сделанных громко, и нескольких проклятий, произнесенных сквозь зубы, должны были ему подчиниться. Из офицеров участвовали еще Клинч и Странд. Все были бодро настроены и не сомневались, что „Блуждающая Искра“, наконец, попадет им в руки, хотя, по всей вероятности, очень дорогой ценой, принимая во внимание всем известный смелый и сильный характер врага. Все готовились к большим потерям, хотя неизвестно было, на кого именно падет печальный жребий.

Сэр Фредерик Дэшвуд, на котором лежала вся нравственная ответственность за исход борьбы, менее всех был заинтересован результатом. Постоянный баловень судьбы, полный веры в непобедимость англичан, он не давал себе труда представить возможность неудачи. Однако он не пренебрегал советами более опытных моряков; так, между прочим, Куф дал ему несколько полезных советов и указал на Винчестера и Странда, как на людей особенно знающих.

— Я с вами отправлю, между прочим, одного талантливого и понимающего дело офицера, Клинча, — говорил Куф, — пожалуйста, выдвиньте его сегодня — ему недостает только случая, чтобы итти успешнее по службе.

Обе стороны были уже совершенно готовы к битве, и обе с одинаковой тревогой ожидали появления могущего сейчас подняться ветра.

Выстроив свою команду, сэр Дэшвуд на своей гичке обошел все лодки и отдал последние приказания — довольно неясные, но сделанные беспечным и довольным тоном, способным поддержать общее веселое настроение. Наконец, он дал сигнал к атаке, и сам двинулся вперед.

Рауль в зрительную трубу внимательно следил за всеми движениями неприятеля; ничто не ускользнуло от его тонкой бдительности, и он сразу заметил, что сэр Фредерик уже в самом начале сделал крупную ошибку, так как слишком разбросал свои главные силы, чем значительно их ослабил.

Англичане подошли уже на четверть мили к французам, но еще никто не открывал стрельбы. Однако Рауль уже насилу сдерживал горячность своих людей и, наконец, не выдержал сам и дал выстрел из пушки; за ним последовали выстрелы из остальных трех орудий, а также из пушки люгера. Тогда англичане ответили тем же.

Эти первые залпы из пушек бывают обыкновенно наиболее опустошительны. Англичане, как менее защищенные, понесли большую потерю — до восьми человек раненых и убитых; из команды Рауля убило одного.

Раз начавшаяся канонада не прекращалась теперь ни на минуту, сопровождаясь все новыми потерями с обеих сторон.

Поведение Итуэля вызвало некоторое недоразумение и неудовольствие, и не будь так известна всем его ненависть к англичанам, он поплатился бы жизнью, как изменник. Когда после первого залпа, данного Раулем, последовали залпы остальных пушек около руин и пушек люгера, матросы, находившиеся на фелуке и обязанные последовать данному примеру, к их удивлению, не произвели никакого выстрела из своих пушек, так как, оказалось, Итуэль вынул из них затравочный порох. После некоторого глухого ропота матросы с фелуки выстрелили из своих ружей, и Рауль, также удивленный молчанием с фелуки, успокоился затем, услышав ружейные выстрелы.

Конечно, не с целью измены сделал это Итуэль; напротив, зная, что никакими убеждениями ему не удержать горячих французов, он решил на деле лишить их возможности действовать, находя более благоразумным приберечь хороший залп для более важной минуты.

И вот теперь настала эта минута. Стремясь овладеть островком с руинами, беспокоившим их, англичане по преимуществу обстреливали его, и благодаря все еще продолжавшемуся безветрию там сгустилось такое количество дыму, что приходилось почти осязательно различать лодки. Тогда-то вложил Итуэль снова затравочный порох в свои пушки и выпалил. Этот неожиданный залп с фелуки, откуда его никто не ожидал, произвел сильное опустошение среди неприятелей и удивил самого Рауля.

Канонада прекратилась, вследствие чего дым, концентрировавшийся до тех пор около островка руин, мало-по-малу рассеялся, и Рауль увидел убегавшие в разные стороны лодки неприятеля, с очевидной целью заставить французов разделить свои силы. Убегали все, кроме одной, наиболее потерпевшей от залпа, данного Итуэлем; на ней было шестнадцать человек, из которых только двое уцелели и были взяты на одну из остальных лодок, а четырнадцать было ранено и оглашало воздух своими стонами. Из человеколюбия, а также и из расчета, Рауль запретил стрелять в них, и после нескольких выстрелов, пущенных вслед убегающим,

первый акт битвы был кончен.

Перерыв в битве позволил подсчитать потери с обеих сторон: из экипажа Рауля выбыло одиннадцать человек ранеными и убитыми; из числа англичан — тридцать три. Стоны и крики раненых непрерывно напоминали об испытываемых ими страданиях.

Рауль не мог не видеть, что до сих пор перевес в смысле удачи был на его стороне, но он имел в виду дальнейший ход борьбы, а потому велел теперь прекратить огонь, чтобы осмотреть пушки и сделать необходимые исправления. Затем, с небольшим числом людей, он отправился к брошенной лодке с ранеными. Обременить себя пленными при существующих обстоятельствах было бы огромной ошибкой, а признать раненых пленными было бы безумием; между тем нельзя их было оставить в таком положении. Доктор Рауля не успевал справиться со своими ранеными, а потому, найдя в неприятельской лодке несколько штук белья, корпия и немного других приспособлений, Рауль поручил своим матросам насколько возможно облегчить страдания несчастных, дать им воды, которой они просили, а затем оттянуть их лодку за линию битвы на случай, если она возобновится.

— Нет, нет, капитан Рауль, — воспротивился Итуэль этому последнему распоряжению. — Лучше оставьте их там, где они стоят, это будут для вас лучшие перила, англичане не станут стрелять в своих собственных раненых.

Рауль не мог воздержаться, чтобы не кинуть на него взгляда, полного негодования, и, обернувшись к своим людям, сделал им знак исполнить его приказание. Но затем он вспомнил о только что оказанной Итуэлем важной услуге, о том, насколько он вообще ему полезен, и, не желая оскорблять его, перешел на конец своего островка, ближайшего к фелуке, и сердечно заговорил с ним. Это не было лицемерием с его стороны; он, действительно, ценил в Итуэле полезного и дельного моряка.

Итуэль предложил ему воспользоваться удобным моментом и уехать, так как уже начинал подниматься ветерок.

— Еще не время, Итуэль, еще слишком мало ветру; надо подождать еще с час.

Итуэль проворчал, но Рауль сделал вид, что не слышит его.

Между тем лодки англичан вновь сблизились. Было ясно, что они снова готовятся к нападению. Бежать теперь, значило отказаться от своих преимуществ и подвергать опасности все три отряда.

В действительности сэр Фредерик Дэшвуд устыдился своей неудачи и, собрав всех своих раненых в одну лодку и поручив отвезти их каждого на его судно, сам вторично пошел на Рауля. Человек, апатичный по натуре, он, как это обыкновенно бывает с такими людьми, раз затронутый за живое, вдруг проявил большую энергию. К его счастью, Куф дал ему сильную команду, так что, несмотря на большие потери, англичане и теперь еще вдвое превосходили числом французов.

На этот раз сэр Дэшвуд не пренебрег советами своих помощников и разделил свои силы, чтобы избежать повторения катастрофы. Таким образом, часть лодок направилась к лагерю, другая пошла против фелуки, а остальные наметили себе островок с руинами. Сэр Фредерик на своей гичке оставил за собой право передвигаться туда, где в данный момент окажется наибольшая надобность в его присутствии.

Первый залп был дан Мак-Бином, офицером с корвета, по фелуке, и так удачно, что сорвало одну из пушек с лафета, при чем самая пушка свалилась в трюм, а осколками лафета более или менее серьезно поразило многих матросов. Этот успех очень ободрил англичан и сильно смутил Итуэля, который, желая ответить тем же, так торопливо дал выстрел из второй пушки, что только море окуталось дымом за несколько сажени от неприятеля, и ни один человек не пострадал. Тогда началась общая канонада, и пушечные выстрелы чередовались с ружейными.

Между тем неприятельские лодки усиленно гребли по направлению к острову руин и по непонятной причине почти не встречали отпора, так что в течение одной или двух минут все потери были на стороне одних только французов.

В это время Итуэль и Пентар одновременно дали залп, при чем Итуэлю особенно посчастливилось, и он отплатил Мак-Бину его же монетой. Тот счел за более благоразумное повернуть в другую сторону и присоединиться к лодкам, атаковавшим островок руин.

Осаждавшие Пентара, после подобного же приема с его стороны, последовали тому же примеру.

И тогда, посреди дыма, криков, проклятий и шума стрельбы, англичане все разом бросились к островку руин и мигом овладели им.

ГЛАВА XXIX

Половина французов плавала в своей собственной крови среди развалин вперемешку с порядочным количеством англичан, купивших этой ценой победу. Борьба была ожесточенная, при чем раздражению и неустрашимости англичан отвечала не меньшая энергия и отпор французов; но последних погубила их малочисленность. Сэр Фредерик Дэшвуд был в числе убитых: его нашли распростертым на скале, на расстоянии сажени от его гички, с головой, пробитою пулей. Гриффин был довольно опасно ранен. Клинку повезло больше: он уцелел, и видели, как он срывал французское знамя, водруженное около батареи, и заменял его английским.

Его лодка первая захватила остров, и он был во главе экипажа, овладевшего батареей; он неустрашимо

сражался ради Джен и своей карьеры, и на этот раз судьба отнеслась к нему очень милостиво.

Рауль лежал у подножия насыпи, на которой прилажена была батарея, куда он бросился, желая отстранить Клинча; их сабли скрестились, а в это время Мак-Бин выстрелил в Рауля из ружья, и пуля прошла навывлет через его тело.

Уже упав на землю, Ивар имел еще силы крикнуть:

— Лейтенант, спасите „Блуждающую Искру“!

В эту минуту давно готовая к отплытию фелука двинулась; на палубе никого не было видно. Сам Итуэль, пустивший ее в ход и руководивший движением, так скорчился, съежился и притаился, что его нельзя было заметить.

Пентар, в первую минуту очень удивленный, решил затем сделать то же: как ни жаль было ему и всем остальным оставлять Рауля, но, судя по той позе, в которой он лежал, зажимая рукой полученную рану, надо было думать, что рана была смертельна.

Две или три неприятельские лодки погнались было за ними следом; но Винчестер, взявший теперь на себя команду, объявил, что дальнейшее преследование „Блуждающей Искры“ надо предоставить судам, а им заняться пленными и ранеными.

Итуэль направил фелуку не туда, куда устремился люгер, рассчитывая совершенно верно, что тот будет слишком большой приманкой, а потому на его фелуку не обратят внимания. Так оно и было, хотя хозяин фелуки находился на фегате „Терпсихора“ и умолял офицеров о спасении своего судна; но все были главным образом заинтересованы поимкой „Блуждающей Искры“, о подробностях же битвы и смерти сэра Дэшвуда пока еще ничего не узнали, кроме того, что на острове развалин красовался английский флаг, и оба судна спасались бегством.

Ветер благоприятствовал, и, имея три судна в своем распоряжении, капитан Куф, потирая руки, с довольным видом ходил по палубе своей „Прозерпины“, уверенный на этот раз в успехе. Отдав приказ корвету и „Терпсихоре“ преградить люгеру возможность бегства куда-нибудь в сторону, он сам шел ему наперерез.

Люгер, распустив все свои паруса, мчался вперед. „Прозерпина“ гналась за ним... Оба судна всю свою силу полагали в быстроте хода. Но большие суда скоро убедились, что расстояние между ними и „Блуждающей Искрой“ не уменьшается; а фелука тем временем преспокойно пересекала путь фрегату „Терпсихора“ на расстоянии, большем пушечного выстрела, и, добавим, благополучно достигла в свое время Марселя, где Итуэль продал ее вместе со всем, что на ней находилось, а сам, спустя некоторое время, исчез.

Это состязание в быстроте скоро убедило Пентара, что ему нечего бояться преследующих его судов; действительно, обстоятельства благоприятствовали люгеру. Если бы не явилось какого-нибудь изменения в силе или направлении ветра, и относительная скорость судов осталась та же, то „Блуждающая Искра“ могла еще до наступления ночи скрыться из виду от своих врагов. До сих пор все четыре судна шли поразительно равномерно, „Прозерпина“ несколько опережая „Терпсихору“ и корвет.

Пентар не сходил с палубы, восторгаясь легкостью люгера. Точно так же и Куф не оставлял палубы „Прозерпины“ даже на ночь.

— Сдается мне, Иельвертон, — говорил Куф своему третьему лейтенанту, — что люгера и на этот раз нам не поймать. Наши компаньоны нисколько не помогают, и все мы трое только следуем друг за другом, как старые девы к обедне в воскресенье. И чего зевал этот Дэшвуд, чорт возьми?! Почему он не удержал его, когда взял приступом скалы? Будет же ему от меня, только он вернись!

Куф не говорил бы так, если бы знал, что как раз в эту минуту переносили тело сэра Фредерика на большое судно, капитаном которого был один из его родственников и которое стояло в Неаполитанском заливе. Но он этого не знал, и о смерти услышал только через несколько дней, когда тот был уже похоронен.

— Возьмите зрительную трубку, Иельвертон, — продолжал капитан, — и посмотрите, может быть, вы яснее различите люгер, — я его вижу точно сквозь туман. Повидимому, он страшно быстро от нас удаляется.

— Но я его совершенно не вижу, капитан. А, вот! Нет, я его опять потерял. Я не нахожу его; попробуйте вы, капитан.

Куф снова вооружился зрительной трубой, но без успеха. То ему казалось, что он видит люгер, то он убеждался, что это было его воображение. Он так долго и так напряженно смотрел на него, что теперь мог каждую минуту представить его себе совершенно отчетливо; даже уснув, он видел его перед собой во сне так же ясно, как наяву, и был один момент, когда он приснился ему уже взятым в плен англичанами и с английскими матросами на палубе.

Между тем за час до рассвета ветер вдруг переменялся и страшно усилился; приближался сирокко³⁵, которого ожидали и уже час спустя разыгрался настоящий шквал. Не только люгер окончательно исчез из виду, но и три английских судна потеряли друг друга. Было туманно, дождь сопровождал шквал, море не было видно в ста сажнях от корабля. Но фрегат все шел вперед. Куф не мог решиться окончательно отказаться от поимки люгера, хотя она теперь являлась более чем сомнительной. Часовые наверху мачты больше для наблюдения формы находились на своих местах, потому что и они ничего не могли разглядеть сквозь туман.

Офицеры и матросы завтракали. Общее настроение было мрачное и недовольное, и для всех Рауль Ивар совершенно утратил тот интерес, какой представлял еще так недавно.

В эту минуту часовые дали знать о том, что вдали показалось какое-то судно. Офицеры

³⁵ Сирокко — ураганный ветер, дующий от берегов Африки.

заинтересовались. Наставили зрительные трубы.

— Это „Блуждающая Искра"! — воскликнул Куф. — Я не могу ошибиться, я ее слишком хорошо знаю!

Все соглашались с ним и были страшно удивлены.

— Надо думать, что ему нас не видно, и он предполагает, что мы идем у него под ветром. Надо поворотить, момент самый подходящий, — говорил Куф с задумчивым и сосредоточенным видом.

Попытка обещала успех. „Прозерпина" послушно двинулась по данному ей направлению, и следующие пять минут весь экипаж напряженно следил за результатом. Туман сгустился еще сильнее. „Блуждающая Искра" опять потерялась, но по расчету капитана оба судна должны были почти столкнуться через четверть часа. Приготовили пушки для момента встречи.

— Вот он, капитан! — крикнул один из мичманов.

Это действительно был люгер. Необъяснимо было, как ни один из часовых „Блуждающей Искры" не видел раньше „Прозерпины". На основании тех данных, какие узнали позднее, следовало предположить, что, утомленные суточной непосильной работой, все двадцать пять человек, находившиеся на люгере, уснули и проснулись только уже в полумиле от „Прозерпины". Но было уже поздно, и хотя все на люгере пришло в движение и он стремительно бросился прочь, но уже не успел уйти из-под выстрелов, сигнал к которым подал Куф в эту минуту. Три залпа последовали один за другим, но затем налетел шквал и положил конец преследованию и стрельбе. Этот кратковременный порыв африканского ветра был так ужасен, что кое-какие из снастей „Прозерпины" не устояли и поломались.

Когда шквал прекратился и показалось солнце, люгер исчез бесследно.

Последующие затем несколько минут до нового шквала фрегат употребил на розыски люгера, но нигде не было видно никаких признаков его присутствия: море бесследно поглотило люгер, его экипаж, пушки и паруса.

Фрегат еще некоторое время оставался около того места, надеясь оказать, может быть, помощь нескольким несчастным, ожидающим спасения; но никого и ничего не было видно на поверхности воды, и около полудня „Прозерпина" направилась к Неаполитанскому заливу. Однако по дороге фрегат уклонился в сторону, в погоне за новым неприятельским судном, и только через несколько дней вернулся в Неаполь, приведя туда же и взятый на этот раз вражеский корвет.

По прибытии в Неаполь Куф поспешил на адмиральское судно, чтобы доложить Нельсону о последних событиях.

Адмиралу было известно только то, что произошло в развалинах, и ничего дальнейшего.

— Ну, что, Куф, — встретил он его, подавая ему единственную оставшуюся у него руку, — люгер у нас опять ускользнул? В сущности, это скверно; но ничего не поделаешь. Где он теперь, как вы думаете?

Куф передал ему все, что касалось люгера, и рапортовал о захваченном им корвете. Последнее известие Нельсон выслушал с удовольствием, а первое очень удивился. После короткого раздумья он вышел во вторую свою каюту и вынес оттуда запачканный и разорванный, но еще целый флаг.

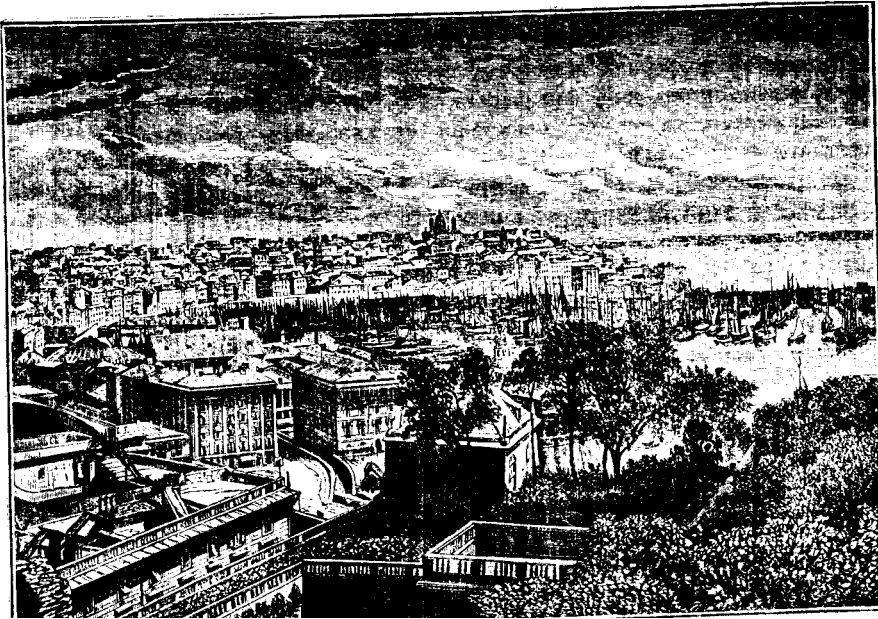
— Посмотрите вот это; когда капитан Лейон заканчивал свое плаванье, это маленькое знамя, брошенное волной на один из запасных якорей его корвета, зацепилось за него; оно странного вида. Не имеет ли оно какого-нибудь отношения к люгеру?

Куф посмотрел на него и сейчас же узнал в нем небольшой флаг „Крыла и Крыла", описание которого он столько раз слышал от двух итальянцев. Вот все, что осталось от „Блуждающей Искры".

ГЛАВА XXX

Во время боя ни одна капля крови не обагрила руки Андреа Баррофальди и Вито-Вити; они стояли в отдалении на своей лодочке, а когда англичанами была одержана победа, они подъехали к острову развалин и были свидетелями того, что на нем происходило.

— Вице-губернатор, — сказал градоначальник, указывая на распростертый труп сэра Фредерика и тут же лежавших в страшных мучениях раненых Рауля Ивара и других, — назовете вы реальной эту картину или скажете, что это все одна игра нашего воображения?

Генуя.

— Боюсь, сосед Вито, что это печальная действительность.

Винчестер обошел поле битвы. Он нашел много убитых англичан и еще большее число раненых. Среди французов больше половины было раненых. Но более всего огорчала смертельная, по словам доктора, рана Рауля Ивара; даже врачи почувствовали к нему сострадание. Обе боровшиеся стороны проявили безупречное мужество, но значительный количественный перевес был на стороне англичан, а потому естественно победа осталась за ними. Когда выяснилось, что три английских судна пустились в погоню за люгером, английские офицеры решили заняться ранеными, и через какие-нибудь два часа энергичной работы все было закончено настолько возможно, то-есть сделаны необходимые ампутации и перевязаны раны.

День уже клонился к вечеру. Всех раненых осторожно положили в лодки и направили к тому английскому судну, которое служило госпиталем в эскадре. Уцелевшие французы предложили свою помощь для исполнения этой печальной обязанности. Теперь оставались только гичка сэра Фредерика, на которой Винчестер предполагал переправить его тело, наемная лодка Баррофальди и та, в которой приехали Карло Джунтотарди и его племянница.

Солнце уже заходило за соседние горы, и надо было принять окончательное решение. Винчестер отвел в сторону доктора и спросил его, может ли раненый вынести переезд.

— Господин лейтенант, — несколько сухо отвечал ему доктор, — нашему храброму капитану остается жить очень недолго, и он желал бы умереть здесь, на месте своей славы и возле любимой женщины. Но — вы победитель и вольны поступать по вашему благоусмотрению.

Винчестер покраснел и закусил губы. Мысль причинить Раулю какие-нибудь новые страдания, физические или духовные, не приходила в голову Винчестеру, и он был оскорблен высказанным подозрением. Но он сдержался и, вежливо поклонившись доктору, заявил, что сам останется возле пленника до последней минуты. Доктор был удивлен и, прочтя сострадание в лице Винчестера, пожалел о своих словах.

— Но уже ночь надвигается, господин лейтенант, и вам придется провести ее на этих скалах.

— Ничего, доктор, мы, моряки, к этому привыкли, стоит мне только завернуться плотнее в мой плащ.

Ответ был дан решительным тоном, и разговор на эту тему прекратился. Доктор распорядился, чтобы устроили постель для Рауля на более ровном месте скалы, куда положили матрац — один из тех, что были сняты в числе многих других вещей с люгера. Доктор хотел над ним раскинуть палатку из парусины, но раненый воспротивился этому.

— Дайте мне подышать свежим воздухом, — сказал он, — мне уже недолго осталось им наслаждаться, пусть же он беспрепятственно проникает в мои легкие эти несколько минут.

Бесполезно было отказать ему в этой просьбе, да и незачем. Воздух был мягок и чист, и не было причин опасаться за здоровье Джиты; от могущего же подняться ветра их до известной степени защищала скала.

Англичане развели огонь, на котором изготовили себе ужин.

Трудно передать первые взрывы отчаянной тоски Джиты, когда она узнала о ране Рауля.

Было десять часов вечера. Рауля устроили на самой высокой части острова, откуда он мог видеть море, омывающее подножие скал, и слышал шум своей любимой стихии; над головой умирающего распростерся небесный свод, по лазурному фону которого рассыпались мириады звезд. Заботами Джиты и других около постели раненого было собрано все, что оставалось на острове из вещей, снятых с люгера, и таким образом этому уголку был придан уютный вид жилой комнаты, хотя без стен и потолка. Винчестер, подавленный

усталостью и предполагая, что Рауль, вероятно, желал бы остаться наедине с Джитой, бросился на один из матрацов на некотором расстоянии от раненого, приказав разбудить себя, если что случится. Его примеру последовал и доктор, которому больше нечего было делать около умирающего, и он тоже отдал приказание разбудить себя в случае какой-нибудь перемены. Андреа Баррофальди и подеста прохаживались по скале, оживленно разговаривая и сожалея, что не уехали раньше.

Рауль и Джита остались вдвоем. Рауль лежал на спине с несколько приподнятой головой и смотрел вверх. Он больше не страдал, но его жизнь быстро угасала. Джита была подавлена сразившим ее ударом.

И Рауль и Джита молчали довольно долго.

— Джита, — наконец заговорил он, — не странно ли, что я, Рауль Ивар, корсар, сроднившийся с битвами и бурями, с опасностями и превратностями войны и стихий, лежу здесь, на этой скале, умирающий...

Почти веселая улыбка на минуту оживила лицо умирающего.

— Моя „Блуждающая Искра“, — воскликнул вдруг Рауль, и с его губ сорвались слова, выражавшие его тайную заветную мысль, придавшую минутное оживление его чертам, — ты, по крайней мере, ушла от англичан! Тебя они не причтут к числу своих жертв! Тебя не заставят идти против своей страны!

Джита опустила на колени, устремив глаза на дорогого человека с чувством глубокого отчаяния. Рауль расслышал легкий шорох, произведенный ее движением, и повернул к ней голову; его глаза, обращенные на нее, горели былым восторгом и сияли как в прежние счастливые минуты.

— О, Рауль! Смирите гордость вашего разума и молитесь небо о помощи!

— Бедная Джита! Вы одна из миллионов, ум которых затмили попы!

Джита закрыла себе лицо обеими руками. Наконец, она подняла голову и остановила на Рауле взгляд полный чистой, горячей любви.

— Рауль, — шопотом позвала она.

Ответа не было. Глаза Рауля были попрежнему обращены вверх, но губы были сжаты как бы в минуту страшной борьбы. Рауль Ивар перестал существовать.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ МИЛЬСА ВЕЛЛИНГФОРДА

ГЛАВА I

Я родился в долине, прилегающей к морю. Мой отец в молодости был моряком, и мои первые воспоминания связаны с историей его приключений, возбуждавшей во мне живой интерес.

Он служил во время революционной войны³⁶, о событиях которой он очень любил рассказывать.

Вследствие раны, полученной им на войне, на его лице остался шрам; не будь этого знака, отец был бы очень красив. Мать после его смерти находила, что этот шрам придавал ее мужу особенную прелесть. Но, насколько я помню, это было не совсем верно: шрам этот скорее искажал лицо отца, делая его неприятным, в особенности, когда он был в дурном расположении духа.

Отец умер на той самой ферме, на которой родился; она досталась ему в наследство после деда, английского эмигранта, купившего ее у голландского колониста, который, при расчистке лесов, успел только заложить ее фундамент.

Место это называлось Клаубонни.

Относительно происхождения подобного названия мнения расходились: одни находили, что „Клаубонни" голландское слово; другие с этим не соглашались, предполагая, что оно скорее индейского происхождения. Во всяком случае, не даром в этом наименовании было слово „бонни" (красивый), так как трудно было найти более красивую и в то же время более доходную ферму. В ней было триста семьдесят два акра³⁷ возделанной земли и лугов и более ста акров лесистых холмов.

В 1707 году дед построил на этом месте одноэтажный каменный дом. Затем родственники, жившие в Клаубонни, делали там всевозможные пристройки, по своему усмотрению, так что в общем образовалась масса хижин, разбросанных как попало, без всякого плана и симметрии. Но в главном доме сохранился вестибюль и подъезд, перед которым был луг с несколькими вязами.

При виде Клаубонни невольно приходила в голову мысль, что собственником ее должен быть зажиточный землевладелец.

Внешний вид благоустройства вполне соответствовал комфорту в доме. Правда, потолки были низкие, и комнаты маловаты, но зато в этих уютных комнатках бывало так тепло в зимнее время; летом же здесь ощущалась приятная свежесть; при этом поддерживалась постоянная чистота и порядок. Гостиная, коридоры и спальня были покрыты коврами. В главной гостиной (о слове „зало", насколько я помню, в нашем краю не имели понятия до 1796 года) стояла софа, покрытая ситцем, с хорошо набитыми подушками; занавеси были также из ситца.

К ферме примыкали виноградники и долины пахотной земли. Амбары, риги, все надворные строения были выстроены из прочного камня, как и главное здание.

Кроме доходов с фермы, у моего отца было еще четырнадцать-пятнадцать тысяч долларов, которые он привез с собою из морского плавания и поместил под залог недвижимого имущества. Затем мать принесла с собою в приданое семьсот фунтов стерлингов, также помещенных выгодно; таким образом, не считая двух-трех крупных землевладельцев да нескольких купцов, приехавших сюда из Йорка, капитан Веллингфорд слыл за самого зажиточного из всех жителей Ульстера. Не знаю, насколько правильно было подобное мнение; знаю только то, что лишь под отеческой кровлей я видел такое полное изобилие всего.

Правда, наше вино приготавливалось из смородины, но его вкус ничего не терял от этого; и в наших погребах его было припасено так много, что мы всегда могли пользоваться хорошим старым вином, простоявшим уже три-четыре года. Кроме того, у отца имелась про запас его собственная коллекция вин, к которой он прибегал в торжественных случаях.

Я помню, когда, бывало, к нам заезжал губернатор из Ульстера, Джорж Клиптон, сделавшийся впоследствии вице-президентом, то отец угощал его прекрасной мадерой.

Отец познакомился с матерью в Клаубонни, когда он там лечился от ран; это время осталось для нее дорогим воспоминанием, в силу которого она находила, что шрам, изборождавший левую щеку отца, так шел к нему. Сражение, в котором был ранен отец, произошло в июле 1780 года, а осенью того же года состоялась и свадьба родителей.

Отец более не служил на море до моего рождения. Потом он опять поступил на службу и совершил на

³⁶ Революционная война — война американцев против английской метрополии, окончившаяся объявлением независимости Северо-Американских Соединенных Штатов (1775—89 гг.).

³⁷ Акр—английская и американская мера поверхности, равная приблизительно трети десятины.

капере³⁸ несколько удачных крейсировок; потом обзавелся бригом³⁹, которым самостоятельно управлял до 1790 года.

Внезапная смерть моего деда заставила его вернуться на родину. Капитан (моего отца все называли так), как единственный сын, получил после деда все недвижимое имущество; что же касается шести тысяч фунтов стерлингов, то они достались моим двум, вышедшим замуж, теткам, проживавшим по соседству с нами.

С тех пор отец навсегда распрощался с морем и жил постоянно на ферме. Нас было пять человек детей, из которых остались в живых моя сестра Грация и я. Когда умер отец, мне было тринадцать лет, а

Грации — одиннадцать. Отец умер в 1794 году; причиной его смерти был несчастный случай.

В нашей долине находилась мельница, на том месте, где протекает небольшая речка, впадающая в реку Гудзон. Для отца было большим удовольствием проводить время у этой мельницы. Устройство ее на нашей земле было для него очень выгодно. Отсюда возвозилась мука по окрестностям за несколько миль, а хлебными отбросами отец пользовался для откармливания свиней и быков. Это местечко служило, так сказать, центром торговли, так как сюда свозились все произведения фермы, которые отправлялись в город на маленькой шлюпке каждую неделю.

Целыми днями отец оставался у мельницы или на берегу реки, наблюдая за работами и делая распоряжения относительно оснастки судна и ремонта мельницы. Иной раз ему приходили в голову, действительно, хорошие мысли; но, при всей своей изобретательности, он не был хорошим механиком, хотя и не сознавался в этом. Однажды он придумал новый способ останавливать колесо мельницы и приводить его в действие по собственному желанию. В чем именно и состояло это изобретение, так я и не узнал: в Клаубонни никогда никем не упоминалось о нем после несчастного случая. Отец начал развивать перед работником свою новую мысль и способы применения ее на практике. Чтобы доказать, до какой степени он был в себе уверен, он остановил колесо и лег на него, посмеиваясь над своим слушателем, который неодобрительно покачивал головой, видя такую неосторожность своего господина. В это самое время вдруг сорвалась одна из пружин, сдерживающих колесо; вода хлынула, и колесо начало вертеться, унося за собою отца. Я был свидетелем этой ужасной сцены.

Это было первое серьезное несчастье в моей жизни; я никогда не мог себе даже представить, что подобная вещь может случиться. Несколько месяцев это зрелище не переставало стоять передо мною. До сих пор я не могу хладнокровно вспомнить об отчаянии, овладевшем матерью.

Несмотря на то, что время сглаживает всякое страдание, мать никогда не могла вполне оправиться от удара. Здоровье ее все ухудшалось, и, спустя три года после катастрофы на мельнице, она была похоронена рядом с отцом.

За месяц до ее смерти мы с Грацией уже знали, что нам грозит новое несчастье.

Незадолго до ее смерти пастор Гардинг подвел нас по очереди к изголовью умирающей.

— Добрый Гардинг, — сказала она ослабевшим голосом, — обращаюсь к вам с просьбой, не покидайте их в трудные минуты их жизни, и особенно теперь, когда все так сильно запечатлевается в их молодой душе.

После смерти отца мне еще не приходилось осведомляться, в каком состоянии находилось его имущество. Мне говорили о завещании и о формальностях, которые надо было исполнить.

Наконец, мистер Гардинг сообщил нам о положении дел и о своих намерениях относительно нас обоих.

Отец оставлял мне ферму, мельницу, шлюпку и все недвижимое имущество с тем, чтобы пользование ими было предоставлено матери до моего совершеннолетия. По достижении его, я должен был отдать ей флигель и выдавать часть всех доходов; затем выплачивать ей ежегодно до трехсот фунтов стерлингов.

Грации было завещано четыре тысячи фунтов стерлингов, помещенных под проценты. Все остальное, ценностью в пятьсот долларов, было мое. Так как общий доход составлял более тысячи долларов, то я мог считать себя прекрасно обеспеченным в материальном отношении, особенно, если принять во внимание мое скромное воспитание.

Отец назначил нашими опекунами и душеприказчиками Гардинга и мою мать; за смертью последней, исполнителем воли покойного являлся один мистер Гардинг. Его дети были нам почти ровесники.

Руперт Гардинг был старше меня на один год, а его сестра, Люси, на шесть месяцев моложе Грации. С самого детства нас соединяла тесная дружба.

Но надо сознаться, что, несмотря на все данные, Руперт Гардинг далеко не удовлетворял своего родителя. Я был гораздо сильнее его; и еще за год до смерти матери я уже был готов поступить в школу, но она хотела немного подождать, чтобы послать меня в Изль, где находилось заведение, намеченное для меня отцом; и Руперт мог бы сопровождать меня туда. Мать намеревалась доставить ему возможность получить полное образование, что было мечтою нашего пастора, предназначавшего своего сына к духовной карьере.

Это промедление послужило к тому, что моя дальнейшая жизнь приняла совершенно иной оборот.

Отец, кажется, хотел сделать из меня адвоката. Но всякая умственная работа отталкивала меня, а потому я был в восторге, что мое поступление в училище было отложено на год.

Правда, учение давалось мне легко; я увлекался чтением книг, но преимущественно легкого содержания. Что же касается Руперта, то неспособным его нельзя было назвать; но он чувствовал

³⁸ Капер — судно, вооруженное частными лицами для нападений на торговые суда неприятеля.

³⁹ Бриг — двухмачтовое судно в 200—250 тонн. Тонна (грузовая) равна 1,189 куб. метра.

положительно отвращение к науке, и к тому же был ленив и упрям.

Мистер Гардинг пользовался маленьким домиком и двадцатью пятью акрами земли, которая возделывалась двумя невольниками и двумя невольницами, перешедшими к Гардингу после его матери.

У меня тоже было двенадцать невольников-негров. Назывались они все: Гектор Клаубонни, Венера Клаубонни, Цезарь Клаубонни, Роза Клаубонни (эта была черна, как галка), Ромео Клаубонни и Жульетта, попросту Жюли Клаубонни; затем Фараон, Потифар, Самсон и Навуходносор или Неб — и все Клаубонни.

Неб был почти одних лет со мною и долгое время — моим товарищем в играх. Даже тогда, когда его стали заставлять серьезно работать, я все-таки брал его с собой на рыбную ловлю, на охоту, на прогулки в лодке по реке Гудзону.

Неб был большой охотник до бродячей жизни. Они вместе с Рупертом то и дело сманивали меня бросить книги, побегать с ними, поискать орехов, которые, по мнению Неба, стоили больше, чем все книги, взятые вместе.

Под руководством Неба я прекрасно изучил ботанику. Я забыл сказать, что со смертью матери в нашем хозяйстве произошла полная перемена. Мы с сестрой были слишком молоды и неопытны, а потому мистер Гардинг решил расстаться со своим пасторским домиком и поселиться у нас, в Клаубонни, вместе с детьми.

Мы с Грацией были в восторге. Каждый из нас имел свою комнату: мы весело расставались по вечерам, зная, что на следующий день будем опять все вместе.

Об учении не было речи целых два месяца; мы бегали по полям, рвали фрукты, орехи, смотрели на жатву; все время находились в движении, что, конечно, отозвалось очень благоприятно на нашем здоровье.

Руперт походил на свою мать: он обладал красотой и грацией. В манере держать себя в нем не было никакой натянутости; речь его лилась свободно, увлекая слушателей. Что касается меня, хотя я и не был красив, но за то силен, энергичен, деятелен; в этом отношении я имел перевес не только над моим юным другом, но и над всеми моими товарищами. Но кто был очарователен — это Грация: глаза — темно-синие, щеки, покрытые нежным румянцем, и при всем этом — чарующая улыбка. Жаль только, что она была хрупким созданием.

Люси была прекрасно сложена. Ее красота ничем не выделялась, но в выражении ее лица была неизъяснимая прелесть. Ее волосы, черные, как смоль, синие глаза и густой румянец делали ее миловидной. Особенно хороши были ее зубы; смеясь, она так мило показывала их. В веселые минуты от всего ее существа веяло счастьем.

ГЛАВА II

Мистер Гардинг серьезно принялся за мое учение. Сначала он засадил меня за элементарные науки, которые под его руководством я изучил основательно. В короткое время я уже знал наизусть всю грамматику и безошибочно решал всевозможные арифметические задачи; мы уже начали проходить геометрию, тригонометрию и даже стихосложение.

Но в мои соображения отнюдь не входило сделаться ученым. Решение мое было принято. Только одно беспокоило меня: не высказывала ли мать определенного желания относительно моей карьеры.

По этому поводу я поговорил с Рупертом. Его ответ несколько удивил меня.

— Какое теперь дело твоим родителям — будешь ли ты адвокатом, доктором, или купцом, или же фермером, подобно твоему отцу?

— Мой отец был моряком! — воскликнул я.

— Да, вот прекрасная профессия. Я отдал бы все на свете, чтобы сделаться моряком.

— Ты, Руперт?! Но ведь твой отец хочет, чтобы ты был пастором.

— Хорош я буду на пасторской кафедре! Нет, нет, Мильс. Ты знаешь, мой прадед был морским капитаном, а из своего сына он сделал священника. Обернем же теперь медаль на обратную сторону: пусть сын священника делается в свою очередь капитаном. Я люблю море; оно манит меня к себе. Ты же сам себе хозяин, — продолжал он, — и в праве располагать собой, как тебе угодно. Кто тебе мешает испробовать жизнь на море? Если она не понравится, ты всегда успеешь возвратиться на родину и здесь преспокойно косить сено и откармливать свиней.

— Однако, так же, как и ты, без разрешения твоего отца я ничего не могу предпринять.

Руперт рассмеялся и стал убеждать меня, что раз я твердо решил не ехать в Иэль и не быть адвокатом, то я могу уехать тайком; таким поступком я снял бы с его отца всякую ответственность. И нечего было терять времени, ибо самое лучшее — поступить на морскую службу от шестнадцати до двадцати лет.

Признаюсь, что эти ловкие доводы Руперта вскружили мне голову. Вскоре мне представился случай позондировать почву. Я спросил у мистера Гардинга, упоминалось ли в завещании отца о том, что я должен ехать в Иэль и готовиться к адвокатуре. Ничего подобного не было сказано. Мать же говорила неоднократно, что ей желательно было бы, чтобы я сделался адвокатом, но что выбор деятельности она все-таки вполне предоставляет мне.

Я вздохнул с облегчением и объявил мистеру Гардингу, что я решил быть моряком. Это сообщение смутило его. Наше объяснение кончилось тем, что он мне сказал, что с моей стороны непрослительно глупо бросать науку ради фантазии — объездить свет в качестве простого матроса.

Обо всем этом я рассказал Руперту.

После долгих рассуждений он предложил бежать совсем в Нью-Йорк и поступить юнгами на какое-нибудь судно, отправляющееся в Индию.

Целый месяц мы с Рупертом обсуждали наш проект до мельчайших подробностей. Чего мы с ним только не придумывали! Наконец, я решил посвятить в тайну наших юных товаров, взяв с них предварительно обет молчания. Мой друг был против этого; но я слишком любил Грацию и ценил мнение Люси, а потому настоял на своем.

Сорок лет прошло со времени этого торжественного совещания, но мое воображение рисует мне его так живо, как будто бы все произошло только вчера.

Мы вчетвером сидели на скамейке, под тенью дуба. Перед нами открывался живописный вид на Гудзон. Стояла знойная тишина. Вдали белели паруса. Грация начала восторгаться.

Я воспользовался благоприятной минутой и заговорил.

— Я очень рад, что ты так любишь корабли; значит тебе доставит удовольствие мое решение сделаться моряком.

Водворилось молчание, длившееся две минуты. Я устремил мои глаза вдаль, как бы рассматривая лодки. Грация смотрела на меня в упор, я чувствовал на себе ее взгляд, и мне делалось неловко. Тогда я обернулся и встретился взорами с Люси; она пристально глядела на меня и, казалось, не верила своим ушам.

— Моряком, Мильс? — медленно проговорила сестра. — А я думала, что уже вопрос решен, что ты должен изучать право.

Какой вздор! Я столько же думаю о праве, как о судьбах Англии; я хочу видеть свет, и вот Руперт...

Как, Руперт? — спросила Грация, вся изменившись в лице. — Но ведь он должен быть помощником отца, впоследствии же его преемником.

Руперт посвистывал с равнодушным видом, хотя на самом деле серьезный и взволнованный тон Грации произвел на нас свое действие.

— Ну, господа, — сказал я, вооружившись мужеством, — нам больше нечего скрываться от вас; но то, что вы узнаете, должно быть тайною для всех.

— Кроме одного мистера Гардинга. Он должен знать о твоём решении: не забывай, что он заменяет тебе отца в настоящее время.

— Но согласись с тем, что Руперту он родной отец.

— Опять Руперт! Что у него может быть общего с твоей затеей?

— Я до тех пор ничего не скажу вам, пока вы обе не дадите нам слово молчать...

— Я обещаю молчать, — произнесла Грация таким торжественным тоном, что я невольно вздрогнул.

— И я тоже, Мильс, — добавила Люси так тихо, что я еле слышал ее слова.

— Ну, вот это прекрасно. Я вижу, что вы благоразумные девицы, и даже можете помочь нам. Руперт и я, мы оба, решили быть моряками.

Они разом вскрикнули; затем наступило молчание.

— А что касается права, к чорту эту науку! — сказал я. — Разве был кто-нибудь из Веллингфордов законоведом?

— Но зато были Гардинги — пасторы! — произнесла Грация, стараясь улыбнуться.

— И моряки тоже! — воскликнул Руперт. — Мой прадед был морским офицером.

— Положим, всякая честная профессия достойна уважения, я это знаю, Мильс, — сказала сестра, — но вопрос в том, объявили ли вы мистеру Гардингу о вашем намерении?

— Собственно говоря, положительного мы ему ничего не говорили; да нам и не для чего спрашивать его согласия; мы уезжаем на будущей неделе, не сказав ему ни слова.

— Но ведь это жестоко, Мильс! — проговорила Грация.

Люси закрыла лицо передником.

— Напротив, если мистер Гардинг будет заранее знать обо всем, то каждый в праве будет сказать, что он мог удержать нас; если же все совершится без его ведома, то он не ответствен за наши поступки. Итак, мы отправляемся на той неделе, как только будут готовы наши матросские костюмы. Мы поедем в лодке с парусами; возьмем с собой Неба, чтобы он потом мог привезти лодку обратно. Теперь, раз вам все известно, нам нечего оставлять письмо мистеру Гардингу; вы обо всем расскажете ему дня через три после нашего отъезда. Наше отсутствие продолжится не более года, по прошествии которого мы возвратимся домой, и как нам будет весело встретиться после разлуки! Мы с Рупертом будем тогда уже взрослыми молодыми людьми, а теперь вы считаете нас мальчишками.

Мои слова несколько утешили наших товаров. Когда же Руперт, все время упорно молчавший, пустил в ход свое красноречие, то они и совсем успокоились...

Через два дня разговор возобновился. Наши сестры употребили все старания, чтобы склонить нас посоветоваться с Гардингом. Но видя, что все их увещания были напрасны, они принялись деятельно снаряжать нас в путь. Сшили нам полотняные мешки для хранения платья, приготовили нам по праздничному и по будничному костюму. К концу недели все было уложено.

Небу было дано распоряжение приготовить лодку к отплытию к следующему вторнику. Нам необходимо было выехать вечером, чтобы не наткнуться на кого-либо.

Да, этот вторник был невеселым днем для всех нас, исключая мистера Гардинга, который, ничего не

подозревая, оставался совершенно спокоен.

Руперт ходил опустья голову, точно его пришибли, а наши дорогие девочки еле сдерживались, чтобы не разрыдаться.

В девять часов, по обыкновению, вся семья собралась вместе. Затем мы все отправились спать, кроме мистера Гардинга; он остался работать до двенадцати часов ночи, вследствие чего нам надо было принять все меры предосторожности.

В одиннадцать часов мы уже скрылись из дома, поцеловавшись наскоро с сестрами, как будто расставались с ними только на ночь.

Мы боялись, что они на прощанье устроят нам сцену; но мы ошиблись: обе прекрасно владели собою до последней минуты.

В каких-нибудь полчаса мы прошли почти две мили и были уже на месте. Я только было обратился к Небу, как заметил в нескольких шагах от себя две женские фигуры. Это были Грация и Люси, обе в слезах: они пришли сюда проводить нас.

Меня сильно встревожило, что они так далеко от дома в такое позднее время. Я непременно хотел проводить их, прежде чем сесть в лодку; но они воспротивились; все мои мольбы были напрасны; пришлось покориться.

Не знаю, как это произошло, но в эти последние минуты свидания мы разделились попарно, и каждый из нас очутился подле сестры своего друга...

О чем говорили Грация и Руперт — мне неизвестно. Между Люси и мною все было честно и открыто; она настояла, чтобы я взял от нее шесть золотых монет, все ее состояние, доставшееся ей от матери. Она знала, что у меня было с собой всего пять долларов, а у Руперта—совсем ничего. Отказать ей не было возможности...

— Я буду спокойнее, — сказала она, улыбаясь сквозь слезы, — если эти деньги будут у вас. К тому же вы богаты и можете впоследствии возвратить мне их; тогда как Руперту пришлось бы их подарить.

Я согласился, будучи заранее уверен, что возвращу ей мой долг с избытком. Затем обнял ее и крепко расцеловал.

Это было в первый раз за все время нашего знакомства.

— Пишите нам, Мильс, пишите, Руперт! — говорили они рыдая, когда мы стали отчаливать.

Несмотря на темноту ночи, мы еще долго различали их фигуры, пока не сделали крутого поворота и громадная скала не скрыла от нас дорогих существ.

Итак, мы расстались с Клаубонни, волнуемые самыми разнообразными чувствами.

ГЛАВА III

Мы очень удачно выбрали время для отплытия. Начиная отлив, и наша лодка без всякого труда вышла из бухты. Неб греб изо всех сил, я не отставал от него, тем более, что находился в возбужденном состоянии, боясь погони.

Через каких-нибудь двадцать минут „Грация и Люси“ уже вступала в русло Гудзона.

Неб вскрикнул от радости в тот момент, когда мы почувствовали ветер. В несколько минут кливер⁴⁰ и большой парус были водворены на место, руль был наставлен, шкот⁴¹ ослаблен, и мы быстро понеслись, делая по пяти миль в час.

По мере того как мы удалялись от дома, меня все больше охватывало волнение.

Спокойствие Руперта меня поражало: я еще не знал его таким. Казалось, он чувствовал себя совершенно счастливым.

Ни Руперту, ни мне не хотелось говорить. Он, по правде сказать, плотно поужинал, и голова его начинала тяжелеть; мне же доставляло удовольствие молчать, уходя в свои мысли. Была полночь. Я вызвался дежурить первую четверть ночи, а моим спутникам предложил лечь спать, на что они с удовольствием согласились. Руперт расположился под палубой, а Неб растянулся на открытом воздухе.

Начало свежеть; я принужден был взять рифы⁴², хотя ветер был попутный. В четыре часа я разбудил Руперта, он взялся за руль, а я лег на его место и заснул совсем спокойно, так как погода благоприятствовала нам. Неб позвал меня только в десять часов. Оказалось, что Руперт правил рулем всего один час, посадив вместо себя негра, который и продежурил от пяти до десяти часов. Неб разбудил меня главным образом для того, чтобы предложить закусить. Руперт еще спал.

Перед нами открывались новые места. День выдался прекрасный. Мы невольно предались радостному чувству; все восхищало нас. Я захватил с собою маленькую географическую карту, которой я весьма гордился, хотя на ней были некоторые неточности. Развернув ее, я принялся объяснять своим спутникам, указывая на скалистый восточный берег, что это не что иное, как целый штат Нью-Джерсей. Даже Руперт был поражен таким великим открытием. А Неб пришел в настоящий восторг. В то время путешествия еще не были так распространены, как в настоящее время; и для трех молодых американцев, из которых старшему не было еще девятнадцати лет, было очень приятно, что они могли похвастаться, что видели еще другой штат, кроме своего

⁴⁰ Кливер—косой продольный парус на передней мачте судна.

⁴¹ Шкот—веревка для растягивания и управления парусами.

⁴² Взять рифы — уменьшить площадь паруса.

собственного.

Мы шли быстро, но нам предстоял еще немалый путь. К полдню подул с юга легкий ветер; мы почувствовали прилив; пришлось бросить якорь; это нам было не по вкусу: для людей, пустившихся в бегство, не особенно-то приятно быть вынужденными засесть на одном месте! Но вот начался отлив, и мы опять поплыли. Солнце уже клонилось к закату, когда мы увидели две-три колокольни, служащие для иностранцев указанием дороги к Нью-Йорку.

В городе — первой нам бросилась в глаза огромная тюрьма, которая показалась мне мрачным зданием; я не мог смотреть на нее без содрогания. Неб, с видом глубокомысленного моралиста, сказал, что ему очень не нравится это сооружение. На Руперта тюрьма не произвела никакого впечатления; он вообще не отличался особенною чувствительностью.

В то время Нью-Йорк был небольшим городом; дома в нем отличались незатейливой постройкой. Окрестности состояли большей частью из болот.

Проезжая вдоль набережных, мы увидели большой рынок, носивший название „Медведь“, так как там начали торговать мясом этого животного.

Мы въехали в бассейн Альбани, находившийся в центре города; здесь мы издали узнали мачту нашей шлюпки „Веллингфорда“, на что я обратил внимание Неба, так как он должен был обратно отправить лодку вместе со шлюпкой.

У меня имелся с собой адрес трактира для матросов в Уайт-Галле. Мы туда и отправились, взвалив мешки себе на плечи. Так как было уже поздно, то я заказал ужин. А Небу было приказано отправить лодку, а затем явиться к нам; мы ему строго запретили говорить о месте нашего нахождения.

На следующий день я забыл и думать о сестрах, о Клаубонни и мистере Гардинге. Нужно было действовать. Позавтракав наскоро, мы пошли отыскивать подходящее для нас судно.

Я так торопился, что мне было не до достопримечательностей города; Руперт был бы не прочь все осмотреть, но спорить со мною не стал, и мы избрали кратчайший путь к рынку Флай-Маркету, около которого стояло несколько судов.

Я пожирал глазами корабли, перед которыми мы очутились; мне в первый раз приходилось видеть судно с квадратными парусами. Еще отец научил меня названиям главных частей корабля и парусов по модели, оставшейся в Клаубонни. Теперь мне эти познания очень пригодились, хотя сначала у меня разбежались глаза среди этого лабиринта снастей и парусов.

Насилу я оторвался от дивного для меня зрелища. Наконец мы нашли то судно, которое искали. Оно называлось „Джон“ и было вместимостью в четыреста тонн; планшир⁴³ на нем был совсем незначительный.

Когда мы взошли на борт, все офицеры находились в сборе на палубе. Главного лейтенанта звали Мрамор—его лицо действительно было точно из мрамора с бесконечными жилками. Заметив нас, он переглянулся с капитаном, не говоря ни слова.

— Пожалуйте, господа, пожалуйте сюда, — сказал Мрамор одобряющим тоном. — Когда вы покинули вашу родину?

Этот вопрос заставил всех рассмеяться. Я чувствовал, что настал решительный момент: теперь или никогда. В то же время я был слишком правдив, чтобы выдавать себя за того, кем я не был на самом деле.

— Мы выехали вчера ночью, в надежде поступить на службу какого-нибудь из судов, отплывающих в Индию на этой неделе.

— Не на этой неделе, мой мальчик, а на будущей, — сказал Мрамор шутя, — а именно в воскресенье. Мы всегда выбираем этот день. Пословица гласит: „Хороший выбор влечет за собою удачу“. Итак, когда же это мы решились расстаться с папашей и мамашей?

— У меня больше нет ни того, ни другой, — ответил я. — Моя мать умерла несколько месяцев тому назад, и отец мой, капитан Веллингфорд, тоже скончался уже давно.

Капитан „Джона“, имевший на вид около пятидесяти лет и отличавшийся суровой наружностью, весь так и просиял, услышав имя моего отца.

— Как, вы сын капитана Мильса Веллингфорда, того самого, который жил при истоке реки?

— Да, капитан, его единственный сын. Нас осталось только двое: моя сестра и я. И мое пламенное желание — сделаться таким же хорошим моряком или же, по крайней мере, таким же честным человеком, каким всегда был мой отец.

Эти слова, произнесенные с уверенностью, произвели на всех прекрасное впечатление. Капитан пожал мне руку и пригласил нас с Рупертом отобедать. Оказалось, что капитан „Джона“, Роббинс, совершил свое морское плавание вместе с отцом, у которого он был помощником, и глубоко его уважал. Он не стал меня много расспрашивать, находя вполне естественным, что сын капитана Веллингфорда пожелал сделаться моряком...

За обедом было решено, что мы с Рупертом примемся за исполнение обязанностей с завтрашнего же утра. Мне назначили жалованье в восемнадцать долларов в месяц, а Руперту — тринадцать. Капитан Роббинс заметил, смеясь, что сын пастора не может быть в претензии, что ему назначена меньшая плата, чем сыну известного моряка.

На самом же деле, Роббинс, будучи хорошим наблюдателем, заключил, что из Руперта не выйдет

⁴³ Планшир — горизонтальный брус, положенный поверх борта судна

настоящего моряка. Мы возвратились в трактир, и, переночевав там, распрощались с Небом, который вместе со шлюпкою отправлялся домой и мог сообщить там, как обстоит наше дело.

Рано утром мы нагрузили маленькую тележку нашими вещами, и через полчаса были уже на борту „Джона“ и водворены в одной из его боковых кают.

Руперт, покуривая, расхаживал по палубе, а я полез на мачты, рассмотрел реи⁴⁴, потрогал клотики⁴⁵, и только тогда слез вниз.

Капитан, офицеры и матросы посмеивались, глядя на меня. Как я был счастлив, когда вдруг раздалось приказание Мрамора:

— Слушайте, Мильс, выдерните снасти из брам-стенги⁴⁶ и сбросьте нам конец, чтобы мы могли заменить их новыми.

Голова моя пылала, я боялся осрамиться; однако тотчас же вскарабкался наверх и исполнил все, как следует. Тогда Мрамор начал командовать мною снизу, и вскоре новая снасть была водворена на место с блестящим успехом. Это было начало моей карьеры, которое очень льстило моему самолюбию. Настала очередь Руперта. Капитан велел ему спуститься в каюту и посадил за писанье. Почерк у него был прекрасный и скорый. В тот же вечер я узнал, что Руперт будет исполнять должность секретаря у капитана.

— Да, меня нисколько не удивит, — сказал Мрамор, — если старик оставит его в этой должности на все время плавания, так как сам он пишет такими каракулями, что не в состоянии бывает ничего разобрать; не знает, с какого конца начать читать.

Накануне нашего отплытия Руперт отпросился пойти погулять по городу; по этому случаю он принарядился.

Я тоже побежал на почту, но, не зная дороги, очутился на Бродвее⁴⁷. Я уже собрался вернуться, как вдруг увидел Руперта с письмом в руках. Я прямо пошел к нему.

— Из Клаубонни? — спросил я с замиранием сердца. — От Люси?

— Из Клаубонни, но от Грации, — ответил он, покраснев. — Я просил бедную девочку сообщить мне, что там без нас делается. Что же касается Люси, я даже не знаю, как она пишет, и мне до нее нет решительно никакого дела.

Я надеялся получить письмо от Люси. Узнавши адрес почтового отделения, я отправился туда. Через несколько минут я уже выходил с торжествующим видом, держа в руках ее послание. Руперт предложил мне прочесть письмо моей сестры. Вот приблизительно его содержание:

Дорогой Руперт!

Сегодня утром в девять часов Клаубонни было в большом волнении. Когда беспокойство вашего отца достигло высших пределов, я ему сказала всю правду и передала ваши письма. Мне тяжело говорить: он заплакал. Слезы двух дур, как я и Люси, ничто — в сравнении со слезами старика! Он не стал упрекать нас и ни о чем не расспрашивал.

Ведь еще не поздно? Вы можете возвратиться. Доставьте нам всем эту радость! Но, что бы там ни было, друзья мои, я пишу вам обоим, хотя и адресовала письмо Руперту, не забывайте, что наше счастье зависит от вашего честного поведения и вашей удачи.

Преданная вам Грация Веллингфорд".

Люси писала более сдержанно, но в то же время более откровенно:

„Дорогой Мильс!

Я проплакала целый час после вашего отъезда, а теперь зла на себя, что пролила слезы из-за таких сорванцов. Грация сказала вам, как был огорчен отец. Никогда в жизни я не испытывала такого страдания.

Вы должны возвратиться. Я чувствую, что готовится что-то ужасное. Отец все молчит; значит, он что-то придумал. Мы обе думаем о вас не переставая. В случае, если вы все-таки уедете в плавание, не забывайте писать нам. Прощайте!

Люси Гардинг.

P. S. Мать Неба объявила, что если он не возвратится в субботу, то она отправится разыскивать его. Но я надеюсь, что Неб-то вернется и привезет с собою ваши письма".

Мы, прощаясь с Небом, ничего не послали с ним. Меня это очень мучило, но уже было поздно. Я отстал от Руперта, чтобы не скомпрометировать его своим простым матросским костюмом, и направился к „Джону“; при повороте с одной из улиц на набережную, я вдруг столкнулся лицом к лицу с моим опекуном. Он шел медленными шагами, понури голову, с глазами, устремленными на корабли. Но вследствие рассеянности и благодаря моему костюму, он не узнал меня, и я благополучно добрался до своего судна.

В тот же вечер наш корабль был вполне оснащен. Воспользовавшись попутным ветром и отливом, „Джон“ отплыл под кливером и стакселем⁴⁸ и, выйдя в другой канал, бросил якорь. Теперь я находился на

⁴⁴ Рея — горизонтальный брус, поддерживающий паруса, висящий на передней стороне мачты.

⁴⁵ Клотик — конец флагштока (верхней части стеньги—продолжение мачты), куда вставляются шкивы для пропускания сигнальных веревок.

⁴⁶ Брам-стенга — прямое круглое дерево, составляющее продолжение мачты.

⁴⁷ Бродвей — главная улица Нью-Йорка.

⁴⁸ Стаксель — треугольный парус, поднимаемый впереди фок-мачты, между мачтами вообще и служащий для увеличения поворотливости корабля.

полмили от всякой суши и не мог дожидаться, когда увижу океан.

Мрамор, окинув пытливым взором свой экипаж, сказал капитану, что он очень доволен его составом. Это меня крайне удивило, так как я находил, что мы окружены были всяким сбродом.

Вскоре половина служащих отправилась спать. Нам с Рупертом дали прекрасный гамак, и мы были очень рады остаться вместе. На мою долю выпало стоять на вахте в то время, как мы были на рейде⁴⁹ вместе со шведом, хмурым стариком. Так как мы стояли на якоре при незначительном ветре, то мой товарищ, выбрал себе дощечку, примостился на ней и захрапел, предупредив меня, чтобы я его разбудил в случае чего-либо. Я же стал расхаживать по палубе с такой важностью, как будто на моих плечах лежала охрана отечества.

На следующий день, в воскресенье, около десяти часов мы все принимали участие в поднятии якоря. Затем паруса надулись, и мы двинулись в путь. Сердце мое забилось от восторга при мысли, что я еду в Кантон, который называли тогда Индией. Вдруг Руперт окликнул меня, указывая на какого-то человека, видневшегося из лодки, как раз против нашего корабля. Я взгляделся в него и ахнул: это был мистер Гардинг, который в эту минуту узнал нас. Но „Джон“ стал быстро прибавлять ходу; через несколько секунд мы потеряли мистера Гардинга из виду.

ГЛАВА IV

Четыре часа спустя после того момента, как я видел мистера Гардинга в последний раз, наше судно было уже в открытом море и летело на всех парусах под северо-западным ветром. Понемногу земля совершенно исчезла из виду. Мои взоры долгое время были устремлены на вершины Навезинка, но и они стали принимать туманное очертание и тоже скрылись из глаз. Только теперь я понял, что такое океан. Но матросу некогда предаваться своим чувствам. Надо было расставлять якоря по местам, отвязывать и скручивать канаты. Затем до самого вечера мы занялись распределением вахт. Я был назначен к Мрамору четвертым. Руперт же зачислен в четвертую вахту последним.

— Это потому, Мильс, — сказал мне Мрамор, — что мы друг к другу подходим. А вашему другу придется больше расходовать чернил, чем дегтя.

На борту все было приведено в порядок. Мы уже находились в двухстах милях от берега. Вдруг из трюма раздался громовой голос повара.

— Кричат два негра! — закричал Мрамор, разобрав в чем дело. — Посмотрите, Мильс, что там такое.

Я только что собрался исполнить приказание, как появился Катон, повар, таща за собою негра. Каково было мое изумление, когда я в этом последнем узнал своего Неба.

Неб успел незаметно проскользнуть на борт еще до поднятия якоря и спрятаться среди бочонков; не накрой его Катон, он просидел бы так очень долго. Когда он очутился на палубе, он первым делом огляделся по сторонам, и, удостоверившись, что земли не видно, стал кривляться от радости. Мрамор нашел это дерзостью и сильно ударил его кулаком, но Неб остался нечувствителен.

— А, так ты негр? — вскричал лейтенант, пнув его ногой. — Так на ж тебе.

От этого толчка у бедного Неба посыпались искры из глаз. Упав на колени, он начал молить о прощении, объясняя, что Мрамор ошибается, думая, что он убежал от своего господина.

Я вмешался в дело и объяснил Мрамору, кто такой Неб. Когда капитану стала известна история Неба, и он сообразил, что такой сильный и здоровый негр может ему быть полезен, ничего не стоя, он нашел ему подходящее дело — работу у снастей и вахту на правом берегу борта. Я был очень рад такому распоряжению.

Неб рассказал мне, что он сvez лодку, куда было приказано, видел, как ее прицепили к „Веллингфорду“, затем скрылся, и благодаря двум долларам, которые были ему даны на прощанье, он поместился в трактире, а когда наш корабль был готов к отплытию, он незаметно пробрался на него и запрятался среди бочонков.

Вскоре все примирились с появлением Неба в нашей компании; он даже сделался общим любимцем всего экипажа, благодаря своей ловкости, живости и привычке работать.

Я совсем освоился со своим положением. Мы не дошли до острова святой Елены, как я получил разрешение управлять рулем; и с этих пор я уже исполнял все обязанности матроса за малыми исключениями.

Обыкновенно путешествие из Америки в Китай проходит благополучно. Из всего нашего экипажа эконо и повар были единственные, которым пришлось огибать мыс Доброй Надежды⁵⁰ во второй раз. Однако, когда мы пришли в Кантон, ни на кого из нас не произвели особенного впечатления бритые головы и странная одежда туземцев. Я все ждал необыкновенных чудес, но должен сознаться, что это путешествие было одним из самых монотонных, исключая последней его части.

Мы простояли в реке четыре месяца; сделали большой запас чая, шелков и прочих товаров.

Мрамор, при всей своей неприветливости, был очень добр со мною и не переставал просвещать меня; да и всем офицерам доставляло удовольствие подействовать тому, чтобы из сына капитана Веллингфорда вышел дельный моряк.

Мы отправились в дальнейшее плавание весною 1798 года. Пройдя Китайское море, мы шли под всеми

⁴⁹ Рейд — место стоянки судов, защищенное от ветров и волнения.

⁵⁰ Мыс Доброй Надежды — на южной оконечности Африки.

парусами по Индийскому океану; в это время произошло первое происшествие, которое заслуживает некоторого внимания.

Мы вышли на рассвете из пролива Зондских островов⁵¹ при густом тумане. К вечеру, когда день прояснился, мы заметили два судна, направляющиеся к Суматре.

Судя по их внешнему виду, это были пироги. Но так как они шли от нас на очень далеком расстоянии, к тому же надвигались ночные сумерки, мы не обратили на них особенного внимания.

Мрамору приходилась вторая ночная вахта, а следовательно и я был на палубе от двенадцати до четырех утра. Целый час моросил дождь. Так как ночь ожидалась спокойная, все стоящие на вахте легли спать. Только я бодрствовал, сам не знаю отчего. Вспомнилось мне Клаубонни, Грация и Люси... последнюю я не забывал ни на минуту. Мрамор храпел изо всех сил, поместившись на курятнике. Вдруг мне послышался легкий шум весла, затем показался небольшой парус и я ясно различил, что это были пироги.

Я тотчас же закричал:

— Лодка совсем близко от борта!

Мрамор вскочил в одну секунду. Как опытный моряк, он сразу сообразил, в чем дело.

— Все сюда! — скомандовал он рулевому. — Все — наверх. Капитан Роб-бинс, господин Кайт, идите скорее, эти проклятые пироги сейчас столкнутся с нами.

Все были уже на ногах. Мрамор уверял, что должны быть две лодки, что это те самые негодяи, которых мы вчера видели.

Немедленно был отдан приказ направить все шкоты, и мы стали поворачивать, благодаря чему удалились от берега и вздохнули спокойно.

В это время капитан с несколькими старыми моряками стали раскреплять четыре пушки правого борта.

В проливе Банка мы их зарядили картечью и направили в сторону неприятеля; оставалось только выстрелить, что мы и сделали. Последовало торжественное молчание. Пироги продолжали наступать. Тогда капитан направил на них свою подзорную трубу и сказал Кайту вполголоса, что пироги полны народу. Тотчас же был отдан приказ приготовить все пушки без исключения и вынуть из сундуков ружья и пистолеты.

Все эти приготовления не предвещали ничего доброго; я уже начал думать, что будет отчаянный бой и нам всем перережут горло.

Я ждал, что вот-вот начнется пальба; но мы держались наготове, не стреляя.

Капитан взял четыре ружья и столько же пик и роздал их. С обеих сторон царило мертвое молчание. Пироги находились от нас довольно далеко, и видно было, что они старались повернуть бушприт к попутному ветру, чтобы не итти рядом с нами.

Капитан решил повернуть на другой галс; „Джон“ перевернулся вокруг себя, подобно волчку.

Пироги, видя, что нельзя терять времени, пустились догонять нас. Но капитан тоже не дремал: живо распустили все паруса, и мы двинулись вперед.

Вдруг со стороны пирог раздался страшный крик, и затем над нашими ушами засвистели пули. К счастью, они пролетели над нами, никого не ранив.

Мы в долгу не остались и выстрелили из четырех пушек. Весь заряд попал во вторую пирогу. Послышались отчаянные крики. Первая пирога стала быстро наступать на нас. Пираты кинули на борт абордажный крюк, но, к счастью, он зацепился только за выбленки⁵². Неб с быстротою молнии бросился к ним и перерезал выбленки ножом. В эту минуту пираты, бросив свои паруса и весла, полезли на борт нашего судна. Толчок был так силен, что человек двадцать из них попадали в воду. „Джон“, распустив свои паруса, стал подвигаться.

— По местам, к повороту! — раздалась команда. На прощанье мы пустили в догонку пиратам весь остаток заряда. Обе пироги соединились и затем быстро поплыли к островам. Мы сделали вид, что преследуем их; на самом же деле были очень рады, что отделались от них. Не думайте, чтобы мы после этого приключения спешили на покой. Только один Неб тотчас же залег спать.

Капитан поздравил нас всех со счастливым окончанием дела, пошел осматривать судно, не потерпело ли оно аварии; пришлось кое-что исправить.

Нечего и говорить о том, что все мы, конечно, воображали, что совершили великий подвиг.

На следующий день погода благоприятствовала нам; мы уже дошли до пятьдесят второго градуса восточной долготы. Погода переменилась; подул юго-западный ветер. Мы направились к Мадагаскару. Целую неделю мы держались этого направления, пока не увидели землю; это были высокие горы, которые, казалось, находились далеко от берега. Всю ночь мы следовали к северо-западу. Я был на утренней вахте и встретил на палубе Мрамора, который вступил со мною в разговор. Иногда он забывал разницу нашего положения на море и говорил со мной как с равным; но, спохватившись, резко прерывал свою фразу и тотчас давал мне приказание тоном начальника:

— Не правда ли, какая спокойная ночь, господин Мильс, — начал он, — и какое прекрасное течение на западе; Роббинс пришел бы от него в восторг, я же — враг течений.

— Да, кажется, капитан расходится с вами во мнении по этому поводу.

⁵¹ Зондские острова — островная группа к югу от Индо-Китая.

⁵² Выбленки — тонкие веревки поперек вант (системы снастей), идущие параллельно одна другой, а также и грузовой ватер-линии судна. Служат для всхода команды на марсель и салинги (системы поперечных брусев).

— А мне думается, что он и сам-то, наверное, не знает, каково его мнение. Если он увидит течение, он непременно будет следовать за ним на край света, будучи уверен, что оно приведет его к желанной цели. Что же касается меня, то главным руководителем мне служит мой нос.

— Как, ваш нос, господин Мрамор?

— Да, именно мой нос, мистер Мильс. Разве вы не обратили внимания, на каком расстоянии я разнюхал землю, когда мы проезжали мимо островов?

— Да, действительно, у Молуккских островов вы первый почувствовали приятный запах.

— Это что такое? — вдруг закричал Мрамор, вздрогнув всем телом.

— Как будто это вода, ударяющаяся о скалы.

— По местам, к повороту! — скомандовал он изо всех сил. — Бегите вниз, позовите капитана, Мильс! Держи круче, все на ноги!

Последовало общее замешательство. Капитан, помощник лейтенанта и большая часть экипажа была уже на палубе.

Капитан приказал переменить галс, и когда судно медленно повернуло, он спросил у Мрамора, что это все значило? Мрамор на этот раз, оставив свой нос в покое, предложил капитану и нам всем прислушаться.

Если мы не ошибались, мы попали в самую середину бурунов.

— Мы можем повернуть обратно, господин Мрамор? — спросил с беспокойством капитан.

— Да, командир, если только нет проклятого течения; теперь такая темнота, что ничего не видно.

— Бросьте якорь и следите! — скомандовал капитан.

Кайт объявил, что глубина была в шесть саженей. Мы принялись за развертывание каната; через несколько минут мы стали на якорь. Мрамор успокоился; только слышалась его воркотня:

— Чортов мыс, проклятое течение!

ГЛАВА V

Нет ничего тягостнее выжидания. Наше судно продолжало стоять на якорь. Нам нечего было делать. Мертвая тишина царила между нами. Все наши чувства как бы превратились в один слух. Вне всякого сомнения, мы попали в такое место, где волны разбивались о скалы; со всех сторон нас окружали буруны⁵³. Хорошо еще, что ветер был слабый, и лот продолжал показывать шесть саженей глубины. Капитан, потеряв терпение, непременно хотел сесть в лодку и объехать вокруг судна; но замечание Мрамора, что при такой темноте лодка могла наскочить на подводный риф, убедило его выждать рассвета.

Показалась, наконец, заря. Мы с возрастающим ужасом стали вглядываться вокруг себя. Мы стояли рядом с землею; но это были лишь голые отвесные скалы, вышиною по несколько сот футов. Перед нами, сзади, кругом торчали подводные камни, рифы, и шумели буруны. Остается загадкой, как мы не погибли в такую темную ночь?!

Таково было мое первое вступление на Мадагаскар.

Когда солнце засияло во всем своем блеске, и море казалось спокойным, капитан вздохнул с облегчением. Наскоро позавтракавши, капитан вскочил в лодку с четырьмя хорошими гребцами, в надежде найти выход из этого лабиринта рифов.

Мрамор позвал меня на бак⁵⁴. По его таинственному виду и сжатым губам видно было, что он собирался говорить со мной по секрету.

— Слушайте, Мильс, — сказал он, — положение нашего судна критическое: мы окружены лишь водою да подводными скалами. Не мешает приготовиться в ожидании худшего. Возьмите с собою Неба и „джентльмена" (это прозвище дали у нас Руперту) и вытащите из баркаса все нужные вещи; затем положите туда бочонки и ждите новых распоряжений. А главное — ни гу-гу. Если вас будут спрашивать, можете ответить, что вы исполняете приказание.

Через несколько минут все было готово. Во время наших приготовлений явился Кайт.

— Это зачем? — спросил он. Мрамор объяснил за меня.

— Видите ли, баркас может всегда пригодиться, так как я не думаю, чтобы на маленькой лодке можно было уйти слишком далеко.

Это объяснение показалось всем таким естественным, что никому и в голову не пришло подозревать опасность; а потому никто не удивился, когда Мрамор стал давать уже громко дальнейшие распоряжения.

— Мильс, положите на борт мешок с сухарями и запас говядины! Повару велено было приготовить несколько котлов со свиной, которой я взял еще и сырьем, так как это любимое кушанье матросов: они находят, что вкус сырой свинины напоминает орехи.

Капитан, возвратившийся через два часа, вообразил, что он сделал важное открытие.

— Вся беда, — сказал он, — произошла от водоворота, который следует за течением и оттого, что мы слишком далеко от земли.

Во всяком случае, капитан надеялся вывести судно из беды. Заметив нагруженный баркас, спущенный

⁵³ Буруны — пенящиеся волны, поднимающиеся вверх во время прибоя на местах малой глубины моря.

⁵⁴ Бак — место на носу судна.

в воду, он прикусил губу. Свинина продолжала вариться в котлах.

Принялись поднимать якорь. Вскоре все было готово. Наступил критический момент. Как нам миновать целый ряд подводных скал, о которые с яростью разбивались волны даже в тихую погоду? При виде поверхности океана, то вздымающейся, то опускающейся, можно было подумать, что это грудь морского чудовища, тяжело дышащего во сне. Сам капитан не мог решиться тронуться с места. Меня с несколькими матросами послали в лодке к берегу, чтобы удостовериться, где именно находился водоворот. Оказалось, что он был как раз в том течении, в направлении которого стояло наше судно. Благодаря маленькой бухточке между скалами и другому обратному течению, наш корабль мог маневрировать. Это известие всех нас обрадовало. Мы двинулись, затаив дыхание - „Джон" прекрасно слушался руля; нос его благополучно миновал водоворот; но здесь мы почувствовали неимоверную силу течения, которое влекло нас прямо на рифы.

Пришлось поворачивать на другой галс⁵⁵. Противоположное течение оказало нам большую услугу. Капитан осторожно направил в него судно. Мы обошли первый риф, только слегка задев за него; толчок был незначительный. Капитан в восторге схватил руку Мрамора, пожимая ее изо всей силы от полноты чувств.

Вдруг наше судно со всего размаху ударилось о подводный камень. Это произошло так неожиданно, что половина экипажа свалилась навзничь; в это же время слетели три стены под напором ветра.

Трудно себе вообразить смятение, овладевшее нами. Судно разом остановилось; при столь сильном толчке можно было подумать, что оно сейчас распадется вдребезги.

Первый вал, встретив на пути своем такое препятствие, вырос перед нами в целую гору и обрушился на судно, обдавая нас водою с головы до ног. Корабль накренился набок и подался вперед, врезавшись еще больше в рифы.

Капитан был поражен. Отчаяние изобразилось на его лице, но только на одну секунду. Послышалась его команда. Мрамор заявил, что судно пробито. В трюме набралось воды на семь футов, и это в каких-нибудь десять минут! Но капитан не мог бросить своего „Джона" на произвол судьбы. Он велел побросать в воду весь чай, все лишние вещи. Тогда один из моряков, успевший в это время нырнуть, доложил, что наружная обшивка пробита громадным куском скалы.

Капитан созвал весь экипаж для совещания.

По закону, торговое судно лишается права пользоваться услугами своего экипажа с того момента, как оно потерпело крушение. Значит, мы теперь все были свободны, не исключая даже и Неба. На военном судне— дело другое. Там республика продолжает выдавать плату, и моряк обязан окончить срок своей службы.

Капитан сказал, что в четырехстах милях от нас находится остров Бурбон; он надеялся найти там небольшое судно, на котором мы могли бы возвратиться к месту крушения, чтобы спасти часть груза, паруса и якоря.

Пристать к Мадагаскару было невозможно: туземцы его слыли в то время за дикарей.

Надо было снаряжаться в путь. Наши заблаговременные приготовления пришлились как нельзя более кстати.

Капитан принял управление баркасом, а Мрамор, Руперт, Неб, повар и я были посланы в лодку с приказанием держаться поближе к баркасу.

Был полдень, когда мы покинули наш корабль. Благодаря попутному ветру мы плыли довольно быстро.

Мы находились среди безбрежного океана, так сказать, в простой ореховой скорлупе.

Надо отдать справедливость Мрамору: он вел себя, как настоящий философ; для него путешествие в четырехста миль в простой лодочке казалось самой обыкновенной вещью. Каждый из нас ненадолго заснул.

К утру подул холодный ветер; море начало слегка волноваться. Мы решили поднять парус, чтобы не отставать от баркаса. Ежеминутно приходилось освобождать лодку от наполнявшей ее воды.

К ночи ветер усилился.

Мы убрали парус и взялись за весла, всячески стараясь противостоять волнам, которые могли затопить нас.

Мы и не заметили, что постепенно удалялись от баркаса, и к утру при восходе солнца мы убедились, что наших спутников и след простыл. День прошел благополучно; по расчетам, мы проехали более половины всего пути. На следующий день подул попутный ветер, продолжавшийся тридцать часов; за это время мы сделали более полутораста миль.

У всех глаза были устремлены на восток; каждому хотелось первому увидеть землю. Вдруг мне показалась вдали черная точка. Мрамор согласился следовать по направлению ее в течение часа.

— Но только одного часа, слышите, — сказал он, посмотрев на часы, — это, чтобы вы замолчали и не кружили бы мне голову понапрасну.

Мы принялись грести изо всех сил. Каждая минута была дорога для меня. Наконец, Мрамор велел приостановиться: час прошел.

Мое сердце сильно билось, когда я влезал на скамейку; моя черная точка была все там же.

— Земля! Земля! — закричал я.

Тогда сам Мрамор вскочил на скамейку и на этот раз сдался.

Без сомнения, перед нами был остров Бурбон. Мы с новой энергией приналегли на весла. К десяти

⁵⁵ Галс – направление пути корабля по отношению к ветру.

часам нам оставалась всего миля до берега; но мы не могли выбрать места, к которому можно было бы пристать.

Как назло, поднялся сильный ветер; и только к утру мы нашли удобную бухточку.

Никогда в жизни я не испытывал такой радости, как в эту минуту, когда после всех треволнений ступил, наконец, на твердую землю.

На острове мы пробыли неделю, в надежде дожидаться баркаса с нашими товарищами. Но они не появлялись.

Тогда мы направились к Иль-де-Франсу. В то время там еще не было американского консула; и Мрамор, не имея кредита, не мог достать судна, чтобы возвратиться к „Джону“, потерпевшему крушение. У нас тоже ни у кого не было денег. Одно из судов, отправлявшееся в Филадельфию, согласилось принять нас к себе на борт.

Так как нам нечем было заплатить за проезд, Мрамор взялся исполнять обязанности офицера, а мы должны были работать на баке. Этот корабль назывался „Тигрис“ и считался одним из лучших американских судов. Капитан его слыл за человека дельного и знающего. Он был небольшого роста, лет тридцати, не более, звали его Диггс. Он сказал нам, что, хотя его экипаж и в полном составе, он берет нас только потому, что мы его соотечественники. На самом же деле ему нужны были многие люди; он взял к себе сверх комплекта пять человек из Калькутты для борьбы с пиратами, которые начинали тогда грабить американские суда.

Все это меня мало интересовало, Я думал об одном — возвратиться во-свояси, и совсем не беспокоился о новых опасностях, предстоящих нам.

Мы двинулись в путь.

Прошли приблизительно сто миль. Мы с Рупертом стояли на вахте. Я уже собирался итти на покой, как вдруг увидел в океане белый парус; приглядевшись, я распознал, что это был баркас „Джона“. Меня это так поразило, что, ухватившись за фардун, я в один миг очутился на палубе и начал неистово махать. Мрамор, командовавший в это время вахтой, несколько раз дернул меня, чтобы заставить сказать, в чем дело.

Когда я, наконец, сказал ему, что это были наши, он немедленно доложил о том капитану. Диггс был человек добрый; он отнесся с большим участием к нашей истории. Из баркаса нас тоже увидели, и через каких-нибудь два часа он совсем приблизился к нам.

Вид баркаса произвел на нас всех удручающее впечатление. На дне его лежал почти мертвый негр. Капитан Роббинс и Кайт, эти два колосса, походили теперь на призраки; глаза их, казалось, выступали из орбит; когда мы заговорили с ними, они не в состоянии были вымолвить ни слова: более семидесяти часов у них во рту не было ни капли воды, а что может быть мучительнее неутоленной жажды?

Во время урагана они вынуждены были для облегчения баркаса вылить почти всю воду из бочонков.

Капитан Роббинс, думая, что он находился около острова Бурбона, надеялся сделать там новый запас воды. Но они напрасно проблуждали десять дней и вконец выбились из сил.

Когда я помогал Роббинсу взобраться на борт, в его глазах промелькнуло сознание. Почувствовав себя в безопасности, он пошел, шатаясь, тяжело опершись на мою руку. Он направился к резервуару с пресной водой и молча указал мне на стоявший тут же стакан. Я дал ему напиться; тогда он сделал еще несколько шагов.

Капитан Диггс счел нужным дать подобающие предписания относительно больных; им дозволялось пить воду в маленьком количестве и не иначе глотать, как подержав ее сначала во рту, что значительно облегчило их страдания; затем, когда был готов завтрак, им дали немного кофе и по морскому сухарю, смоченному вином. Благодаря этим предосторожностям все были спасены. Роббинс и Кайт настолько оправились к концу недели, что могли приступить к исполнению служебных обязанностей. Хотя с них ничего не спрашивалось, они всячески старались быть полезными своими услугами.

ГЛАВА VI

Бедный капитан Роббинс! Окрепнув от физических страданий, он стал испытывать нравственные: мысль о покинутом судне на давала ему покоя. Мрамор говорил мне, что Роббинс пробовал уговорить капитана Диггса отправиться на место крушения; но капитан и слышать об этом не хотел. „Джон“ остался брошенным на произвол судьбы.

„Тигрис“ было прекрасное судно; хотя оно незначительно превышало „Джона“ своею величиною, но зато имело двенадцать новых пушек. Экипаж его состоял из пятидесяти человек. Диггс, будучи воинственным и опытным в борьбе с пиратами, заставлял нас для практики ежедневно упражняться в стрельбе. К тому же он получил сведения о враждебных отношениях между Францией и Соединенными Штатами, и когда мы прибыли на остров святой Елены, его судно было вполне готово для военных действий.

На острове капитан сделал запас съестных припасов, но новостей никаких не узнал.

Жители острова святой Елены были невежественны. Все, что они знали — это названия судов, побывавших в Индии, да цены на мясо и овощи.

Отчалив от острова святой Елены, мы ехали долгое время совершенно спокойно. Проходя мимо французского острова Гваделупы, капитан Диггс приблизился к нему более, чем это было необходимо.

Заметив бриг подозрительного вида, капитан направил на него подзорную трубу и объявил, что это

французский капер, даже, может быть, крейсер.

Повидимому, бриг старался догнать нас. После долгих совещаний решено было убавить ходу и выждать неприятеля.

— Эти негодяи идут иногда прямо на абордаж, не дав нам даже времени сообразить, в чем дело. Но меня-то они не застигнут врасплох. Мильс, пойдите-ка к повару и скажите ему, чтобы он наполнил водою все котлы и скорее кипятил бы ее, а ко мне пошлите Мрамора.

Вслед за тем я увидел, что Неб вытаскивает из шлюпки пожарную трубу и ставит около кухни. Мрамор приказал матросам наполнить трубу водою. Неб хлопотал изо всех сил.

— Ну-ка, черномазый, — сказал Диггс, — прицелься-ка вот сюда, в самую середину; пойдете, господа, к трубе, пусть нам Неб покажет свою ловкость.

Капитан пришел в восторг: Неб попал фонтаном воды прямо в намеченную точку. Ему велено было не отходить от трубы ни на шаг. Вскоре последовал сигнал — опустить койки вниз.

Так как мы убавили ходу, то бриг пока удерживался от стрельбы. Казалось, он платил нам вежливостью.

— На места! — раздалась команда.

Я встал на грот-марсель, а Руперт на фок-марсель⁵⁶. Мы должны были делать вид, будто работаем над починкой судна. Затем капитан роздал нам ружья.

Как только все было готово, велено было молчать.

Уже совсем маленькое расстояние отделяло нас от брига. На нем было десять пушек меньшего калибра, чем наши.

Но следующее обстоятельство показалось мне подозрительным: люди, наполнявшие бак, старались скрыть свое присутствие за абордажными сетками. К счастью, у меня в кармане была газета и карандаш. Я умудрился наскоро написать несколько слов: „Бриг полон вооруженных людей, спрятанных за абордажной сетью". Обернув этим клочком бумаги медную монету, я пустил ее на бак. Услышав шум, капитан посмотрел наверх. Я молча указал ему пальцем на бумажку и был награжден одобрительным жестом с его стороны. Прочитав мое послание, капитан велел Небу и повару наполнить трубу горячею водою. С брига нас окликнули в рупор:

— Какое это судно?

— „Тигрис", возвращающееся в Филадельфию из Калькутты. А ваш бриг?

— „Безумие", французский капер

— Откуда вы?

— Из Калькутты. А вы?

— Из Гваделупы. Куда вы идете?

— В Филадельфию. Смотрите, не подъезжайте к нам так близко: с вами может приключиться несчастье.

— Что вы сказали? Несчастье? Мы что-то плохо слышим, а потому подъедем поближе.

— Говорят вам, отваливайте.

— Отваливайте! Это еще что значит? Ну, ребята, начинайте! Эти слова были произнесены по-французски.

— Неб, за дело, — скомандовал капитан, — спрысни-ка их хорошенько, мой мальчик.

В ту же минуту пожарная труба была приведена в действие.

Французы бросились на свой бушприт⁵⁷, и тут весь заряд кипятка ошпарил большую часть из них с головы до ног. Некоторые бросились в воду, предпочитая холодную ванну горячему душу.

С „Тигриса" раздавались громкие раскаты смеха, и наше судно, взявшись за руль, легко, как волчок, повернулось на месте.

Мы напрасно ожидали пальбы со стороны брига: французы удержались от нее, зная, что мы вооружены лучше их. Они поворотили на другой галс, так что оба судна оказались кормой к корме.

Капитан Диггс приказал приготовить пушки, предполагая, что наши друзья с брига начнут изъяслять нам свое неудовольствие. Действительно, едва мы были на расстоянии трех кабельтов⁵⁸ друг от друга, как раздался выстрел. Пушечное ядро ударило обо что-то твердое. Я испугался за Руперта, который стоял там.

— Ого! Фок-марс, — закричал капитан. — Во что оно ударилось?

— Аварии нет, капитан, — ответил Руперт уверенным тоном.

— За вами теперь черед, капитан Роббинс, пусть они это попомнят

Мы разом выпалили из двух пушек. С нашего бота послышались радостные восклицания — мачта французов была сбита.

Таким образом, битва окончилась. Главным же ее героем был Неб. Его лицо так и сияло от радости, рот раскрылся до ушей от удовольствия, несмотря на то, что он более всех рисковал своею жизнью.

Недалеко от мыса Виргинии, когда мы направлялись к земле, мы заметили корабль, идущий на нас. Лейтенант капитана Диггса сказал ему, что это, должно быть, судно из Филадельфии, торгующее с Индией, что его имя „Ганг"; капитан же сомневался, говоря, что если это действительно „Ганг", то он изменился до

⁵⁶ Грот-марсель и фок-марсель—прямые паруса при грот-мачте я фок-мачте.

⁵⁷ Б у ш п р и т—выступающая вперед часть носа судна

⁵⁸ Кабельтов—морская мера длины, равная 185 метрам.

неузнаваемости. Приблизившись к нам, незнакомец выстрелил из пушки и поднял американский флаг. По всем признакам это было американское военное судно.

— Не правда ли, это „Тигрис“? — спросили оттуда в рупор.

— Да. А ваше судно?

— „Ганг“, корабль Соединенных Штатов, капитан Даль с мыса Делавара. Приветствую вас, капитан Диггс! Ваши услуги могут нам быть полезны.

Диггс засвистел в ответ. Теперь все стало ясно. Это действительно был „Ганг“, первое военное судно, посланное от правительства. Французские капера вынудили нашу республику держать наготове несколько вооруженных судов, в роде „Ганга“.

Капитан Диггс отправился на „Ганг“ в шлюпке; а я управлял ею, что мне дало возможность хорошо рассмотреть судно и его экипаж. Даль, плотно сложенный, в своем морском мундире имел вид настоящего моряка. Он дружески потряс руку нашего командира и от души хохотал, узнав историю abordage и кипятка.

Доброе, открытое и в то же время самоуверенное лицо капитана так понравилось мне, что я еле удержался, чтобы не попроситься к нему на службу.

После того, как Диггс выпил со своим старым знакомым стакан-два вина, мы возвратились на борт „Тигриса“.

Оба судна отправились в путь: „Ганг“ поплыл на северо-восток, к Делавару, а мы в тот же вечер были около мыса Мея на расстоянии пяти миль. Ночью с мыса подъехал лоцман в лодке. Капитану Роббинсу хотелось во что бы то ни стало высадиться на берег. Для него было важно известить о крушении его судна. Решили, что мы с Рупертом будем ему сопутствовать, не взирая на позднее время. Мы собрались в одну минуту, увозя с собой лишь по паре белья, да необходимые документы.

Не успели мы отчалить, как подул такой сильный юго-западный ветер, что лоцман предложил нам вернуться. Но это легко было сказать:

„Тигрис“ делал шесть-семь узлов; как же добраться до него, не имея возможности дать сигнала? Мы все работали, не покладая рук, но маяк был от нас еще на целую милю. Руперт в изнеможении свалился на скамейку. Роббинс занял его место, а Руперт сел к рулю.

Мы находились в положении человека, который, цепляясь руками и ногами, чтобы добраться до вершины отвесной скалы, чувствует, что в последний момент его окончательно покинут силы.

Позади нас простирался расшвирупевший Атлантический океан, и ни единого клочка земли между нами и обоими материками. Ничего съестного мы с собой не взяли, в надежде закусить на берегу; воды было всего один маленький бочонок. Матросы, бывшие с нами в лодке, не теряли надежды добраться до земли. К полуночи, после трех часов нечеловеческих усилий, я так ослабел, что весло выпало из моих рук. Капитан тоже изнемогал от усталости. Только матросы старались поддержать равновесие лодки, но и им силы начали изменять.

Оставался единственный путь спасения. Наше судно могло поворотить через фордевинд⁵⁹; в таком случае у нас являлась возможность встретить его у бухты. Мы напрягли последние усилия. Каждую минуту мне казалось, что я вижу „Тигрис“, но тотчас же его образ терялся в пространстве. К счастью, ветер дул по направлению бухты. Вдруг Руперт вскрикнул, — он увидел „Тигрис“.

В самом деле, это был он, обращенный носом к северу-востоку. Видно было, как он боролся с разыгравшейся стихией. Но он шел перед нами с большою скоростью. Мы с яростью взялись вновь за весла. Капитан Роббинс принялся кричать в рупор. Но что значит человеческий голос в ужасном концерте свистящего ветра и рева бушующих волн! Отчаяние овладело нами при мысли, что нас так и не услышат с судна! Мы все разом начали кричать. Какая-то неестественная сила еще поддерживала нас. Но тут на нас набежала волна, залил нас водою. Мы уже более не сомневались в неминуемой гибели, но все же стали опрастывать лодку от воды. Вдруг нам всем послышался крик, точно из трубы: „Лодка!“ и вслед за тем со стороны маяка показалась шкуна, направлявшаяся к нам на помощь. Мы не успели опомниться, как она своим водорезом ударилась в нашу лодку, которая сразу пошла на дно.

В такие минуты некогда рассуждать — надо действовать. Падая в воду, я уцепился рукой за какой-то предмет, и в тот же момент один из людей экипажа удержал меня за волосы. Оказалось, что я ухватился за ногу нашего бедного матроса. Освободившись от тяжести, он же и помог спасти меня. Когда мы были на борту и стали считать друг друга, мы все были налицо, исключая капитана Роббинса. Шкуна повернула на другой галс и прошла еще раз по тому месту, где затонула лодка. Но нашего старого командира не было.

ГЛАВА VII

Судно, на котором мы очутились, называлось „Марта Валлис“; оно отправлялось в Бостон из Джеме Ривера. Нам был оказан самый радушный прием. Капитан обещал нам отправить нас в Нью-Йорк с первым каботажным⁶⁰ судном.

Но прошло более недели, прежде чем он мог сдержать свое слово. Наконец в проливе Вайнъярд мы

⁵⁹ Фордевинд—ветер.

⁶⁰ Каботажное судно—судно прибрежного плавания

встретили судно, на котором нас приняли так же хорошо, как и на „Марте Валлис“. Здесь мы отдохнули и поели в свое удовольствие трески, мяса, свинины и хлеба с патокой. Узнали последние новости о войне против Франции и о событиях в Соединенных Штатах.

Через четыре дня мы уже подъезжали к Нью-Йорку. У нас с Рупертом не было с собой положительно ничего, кроме платья, в которое мы были одеты.

Но я не тужил об этом. Дома меня ожидала полная чаша. Да и Руперту нечего было беспокоиться, пока его отец и я оставались в живых. Я не расставался с золотыми монетами, данными мне на прощанье Люси. Узнав, где пребывают владельцы „Джона“, я отправился туда. Я начал рассказывать историю своего путешествия, но оказалось, что Кайт уже предупредил меня.

Спустя три дня после урагана, „Тигрис“, благодаря попутному ветру, благополучно прибыл в самую Филадельфию, откуда большая часть экипажа „Джона“ отправилась в Нью-Йорк. Так как наша лодка не возвращалась, то нас считали погибшими.

Хотя газеты и не были еще так распространены, как в настоящее время, все же у меня защемило сердце при мысли, что это печальное известие дойдет до Клаубонни ранее нашего появления там.

Владельцы „Джона“ засыпали меня вопросами, каким образом наше судно погибло. Казалось, мои ответы вполне удовлетворили их. Тогда, вынув монеты, я попросил взять их в залог, а мне вместо них выдать маленькую сумму. Но мой залог отвергли; меня снабдили чеком в сто долларов, сказав, что я могу возратить их, когда мне заблагорассудится.

Итак, мы с Рупертом могли приобрести все необходимое.

Мы отправились в бассейн Альбани в надежде застать там „Веллингфорд“; но нам сообщили, что он только что отплыл, взяв с собою на борт негра с вещами его молодого хозяина; несчастный ездил в Кантон с молодым Веллингфордом, а теперь возвращался один на родину с печальным известием о гибели мистера Мильса.

Нельзя было терять времени: надо было во что бы то ни стало опередить „Веллингфорд“ на пакетботе.

Мое волнение было так велико, что я не мог решиться сойти с палубы до тех пор, пока не был брошен якорь, вследствие прилива. С наступлением ночи Руперт преспокойно улегся спать. Я последовал его примеру. На другой день около полудня я увидел „Веллингфорд“, входящий в бухточку; но тут деревья скрыли его от наших глаз.

Едва мы очутились на берегу, как бросились бежать со всех ног; даже Руперт не переводил дыхания.

Никогда еще Клаубонни не казалось для меня настолько привлекательным, как в эту минуту. Дом, утопающий в густой зелени аллеи, виноградники, прекрасные зеленые пастбища, бархатистая травка, слегка колеблющаяся под дуновением южного ветра, стада, расположенные группами под тенью деревьев — все это навевало на душу приятное спокойствие и довольство. И ради чего я расстался со всей этой прелестью? Для борьбы с пиратами, для крушения у берегов Мадагаскара!.. Я рисковал своею жизнью в маленькой лодочке среди бушующих волн и непроглядной тьмы!

Мы уже были недалеко от леса, как увидели, что наши сестры вошли туда, направляясь к нашей любимой беседке. В тот же момент показался Неб, шедший по другой дороге. Бедняга подвигался черепашьими шагами — ему нечего было торопиться с грустными вестями; мы, думая опередить негра, избрали кратчайший путь, но, застрявши в кустарниках, опоздали. Неб уже стоял перед своими господами бледный, как мертвец, не будучи в состоянии произнести ни слова, несмотря на то, что Люси трясла его изо всех сил, чтобы добиться от него объяснений. Вдруг он повалился на землю и начал рыдать.

- В чем дело? — вскричала Люси. — Стыдно тебе, что ты убежал, или же с братьями приключилось несчастье?

— Это из-за меня, дорогая моя! — сказал я из-за кустов. — Но, вот, мы оба здесь, здоровы и невредимы!

Обе вскрикнули от радостной неожиданности, и в одно мгновение мы очутились в объятиях — я у Люси, а Руперт — у Грации. Как это произошло, трудно объяснить, потом каждый из нас поцеловал свою сестру. Они плакали от радости, что это первая минута счастья после целого года нравственных страданий.

Неб же не двигался с места, устремив на нас удивленный взор: он не верил своим глазам, сомневаясь, мы ли это. Удостоверившись в действительности, он опять повалился на землю, начал кататься во все стороны и мычать от радости. Затем, как стрела, пустился к дому, крича изо всей силы:

— Мистер Мильс возвратился! Мистер Мильс возвратился! Понемногу мы пришли в себя. Пошли бесконечные вопросы и ответы. Никто еще не знал о нашей мнимой гибели. Гардинг был здоров. Он сообщил Грации и Люси имя нашего судна, но умолчал о том, что видел нас перед отплытием.

Грация торжественно потребовала подробного рассказа о наших приключениях. Руперт, как старший из нас, начал ораторствовать, пустив в ход все свое красноречие. Особенно он распространялся насчет ядра, просвистевшего над его головой, чем произвел сильное впечатление на Грацию. Люси же, зная страсть своего брата все преувеличивать, чтобы выставить себя героем, осталась равнодушною к его рассказам, даже прервала его:

— Ну, довольно об ядре; будем говорить о другом.

Скажу правду, я в Руперте сильно разочаровался. Во время путешествия он выказал весь свой эгоизм, незаметно сваливая на бедного Неба всю тяжелую работу, которую должен был нести сам. В душе он не чувствовал в себе призвания быть моряком, хотя язык его говорил совсем другое. Да и вообще он так изолгался, что верить ему стало невозможно.

Если я его еще любил, то по привычке, а, может быть, потому, что он был сын моего опекуна и брат Люси.

В своем рассказе о наших приключениях он сильно искажил все факты, подтасовав их с таким умением, что я даже не сумел уличить его.

Наговорившись вдоволь, мы стали вглядываться друг в друга: год разлуки должен был изменить нас. Руперт остался таким же, как был, только несколько возмужал. Он отпустил маленькие усики, которые очень шли к нему. Что касается меня, то я прибавился в длину и ширину. Грация сказала, что я потерял всю свою миловидность, а Люси, краснея, уверяла, что я стал походить на огромного медведя. Но я не обижался.

Люси заметила мне вполголоса:

— Вот что значит уехать, Мильс; сидели бы дома, так никто бы и не заметил происшедшей в вас перемены, а теперь вас называют медведем.

Я быстро взглянул на нее; она вся вспыхнула, тихо прибавив:

— Но ведь я шучу.

В Люси не было той идеальной красоты, которая восхищает поэтов; это была просто очаровательная женщина во всех отношениях. Честная, открытая душа ее не знала уклонений; взгляды ее были положительные, и в привязанностях своих она отличалась постоянством. Даже Грация подпадала под ее влияние.

Счастливые часов не наблюдают! Мы и не заметили, что проболтали целый час. Люси напомнила Руперту, что он еще не поздоровался с отцом.

Гардинг несколько не удивился нашему приезду, так как по его расчету мы именно теперь и должны были вернуться. Об упреках не было и речи.

Когда мы все успокоились и подкрепились едой, Гардинг обратился ко мне, чтобы я ему рассказал обо всем случившемся.

Мистер Гардинг не скрывал своей радости по поводу того, что мы опять с ним; мимоходом он спросил нас, не надоела ли нам жизнь на море. Я ответил откровенно, что, напротив, не только не надоела, но что я мечтаю поступить на судно, имеющее каперское свидетельство Соединенных Штатов, и побывать в Европе. Руперт же поразил меня своим ответом. Он сказал, что ошибся, избрав себе неверную дорогу, и что теперь он готов сделаться юристом.

Повидимому, мистер Гардинг был удовлетворен ответом сына, но распространяться по этому поводу не стал, предоставив нам наслаждаться возвращением в Клаубонни. И мы прекрасно провели вечер. Руперт, изображая нашу жизнь на корабле в комическом виде, смешил всех до слез; это уж было по его части.

Сам Гардинг развеселился, когда Неб после ужина стал описывать китайские костюмы, косы и башмаки.

Навряд ли с самого основания Клаубонни в нем так веселились, как в этот памятный вечер.

На следующий день мой опекун дал мне отчет за истекший год. Дела мои были в блестящем положении. Я тотчас же про себя подумал, что по достижении совершеннолетия у меня будет на что приобрести себе судно, которым я буду командовать.

Настали радостные дни в Клаубонни. Мистер Гардинг предложил нам совершить далекую экскурсию; но никто на нее не согласился — нам было слишком хорошо у себя дома.

Руперт под руководством отца читал девушкам книги, а я большую часть времени упражнялся в спорте.

Я сделал две-три крейсерки по реке на „Грации и Люси“; наконец, мне в голову пришла мысль — свезти всю компанию на „Веллингфорде“ в Нью-Йорк. До сих пор, кроме шкун да шлюпок, они ничего не видели, а с той поры, как я стал моряком, им непременно хотелось посмотреть на трехмачтовое судно с полною оснасткою.

Мистер Гардинг думал, что я шучу; но Грация сгорала от нетерпения побывать в большом городе; Люси же принимала сосредоточенный вид каждый раз, как я заговаривал о поездке, предполагая, что она обойдется дорого ее отцу. Но все устроилось как нельзя лучше. Несмотря на свою щепетильность, мистер Гардинг согласился, что за проезд нечего платить, раз „Веллингфорд“ всех с нашей фермы всегда возил даром. Потом в Нью-Йорке жила его кузина, миссис Брандфорд, зажиточная вдова, у которой он всегда останавливался, когда ему приходилось бывать в городе.

У нее был большой и поместительный дом на Валль-стрите, и она не раз звала к себе погостить Грацию и Люси.

— Вот как мы сделаем, — сказала Гардинг. — Я останюсь вместе с девочками у кузины, а молодые люди устроятся в гостинице. Сегодня же вечером я напишу ей, чтобы не застичнуть ее врасплох.

Миссис Брандфорд ответила немедля. На другой же день после получения письма весь дом, не исключая и Неба, двинулся в путь на „Веллингфорде“. Какая разница между этим путешествием и предыдущим! Наши девицы всем восхищались; восторгам их не было конца.

Мы благополучно прибыли в Нью-Йорк, где я показал моим спутницам тюрьму, Бэр-Маркет (рынок Медведя) и колокольни святого Павла и Троицы. Валль-стрит, на котором жила миссис Брандфорд, в 1799 году был совсем не такой, как в настоящее время. На том месте, где потом воздвиглось столько дворцов богачей, тогда стояли скромные провинциальные домики.

Миссис Брандфорд встретила нас с распростертыми объятиями. Для нас с Рупертом у нее также была приготовлена комната; не было никакой возможности не воспользоваться ее гостеприимством. В какой-нибудь

час она нас всех разместила, мы почувствовали себя как дома.

Я не буду распространяться о том, как мы все были счастливы. Мы отправились осматривать достопримечательности. Меня теперь разбирает смех, когда вспомнишь, в чем они тогда состояли. Был там музей, от обладания которого отказался бы любой нынешний город; цирк, управляемый каким-то Риккетсом; театр Джон-стрита — очень скромное здание; и лев — настоящий живой лев, посаженный в клетку за городом, чтобы его рычание не смущало народ. Когда мы осмотрели все эти чудеса, Гардинг разрешил нам пойти в театр вместе с миссис Брандфорд. Это нам всем доставило большое удовольствие. Хотя мы с Рупертом побывали даже в Китае, но на спектакле нам еще не приходилось присутствовать ни разу в жизни.

ГЛАВА VIII

Несколько дней спустя после нашего приезда в Нью-Йорк, я имел серьезный разговор с опекуном относительно моих новых планов.

Испробовав жизнь на море, я в душе считал себя уже опытным моряком и решил продолжать начатое дело. Я объявил мистеру Гардингу, что не возвращусь в Клаубонни, но воспользуюсь пребыванием в Нью-Йорке, чтобы подыскать себе подходящее судно.

В этом я мог вполне положиться на Неба, а потому и приказал ему походить по набережным и присмотреться к пристающим судам; из него выработался уже очень порядочный матрос, и морская профессия была ему по душе.

Однажды, когда я сам разгуливал по набережной, я услышал позади себя громкий голос:

„Ей-богу, капитан Вилльямс, чего вам раздумывать; возьмите его третьим офицером; лучшего вам не найти во всей Америке". У меня было точно предчувствие, что речь шла обо мне, хотя я не сразу узнал голос. Повернувшись, я увидел Мрамора с человеком средних лет; они оба смотрели на меня сквозь бордажные сети торгового судна. Я раскланялся с Мрамором, который дал мне знак подняться на борт, и представил меня капитану по всем правилам приличия.

Судно это называлось „Кризис". Оно было невелико, но прекрасно устроено, имело четыреста тонн водоизмещения и десять новых пушек.

Будучи уже нагружено, оно было готово к отплытию; но задержка состояла в том, что не могли найти третьего лейтенанта. Офицеры встречались редко: все молодые люди поступали в военный флот. Вот Мраме, и отрекомендовал меня. Я не надеялся на такое быстрое повышение хотя сознавал, что эта должность мне по силам.

Капитан Вилльямс проэкзаменовал меня в течение пятнадцати-двадцати минут, поговорил наедине с Мрамором и затем, не колеблясь, предложил мне занять это место. Нам предстояло совершить кругосветное плавание; уже одна эта мысль восхищала меня. В Англии наше судно должно было выгрузить муку и нагрузиться сандалом; затем направиться к западным берегам Америки, а потом в Кантон; здесь — променять товары на чай и другие товары и возвратиться в Соединенные Штаты.

Жалованье мне назначили тридцать долларов в месяц.

Подумав несколько минут, я решился принять предлагаемое мне место, тем более, что согласились взять Неба в качестве простого матроса. Я отправился к нотариусу подписать условие. На этот раз все совершалось по правилам. Самого мистера Гардинга вызвали для дачи согласия. Он был в очень хорошем расположении духа, так как он, в свою очередь, только что заключил условие, в силу которого один из его друзей-адвокатов обязывался руководить обучением Руперта.

Миссис Брандфорд предложила полный пансион своему молодому родственнику; отцу оставалось только одевать его и снабжать карманными деньгами.

Но, зная характер Руперта, я сомневался, чтобы он довольствовался несколькими долларами, которые мистер Гардинг мог ежемесячно уделывать ему. Я в деньгах не нуждался, а потому устроил Руперту кредит в двадцать долларов ежемесячно.

Я делал это от всего сердца, но все же меня удивило, что Руперт без всякого стеснения согласился принимать от меня этот маленький подарок.

В три дня „Кризис" совсем приготовился к отплытию. Капитан Вилльямс рассчитывал отправиться в четверг, но что-то задержало его. У меня оказался лишний свободный день, и я отправился погулять.

Руперт, Грация, Люси и я задумали сделать маленькую экскурсию в окрестности Нью-Йорка. Нам с Люси было очень тяжело расставаться надолго. Мое путешествие могло продолжиться три года; я уже тогда буду совершеннолетним, а Люси — совсем взрослой девушкой, девятнадцати лет. Сколько перемен произойдет за это время!

— Руперт будет адвокатом, когда я возвращусь, — сказал я.

— Да, — отвечала Люси, — и знаете, Мильс, я теперь начинаю жалеть, что Руперт больше не будет с вами. Вы так давно знаете и любите друг друга! И потом вы вместе подвергались ужасным испытаниям!

Ничего, я спокоен: Неб остается со мной, а Руперту приятнее будет на суше. Его призвание — адвокатура.

- Но вы будете иногда думать о нас, Мильс? — проговорила Люси с глазами, полными слез.

- О, еще бы! Смею надеяться, что и вы не забудете меня? Да, кстати, я еще не возвратил вам своего

долга. Вот вам обратно ваши золотые монеты; посмотрите: это те самые, которые вы мне дали на прощанье; я скорее согласился бы лишиться своего пальца, чем израсходовать хотя одну из них.

— А я думала, что они пригодятся вам. Но вы отняли у меня эту иллюзию.

— Разве вам неприятно знать, что у меня не было крайности прибегнуть к ним? Зато теперь, когда я уезжаю с разрешения мистера Гардинга и ни в чем нуждаться не буду, я возвращаю вам ваше золото с процентами.

— Нет, нет, Мильс, я ведь не Руперт...

С этими словами я хотел вложить ей в руку маленькую вещицу, но Люси так стиснула свои пальцы, что я не мог ничего поделать.

— Нет, нет, Мильс, я ведь не Руперт. Можете сделать иное употребление из ваших денег.

— Как денег! Но ведь это маленький медальон на память о вашей дружбе.

Пальчики Люси раскрылись так же свободно, как у ребенка, и я беспрепятственно вложил в ее руку мой подарок, который ее очень обрадовал.

Я не буду распространяться о нашем прощании. Руперт проводил меня до судна. Выходя из дому, я обернулся, окно раскрылось; из него выглянула головка Люси.

— Пишите нам, Мильс, пишите почаще, — были ее последние слова. Мы тронулись с восходом солнца при попутном ветре и благоприятном течении.

„Кризис" было судно очень легкое на ходу, легче даже „Тигриса". Здесь я мог пользоваться полным комфортом; нам подавались скатерти тарелки, кувшины и прочее; одним словом, на „Кризисе" имелись во удобства жизни, какие только можно себе представить на борту торгового судна.

С нами вместе вышло около дюжины разных судов; между ними — два военных корабля от республики, перед нами — несколько торговых судов, которые, казалось, намеревались соперничать с нами в скорости хода. Мы все прошли мель, на расстоянии одного кабельтова друг от друга; но скоро мы обогнали их на целую милю, что нас всех привело в настоящий восторг. Мрамор стал доказывать, что наше судно превосходит их не в одной скорости, но также и в других отношениях. Что ж, не мешает быть о себе хорошего мнения, а тем более о корабле, к которому принадлежишь!

Я должен сказать правду, что в первые минуты я не совсем хорошо чувствовал себя в своей новой должности, будучи еще очень молод, чтобы командовать людьми, годящимися мне в отцы и опытными в морском искусстве. Но достаточно было нескольких дней, чтобы я приобрел уверенность в себе и заставлял исполнять свои приказания так же спешно, как это сделал бы главный лейтенант. Приблизительно недели через две, когда я находился на вахте, наше судно было застигнуто сильным ветром. Капитан Вильямс остался очень доволен моими распоряжениями, и, главное, тем хладнокровием, которое не покидало меня. Впоследствии я узнал, что во все время ветра он стоял у люка, запретив другим лейтенантам показываться. Я был предоставлен самому себе и прекрасно со всем справился. Раньше капитан Вильямс имел обыкновение заходить на палубу во время моей вахты, чтобы посмотреть на небо и проверить все ли в порядке. Но теперь он прекратил эти визиты, доверяя мне, как самому Мрамору. Похвалы капитана, а еще более доверие его ко мне доставили мне большое удовольствие.

Наш переезд затянулся. Наконец, подул попутный ветер, и мы пошли, как следует.

На другой день, когда я был на утренней вахте, на самом рассвете показался парус. Это было судно несколько больше нашего и со скорым ходом. Когда взошло солнце, капитан и главный лейтенант взошли на палубу. Сначала они оба думали, что это английское судно, возвращающееся из Западной Индии. Но, присмотревшись внимательно, Мрамор стал уверять, что судно — французское. Капитан Вильямс решил идти прямо на него, чтобы рассмотреть его вблизи. На нем было двенадцать пушек. Этого было достаточно, чтобы мы держались настороже. Как только мы приблизились к нему, капитан объявил, что, вне всякого сомнения, это французское судно, именно так же, как и мы, каперские свидетельства. Не успел он произнести последних слов, как неприятель стал готовиться к битве.

Мы подняли свой флаг с раннего утра. Французы же сохраняли свое инкогнито до тех пор, пока все легкие паруса не были улажены. Тогда с их стороны послышался выстрел из пушки, и взвилось на воздух трехцветное знамя.

Наш капитан сразу почувствовал, что ему придется иметь дело с опытным и неустрашимым противником. Но отступать уже было поздно, и мы также начали готовиться к бою. Мрамор чувствовал себя,

как рыба в воде. С каким хладнокровием и поспешностью он командовал! В десять минут все было готово.

Действительно, трудно встретить два торговых судна, обнаруживавших в своих приготовлениях столько искусства и знания дела, как это было у „Кризиса" и „Дамы Нанта", так назывался наш неприятель. В тот момент, как мы выстроились в ряд с „Лэди" (прозвище, данное французскому судну нашими матросами), оба судна сделали одновременные залпы.

Меня поставили на бак с приказанием следить за снастями и стрелять из ружья лишь в критические минуты.

Началось с того, что упали два блока от шкотов⁶¹ и кливера. Пока мы перестреливались с „Дамой Нанта" в течение двух часов, у меня дела было по горло, я даже не мог оглядеться вокруг себя, чтобы сообразить, кто одерживает победу. Многие из нашего экипажа были убиты и ранены, снасти сильно повреждены.

Очевидно, французы были вдвое многочисленнее нас. Вдруг над моей головой раздался страшный треск, и, подняв глаза, я с ужасом увидел, что повалилась главная фок-стенга с реями и парусами. Тотчас же капитан приказал всему экипажу оставить пушки и приступить к исправлению аварии. В тот же момент и неприятель прекратил стрельбу. С обеих сторон сообразили, что безумие для торговых судов продолжать борьбу, вместо того, чтобы позаботиться о необходимом—о починке повреждения.

Рулевые действовали с большой осторожностью. „Кризис" поворотил к северу, а „Дама Нанта" удалилась от нас на целую милю. За работой мы и не заметили, как наступила ночь. В этом сражении из нашего экипажа два человека было убито на месте, а семеро — ранены; из них двое умерло, а остальные выздоровели, за исключением одного лейтенанта, который не мог поправиться во всю жизнь, так как человек, исполняющий на нашем корабле обязанности хирурга, не сумел извлечь пули из его раны. В ту эпоху хорошие врачи были редки и практиковали лишь на суше.

ГЛАВА IX

Однажды я был разбужен сильным толчком. Мрамор, стоящий на вахте, потребовал меня к себе.

— Вставайте скорее, Веллингфорд, вы мне нужны на палубе.

В одну минуту я очутился в присутствии главного лейтенанта, протирая себе глаза, как будто бы они от этого могли лучше открыться.

Стоял туман.

— Посмотрите-ка, Мильс, по направлению этой точки. Ведь это наш друг, француз, всего в полмиле от нас.

— Почему вы так думаете? — в изумлении спросил я.

— Потому что я его сейчас видел своими собственными глазами. Этот туман рассеивается, и мне достаточно было одного момента, чтобы узнать врага.

— Что же вы теперь думаете делать, Мрамор? Мы уже теперь убедились, что француз не из трусливых; в ясную погоду мы не могли одолеть его, а теперь туман.

— Положитесь на старого командира; он не может забыть недавних повреждений своего судна, а потому я полагаю, что, для очистки совести, он настоит на вторичном сражении. Да, Мильс, на борту этого судна будет чем поживиться тому, кто завладеет им.

Затем он приказал мне спуститься вниз и тихонько позвать всех наверх.

Мрамор предложил выстрелить в французское судно и, воспользовавшись туманом, взять его на abordаж. Если мы незаметно приблизимся к нему и застигнем его врасплох, наш успех несомненен.

— Во всяком случае, не мешает приготовиться. Мрамор, — сказал капитан, — тогда будет видно, что делать.

Не успел он произнести этих слов, как у нас закипела работа. В каких-нибудь десять минут все пушки были выставлены в батарею и заряжены картечью. Мы в лихорадочном нетерпении ждали первого сигнала. Нам казалось, что перед нами множество кораблей, но все они один за другим исчезали из глаз, заволакиваемые густым туманом. Было строго запрещено разговаривать; но тот, кто увидит неприятеля, должен немедленно пойти на корму и донести о том. Более двенадцати человек совершили эту прогулку, но напрасно: они все ошибались. Между тем, мы продолжали наступать медленным ходом. Прошло двадцать минут томительного ожидания, — судно не показывалось. Мрамор не терял хладнокровия и уверенности в себе, но капитан и его помощник посмеивались; а матросы покачивали головами, пожевывая табак. Наконец, думая, что Мрамор ошибся, решили бросить преследование и плыть в прежнем направлении. Капитан уже собирался дать приказ убрать пушку, как вдруг я заметил судно, не более как в трехстах шагах от нас. Я молча вытянул руку по направлению кормы, и мои глаза тотчас же встретились со взглядом капитана; в один миг он уже очутился на баке.

Теперь легко было разглядеть неприятельское судно: сквозь туман оно казалось каким-то видением; оно двигалось медленно вперед и раскачивалось из стороны в сторону. Сомнений больше не оставалось — мы решили действовать. Стаксели поставили по ветру. Тем временем второй лейтенант, знающий французский

⁶¹ Шкот — веревка.

язык, стал на бак, чтобы быть наготове и отвечать, когда с нами заговорят в рупор.

Французы заметили нас в первый раз лишь тогда, когда мы были от них всего в ста шагах. Нас увидел, кажется, вахтенный офицер. Вместо того, чтобы тотчас же созвать всех наверх, он взялся сначала за рупор. Мистер Форбанк, наш лейтенант, говорил неясно, глотая половину слов.

Однако он совсем понятно выговорил: „Случай Бордо". Этого было достаточно, чтобы ошеломить француза на несколько секунд. Мы, не теряя времени, подвигались с такой быстротой, что не дали неприятелю времени на размышление. Однако голос офицера слышали внизу; французы поспешно и в беспорядке поднялись наверх, рассеявшись по корме и носу. Мы выстрелили из пяти пушек разом. Минуту спустя раздался треск судов, которые столкнулись.

Мрамор закричал: „Вперед, ребята!" — и вслед за тем он, Неб, я и весь экипаж влетели на французское судно, подобно урагану. Я ждал, что начнется бой не на жизнь, а на смерть; но мы нашли палубу пустой и завладели судном без всякого сопротивления со стороны французов. Капитан их был разорван надвое нашей картечью, и два офицера серьезно ранены. Вследствие этого они разом сдались нам. Из наших людей никто не получил даже царапины.

Я уже говорил, что взятое нами судно имело каперские свидетельства и направлялось из Гваделупы в Нант.

Убедившись в одержанной победе, мы отделились от „Дамы Нанта". Абордаж причинил ей мало вреда: она легко могла добраться до пристани.

После долгих совещаний решено было отправить я Даму Нанта" в Нью-Йорк под командой нашего раненого лейтенанта, который на родине мог приняться за серьезное лечение.

Наступила ночь, когда все приготовления были окончены. „Дама Нанта", повернув на другой галс, направилась к Соединенным Штатам. Наш капитан воспользовался этим случаем, чтобы послать официальный рапорт, а я написал Грации коротенькое письмо, в котором в то же время обращался ко всем нашим. Я знал, как ее обрадуют несколько строк от меня, а также мне доставляло большое удовольствие возвестить о том, что я был назначен вторым лейтенантом.

Проводы я Дамы Нанта" среди открытого моря ночью имели торжественный и в то же время грустный характер. Благополучно ли доберется это судно до места своего назначения? Все шансы были на его стороне: французские крейсера редко попадались у берегов Америки.

За мое участие во взятии судна я получил в награду тысячу сто семьдесят три доллара.

На следующий день с западной стороны показался парус. Чтобы хорошенько рассмотреть его, мы замедлили ход. По всем признакам это было американское судно. Несмотря на то, что мы подняли свой флаг, бриг не обнаруживал ни малейшего желания вступать с нами в разговор.

Капитан Вильямс решил отправиться за ним вдогонку, тем более, что нам не нужно было сворачивать с пути. К четырем часам пополудни мы значительно приблизились к нему и дали залп. Тогда бриг приостановился и допустил взять себя на абордаж. Это было судно, захваченное „Дамой Нанта". Мы тотчас же завладели им, так как оно было нагружено мукой и направлялось в Лондон; его поручили мне, дав в помощники молодого человека, Роджера Талькотта, и шесть человек из нашего экипажа.

Само собою разумеется, все французы, за исключением повара, перешли на „Кризис".

Неб упросил капитана отпустить его со мной, хотя Мрамору трудно было обойтись без его услуг.

Это была моя первая команда, которой я очень гордился, хотя в душе боялся сделать какую-нибудь глупость. Я должен был направляться к берегам Англии. Так как „Кризис" шел скорее „Аманды" — так назывался мой бриг, — то еще до заката солнца мы потеряли из виду наше старое судно.

Я взял на себя утреннюю вахту. Ответственность на мне лежала большая. Я находился в обширном океане, в местах, где нас ежеминутно мог настигнуть неприятель; и экипаж мой состоял из людей неопытных, совершающих путешествие в первый раз в жизни.

Что же касается Неба, то он блаженствовал. Как ни сильно свистел ветер, океан, бриг и он сам, все должно было беспрекословно подчиняться мистеру Мильсу. Талькотт, несмотря на свою молодость, был толковый мальчик, почему его мне и дали в помощники. Капитан Вильямс рассчитал, что две головы всегда лучше одной. Я предложил Талькотту поместиться в моей каюте не только в виду того, чтобы иметь компанию, но и для того, чтобы его поставить с собой на равную доску в глазах экипажа.

Первую ночь нам не пришлось спать. День прошел довольно спокойно. К вечеру я взобрался наверх, чтобы посмотреть, не видно ли земли, но безуспешно. Вдруг послышался голос Неба:

— Огонь перед нами!

Было около десяти часов. Я знал, что этот огонь должен был быть с маяка мыса Лезарда; по направлению его я и стал держать путь.

На следующее утро мы уже вошли в Ла-Манш, стараясь придерживаться берегов, насколько это было возможно. Мы прошли на расстоянии целой мили от Эддистона, до такой степени я боялся французских крейсеров. Через день мы уже были у острова Уайта, но тут переменялся ветер, и мы должны были пойти на булинях⁶². До Англии оставалось недалеко.

Все время кто-нибудь из экипажа смотрел вперед, стоя на часовой мачте, из страха натолкнуться на неприятеля. Всевозможные паруса попадались нам навстречу, в особенности около Лувра. Но море стало по-

⁶² На булинях — то-есть на буксире лодок.

степенно суживаться. Я употреблял все усилия, чтобы проходить незамеченным, избегнуть абордажа. Понемногу я приобретал в себе уверенность. Мне казалось, что я команду „Амандой" не хуже самого Мрамора; и если бы пришла необходимость перевернуть на другой галс и направиться в Нью-Йорк, то и тут я бы не потерялся.

Огни, видневшиеся с берегов Англии, продолжали руководить нами. Мы приближались к Дунгенессу. Около трех часов утра Талькотт, стоявший на вахте, прибежал ко мне, весь запыхавшись, сказать, что какое-то судно, повидимому, люгер⁶³, идет прямо на нас. Я думаю, было от чего перетрусить.

Я решился лететь к земле на всех парусах, надеясь, что люгер не успеет напасть на нас. Мы живо обогнули стрелку ближайшего мыса. Люгер, бывший от нас в расстоянии одного кабельтова, на минуту скрылся из глаз. Заметив какое-то судно, стоявшее здесь на якоре, мы стали около него. Я надеялся, что люгер переменит галс, но не тут-то было: минуто спустя он уже подходил к нам, точно его тянуло магнитом.

Во все это время ничто не нарушало тишины ночи. На судне, стоявшем около нас, господствовало полное спокойствие. Мы находились между этим судном и люгером на расстоянии одного кабельтова друг от друга. Я закричал в рупор:

— Эй, корабль!

— Какой это бриг?

— Американец с французским люгером, трогайтесь-ка! На мои слова раздалось восклицание:

— Этакий чорт! — А потом: — Проклятые янки!⁶⁴ Наконец, все были позваны наверх.

— Это английское судно, снаряженное в Вест-Индию, господин Веллингфорд, — сказал один из наших стариков-матросов. — Только оно сейчас без конвоя.

— Что это за люгер? — спросил оттуда офицер резким тоном.

— Мне ничего не известно. Он преследует меня двадцать минут. В это время люгер незаметно проскользнул между нами. Английское судно показалось ему более привлекательным, а потому он и пошел прямо к нему на абордаж. Выстрелов не было ни с той, ни с другой стороны. До нас доносились крики раненых, брань, проклятия, команда.

Хотя застигнутые врасплох англичане храбро защищались, но нам видно было, что они начинали проигрывать сражение. Туман, поднявшийся с берега, заслонил от нас оба судна.

„Аманда" осталась цела. Я был счастлив. Талькотт поздравил меня от всего сердца.

Все мы были убеждены, что счастливый исход дела являлся следствием нашего искусства и умения держать себя: никто и не думал, что это была простая случайность.

Поровнявшись с Дувром, мы взяли лоцмана, который сообщил мне, что плененное судно называлось „Доротеей", что оно только что возвратилось из Вест-Индии. Оно бросило якорь около Дунгенесса, думая провести спокойную ночь в атом уединенном местечке. И люгер никогда не напал бы на „Доротеею", если бы мы случайно не натолкнули его на добычу.

Но, к счастью, мне уже больше нечего было бояться люгера. В тот же день мы вошли в гавань и бросили якорь. В первый раз мне пришлось видеть целый флот на стоянке. Наша история наделала много шума на борту военных судов. К нам подъехало, по крайней мере, двадцать лодок, расспросить из первых рук, как было дело. Между прочим, мне стал задавать вопросы один пожилой господин в городском костюме; я полагаю, что это был адмирал; но все лодочники на все расспросы никому ничего не отвечали, хотя высказывали необыкновенное почтение этому господину. Он пожелал узнать от меня все подробности дела; я откровенно рассказал ему всю правду. Он слушал меня с большим вниманием. Уходя, он дружески пожал мне руку, сказав:

— Молодой человек, вы хорошо сделали, поступив так осторожно: пусть ворчат наши старые моряки; они думают о себе. Ваша прямая обязанность была—спасать свое судно; и раз вы это могли сделать, не запятнав своей чести, ваше поведение заслуживает похвалы. Но для нас срам, что эти французы нагрывают себе руки на наших же глазах.

ГЛАВА X

Капитан Вильямс поручил мне возвратить бриг его первоначальному собственнику, сохранив за собою право на вознаграждение. Это был американский купец, поселившийся в Лондоне. Он приказал своим людям принять судно и сложил с меня дальнейшую ответственность.

Через несколько дней я увидел наш „Кризис", который, подобно „Аманде", прочищал себе дорогу среди лабиринта парусов. Не успел он еще пристать, как Талькотт, Неб и я были на борту. Капитан встретил нас очень радушно. Мы все были в восторге видеть друг друга.

Я был единственный из офицеров, который успел осмотреть Лондон; это мне придавало некоторое значение в глазах экипажа.

Мрамор, который, в свою очередь, жаждал ознакомиться со столицей Англии, уговорил меня быть его проводником и показать ему все, что я видел сам. Две недели мы употребили на то, чтобы выгрузить наше

⁶³ Люгер — мелкое сторожевое судно.

⁶⁴ Янки — ироническая кличка американцев.

судно и взять баласту. Затем нужно было пополнить наш экипаж. Конечно, мы предпочли взять американцев. Наш выбор оказался очень удачным: несколько прекрасных матросов с английского крейсера, попавших туда с американского судна, с радостью согласились поступить на „Кризис“.

Я с большим удовольствием принялся показывать Мрамору достопримечательности Лондона.

Мы благополучно прошли через Флит-стрит, Темпл-бар и Странд; наконец, мы очутились в Гайд-парке, место, куда стекались представители моды и высшей аристократии. Здесь мы выбрали себе скромный уголок для наблюдений.

Этот парк представлял дивное зрелище в хорошую погоду, когда масса блестящих экипажей сновала во все стороны. Обыкновенно экипажи в английские парки не допускаются, за исключением наемных карет. Одна из таких карет и очутилась в затруднительном положении как раз в то время, когда мы проходили мимо нее. Лошади испугались тачки, стоящей на дороге, и начали пятиться. Кучер не сумел справиться с ними, и задние колеса попали в воду канала; не случилось тут Мрамора и меня, карета и сидящие в ней были бы потоплены. Схватив тачку, я бросил ее под передние колеса; Мрамор же удержал заднее колесо своею железною рукою; таким образом катастрофа была предупреждена. Лакея не было. Я бросился к дверце и помог выйти пожилому господину с дамой и молодой особой. Все трое сошли благополучно, даже не замочив себе ног.

Мрамор не так-то легко отделался: бедняга стоял по плечо в воде и делал нечеловеческие усилия, чтобы поддержать равновесие экипажа, но в ту минуту, когда все вышли, он выпустил из рук колесо, тачка поддалась напору, и карета и лошади в беспорядке попадали в воду. Одну из лошадей удалось спасти, другая же потонула. Вокруг нас собралась толпа. Но участь экипажа мало беспокоила меня. Я был рад, что мы спасли его пассажиров.

Пожилый господин от всего сердца благодарил нас, прося не оставлять его, что ему еще понадобятся мои услуги, на что я охотно согласился. Пока мы направлялись к выходу из парка, я мог внимательно рассмотреть моих спутников. Все они, повидимому, принадлежали к так называемому в Англии „среднему классу“.

Господин, должно быть, был военным; барышня, одних лет со мною, казалась очень красивой... Да ведь это настоящее приключение! Я, точно герой романа, являюсь спасителем восемнадцатилетней девицы. Теперь мне остается только влюбиться в нее!

У ворот парка пожилой господин нанял карету; усадив в нее своих дам, он пригласил меня сопутствовать им. Но мы с Мрамором промокли до костей. Тогда незнакомец дал нам свой адрес в Норфольк-стрите, и мы обещали зайти к нему, что мы и сделали, предварительно пообедав и высушив свои костюмы.

— Милостивые государи, — сказал нам майор, оказав нам самый радушный прием, — ваше поведение достойно английских моряков всегда готовых оказать услугу. — Затем, вынув из портфеля несколько банковых билетов, он сказал: — Я бы с радостью предложил вам больше этого, что я, быть может, и сделаю со временем, чтобы доказать вам всю мою благодарность.

При этих словах майор протянул Мрамору два билета по десяти фунтов стерлингов.

Мрамор выслушал майора с подобающим почтением, тербя свою табакерку, которую он раскрыл в ту минуту, когда майор кончил говорить. Затем, с полнейшим равнодушием взяв щепотку табаку, Мрамор захлопнул табакерку и только тогда ответил.

— Это очень великодушно с вашей стороны, майор, — сказал он, — но спрячьте ваши деньги обратно. Затем позвольте вам доложить, во избежание недоразумений, что мы оба уроженцы Соединенных Штатов.

— Соединенных Штатов! — повторил майор, выпрямляясь во весь рост. — В таком случае, я убежден, что вы, молодой человек, не откажетесь принять от меня это доказательство моей признательности.

— Ни в каком случае, милостивый государь, — вежливо ответил я. — Мы совсем не то, что вы предполагаете. Наружность бывает обманчива. Мы оба — морские офицеры с судна, имеющего каперское свидетельство.

При этих словах майор извинился перед нами, теперь только поняв, что мы никогда не согласимся принять вознаграждение за услугу. Он пригласил нас присесть, и разговор продолжался.

— Мистер Мильс, — начал Мрамор, — обладатель имени, называемого „Клаубонни“; он мог бы жить у себя в полном довольстве. Но когда петух поет, и цыпленок тянется за ним. Его отец был моряком, так вот и сын пошел по его следам.

Это известие о моем положении нисколько не повредило мне, напротив: в обращении со мной всего семейства Мертон тотчас же произошла приятная перемена. Меня просили навещать их до моего отъезда из Англии, чем я воспользовался более двенадцати раз.

Одевшись заново с головы до ног, я неоднократно сопровождал их в театр. Эмилия впервые улыбнулась мне, увидав меня в новом костюме. Эта девушка была прелестным созданием: скромная и застенчивая с виду, она была полна жизни, судя по выражению ее больших голубых глаз; кроме того, она получила хорошее воспитание и, при моем незнании жизни, казалась мне самой образованной из всех барышень ее лет. Я считал Эмилию Мертон чудом из чудес; сидя около нее и слушая ее, я краснел за свое невежество.

Капитан Вильямс, желая выразить мне чем-либо одобрение за мои заботы о бригае, позволил мне проводить время на суше сколько угодно. Мне могло больше не представиться возможности побывать в Лондоне и быть в такой милой компании.

Из предосторожности капитан послал одного из своих чиновников в консульство справиться, что за люди были Мертоны.

Оказалось, что они занимали прекрасное положение и пользовались всеобщим уважением. У них имелись родственники в Соединенных Штатах, так как отец Мертона женился в Бостоне.

Я же был в восторге от этого знакомства и благословлял судьбу, натолкнувшую меня на них. Благодаря Мертонам, я узнал свет. Меня у них всегда ожидал самый радушный прием. Сам Мертон ни на минуту не забывал, что он обязан мне спасением жизни. Эмилия с удовольствием разговаривала со мною, и как я бывал счастлив, слушая ее милые мысли.

Я заметил, что она смотрела на меня, как на провинциала. Но я недаром совершил путешествие в Кантон, чтобы стесняться перед ребенком.

В общем, я думаю, что произвел прекрасное впечатление на все семейство. Быть может, тут играло „Клаубонни" немалую роль. Но во всяком случае, во все время моего последнего визита Эмилия казалась грустной, а мать ее уверяла меня, что все они искренно жалеют меня. Майор взял с меня обещание навестить их в Ямайке или Бомбее, куда он собирался с женой и дочерью через несколько месяцев в надежде упрочить там окончательно свое положение.

ГЛАВА XI

Неделю спустя „Кризис" вышел в открытое море, сопровождаемый благоприятным ветром.

Мы остановились у Мадейры⁶⁵, где высадили одно английское семейство, отправлявшееся туда для поправления здоровья. Затем мы запаслись фруктами, овощами и свежим мясом.

Следующая наша остановка была в Рио; я ошибся в расчете, думая что меня здесь ждет письмо от наших.

Затем мы направили наш путь к острову Штатор, намереваясь пройти пролив Ле-Мер и обойти мыс Горн⁶⁶.

Мы подъезжали к Фалькландским островам⁶⁷ рано утром. Ветер дул с востока; время было туманное; при таких условиях проход через узкий пролив являлся рискованным.

Мы с Мрамором держались того мнения, что лучше всего было бы обогнуть остров с восточной стороны; но никто из нас не решился предложить свой проект: я — по молодости, а Мрамор — вследствие упрямства „старика", как он называл капитана.

— Он любит, — сказал Мрамор, — итти, очертя голову, и никогда не бывает так счастлив, как в океане, среди незнакомых островов.

К полудню ветер, перейдя к югу, подул сильнее и к полночи превратился в вихрь. Это предвещало начало бури, которую мне приходилось видеть на море в первый раз.

По обыкновению, уменьшили количество парусов.

Наше положение было не из веселых. В этих местах течение действует с такой силой, что мы стали теряться в догадках, делая всевозможные предположения, конечно, далекие от истины. Но капитан был убежден, что мы совсем близко от Огненной Земли. Мы же все потеряли надежду пройти через пролив.

Вдруг раздалась команда Мрамора:

— Руль и брасы⁶⁸ по ветру! Кливер взять на гитовы!

В одну минуту весь экипаж был на палубе. Судно уклонилось от прежнего направления и, под попутным ветром, полетело с невероятной быстротой, получая сильные толчки, вследствие которых дрожали болты и блоки. Однако все удалось: „Кризис" наверняка стал удаляться от Огненной Земли. Но куда он несся теперь? На этот вопрос никто не мог ответить. Я был уверен, что мы обошли Фалькландские острова, но и от них нас отделяло большое пространство.

Как только судно пошло своим обыкновенным ходом, капитан Вильямс обратился к Мрамору за разъяснением подобной команды.

Мрамор уверял, что ему показалась земля перед самым судном, а так как время терять нельзя, то он и велел повернуть на другой глас, чтобы не наткнуться на берег!

Мне показалось странным такое объяснение. Капитан же поверил ему, или, по крайней мере, сделал вид, что верит.

Потом Мрамор сказал мне правду:

— Будет с меня Мадагаскара; с какой стати я стал бы лезть на верную гибель, поддавшись чортовым течениям, которые натолкнули бы нас на этот скалистый берег!

После заката солнца поднявшийся ветер с страшным шумом сорвал стаксель, который исчез в тумане, подобно туче, затерявшейся среди массы облаков.

Разразилась настоящая буря. На этот раз ураган так свирепствовал, что обыкновенные порывы ветра казались сравнительно с ним легким ветерком. Волны вырастали перед нами в целые горы, которые вдребезги разбивались о наше судно.

Целую ночь мы боролись с разыгравшейся стихией.

⁶⁵ Остров Мадейра — У западного берега Африки.

⁶⁶ Мыс Горн — оконечность Южной Америки.

⁶⁷ Фалькландские острова — в южной части Атлантического океана.

⁶⁸ Б р а с — снасть, при помощи которой поворачивают реи.

День наступил серый, мрачный; казалось, все слилось в одну массу.

Воздух был наполнен водяными парами.

Мрамор опасался, чтобы нас не отнесло обратно к скалистым берегам.

Я ничего не ответил ему; мы все, капитан и его трое офицеров, с напряженным вниманием смотрели на туман, как будто за ним скрывалось наше отечество. Вдруг, точно по волшебству, туман рассеялся, и вдали показался отлогий морской берег. Наше судно быстро подвигалось к нему. Земля виднелась параллельно тому направлению, которого мы держались, и перед нами и сзади нас.

„Что за странная иллюзия!“—подумал я про себя, вопросительно посмотрев на своих товарищей.

— Странно, — проговорил спокойно капитан Вильямс, — ведь это земля, господа!

— Совершенно верно, — с уверенностью сказал Мрамор. — Что же вы теперь прикажете делать, командир?

— Что же можно сделать, господин Мрамор! Пространство не позволяет нам переменить направление.

Действительно, видневшаяся земля казалась низкой, мрачной, пристать было невозможно. Вся наша надежда была — найти удобное место, чтобы бросить якорь. Но что нас особенно тревожило — это сильное течение.

В таком беспокойстве мы провели всю ночь. К полудню все еще нельзя было остановиться — нас влекло вперед неестественными толчками. К счастью, погода прояснилась, и даже ветер приутих к двум часам. Мы продолжали путь, сняв почти все паруса. Но ночь представляла для нас большую опасность.

Мы предполагали, что нас занесло в один из проливов между островами Огненной Земли. До четырех часов мы проехали, по крайней мере, семнадцать островов. Наконец, один из них показался нам удобным для пристанища; этот остров имел около мили в окружности, и мы медленным ходом направились к нему; течение нам помогало. Мы забросили один якорь, держа другой наготове. Затем всему экипажу разрешили пойти поужинать, исключая офицеров. Мы с капитаном сели в лодку; надо было объехать вокруг судна, чтобы удостовериться, все ли обстоит благополучно. Глубина оказалась неудовлетворительной. Капитан приказал не доверяться ни ветру, ни течению. Распределив вахту, все отправились на покой.

Рано утром, приблизительно минут за десять до начала моей вахты, капитан позвал нас на палубу: судно тронулось, гонимое ветром. Мы тотчас же взяли за якорный канат. Несчастье произошло вследствие подводных камней: канат оказался протертым на две трети своей толщины. Как только нас опять толкнуло вперед течением, канат порвался. Якорь так и остался на месте; возвращаться за ним назад было невыносимо, Капитан благословлял судьбу, что нам удалось миновать опасность. Мы ради безопасности продолжали придерживаться юга, стараясь идти по ветру.

Ночью светила луна, и утро обещало нам ясный день. В самом деле, солнечные лучи стали понемногу пробиваться сквозь тучи; теперь мы хорошо видели землю, окружавшую нас со всех сторон. Пролив, из которого выходил „Кризис“, был шириною в несколько миль и граничил с севера высокими крутыми горами, покрытыми снегом. Перед нами не видно было никаких препятствий; мы с легким сердцем продолжали путь. Вскоре капитан объявил нам, что мы входим в океан с запада залива Ле-Мера и совсем близко от мыса. Мы распустили почти все паруса, так как капитан придерживался правила „ковать железо, пока оно горячо“. В течение нескольких часов мы делали до пятнадцати узлов и все вдоль берега.

Еще не успело стемнеть, как мы опять увидели перед собой землю. Мрамор предполагал, что это конец глубокой бухты, по которой мы шли. Капитан же думал, что это мыс Горн. К несчастью, день был пасмурный, неудобный для наблюдений. Попав в узкий канал, мы несколько часов держались юго-запада.

Но вдруг нас понесло к северу, по узкому рукаву канала, делающего загиб. В результате получилось то, что мы опять удалились от океана и теперь, наверное, шли не по направлению мыса Горна. Вновь стали попадаться островки со скалистыми берегами и бесконечные бухты.

Пробовали мы бросить якорь, но неудачно. Да и рискованно было жертвовать вторым канатом. В надежде найти проход с южной стороны, который вывел бы нас в открытое море, мы не хотели возвращаться назад. Наконец, после ночи, проведенной в непрестанном страхе натолкнуться на подводный камень, среди массы островков, отделяющихся друг от друга узкими каналами, мы увидели с западной стороны проход, ведущий в океан, и наше судно торжественно вступило в открытое море.

Необходимо было определить, где именно мы находились. Мрамор, выслушав все наши предположения, покачал головой и пошел сам посмотреть на карту.

— Это, господа, Тихий океан! Мы прошли через Магелланов пролив⁶⁹, сами того не подозревая.

ГЛАВА XII

Как сейчас помню то приятное ощущение, которое овладело мною, когда „Кризис“ вышел в открытый океан. Громадные волны ударялись о берег, освещенный заходящим солнцем. Ни одна команда не звучала еще так весело в моих ушах, как приказание капитана поднять все паруса, что было тотчас же исполнено, и мы торжественно поплыли, счастливые тем, что благополучно миновали Огненную Землю и ее бурные воды.

Я не стану входить в подробности торговых операций, производимых „Кризисом“ в течение пяти

⁶⁹ Магелланов пролив—между материком Южной Америки и островами Огненной Земли.

месяцев после его выхода из Магелланова пролива. Ограничусь тем, что скажу, что мы останавливались в различных местах, выгружали товары и нагружались новыми.

Несколько раз таможенные крейсера пускались за нами в погоню, но мы отделялись от них благополучно.

Отчалив от испанских территорий, мы направились к северу, в расчете произвести обмен стеклянных изделий, ножей, печей и прочей домашней утвари на меха. Мы употребили еще несколько месяцев на торговлю, всегда извлекая для себя известные выгоды.

Приблизительно на пятьдесят третьем градусе северной широты мы забросили якорь в одной из бухт материка. К нам подъехал местный лоцман, предложивший подвезти нас к такому месту, где мы могли бы найти громадное количество мехов выдры. И он не обманул нас, хотя имел самую подозрительную наружность. Первым делом он указал нам очень удобную бухточку, достаточной глубины, где мы и остановились.

В эту эпоху мореплаватели, пристающие к северо-западному берегу, должны были всегда остерегаться нападений со стороны туземцев. А потому, невзирая на то, что место для стоянки было удобное, нам все же следовало быть готовыми к борьбе с ними. Но так как мы предполагали пробыть здесь недолго, то мы не особенно беспокоились.

Я никогда не мог запомнить имен туземцев. Конечно, и у нашего лоцмана было свое имя, но такое замысловатое, что мы дали ему свое прозвище — „Водолаза“, — по той причине, что он сразу нырнул в море, как только Мрамор попробовал выстрелить на воздух, просто, чтобы разрядить оружие.

Убедившись, что мы остановились в бухте, Водолаз исчез; через час он уже подъезжал к нам в лодке, доверху нагруженной прекрасными мехами; его сопровождали три туземца. Тотчас же мы им дали прозвища, ради шутки: „Спичка“, „Оловянный Горшок“ и „Широкий Нос“. Трудно определить, к какой расе принадлежали эти люди. Капитан сам не мог сообщить мне ничего определенного по этому поводу; все, что ему было известно относительно их, это — что они очень ценили одеяла, бусы, порох, печки и старые кольца и охотно променивали меха на эти вещи.

Водолаз и его спутники продали нам в тот же день сто тридцать шкур. Обе стороны остались довольны сделкой. Туземцы дали нам понять, что, продолжив здесь наше пребывание, мы могли рассчитывать получить еще шесть раз такое же количество шкур. Капитан был в восторге и решил пробыть в этих краях еще день—другой. Лишь только это решение объявлено было туземцам, они выразили большую радость. Оловянный Горшок и Широкий Нос отправились на берег для сообщения своим собратьям приятного известия, а Водолаз и Спичка остались с нами.

Мы с Мрамором заметили, что лодка вошла в заливчик, образуемый бухтой. Так как нечего было делать на судне, мы попросили у капитана разрешения пойти осмотреть эту местность и в то же время ознакомиться с берегом. Сойдя в лодку с четырьмя людьми, хорошо вооруженными, мы отправились. Спичка, стоявший на палубе, внимательно следил за нашими движениями, и как только мы разместились в лодке, он одним прыжком очутился около нас и уселся на корме с таким спокойствием и достоинством, как будто он был капитаном.

— Как вы думаете, Мильс, — спросил меня Мрамор, — брать нам его с собой?

— Оставьте его, прошу вас, господин Мрамор! Я уверен, что он хочет быть нам полезен, только не умеет высказать этого.

— Полезен?! Да он весь-то выеденного яйца не стоит!

Мрамору показалось очень забавным его собственное сравнение. Он повеселел и позволил туземцу остаться с нами.

Бассейн, в котором остановился „Кризис“, был окружен лесом со всех сторон. Но нигде не виднелось признаков человеческого жилья. Мрамор сказал, что очень возможно, что туземцы нарочно заманили нас сюда, под предлогом торговли, чтобы напасть на нас.

— Нет, не может быть, — сказал один из офицеров, — тут даже нет ни одного вигвама. Это просто фактория⁷⁰ и, к счастью для нас, без таможенных чиновников.

Но зато здесь, наверное, промышляют контрабандисты, если назвать контрабандой похищение чужой собственности.

Мы подвигались медленно. Берега бухты, поросшие густыми кустарниками и массою деревьев, не позволяли рассмотреть землю. Мрамор предложил пристать в разных местах, чтобы лучше ознакомиться с местностью. Он сам с одним из матросов высадился на одном берегу, а я и Неб — на другом. Мы все были вооружены. Остальным приказали следить за нами в лодке.

— Оставьте там Спичку, Мильс! — крикнул мне Мрамор. Я сделал знак туземцу не трогаться, но не успел я взобраться на берег, как он уже очутился подле меня. Неб предложил схватить его и стащить в лодку. Но я счел благоразумнее избегать всякого рода насилия.

— Мы вошли в густой лес. С той стороны бухты, по которой я шел, мне не встретилось ни одного человеческого следа. Мрамор тоже ни на что не набрал. Наконец, нас позвали из лодки, которая не могла более двигаться, вследствие мелководья. Спичка опять прыгнул на свое старое место.

— Я вам говорил не брать этого орангутанга.

— Это легче сказать, чем сделать: Спичка пристал ко мне, как пиявка.

⁷⁰ Фактория—торговое поселение.

— Глупец, кажется, очень доволен своей прогулкой. У него еще ни разу не было такого радостного выражения лица.

— Я думаю, — сказал я, — что он сначала вообразил, что ему не удастся поест. Теперь же он видит, что мы возвращаемся на судно, и очень доволен, рассчитывая, что не ляжет спать с голодным желудком.

Мрамор нашел мое предположение правильным, и разговор наш принял иной оборот.

Как только мы пристали, Неб, шедший впереди, вскрикнул. Мы схватились за оружие, но тревога была напрасна. Негр просто напал на человеческие следы: он нашел массу обгорелых деревьев. Тогда мы все принялись осматривать место. Мрамору первому посчастливилось! он натолкнулся на верхушку руля, который, по всем признакам) принадлежал судну в двести пятьдесят — триста тонн. Затем мы нашли много досок и различных частей от корабля, более или менее обгорелых и ободранных от металла. Отовсюду гвозди были повытасканы. Деревянные обломки состояли из дуба, кедра и акации: это доказывало, что погибшее судно имело известную ценность.

Продолжая осматривать окрестности покинутого лагеря, мы увидели тропинку, ведущую к морю, но с противоположной стороны от того места, через которое нас провез Водолаз. С „Кризиса“ невозможно было видеть этот лагерь. Мы нашли еще болты и прочее. Очевидно, катастрофа произошла именно здесь; но по нашим находкам мы еще не могли ничего уяснить себе. Наконец, я присел на камень, торчащий из-за кустов. Так как мне было неловко сидеть, я и начал устанавливать камень; он упирался обо что-то твердое; оказалось, что это была доска корабельного стола, на которой было что-то написано. В одну минуту мои спутники очутились подле меня, сгорая от нетерпения узнать, в чем дело. Грустная надпись гласила следующее:

„Американский бриг „Морской Бобр“, капитан Джон Сквайр, завлеченный обманом в эту бухту 9 июня 1797 года и застигнутый туземцами утром одиннадцатого. Капитан, первый лейтенант и семь человек матросов убиты наповал. Бриг был сначала ограблен, потом приволочен сюда и сожжен до тла, дабы можно было извлечь из него железо. Шестеро из нас остались в живых, но никому не известно, какая нам предстоит участь. Пишу эти слова в надежде, что моим друзьям попадется на глаза этот камень, и они узнают, что с нами случилось“.

Мы с изумлением смотрели друг на друга. Капитан и Мрамор вспомнили, что они, действительно, слышали о гибели без вести в этих краях брига „Морской Бобр“.

— Завлеченные обманом! — повторил капитан. — Да, теперь я начинаю понимать, как было дело. Будь у нас, господа, попутный ветер, я бы выехал отсюда в эту же ночь.

— Нам теперь нечего бояться, капитан, — ответил лейтенант, — раз мы можем принять меры предосторожности. И потом я убежден, что в настоящее время здесь нет туземцев. А Водолаз и его друзья добросовестно ведут с нами дела. Наконец, Спичка слишком спокоен относительно открытия следов „Морского Бобра“; значит тогда разбойничала другая шайка.

Все эти доводы действовали на нас успокоительно.

Мы возвратились на судно, захватив с собою исписанную доску. Решено было усилить вахту и держаться настороже.

Признаюсь, я провел неприятную ночь. Неизвестный враг всегда страшен. Я предпочел бы открытый бой тому положению, в котором мы находились: среди небольшой бухты, окруженной со всех сторон густыми непроходимыми лесами.

Но пока все было мирно и тихо; Водолаз и Спичка, поужинавши с аппетитом, заснули мертвым сном. К рассвету мы почти все поддались усталости; однако ничего не случилось. Выглянуло солнце, позолотивши верхушку деревьев; бухточка наша заблестела, озаренная его сиянием, и мало-по-малу радость при виде такого зрелища рассеяла все наши тревоги. Мы пробудились в бодром настроении духа, почти равнодушные к судьбе, постигшей „Морского Бобра“.

ГЛАВА XIII

Спичка и Водолаз вели себя как нельзя лучше. Казалось, все их мысли сосредоточились на мясе, свинине и хлебе, свободное же от еды время они проводили в непрестанном сне. Капитан Вильямс, окончательно успокоившись, решил еще подождать двое суток, пока привезут новую партию мехов. С девяти часов все принялись за работу, и к полудню судно совсем разоблачилось — все снасти были сложены.

На ночь „Кризис“ предоставили охране капитана и трех лейтенантов. Моя вахта начиналась с двенадцати часов ночи, далее следовала очередь Мрамора с двух до четырех часов, а затем все должны были быть на ногах для поднятия мачт.

Когда я взошел на палубу, я нашел лейтенанта разговаривающим с Водолазом, который, выславшись, намеревался, повидимому, провести всю ночь в курении.

— Давно эти индейцы на палубе? — спросил я у лейтенанта.

— Все время, как я на вахте.

Будучи вооруженным, я бы покраснел со стыда, если бы выказал трусость перед безоружными туземцами. К тому же Водолаз покуривал трубочку с важным видом философа. А у Спички, казалось, не хватало ума даже для курения. Он слонялся по палубе с самым бессмысленным видом.

Я начал вахту в волнении. Спокойствие, царившее на борту, казалось мне неестественным; однако

ничто не давало повода к тревоге. Правда, два туземца могли наброситься на меня, задушить и выбросить в море; но какая для них могла быть выгода в одной моей гибели, раз они безнаказанно не могли бы отделаться от всего экипажа?

Звезды на небе светили ярко; это обстоятельство значительно умаляло опасность: ни одна лодка не могла пристать к судну, не будучи мною замечена. Эти рассуждения успокоили меня, и мои мысли приняли иной оборот.

Вдруг я почувствовал что-то твердое, оказавшееся у меня между губами и стиснувшее меня так сильно, что я не в состоянии был произнести ни звука. В ту же минуту мои руки были схвачены сзади и сжаты как в тисках. Повернувшись, насколько я смог, я почувствовал дыхание Спички, который затыкал мне кляп, а сзади орудовал Водолаз. С необыкновенной ловкостью они сделали меня своим пленником.

Защищаться и позвать на помощь не было никакой возможности. Связав мне руки и ноги, меня бережно посадили в сторонку. По всей вероятности, я был обязан жизнью Спичке, желавшему сохранить меня как невольника. С этого момента Спичка преобразился: не осталось и следа его обычного тупоумия. Он сделался главным распорядителем и душой всех действий своих сообщников. Будучи безмолвным свидетелем всего, что происходило передо мной, я почувствовал, в каком ужасном положении мы оказались. Меня мучил стыд, что все произошло во время моей вахты, по моей собственной вине.

Первым долгом меня обезоружили. Затем Водолаз, взяв фонарь, зажег его и приподнял. Получив немедленно ответ на данный сигнал, он потушил фонарь и стал в ожидании расхаживать по палубе.

Через несколько минут начали вскарабкиваться на судно зловещие лица, которых я насчитал до тридцати человек. Приступ велся с такой осторожностью, что я их заметил лишь тогда, когда они очутились около меня. Все они были вооружены; только у немногих имелись ружья; большая же часть из них запаслась топорами и луками со стрелами. У каждого был нож, а у некоторых томагавки. К моему отчаянию, я увидел, как четверо дикарей бросились к лестнице, ведущей вниз, и захлопнули выходы, единственные, через которые наш экипаж мог подняться на палубу.

Я невыразимо страдал от кляпа и веревок, стягивавших все мои члены.

Как только все туземцы взобрались на борт, Спичка принялся командовать ими. Он выказал в своих распоряжениях удивительную ловкость и сообразительность.

Сначала он попрятал своих сообщников по углам, так чтобы вошедший случайно на палубу не мог бы догадаться ни о чем. Затем воцарилась мертвая тишина. Я даже закрыл глаза от страха.

— Эй, кто там, на баке? — раздался голос капитана.

Я отдал бы все на свете, чтобы предупредить его об опасности, но был не в силах сделать этого. Я только простонал, и, кажется, капитан услышал меня, так как, выйдя из своей каюты, он обратился ко мне:

— Господин Веллингфорд, да где же вы? — Без шляпы и полуодетый, он просто вышел посмотреть все ли благополучно. И сейчас я не могу вспомнить без содрогания о том ударе, который обрушился на его обнаженную голову.

Бык и тот свалился бы от такого удара; конечно, капитан не выдержал. Туземцы придержали его, чтобы падающее тело не наделало шуму; затем бросили в воду, которая окончательно доканала его.

Покончив с капитаном, туземцы принялись за закупорку выходов; таким образом, весь экипаж был у них в плену.

Тогда они подошли ко мне, развязали все веревки, стягивающие меня, и сняли кляп: затем повели меня к задней лестнице и знаками дали понять, что я мог разговаривать с товарищами, сидящими внизу. Спичка продолжал всем руководить. Я сообразил, что получил пощадку благодаря ему; но из-за каких мотивов?—это для меня оставалось загадкой.

— Господин Мрамор! — закричал я громким голосом.

— Да, да; а это вы, Мильс?

— Да, я. Будьте осторожны, господин Мрамор. Туземцы хозяйничают у нас на палубе; я их пленник.

Они все здесь стерегут выходы.

— Капитана Вильямса нет с нами, — начал Мрамор. — Не знаете ли, где он?

— Увы! Он уже более не в силах оказать услуги никому из нас.

— Да что с ним? — вне себя от волнения вскричал Мрамор. — Говорите скорее?

— Ему размозжили голову дубиной и выбросили за борт.

За моими словами последовало тяжелое молчание, длившееся с минуту.

— Значит, теперь я должен решать, что предпринять. Мильс, вы свободны? Можете ли вы сказать, что вы думаете?

— Меня теперь держат два туземца, но они дают мне разговаривать; хотя я боюсь, что некоторые из них понимают нас.

Опять настало молчание; должно быть, внизу советовались, как быть.

— Слушайте, Мильс, мы друг друга знаем хорошо; будем говорить обиняками, авось, они не поймут нас. Сколько вам лет там наверху, на палубе?

— Около тридцати, господин Мрамор. И лета все здоровые.

— Снабжены ли они серой и пилюлями, или же у них только детские игрушки, которыми забавляются наши дети?

— Первого сорта, пожалуй, наберется с полдюжины, порядочно второго сорта, но зато много острого

железа.

Водолаз выказывал нетерпение, знаками заставляя меня выражаться яснее. За мною следили. Надо было удвоить осторожность.

— Я понимаю вас, — медленно проговорил Мрамор, — нам следует принять свои меры. Как вы думаете, не хотят ли они спуститься к нам?

— Ничто не предвещает этого в настоящую минуту. Мой девиз таков: „миллионы для защиты и ни одного доллара в виде дани“.

Так как эта последняя фраза вошла в поговорку у американцев, будучи употреблена по случаю войны с Францией, я был уверен, что Мрамор меня понял. Мне позволили отойти от лестницы и сесть на курятнике. Несмотря на ночь, звезды так сияли, что я ясно различал загорелые лица туземцев, которые шныряли по палубе, время от времени останавливаясь перед самым моим носом, чтобы посмотреть на меня в упор.

До самого восхода солнца я оставался все в том же положении. Спичка не хотел ничего начинать до рассвета. Он ожидал подкрепления; и действительно, едва успели показаться первые лучи солнца, как с нашего судна туземцы начали кричать, на что, как эхо, ответили из лесу, казавшегося наполненным туземцами. Затем из залива выехали лодки. Я насчитал теперь до ста семидесяти человек этих бездельников; вероятно, они тут были все, так как более их уже не показывалось. Сообщаться с нашими я пока не мог и терялся в догадках относительно их образа действий.

Меня поражило обращение со мной. Мне позволили как бы для моциона погулять по баку, затем допустили вылить ведро воды на то место, где оставались лужа крови и клочок волос несчастного капитана Вильямса. Что касается моих чувств, то, после нравственных мучений, мной овладело странное равнодушие к участи, предстоящей мне.

По мере того как день надвигался, туземцы, предводимые Спичкой и Водолазом, принялись за грабеж. Водолаз, приблизившись ко мне, громовым голосом сказал:

— Считай!

Я сосчитал. Всего было сто шесть человек, не считая их вождей.

— Скажи им, туда вниз, — сказал Водолаз, указывая на нижние этажи. Я позвал Мрамора, и когда он взшел на лестницу, то между нами произошел следующий разговор:

— Что нового, мой милый Мильс? — спросил он.

— Мне приказано сообщить вам, господин Мрамор, что индейцев всего сто восемь человек; меня сейчас нарочно заставили сосчитать их.

— Пусть бы лучше их была бы целая тысяча; мы сейчас взорвем палубу, и они все взлетят на воздух. Как вы думаете, в состоянии ли они понять мои слова?

— Водолаз понимает, когда вы говорите медленно и отчетливо; но судя по его выражению, сейчас он понимает вас наполовину.

— Что, этот негодяй теперь слышит меня? Где он?

— На левом борту.

— Мильс, — нерешительно позвал он меня.

— Ну, я вас слушаю, господин Мрамор.

— Если я выстрелю в верхушку лестницы, что тогда будет с вами?

— Обо мне нечего беспокоиться; все равно, они убьют меня, но вообще от вашего выстрела нельзя ожидать хороших последствий; не пришлось бы нам раскаяться. Все-таки, если хотите, я возвещу им ваше намерение взорвать их; быть может, это заставит их призадуматься.

Мрамор согласился, и я исполнил его поручение как мог. Мне пришлось прибегнуть ко всевозможным знакам. В конце концов. Водолаз понял меня и сообщил о наших планах Спичке; тот выслушал его с большим вниманием и полнейшим равнодушием. Страх для этих людей — неведомое чувство; влача столь жалкое существование, они привыкли пренебрегать жизнью. А между тем самоубийство у них — неслыханная вещь.

Меня просто поразило выражение лица Спички, когда он слушал своего друга. Его взгляд выражал недоверие, ни один мускул не дрогнул от беспокойства.

Очевидно, угроза не произвела на них никакого впечатления. Спячка с Водолазом, не теряя более времени, начали действовать.

Первым долгом стали бросать в шлюпку большое количество веревок и горденей от лиселей. Затем, посредством двух-трех канатов шлюпку потянули к берегу. Индейцы устроили так называемый моряками буксир, привязав один конец веревки к дереву, а другой прикрепив к судну. Расчет их оказался верным — шлюпка могла таким образом двигаться взад и вперед.

Затем они отправились в кухню искать топор, которым хотели разрубить якорные канаты. Я решил известить об этом Мрамора, даже рискуя жизнью.

— Индейцы привязали к острову веревки, они хотят отрезать нас от якорей и притянуть к берегу на то место, где погиб „Морской Бобр“.

— А ну их! Пусть делают, что хотят, мы будем тоже готовы, — это было все, что мне ответили.

Между тем туземцы, найдя топор на дне шлюпки, принялись рубить канаты.

— Мильс, — закричал Мрамор, — эти удары отдаются мне в самом сердце. Неужели негодяи так-таки отрывают нас от якорей?

— Да, уж левый якорь оторван, они теперь рубят канат правого... Ну, вот теперь все кончено!.. Судно

держится только на буксире.

— Есть ли ветер, мой мальчик?

— В бухте — ни капли, хотя поверхность воды немного колыхается.

— А течение прибывает или убывает?

— Отлив кончается; они не смогут дотащить судна до той скалы, куда завлекли „Морской Бобр“ до тех пор, пока вода не поднимется, по крайней мере, на десять, одиннадцать футов.

— Это хорошо!

— Точно нам это не все равно, господин Мрамор! Разве у нас может быть теперь какая-нибудь надежда одолеть их, раз их так много и мы лишены свободы действий?

— Что же делать, Мильс, надо попытаться спасти экипаж, во что бы то ни стало! Если бы я не боялся за вас, я бы полчасу тому назад сыграл бы с ними злую шутку.

— Прошу вас, забудьте обо мне. Все произошло вследствие моей оплошности, за которую я должен пострадать. Делайте все, что вам велит долг и осторожность.

Несколько минут спустя послышался шум, заставивший меня предположить, что пробовали взорвать палубу. Затем раздались крики и стоны. Выстрелы были пущены из окон каюты и попали в две лодки, подъезжавшие к нам. Трех убили на месте, остальные были смертельно ранены. Тотчас же на меня набросились, но вмешательство Спички спасло мне жизнь. Вне всякого сомнения, он имел на меня особенные виды.

Большая часть индейцев вскочили в лодки и в наш ялик, чтобы подобрать тела умерших и раненых. На борту осталась только половина неприятелей, и при этом ни одной лодки. Чтобы как-нибудь вылить свою злобу, они принялись тащить „Кризис“ к земле; но вследствие сильного напряжения при большом расстоянии судна от берега кончилось тем, что веревка, привязанная к дереву, разорвалась.

Я в это время стоял у руля, а Спичка — рядом со мною. Отлив все еще продолжался. Естественно, судно следовало своему прежнему направлению по веревке к дереву. Я тотчас же повернул руль из опасения, что „Кризис“ мог разбиться о скалы. Индейцы были заняты своими ранеными; никто не обращал на меня внимания, и на пять минут движение судна зависело исключительно от моего произвола. Пройдя вход в бухту, оно вступало в открытое море.

Дело приняло неожиданный оборот. Во мне мелькнул слабый луч надежды. Туземцы не могли сообразить, от чего зависел ход корабля, хотя они понимали действие отлива. Ими овладела паника. Около половины из них бросились в море и пустились вплавь к острову. Я уже обрадовался, думая, что и все последуют примеру товарищей. Но человек двадцать пять не двинулись с места, по той простой причине, что не умели плавать. В числе их остался и Спичка. Воспользовавшись всеобщим смятением, я подошел к лестнице и уже собирался снять баррикаду. Но тут Спичка грозно сверкнул на меня глазами и схватился за нож, блестящий в его руках. Волей-неволей пришлось сдаться. Наше дело еще не было выиграно, а Спичка оказался не так-то прост, как я раньше предполагал. При всей его невзрачной внешности в нем скрывался недюжинный ум, который при иных обстоятельствах сделал бы из него героя. Этот Спичка дал мне урок никогда не судить о людях по их наружности.

ГЛАВА XIV

Судно вело себя молодцом. Как только мы обошли остров, подул легкий ветер с юга. Я направил руль к открытому морю. Расстояние между нами и бухтой увеличивалось, главным образом, тут помогал еще отлив; мы делали по два узла в час; лодка находилась от нас на расстоянии получаса пути.

Спичка видел, что дело плохо, но не знал причины, так как не имел представления о значении руля. Наш руль действовал снизу; можно было не трогать колеса.

Когда же движение судна значительно усилилось, индеец подошел ко мне с ножом и, приставив его к моей груди, сделал знак, чтобы я пристал к берегу. Я подумал, что настал мой последний час; указав ему на пустые мачты, я постарался объяснить, что судно поневоле лишено возможности правильного хода. Кажется, он меня понял, так как указал мне тотчас же на лежащие паруса, прикрепленные к реям, заставляя меня водворить их куда следует. Потом, схватив один из них, попавшийся ему на глаза, он велел распустить его.

Само собою разумеется, я исполнил эти приказания со скрытой радостью. Направив все снасти, я вложил в руки дюжины индейцев по шкоту, которые мы все вместе принялись натягивать.

В одну минуту мы подняли парус; затем я их повел к носу, где мы проделали ту же операцию с кливером и стакселем.

Этих парусов было достаточно, чтобы ускорить наш ход на целый узел; скоро мы отъехали от земли на мило. Ветер помогал нам.

Спичка не спускал с меня своего взора. Он не мог придаться ко мне, так как я исполнил его приказание, но результат получился противный его расчетам. Догнать нас теперь было трудно. Однако Водолаз был малый нетрусливый и знающий толк в судах, а потому я поспешил предупредить Мрамора, чтобы он постарался не промахнуться, когда заметит его из окна.

Показались лодки, которые уже обогнули остров, минут через двадцать они могли догнать нас. Надо было принять меры. Я поднял главный стаксель и, как ни в чем не бывало, спустился на палубу. Спичка

выказывал нетерпение, что мы не пристаем. Со мной уже давно покончили бы, если бы туземцы умели сами управлять кораблем. Но я был необходим для них, что я сознавал не хуже их, а потому еще больше набрался храбрости.

Я посмотрел на лодки в подзорную трубу. Индейцы были от нас на расстоянии полмили; они бросили свои гребки и сплотились в кучу, как будто совещались о чем-то. Я подумал, что поднятые на судне паруса смущали их. Предполагая, что мы вновь завладели „Кризисом“, они боялись приблизиться к нам. Под предлогом натянуть еще паруса и заставить этим судно повернуть, я поставил туземцев к брам-горденю гротмарса⁷¹, заставив их натягивать веревки изо всех сил. Глаза их были обращены к носу, а я делал вид, что занят на корме. Чтобы развеселить Спичку, я дал ему в зубы сигару и сам тоже закурил.

Наши пушки были заряжены; оставалось только отнять сзади дощечку, чтоб они готовы были к выстрелу.

Повернув руль так, чтобы заряд попал прямо в лодки, я приставил сигару к затравочному пороху, а сам бросился к рулю. Раздался выстрел, за которым последовали страшные крики индейцев. Они были готовы броситься в море. Спичка схватил меня.

Насилу я отбоярился от него, указав ему знаками, что ветер стал подгонять нас к берегу. Он, кажется, вообразил, что это — следствие выстрела из пушки. Что же касается лодок, то просвистевшая над их ушами картечь заставила их удалиться; они теперь более не сомневались, что судно в наших руках. Удача превзошла все мои ожидания. Я возмечтал спасти жизнь не только себе и экипажу, но и судно. Теперь, если земля исчезнет совсем из виду, наша победа одержана. К счастью, ветер благоприятствовал; мы уже делали четыре узла в час. Еще бы пройти миль двадцать, и дело в шляпе. Но пора было сообщить Мрамору о ходе вещей. Для предосторожности я подзвал Спичку к лестнице, чтобы он мог слышать, о чем мы говорим, хотя я прекрасно знал, что, за отсутствием Водолаза, ни одна душа из них не понимает по-английски. При звуке моего голоса Мрамор тотчас же подошел к двери.

— Что такое, Мильс? Откуда этот выстрел и почему?

— Все обстоит превосходно, господин Мрамор. Выстрелил я с целью прогнать лодки, результат получился блестящий.

— Прекрасно. А я уже пришел в отчаяние, думая, что мы идем обратно, к пристани. Но, чорт побери, ведь мы теперь далеко от земли! Долго ли протерпит Спичка?

Неизвестно, кто слушал меня с большим вниманием, Мрамор или Спичка. Последний то-и-дело показывал мне знаками, что я должен повернуть корабль к земле. Необходимо было успокоить его хоть временно, тем более, что началась мертвая зыбь, а снасти были закреплены неважно.

Хотя серьезной опасности еще не представлялось, но все же следовало принять надлежащие меры. В это время, к моему великому удовольствию, я заметил, что пять-шесть дикарей, в том числе и Спичка, почувствовали приступы морской болезни.

Я тогда принялся убеждать Спичку, что нам нужна помощь снизу, чтобы как следует закрепить мачты. Старый хрыч, приняв на себя важный вид потряс головой. Значит, он был еще не настолько болен, чтобы остаться равнодушным к жизни. Однако, подумав, он позвал Неба и Ио; последний был поваром. Ему нечего было опасаться двух безоружных людей против двадцати пяти человек. К тому же он, конечно, воображал, что, в крайности, негры перейдут на их сторону. Но как он ошибался в своих расчетах!

Я объяснил Спичке, каким способом они могли подняться к нам только вдвоем. Он меня понял и одобрил, а я сообщил поручение Мрамору.

С кормы спустили вниз веревку вплоть до окна каюты; Неб обвязался ею, а затем туземцы вытянули его на борт.

С Ио проделали ту же историю. Прежде чем пустить негров вскарабкаться на снасти, Спичка произнес им короткую речь, сопровождаемую многочисленными знаками, долженствовавшими внушить им, что их ожидало, если бы они вздумали дурно вести себя, после чего я их послал к гротмарселю, на который они с поспешностью полезли.

С их помощью главная мачта была основательно укреплена в несколько минут. Неб получил приказание водворить снасти; и через час, начиная от стеньги до самой палубы, все было на месте.

Мы удалились на две мили от острова, который уже стал принимать туманные очертания.

Волнение Спички возрастало, тем более, что четверо индейцев лежало врястяжку от морской болезни. Он сам еле стоял на ногах, но мужество и предстоящая опасность поддерживали его. Чтобы усыпить его подозрительность, я

Индеец подошел ко мне с ножом...

⁷¹ Г о р д е н ь—веревка, протянутая в блок, служащая для уборки парусов и для подъема небольших тяжестей.

нарочно придумывал ненужные работы.

Вскоре земля совсем исчезла из виду. Когда подул сильный ветер, индейцы не могли более противиться качке. Они один за другим попадали, как мухи.

Чувствуя, как силы оставляют его, Спичка пристал ко мне с угрозами. На этот раз необходимо было удовлетворить его. Я повернул слегка к земле, к великому восторгу индейца. Спичка чуть не расцеловал меня. Однако я был себе на уме. Сделав им эту уступку, мне нечего было бояться последствий: мы находились слишком далеко от земли, лодки, при всем старании, уже не могли догнать нас. Да, наконец, при таком ветре, я каждую минуту мог свернуть на прежний путь.

Успокоившись, Спичка и его товарищи перестали противиться физическим страданиям.

Поставив Неба к рулю, я перегнулся через борт, незаметно вызвал Мрамора к окошку и сказал, чтобы он собрал всех наших к выходу. К счастью, у самой лестницы валялся индеец в сильных мучениях, платя свою дань морю. Воспользовавшись тем, что никто не обращал на меня внимания, я отдернул крючок, с помощью которого и железной полосы был заперт трап, и наши во главе с Мрамором бросились на палубу.

Я сразу заметил, что мои товарищи ожесточились до последних пределов.

Я же, проведя с индейцами несколько часов и будучи пощажен ими, вследствие их доверия ко мне, склонен был к снисхождению. Но Мрамор и остальной экипаж, помучившись в своей засаде, были вне себя от бешенства, а главное, им хотелось отомстить за смерть бедного капитана Вилльямса. Индеец, поставленный сторожить выход, невзирая на свою слабость, взялся за пистолеты, но я не дал ему времени выстрелить, схвативши его в охапку.

Во время этой борьбы я слышал возгласы Мрамора и матросов, кричавших изо всех сил:

— Отомстить за нашего капитана!

Вскоре и я одолел индейца и связал его по рукам и ногам.

Пока я дошел до кормы, все было кончено: наши завладели судном. Более половины туземцев было убито, остальные сами побросались в море; трупы кидались туда же.

Только один Спичка оставался еще в живых. Неб сжал его в своих крепких руках, в ожидании приказания.

— В море негодя! — кричал Мрамор. — В море его, Неб!

— Остановитесь! — вскричал я. — Пощадите его, господин Мрамор: он сам все время щадил меня.

Одно мое слово заставило Неба остановиться, несмотря на приказания самого капитана. Мрамор при всем своем возбуждении сжалился над беззащитным врагом. Радуюсь, что мне удалось спасти хотя одну жертву, я повел нашего пленника в трюм.

Когда все были перебиты, победители с облегчением посмотрели друг на друга. Я же бросился к борту взглянуть на поверхность моря. Какое ужасное зрелище! В ста сажнях от нас всплывали головы и руки, делавшие последние усилия, чтобы спастись. Мрамор, Спичка, Неб — все устремили взоры по тому же направлению. Я осмелился замолвить словечко, прося подвинуться задним ходом, чтобы подобрать этих страдальцев.

— Пусть они тонут и убираются к чорту! — резко и коротко ответил Мрамор.

— Нет, нет, мистер Мильс, — заявил Неб, покачивая головой, — помилование здесь — напрасно; от них нельзя ждать ничего хорошего; если вы их не потопите, то они сами сделают это с вами.

Я видел, что мое заступничество не приведет ни к чему. Спичка, не переставая, наблюдал за своими несчастными собратьями; он видел их отчаянную борьбу со смертью. Быть может, между ними находился кто-либо из его родных, очень возможно, даже его собственный сын; в таком случае, он удивительно владел собою и вздрогнул только тогда, когда в морских волнах исчезла последняя голова.

В это время Мрамор, заменивший покойного капитана, водворял на корабле порядок по своему усмотрению и направил „Кризис" обратно в бухту. Для спокойствия мы выстрелили в деревья и кусты.

В ответ раздалось несколько криков, что доказывало, что наша картечь попала куда следует.

Войдя в бухту, мы соорудили камнеметную мортиру, из которой выстрелили несколько раз, а также и из ружей. У берега мы нашли лодки, наш ялик и около шестисот мехов. Я без всякого угрызения совести конфисковал эти шкуры, которые тотчас же перенесли на судно.

Отправившись на остров, я нашел мертвого индейца; очевидно мы разогнали целый бивуак. Заслышав наши выстрелы, оставшиеся спасались бегством. Преследовать их не стоило. На обратном пути я увидел, что „Кризис" поворачивал к выходу из бухты: Мрамор боялся провести еще ночь в этом месте. Захват мехов значительно умиротворил нового капитана, но он объявил, что только тогда совсем успокоится, когда повесит Спичку напротив острова.

На следующее утро Мрамор приказал сделать подъемный горден на верхушке реи фока.

Я находился в это время на палубе, но не осмелился и заикнуться, так как Мрамор в решительную минуту шутить не любил. Матросы молча ожидали новых приказаний.

— Схватите этого мерзавца, свяжите ему руки и посадите его на третью пушку, а потом ждите! — сказал он тоном, не допускавшим возражений.

Никто не проронил ни слова, хотя видно было, что подобное распоряжение многим не нравилось.

— Нет, в самом деле, — проворил я вполголоса, — вы шутите, господин Мрамор.

— Прошу вас называть меня капитаном, господин Веллингфорд, теперь я начальник этого корабля, а вы — его главный лейтенант. Я намерен повесить вашего друга, Спичку, в назидание всем туземцам; эти

мерзавцы попрыгали в лесу, и все их глаза устремлены теперь в нашу сторону; поверьте, что зрелище, которое им сейчас представится, произведет на них сильнейшее впечатление!.. Матросы, поставьте негодяя стоймя на пушку.

Минуту спустя бедняга принял означенное положение. Он с беспокойством оглядывался вокруг себя, не понимая еще, какого рода казнь ждет его. Подойдя к нему, я пожал ему руку и указал вверх. Индеец понял меня; с этого момента он казался спокойным, покорившимся своей участи.

— Пусть два негра набросят ему конец веревки на шею, — сказал Мрамор, не желавший заставлять матросов проделывать эту операцию, так как видел, что его жестокость вызывает их возмущение.

Спичка, чувствуя, что ему готовится, устремил на Мрамора пристальный взор. Мрамор видел этот взгляд, и я подумал, что совесть заговорит в нем и он освободит индейца. Но я ошибся. Мрамор вообразил, что он совершает великий подвиг морского правосудия; а сам того не замечал, что главным образом им руководило чувство мести.

— Поднимайте! — вскричал он, и минуту спустя Спичка повис на конце реи.

Через четверть часа негр вскарабкался на мачту и разрезал веревку; труп полетел и исчез в море.

Впоследствии подробности этого происшествия появились в журналах Соединенных Штатов, и многие порицали такое самоуправство, находя его варварским, бесчеловечным.

ГЛАВА XV

„Кризис“ тронулся в путь. Пока мы медленно выходили из бухты, весь экипаж упорно молчал.

Был полдень, когда наше судно вновь пустилось в воды Тихого океана. Когда мой помощник пошел на вахту, меня вызвали в каюту для секретного совещания. Мрамор сидел перед выдвинутым ящиком письменного стола капитана Вильямса; перед ним лежали бумаги.

— Садитесь, господин Веллингфорд, — сказал новый командир. — Я сейчас просмотрел инструкции, данные „старому“ судохозяевами; мы прекрасно поступили, бросив этих разбойников и направившись к месту назначения. Здесь всего шестьдесят семь тысяч триста семьдесят долларов, и это после обмена товара, оцененного в двадцать шесть тысяч двести сорок долларов; если принять в расчет, что нам удастся избежать уплаты пошлинных сборов и других расходов, можно сказать, что мы в барыше, превзошедшем ожидания и дающем нам возможность располагать целым месяцем для наших собственных дел. Теперь прочтите инструкции судовладельцев; вы увидите, что их желания до сих пор вполне согласовались с нашим образом действий.

В инструкции говорилось, что мы хорошо сделали бы, если бы, остановившись у Сандвичевых островов⁷², взяли бы там водолазов, а затем отправились бы к другим островам, у которых предполагалось обилие жемчужных раковин.

Я сказал Мрамору, что, по моему мнению, при объеме нашего корабля это предприятие рискованно, что лучше избежать его, тем более, что в инструкциях этот план предоставляется нашему усмотрению. Но ловля жемчужных устриц была заветной мечтой Мрамора, он приписывал ей большое значение, надеясь разом разбогатеть, при счастливых обстоятельствах.

Мрамор был прекрасный человек во всех отношениях. Как командир судна, — он был незаменим; но он не умел соблюдать интересов своих судохозяев, не имея ни малейшего понятия о торговле.

Наш долгий путь к Сандвичевым островам прошел благополучно. Там мы нашли одних дикарей; правда, между ними оказался капитан брига из Бостона: его судно разбилось о подводные скалы. Думая остаться еще около погибшего брига, он хотел сбыть большую часть сандала, находившегося на борту, так как первые сильные порывы ветра могли все снести. Он рассчитывал дожидаться судна тех же владельцев, которое приняло бы его к себе; а пока он мог запастись новым товаром. Мрамор, устроивши эту торговую сделку, потирал себе руки от удовольствия.

— Мы теперь в полосе счастья, мистер Мильс, — сказал он. — На следующей неделе мы отправимся на ловлю жемчужных устриц. Сегодня же вечером мы приступим к нагрузке „Кризиса“, только приблизимся сажень на сто его к берегу.

Все было исполнено по желанию Мрамора. Наняв четырех водолазов, мы поплыли по направлению к Китаю.

Прошло более месяца, как мы вышли из Гавайи — название острова, на котором убили Кука⁷³. Мрамор при свете луны подошел ко мне во время моей ночной вахты. Он был в отличнейшем расположении духа.

— Знаете что, Мильс! — воскликнул он. — Положительно нам везет. Вспомните все наши происшествия: сначала крушение у Мадагаскара; потом встреча с пирогами у острова Бурбона; далее приключение с французским крейсером около Гваделупы. Затем проклятый проход в Магеллановом проливе, несчастная кончина капитана Вильямса и, наконец, выгодная сделка с продавцом сандала; последнее обстоятельство меня особенно радует.

— Но, надеюсь, что смерть капитана вы не причисляете к счастливым обстоятельствам?

⁷² Сандвичевы острова (Гавайские)—группа островов в северо-восточной части Тихого океана.

⁷³ Кук Д ж е м с — знаменитый мореплаватель. Убит туземцами в 1779 году.

— Нисколько; но, видите ли, одна мысль рождает другую; я верю в то, что за нами следует счастье, и убежден, что мы непременно сделаем открытие нового острова.

— А какая нам от этого была бы выгода? Судно — не наше; его хозяева присвоили бы себе открытие.

— Пусть себе присваивают. Но зато мы дали бы свои названия: земля „Мрамора“, залив „Веллингфорда“, мыс „Кризис“. Какая прелесть, если эти имена будут значиться на карте! Не правда ли, Мильс?

— Конечно, командир.

— Земля! — закричал сторожевой матрос.

— Вот она! — в свою очередь воскликнул Мрамор.

А я час тому назад смотрел на карту, на которой ничего не значится, по крайней мере, на протяжении шести сот миль вокруг нас.

Ночь была лунная, и воздух был пропитан благоуханием; мы ясно видели землю, совсем близко от нас, слышали отчетливо, как волны ударяли в скалистый берег. Позондировав глубину, мы не достали до дна.

— Да, это коралловый риф, — проговорил Мрамор, — надо держаться подальше от берега, а то мы, чего доброго, натолкнемся на подводный камень. Если же предположить, что мы найдем дно и бросим здесь якорь, то наш канат окажется в положении человека, покоящегося в гамаке и окруженного со всех сторон лезвиями бритв.

Это была сущая правда. Но в несколько секунд мы убедились, что при столь слабом ветре, дующем к берегу, нам невозможно удалиться. Нас влекло к скалам, среди бурунов, которые виднелись при свете луны. Мы приготовились к катастрофе.

Но в такие критические минуты Мрамор бывал незаменим. С полным самообладанием он давал удивительно точные и правильные распоряжения.

Я предложил сесть в ялики и поискать места, где бы мы могли пристать.

— Ладно, господин Веллингфорд, — вскричал Мрамор, — это хорошая мысль, она вам делает честь!

Через пять минут я отправился. Стоя на корме с зондом, я, не переставая, измерял глубину. Морская пена поднимала наши весла. Я слышал, как вокруг меня громадные волны, встречая на своем пути препятствия, разбивались о них. Наконец я заметил одно местечко, где море оставалось сравнительно спокойным. Я тотчас же отправился туда, прося гребцов посильнее приналечь на весла. В одну минуту мы очутились в спокойной полосе воды; я успел позондировать всего один раз: дно было в шести саженях! Я закричал в рупор изо всей мочи.

— Ну, что, господин Веллингфорд? — откликнулся Мрамор.

— Видно ли вам наш ялик?

— Прекрасно. Вы ведь недалеко от нас.

— Слушается ли „Кризис“ руля?

— Довольно сносно.

— В таком случае направляйтесь сюда: это единственное порядочное место.

Мне ничего не ответили, но я увидел, что „Кризис“ подвигается ко мне. Приступив вновь к измерению глубины, я напал на место в десять саженей.

— Якорь! Командир, сюда, скорее!

Тотчас же были взяты на гитовы нижние паруса и брам-марсели, и затем я с удовольствием услышал, как один из якорей тяжело погрузился в воду. Судно остановилось, и минуту спустя я был на борту его.

— Можно сказать, что вы вытащили из моей ноги громадную занозу, господин Веллингфорд, — сказал Мрамор, — вы оказались прекрасным проводником. Посмотрите-ка, Мильс, на запад, ведь это тоже земля?

— Да, командир, без сомнения, а на берегу как будто бы деревья.

— Друг мой, да ведь мы сделали открытие, мы здесь увековечим свое имя. Проход этот я называю „Мильс“, а скалу — „Яликом!“

Но мне было не до шуток. Следовало сначала позаботиться о безопасности судна. Канат мог ежеминутно перетереться о подводный камень. Я предложил приблизиться к земле для необходимых наблюдений.

Капитан согласился отпустить меня, посоветовав взять с собою воды и съестных припасов на всякий случай, если мне нельзя будет вернуться до завтрашнего дня.

Бухта между скалою и островом имела около мили; глубина в ней почти везде равнялась десяти саженям.

Наружные скалы, о которые разбивалось море, казались выдвинутым вперед валом, сооруженным бесчисленным количеством коралловых полипов, поднимающихся целыми веками из морской глубины.

Пристав без всяких затруднений, я пошел обозревать остров, на котором не замечалось никакого признака жилья. Ночь была дивная; я решился углубиться внутрь. Пройдя около мили сквозь кокосовые и банановые деревья, я добрался до бассейна, встречающегося обыкновенно в середине коралловых островов. Проход был близко, и я велел одному из матросов провести туда ялик. Наступила ночь; я намеревался провести всю ночь на острове, но вдруг увидел, что „Кризис“ подвигается по направлению к земле.

Я не ошибся в предположении: канат перетерся, и Мрамор ждал от меня утешительных сведений. Узнав про внутренний бассейн, он поручил мне провести туда „Кризис“.

Для предосторожности я послал впереди себя Талькотта в шлюпке, и несколько минут спустя наше

судно благополучно въехало в новую гавань. Лучшего пристанища нам никогда бы не найти. Довольно было одного якоря, чтобы противостоять порывам ветра и даже бурям.

Уверившись в безопасности, мы спокойно разошлись к своим гамакам, поставив на вахту только одного человека.

Никогда я еще не ложился спать в более приятном расположении духа. Я, признаться, был очень доволен собой.

Не найди я благодаря своей решительности и отважности этого бассейна, быть может „Кризис" уже разбил бы давно о скалы. Я начал засыпать, когда Мрамор приотворил дверь моей каюты, завязав со мной разговор:

— Итак, — начал он, — я люблю обобщать факты и делать выводы. Посмотрите-ка, пот уж мы открыли землю „Мрамора", бухту „Веллингфорд", скалу „Ялик", якорное место „Мильс", в скобках, очень плохое, мой мальчик; но, что вы хотите, на сем свете надо мириться со всем.

— Вы правы, командир, — ответил я почти сквозь сон. — Что же касается места для остановки, я в другой раз не возьму на себя ответственности, говорю верно.

— Ну, ведь я шучу; хорошо, оставим в стороне этот вопрос. Эге, Талькотт, Мильс, никак они уже спят?

— Да, командир, и очень крепко, и я кажется сейчас последую их примеру.

— Этакий соня! Знаете, Мильс, что подобное открытие может обогатить человека! Мильс... Да вы меня не слушаете?

— Все сюда!

— Ну, вот, он уже бредит! Еще одно словечко, пока вы еще не окончательно забылись. Как вы думаете, не лучше ли в наши названия пустить немного патриотизма?! Как приятно звучало бы в ушах: скала „Конгресса", банка „Вашингтона"; надо и ему уделить кусочек.

— Благодарю, командир, я не голоден.

— Ну, он спит совсем. Мне, собственно говоря, тоже не мешает пойти на покой, хотя трудно будет заснуть после такого открытия. Спокойной ночи, Мильс!

Никогда мы еще не спали таким сладким сном, как в эту ночь. Я спал как убитый; даже во сне ничего не видел. Вдруг я почувствовал, что кто-то тянет меня за плечо изо всех сил. Думая, что настала очередь моей вахты, я вскочил в одну секунду. Ослепленный лучами солнца, падающими мне в глаза через окно, я в первый момент не разглядел, что передо мной стоял сам капитан.

— Мильс, — сказал он, — на нашем борту бунт. Слышите ли, самый возмутительный бунт!

— Не может быть, командир! Я ничего не понимаю; наши матросы казались мне довольными.

— Видите ли, когда бросаешь в воздух монету, неизвестно, какой стороной она упадет на землю. Еще вчера я пошел спать совершенно спокойно, а сегодня нахожу мятеж.

— Но, командир, я не слышу никакого шума; судно стоит на том же месте; не ошибаетесь ли вы?

— Нет. Я проснулся несколько минут тому назад и хотел подняться на палубу, посмотреть при свете на наш бассейн и подышать свежим воздухом, и что же? Нахожу верхушку лестницы заделанной на манер Спички. Согласитесь, что экипаж не посмел бы запереть своих офицеров, не будь у него намерений завладеть судном.

— Удивительно! Быть может, что-нибудь случилось с дверями? Подали вы голос, командир?

— Я стучал, стучал, но никакого ответа. Пробовал продавить дверь; но тут послышались с палубы раскаты смеха, и тогда я все понял. Когда матросы смеются в лицо своим командирам, предварительно заперев их, это пахнет бунтом.

— Конечно, командир. Не вооружиться ли нам теперь?

— Я уже все приготовил. Вы найдете в главной каюте заряженные пистолеты.

Через две минуты явились другие два офицера, вооружившись, подобно нам; Мрамор хотел попытаться выйти, но я заметил, что не может же быть, чтобы Неб с метрдотелем были в заговоре, что прежде не мешало бы посмотреть, где они.

Талькотт немедленно отправился и тотчас же вернулся, сообщив, что они спят мертвым сном.

Тогда мы тихонько двинулись к той части корабля, в которой должны были находиться матросы, все время прислушиваясь. К нашему великому изумлению со всех сторон раздавался храп на все лады и тоны.

Мрамор раскрыл дверь, и мы с пистолетами вошли в помещение матросов. Все гамаки были заняты спящими. Одна дверь лестницы, вопреки жаре, оставалась закрытой и загроможденной с наружной стороны.

— Мильс, — вскричал Мрамор, — мы опять в засаде у туземцев!

— Похоже на то, командир. Странно, однако; остров показался мне совершенно пустынным. Как вы думаете, не созвать ли нам весь экипаж, чтобы посмотреть, все ли налицо.

— Прекрасно. Пусть все идет в главную каюту, там виднее будет. Все было тотчас исполнено; все были тут, не хватало только одного вахтенного.

— Не мог же Гаррис позволить себе подобную штуку! — сказал Талькотт.

— Вы уверены, что Земля Мрамора необитаема? — спросил капитан.

— Я полагаю так, командир, судя по тому, что я на ней не встретил ни одной живой души.

— Какая досада! Все оружие на палубе, в сундуке, или развешано со всех сторон. Однако с одним человеком нечего церемониться. Я сейчас дам знать ему о себе.

При этом Мрамор так сильно хватил в дверь, что я подумал, что он ее сразу вышиб.

— Потише, потише, — слышался голос с палубы, — зачем так шуметь?

— Кто там, чорт вас побери? — спросил Мрамор, удваивая удары. — Сейчас же откройте, или я вас вышвырну за борт.

— Милостивый государь, вы в плену, слышите, в плену!

— Это французы, командир, — вскричал я, — и мы в их власти! Мы просто не верили своим ушам.

После нескольких минут переговоров мне разрешили сверху подняться на палубу, чтобы узнать настоящее положение дела, а Мрамору велено оставаться внизу. Дверь передо мною раскрылась, дав мне проход.

Когда я осмотрелся вокруг себя, ужас сковал все мои члены; я сразу не мог выговорить ни слова. Меня окружили пятьдесят человек вооруженных французов. Среди них находился Гаррис, который подошел ко мне с грустным и виноватым лицом.

— Я знаю, что заслуживаю смерть, господин Веллингфорд. После усталости и при царившем спокойствии, я не мог противиться сну; а когда я проснулся, эти люди уже хозяйничали у нас.

— Но откуда они взялись? Разве у острова есть какое-нибудь французское судно?

— По всем признакам это экипаж с погибшего судна с каперским свидетельством. Конечно, они обрадовались возможности завладеть „Кризисом“. Он теперь под французским флагом!

Подняв глаза, я действительно увидел развевавшийся трехцветный французский флаг.

ГЛАВА XVI

В жизни случаются иной раз такие неожиданности, которые не грезятся и во сне. Ну, кто из нас мог предвидеть, что мы, при данных обстоятельствах, попадем в руки неприятелей?

„Полина“ — французское судно, не подозревая опасности, натолкнулось на подводный камень, который чуть не погубил нас, и потерпело крушение. Ее капитан, ле-Конт, перевез на остров в лодках весь груз, имевший ценность, и, взяв с „Полины“ необходимый материал, принялся за постройку нового небольшого судна, которое могло бы доставить его с экипажем в какую-нибудь культурную страну. Так как инструментов было немного, а людей человек шестьдесят, то работа новой шкуны подвигалась так скоро, что уже можно было назначить день, в который ее спустят в море. Таково было положение их дел, когда в одну прекрасную ночь подъехали мы. Французы, державшиеся все время настороже, заметили нас еще тогда, когда мы показались на горизонте, в виде маленькой точки. С помощью подзорной трубы они следили за нашими движениями, и был момент, когда капитан ле-Конт хотел послать нам навстречу лодку, чтобы предупредить нас об опасности разбиться о подводные камни; но подумав, он рассудил, что мы могли быть неприятелями, а потому он предпочел спрятаться и выждать результата. Как только мы бросили якорь в бассейн и у нас воцарилась полнейшая тишина, он сел с вооруженными людьми в лодку и, стараясь грести без шума, приблизился к нам. Видя, что спокойствие у нас не нарушилось, он расхрабрился и влез в сопровождении трех матросов на палубу. Здесь он нашел Гарриса, спящего сном праведника, облокотившись на пушку. Оставалось лишь захлопнуть выходы из лестницы и все двери кают — таким образом мы сделали его пленниками. Затем он послал лодку за подкреплением, и, пока мы спали, наше судно переменяло своих хозяев.

Все эти подробности я узнал из разговоров с французами. Остров этот служил для них прекрасным убежищем. Тут было много источников, с пресной водой, роскошная растительность. Французы уже успели посадить тут овощи. Они раскинули несколько палаток в тени деревьев.

Рассудительный и вечно веселый ле-Конт был философом. Принимая жизнь такую, какая она есть в действительности, он старался и другим облегчить участь, насколько это позволяли обстоятельства. По его настоянию, я пригласил Мрамора наверх, и мы оба стали выслушивать условия, предложенные нашим победителем. Ле-Конт, все его офицеры и многие из экипажа были прежде пленниками англичан, а потому мы могли объясняться друг с другом без затруднений на английском языке.

— Само собою разумеется, ваше судно со всем грузом переходит к нам, — начал ле-Конт, употребляя то французские, то английские слова, — итак, этот вопрос решен. Но если вы в состоянии отнять его у нас — пожалуйста; всяк за себя и за свой народ. Смотрите: вот французское знамя, и оно будет развеваться здесь до тех пор, пока у нас хватит сил защищать его, и даю вам честное слово, что хотя „Кризис“ достался нам слишком легко, но продадим мы его дорого. Слышите? Теперь, милостивый государь, я предоставляю в ваше распоряжение остров, на котором вы можете занять наше место, тогда как мы устроимся на вашем. Оружие останется временно у нас; но, уезжая, мы оставим вам ружья, порох и прочее.

Вот слово в слово программа условий, предложенных капитаном ле-Контом. Мрамору, при его характере, трудно было безропотно покориться; но что же нам было делать? Мне удалось доказать ему, что сопротивление с нашей стороны было совершенно бесполезно.

Наш экипаж высадился на остров. Ящики и все личное имущество было бережно перевезено в лодках „Полины“. Мрамор посвистывал, но я заметил, что он фальшивил: по правде сказать, ему было не по себе; я же не особенно мучился, считая это происшествие исправимым.

— Вот, господа! — вскричал ле-Конт, подняв руки кверху в знак высшего великодушия. — Вы тут останетесь полными хозяевами, как только мы уйдем, а мы вам кое-что оставим из своего небольшого скарба.

— Удивительное великодушие, — проворчал Мрамор мне на ухо. — Он нам оставит остров, скалы, кокосовые орехи, а сам отправится на нашем судне со всем его грузом! Я готов держать пари, что даже свою

чортову шкуну он утащит с собой.

— К чему пыл, командир? Я уверен, что мы еще можем облегчить свою участь, поддерживая пока с французами хорошие отношения.

Оказалось, что я был прав. Ле-Конт пригласил нас позавтракать в палатку французских офицеров.

— Это, господа, просто несчастное военное приключение, — заметил ле-Конт, сбивая колоеткой шоколад с видом настоящего гастронома. — Прелесть, Антуан, превосходно.

Появившийся Антуан, юнга, имевший кожу медного цвета, получил от капитана приказание снести чашку шоколада „мадемуазель“, передать ей поклон и затем сообщить, что она уедет с острова через несколько дней, а через три-четыре месяца увидит прекрасную Францию. Последние слова были произнесены очень скоро и на французском языке, но я достаточно знал язык, чтобы понять их смысл.

— Он, верно, злорадствует над нашим несчастьем, — проворчал Мрамор. — Но пусть не больно-то хорохорится, он еще не у себя; ему еще предстоит несколько тысяч миль.

Я стал объяснять Мрамору, что говорилось, но он не хотел меня и слушать.

После завтрака ле-Конт отвел меня в сторону, чтобы объяснить свои намерения. Он выбрал меня, а не Мрамора, так как заметил строптивное настроение последнего; к тому же я понимал французский язык. Он объяснил мне, что французы в тот же вечер спустят шкуну в море, что мачты, снасти, паруса, все уже готово, что мы можем через две недели двинуться в путь. Нам перевезут большую часть наших съестных припасов. Одним словом, нам остается только водворить мачты на шкуне, оснастить ее, наполнить трюм и отправиться в ближайший дружественный нам порт.

— По-моему, вам лучше всего направиться в Кантон; он отсюда не дальше, чем Южная Америка; там вы найдете много своих соотечественников. А оттуда вам будет легко добраться во-свояси. Да, такой план великолепен. А вот и палатка „мадемуазель“! — вскричал ле-Конт. — Пойдемте узнать, как она себя чувствует сегодня.

В пятидесяти шагах от нас я увидел две маленькие палатки, утопавшие в зелени; тут же струился и ручеек. Ле-Конт, который был, действительно, красивым мужчиной, не более сорока лет, так и просиял, приближаясь к палатке; около двери ее он кашлянул раза два, чтобы возвестить о своем присутствии. Тотчас же вышла прислуга принять его. Черты лица этой женщины показались мне знакомыми, но я не мог припомнить, где и когда я встречал ее. Пока я решал этот вопрос, входя в палатку, я вдруг очутился перед Эмилией Мертон и ее отцом!

Мы сразу узнали друг друга, и к изумлению ле-Конта мне оказали самый радушный прием, как старому знакомому. Хотя Эмилия утратила здоровый цвет своего лица, все же она была еще свежа и красива. Она и ее отец носили траур. Заметив, что ее мать отсутствовала, я догадался о причине.

Мне показалось, что ле-Конт не понравился, что меня встретили так любезно; но будучи хорошо воспитан, он не захотел стеснять нашего разговора и вскоре удалился, под предлогом, что ему необходимо пойти сделать некоторые распоряжения. Уходя, он почтительно поцеловал руку Эмилиии, от чего меня покорило. В его манере держать себя с нею сразу проглядывали его намерения. Эмилия покраснела, прощаясь с ним.

Когда я посмотрел на нее, то, несмотря на свою невольную досаду, не мог не улыбнуться ей.

— Никогда, господин Веллингфорд, никогда, — с ударением повторила Эмилия, лишь только капитана не стало в палатке, отвечая, конечно, на ту мысль, которую она прочла в моих глазах. — Мы в его власти, мы вынуждены быть с ним любезны, но никогда я не выйду замуж за иностранца.

— Берегись, Эмилия, ты этим можешь обескуражить Веллингфорда, если бы ему пришла фантазия подумать о тебе.

Эмилия покраснела, но ее смущение продолжалось недолго. Она ответила с очаровательной поспешностью:

— Мистер Веллингфорд знает, что я не так плохо воспитана, чтобы заподозрить меня в желании оскорбить кого бы то ни было; но, во всяком случае, я уверена, что он никогда не позволил бы себе так приставать ко мне, как этот беспокойный француз, который походит скорее на турецкого султана, чем на почтительного поклонника. А потом...

— А потом что, мисс Мертон? — осмелился я спросить, видя, что она колеблется.

— А потом американцы — не иностранцы для нас, — сказала она, смеясь. — Вы сами знаете, папа, что у нас есть родственники в Соединенных Штатах.

— Совершенно верно, моя милая; и если бы мой отец остался жить там, где он женился, то мы сами были бы американцами.

Затем, по настоянию Эмилиии, я рассказал обо всем, что произошло со мной за это время, стараясь не распространяться о подробностях последнего события.

— Когда мы покинули Лондон, — сказал мне мистер Мертон, — я намеревался отправиться в Вест-Индию, но так как мне предложили очень выгодное место на востоке, то я поехал в Бомбей. Нам оставалось три-четыре дня до места нашего назначения, как мы повстречались с „Полиной“; и наше судно, не имея достаточно сил для борьбы, было забрано французами. Сначала капитан ле-Конт охотно выпустил бы меня с оказией, но такой не представилось, и „Полина“ привезла нас в Манилю. Здесь нас постигло большое горе, о котором вы, конечно, догадались, видя наш траур. Но тогда ле-Конт стал открыто ухаживать за моей дочерью, и с этим пропала надежда на освобождение: он все будет придумывать предлоги, чтобы отложить его.

— Но я надеюсь, что он не злоупотреблял своею властью? Эмилия взглядом поблагодарила меня за ту горячность, с которой я выражался.

— О, нет, напротив, — возразил майор. — Он выказывает относительно нас изысканную любезность и заботливость. Наверяд ли пассажиры пользовались где-либо большим комфортом и вниманием. В наше распоряжение предоставлена была на „Полине“ целая каюта. В Манилье моя свобода ничем не стеснялась, с меня только взяли обещание возвратиться. Но вот беда: Эмилия еще слишком молода, чтобы связать свою жизнь с человеком сорока лет, слишком англичанка, чтобы полюбить иностранца, и слишком умна, чтобы взять себе в мужа человека, который сам по себе ничего не представляет...

— Я вполне понимаю, что мисс Мертон может желать лучшей партии.

— Но вы не знаете французов, мистер Веллингфорд, — сказала Эмилия. — Попробуйте-ка уверить хоть одного из них, что он не обворожителен.

— Но я не думаю, что эта слабость распространяется и на моряков, — ответил я, смеясь. — Во всяком случае, вы будете свободны, лишь только приедете во Францию.

— И еще раньше, надеюсь, — возразил майор. — Эти французы могут творить, что им угодно, здесь, в широтах Тихого океана, но в Атлантическом нам будет легко встретить английский крейсер, который возьмет нас к себе прежде, чем мы пристанем к Франции.

Расчеты мистера Мертон были правильны. Поговорив еще на эту тему, я стал раскланиваться. Майор проводил меня до того места острова, с которого я мог видеть погибшее судно. Оставшись один, я пошел вдоль берега, размышляя обо всем случившемся.

Подойдя совсем близко к погибшему судну, я увидел Мрамора. Бедняга сидел на выступе скалы, со скрещенными на груди руками и опустив голову. Он даже не расслышал, что я подошел к нему. Наконец, одно из моих движений вывело его из оцепенения, и он повернул голову в мою сторону, он был рад увидеть меня одного.

— Я раздумывал о нашем положении, Мильс; я его нахожу таким безвыходным, что даже руки опускаешь. Я любил это судно более, чем можно любить своих родителей. У меня не было ни жены, ни детей, и сознание, что „Кризис“ в руках французов, для меня невыносимо.

— Припомните все обстоятельства, командир, и вы тогда утешитесь. Судно было взято врасплох, подобно тому, как мы захватили „Даму Нанта“.

— Именно так. Но это-то меня и сокрушает. Те, которые настигают, сами должны уметь избегнуть ловушки. Будь у нас усиленная вахта, ничего бы подобного не случилось.

Мрамор более не мог владеть собой. Он закрыл лицо руками, и я видел, как сквозь пальцы текли слезы.

— Счастье на море изменчиво, капитан, — ответил я, тронутый до глубины души его удрученным видом. — Но, в сущности, разве все потеряно?

— Почти все, как мне кажется.

— А если похитителей застигнуть в свою очередь и отнять от них присвоенную добычу?

— Что вы этим хотите сказать, Мильс? — сказал Мрамор, подняв голову. — Говорите ли вы вообще, или же у вас есть какой-нибудь план?

— И то и другое, если хотите, командир.

— Посмотрим, что вам пришло в голову, милый мой мальчик; ведь вы рождены незаурядным человеком; говорите же.

— Скажите мне сначала, командир, не было у вас особого разговора с ле-Контон? Не сообщил ли он вам о своих планах?

— Я только сейчас ушел от этого лакомки. Его милые улыбки, Мильс, вонзаются в меня, подобно иглам; видно, что он в упоении от своей победы. Если только мне когда-либо удастся возвратиться в Соединенные Штаты, не я буду, если не вооружу крейсера и не пущусь в преследование за ним. Я согласен сделаться пиратом, чтобы только изловить этого негодяя.

— Но нет никакой крайности ехать в Соединенные Штаты ради крейсера, раз французы настолько вежливы, что уступают нам здесь, на месте, свою шкуну.

— Теперь я начинаю понимать вас, Мильс; эта идея заманчива. Но у французов в руках мое полномочие; без этой бумаги наше нападение на них является разбойничеством.

— Позвольте вам заметить, командир, что мы лишились полномочия вследствие несчастного случая. Мы всегда можем доказать это.

— Да, на „Кризисе“, но не на этой маленькой „Полине“. Полномочие имеет силу только на том судне, которое там значится.

— Я с вами не согласен, капитан. Предположите, что наше судно погибло во время захвата неприятеля, разве мы не имели бы права продолжать путешествие на взятом судне и затем бороться со всем, что оказалось бы поперек нашей дороги?

— Клянусь, вы правы! Я только что собирался сделаться пиратом, а теперь выходит проще, я могу надеяться отнять свою собственность.

— Разве можно назвать пиратами экипаж, восстающий против своих победителей и отнимающий от них свое судно?

— Мильс, вы хороший моряк, хотя рождены, чтобы быть выдающимся адвокатом. Дайте мне руку, мой мальчик, благодаря вам, у меня является луч надежды; этого достаточно, чтобы я мог продолжать жить.

Мрамор передал мне свой разговор с ле-Контом со всеми подробностями. Француз вдруг стал очень спешить с отъездом. Я сразу догадался о причине: ему хотелось как можно скорее увезти Эмилию. Я рассказал Мрамору о моей неожиданной встрече и повел его к палатке. Пока Мрамор прогуливался под руку с майором, я остался с глазу на глаз с Эмилией.

Ле-Конт не замедлил появиться, но, несмотря на свою очевидную ревность, он держал себя с большим тактом и любезностью, пригласив нас всех отобедать с ним. Обед был великолепен: суп, шампанское, кушанья самые изысканные.

В пять часов мы все были приглашены присутствовать при спуске шкуны. Шампанское и бордо развеселили и Мрамора и меня.

Французские матросы отличились при постройке „маленькой Полины“; из нее вышло не только большое и комфортабельное судно, но, главное, по всем признакам, оно должно было иметь скорый ход...

Ле-Конт сам руководил постройкой „Полины“, желая блеснуть своим искусством перед марсельскими друзьями.

Как только все были в сборе, ле-Конт, войдя на шкуну, дал знак тронуться. Тотчас сняли все подпорки, и судно легко понеслось по воде. Ле-Конт, подняв вверх бутылку, воскликнул громким голосом:

— За успех прекрасной Эмили!

Повернувшись в сторону мисс Мертон, я заметил, что она закусила свою хорошенькую губку: комплимент пришелся ей не по вкусу.

Затем ле-Конт причалил к берегу, ввел нас во владение шкуною, произнося заранее подготовленную речь. По его словам, мы не должны были считать себя пленниками, и он вовсе не гордился одержанной над нами победой.

— Мы расстанемся добрыми друзьями, — прибавил он, — но если нам придется встретиться и наши обе республики будут еще враждовать, то каждый будет воевать за свое знамя.

Этой фразой он закончил торжественную церемонию. Вскоре затем Мертоны сели в лодку со своими слугами.

Я простился с ними на берегу, и мне показалось, — быть может, это иллюзия, — что Эмили было тяжело расставаться.

— Господа, — сказал майор, — наша встреча здесь слишком необычайна; я уверен, что мы вновь увидимся в один прекрасный день. А пока прощайте!

Когда французы окончили свои последние приготовления, капитан ле-Конт простился с нами.

На следующий день, рано утром, явился Неб и возвестил, что „Кризис“ снимается с якоря. Я вскочил и оделся в одну секунду. Когда я подошел к берегу, „Кризис“ выходил в открытое море на всех парусах.

ГЛАВА XVII

На полдороге между проливом и верфью я нашел Мрамора, стоявшего со скрещенными руками и смотревшего по направлению удалявшегося судна. Он показал кулак всем французам.

— Да, да, ломайся, фанфарон, фат с голубиными крылышками; но посмотрим, что от тебя останется через два месяца?

— Наши люди принялись уже за работу, капитан, — сказал я, чтобы обратить его внимание на что-либо другое.

— Да, Талькотт получил уже от меня инструкции; я надеюсь, что и вы не будете сидеть сложа руки. Этот француз воображает, что нам потребуется целых две недели, чтобы приготовиться к отплытию. Так я же докажу ему, что для чистокровных янки достаточно трех дней на полную экипировку шкуны.

Говоря это, Мрамор не ограничился одними словами. Он всем дал дело, правильно распределив работу между умелыми и опытными людьми. После обеда приступили к переноске груза, воды, провизии, одним словом, всего, что мы хотели увезти с собой.

Вечер мы с Мрамором провели в разговорах. Ле-Конт оставил нам незначительное количество оружия, боясь дать нам возможность делать нападения на его соотечественников.

На другой день, проснувшись чуть свет, я пошел выкупаться. В том месте, которое я себе выбрал, вода была совершенно прозрачная. Нырять, я увидел целую группу больших устриц, прилипших к скале; мне удалось достать их с дюжину. Продолжая нырять в течение четверти часа, я понемногу вытащил все, что там было—от шестидесяти до восьмидесяти штук. Устрицы оказались жемчужными, я велел Небу спрятать их хорошенько в корзинку. Это обстоятельство было сообщено Мрамору; так как спешные работы кончились, то он послал в лодке водолазов. Они оказались менее счастливы, чем я, однако нашли устриц порядочно. Но что нас обрадовало, это — что они напали на дне бассейна, на месте стоянки „Кризиса“, на наш сундук с оружием, которым пренебрегли французы, предпочитая свое собственное. Они лучше сделали бы, если бы увезли его с собой, подальше и бросили бы в открытое море на неизмеримую глубину.

Не прошло и тридцати шести часов с тех пор, как отплыл „Кризис“, как мы уже полетели в погоню за ним. Ветер благоприятствовал нам. Шкуна поражала легкостью своего хода; руля она слушалась прекрасно.

Ле-Конт хотел направиться к западным берегам Южной Америки, но мы видели, что „Кризис“ исчез на востоке, держа путь на северо-восток. А потому мы старались следовать за ним. Ночью в продолжение две-

надцати часов мы прошли сто шесть миль, несмотря на волнение моря; действительно, ле-Конт оказался искусным судостроителем. «Кризис» при данных условиях прошел бы много меньше.

Мрамор пришел в восторг от такого результата. По этому поводу он приказал откупорить бутылку рому и созвать весь экипаж. Встав во главе его, он произнес следующую речь:

— Товарищи, — вскричал он, — в это путешествие мы испытали все превратности судьбы. Но в общем хорошего было больше, чем дурного. Индейцы, со своим прохвостом Спичкою во главе, убили бедного капитана Вильямса, бросили его в море и захватили наше судно; это плохо, но зато потом мы имели счастье отнять его. Затем новая напасть: французы подвели нас; но вот они любезно оставляют нам шкуну, мне нечего говорить вам, что из этого выйдет. — На этом месте речи экипаж закричал „ура!“ — Теперь, господа, я вовсе не намерен плыть и сражаться на судне с французским названием. Ле-Конт окрестил шкуну именем... как его, мистер Веллингфорд?

— „Прекрасная Эмилия“.

— Не хочу я никаких „прекрасных“! Итак, три новых ура! За „Полли“, так как раньше оно должно было так называться и впредь будет носить это имя до тех пор, пока им командует Моисей Мрамор.

Дней через пять после нашего отъезда Неб пришел и сказал мне:

— Мистер Мильс, наши устрицы сделались какие-то странные и сильно пахнут; матросы клянутся, что выкинут их в море, если я не съем их. Но я для этого не настолько голоден.

Это были жемчужные устрицы, которые, не имея доступа воздуха, стали разлагаться. Капитан велел притащить на палубу мешки и бочонки, наполненные ими. Да и пора было приняться за них, а то у нас могла распространиться болезнь.

Мрамор с двумя лейтенантами взялись за бочонок, принадлежавший капитану. Мы же с Небом начали работать над своим добром. Это была сушая пытка, мы просто задыхались от невыносимой вони. Но чего только человек не вытерпит ради жажды наживы? В первых семи раковинах я нашел совсем мелкие жемчужинки. Потом Неб открывал, а я смотрел. Я уже хотел все бросить, так мне было тошно. Но вдруг в одной из устриц я нашел семь жемчужин, величиною с горошину, замечательно чистой воды. Меня тотчас же обступили.

— Вот так находка, Мильс! — воскликнул Мрамор, принимаясь с новым рвением за работу. — Как вы полагаете, что могут стоить эти безделушки?

— Пожалуй, пятьдесят долларов. Жемчуг такой величины — редкость.

— Мои девять устриц дали одиннадцать жемчужин такого же качества, как первые. В несколько минут у меня всего набралось семьдесят три штуки. Потом последовала дюжина пустых раковин, после которых три — с тридцатью тремя жемчужинами; и, наконец, четыре штуки с целую вишню. Всего я насчитал у себя сто восемьдесят семь штук на сумму около тысячи восьмисот долларов.

Мрамору не так везло. Ему удалось собрать только тридцать шесть жемчужин; он разочаровался и вспоминать больше не хотел об устрицах.

Между тем „Полли“ все летела да летела по Тихому океану.

Утром одиннадцатого дня матрос, стоявший на рефор-марселе, закричал: „Парус!“ Так как с палубы ничего не было видно, мы взобрались на реи. В пятнадцати-двадцати милях от нас белели брамсели какого-то судна. Мрамор уверял, что это „Кризис“. Но он ошибся. Через час мы увидели, что это была лодка, отнесенная ветром от китоловного судна, американской конструкции, с веслами и всеми необходимыми принадлежностями.

У Мрамора тотчас же созрел план. Он велел перейти в лодку четверем водолазам, взятым с Сандвичевых островов, приказал взять рому и съесных припасов; дал мне свои инструкции и затем поместился в лодке сам, решив делать по пяти узлов в час, тогда как шкуна должна была следовать за ним, делая по два узла. Солнце в это время клонилось к закату и вскоре совсем исчезло на горизонте.

Поручения, данные мне, были нетрудны. Я должен был следовать за Мрамором до тех пор, пока с его стороны не покажется свет, затем переменить галс и идти параллельно с лодкой. Около девяти часов показался условный знак; шкуна ответила тем же, после чего я переменял направление судна.

В десять часов разразилась буря. Первый порыв ветра так рванул шкуну, что она совсем накренилась набок: разыгравшиеся стихии шутить не любят.

Я провел ночь в невыразимых нравственных мучениях. Я был сердечно привязан к Мрамору, которого справедливо считал своим искренним другом, а жизнь его подвергалась опасности.

Буря свирепствовала всю ночь. Наконец к утру стало стихать, и шкуна могла распустить паруса. Но лодки нигде не было видно.

Через две недели после потери лодки я увидел вершины Андон, в нескольких градусах на юг от экватора.

На двадцать девятый день после отплытия с острова, мы вошли в открытый рейд, где восемь месяцев тому назад совершили выгодные торговые операции. Едва мы бросили якорь, как к нам подъехал дон-Педро осведомиться, кто мы и что нам нужно. Я сразу узнал этого субъекта, так как раньше продавал ему товар. Обменявшись с ним несколькими словами, наполовину английскими, наполовину испанскими, мы признали друг друга. Я объяснил ему, что ищу судно, с которым будто бы временно разлучен, вследствие служебных обязанностей. Тогда он сообщил мне, что видел судно, укрывавшееся теперь за небольшим островом, в десяти милях от нас, что он сначала подумал, что это „Кризис“, но заметив на нем французский флаг, решил, что он

ошибся.

Этих сведений для меня было достаточно, чтобы попытаться достать лоцмана. Один из лодочников предложил мне свои услуги. Я боялся, чтобы на „Кризисе" не разузнали о моем присутствии таким же способом, как я узнал о них, а потому, не теряя времени, в десять часов вечера мы тронулись. В полночь я въезжал в пролив, отделяющий остров от материка. Сев в лодку, я отправился обозреть место. „Кризис" стоял на якоре за мысом. На нем все казалось спокойным. Но я хорошо знал, что судно, вся безопасность которого зависит от быстроты его движений, должно было иметь хороших сторожей. Я тщательно осмотрел положение „Кризиса", взобравшись на возвышенную часть мыса, и к двум часам утра возвратился на шкуну.

Нетерпение моего экипажа напасть на французов было так велико, что я насилу сдерживал его пыл. Приближаясь к мысу, мы все стояли на палубе, вооруженные с головы до ног, и хранили глубокое молчание. Только один мыс отделял нас от „Кризиса". Я решил напасть на судно с правого борта, стараясь не шуметь.

Когда все было готово, я стал на корму возле рулевого и велел повернуть руль к ветру.

Неб поместился сзади меня. Так как вода была достаточно глубока, мы, держась берега, обогнули мыс. „Кризис" виднелся как на ладони, саженьях в ста от нас. Приказав взять на гитовы фок, я устремился к носу шкуны. Мы уже были так близко от неприятеля, что французы слышали шум от ударяющего по мачтам полотна; нас окликнули в рупор. Дав ничего не значащий ответ, мы столкнулись с „Кризисом".

— Ура! За наше старое судно! — закричали матросы, бросаясь на бордаж. Готовился бой не на живот, а на смерть.

Последовало всеобщее смятение. Раздались выстрелы из пистолетов.

Неожиданность нападения обеспечивала нашу победу. Через три минуты Талькотт провозгласил, что мы хозяева судна и что французы просят пощады. Они сначала подумали, что застигнуты таможенным крейсером, так как были уверены, что мы направились к Кантону. Каково же было их удивление, когда они поняли истину! Какие только проклятия не посыпались на нашу голову!

Гаррис, тот самый матрос, из-за которого мы попали в руки французов, был убит наповал; он дрался отчаянно, думая своею смертью искупить вину; девять человек из нас, в том числе и я, были ранены.

Французам же пришлось плохо. Шестнадцать человек из них умерло, исходя кровью. Наши дрались с таким остервенением, которое трудно себе представить. Ле-Конта нашли мертвым у двери его каюты.

ГЛАВА XVIII

Будь Мрамор вместе с нами во время взятия „Кризиса", счастье мое не имело бы границ, но неизвестность его судьбы отравляло торжество победы. В тот же вечер я улучил минутку поговорить с майором Мерто-ном и успокоить его; Эмилия, слышав стрельбу, сильно встревожилась, но, узнав обо всем, обрадовалась обретенной свободе.

Я не медля снялся с якоря и пустился в дорогу. Необходимо было избежать затруднительных вопросов, которые могли быть предложены испанскими властями относительно нашего нападения на нейтральной почве. На рассвете шкуна и „Кризис" отъехали на четыре мили от земли и держались „большой международной дороги", на которой, кстати сказать, встречалось столько же грабителей, как и на всякой другой дороге.

На восходе солнца мы похоронили умерших. Эта процессия совершалась с подобающей торжественностью. Радость победы не могла заглушить грустных размышлений, перед которыми стихает самый пламенный энтузиазм.

Поразмыслив, что нам теперь предпринять, я решил, что благоразумнее всего, в виду интересов владельцев „Кризиса", было бы вернуться на остров, где французы оставили в палатках много ценных вещей, как, например, свинец, в большом количестве, затем тюки с товарами, взятыми ими из Бомбея, и прочее; во всяком случае, это было бы выгоднее незаконной торговли на берегах Америки.

Пока мы рассуждали на эту тему с Талькоттом, вдруг раздался крик: „Парус!" Сквозь утренний туман перед нами вырисовалось большое судно, на расстоянии одной мили. Это были испанцы, весьма встревоженные встречей с нами, ибо в то время шла война испанцев с англичанами. Увидев американский флаг, они пожелали поговорить с нами. Я предложил сделать визит их командиру. Он принял меня по всем правилам приличия и, после нескольких фраз, не имеющих значения, передал мне американские газеты, в которых говорилось о мирном договоре, только что заключенном между Соединенными Штатами и Францией. Пробегая их, я порадовался, что успел во-время отобрать „Кризис", в противном случае с двенадцати часов сегодняшнего дня мой поступок считался бы противозаконным.

Я узнал от испанского капитана, что многие из его экипажа погубили от оспы, что он рассчитывал пополнить его, остановившись в Вальпарайсо.

Я ухватился за эту мысль и предложил ему взять на судно наших французов, а так как Франция и Испания были заодно против общего неприятеля, капитан с удовольствием согласился; в ту же минуту условие было заключено.

Возвратясь к себе, я собрал пленников и объяснил им намерения капитана, указав, что для них представлялся удобный случай возвратиться на родину, чему они несказанно обрадовались, предпочитая плену все, что угодно.

Я поручил командование „Полли" второму лейтенанту, сделавшемуся старшим, вследствие моего собственного повышения. Таким образом Талькотт получил место старшего лейтенанта на „Кризисе", что мне было очень приятно, так как он вполне заслуживал этого.

При закате солнца, я, наконец, увидел Эмилию в первый раз после того, как мы расстались с ней на Земле Мрамора.

— В сущности, — сказала Эмилия, — мы точно могила Магомета, висящая, по преданию, между небом и землей, как мы между Индией и Америкой; неизвестно, где мы сойдем на землю. Воздух Тихого океана сделался для нас родным; до сих пор мы только и дышим им.

— Ты права, дитя мое, — проговорил отец, — но, Веллингфорд, скажите, что сделалось с капитаном Мрамором, где он теперь?

Я рассказал ему, при каких условиях Мрамор покинул нас, затем спросил, не слышал ли он чего-нибудь о шкуне и китоловном судне?

— Нет, ничего, — ответил майор, — я никогда не предполагал встретиться так скоро с „Прекрасной Эмилией", думая, что вы идете в Кантон; сам ле-Конт так говорил мне.

В тот же вечер я предоставил в распоряжение Мертонов две каюты и, не желая отставать от внимания ле-Конта, приказал подавать им кушанье отдельно, хотя большую часть они приглашали меня к себе завтракать и обедать. Майор, знающий толк в хирургии, принялся лечить мою рану в плече, а Эмилия ухаживала за мной, так что в две недели рана окончательно зажила.

Дальнейшее наше путешествие по Тихому океану при пассатных (постоянных) ветрах шло благополучно. Мы делали регулярно от ста двадцати узлов в сутки. Так как вахта была возложена на лейтенантов, я мог на свободе предаваться разговорам с майором и его дочерью, слушать ее игру на рояле или же читать вместе с Мертонами что-либо из их собственной библиотеки.

В таком милом обществе время летело незаметно. Я не могу сказать, что влюбился в Эмилию, хотя ее образ преследовал меня иногда даже во сне.

Я часто ловил себя на сравнениях, которые невольно делались мною между ею и Люси.

По красоте я отдавал предпочтение Эмили, но когда я вспоминал Клаубоини, и особенно мое последнее пребывание там, Люси казалась мне дороже.

Через две недели нашего плавания, когда мы заговорили о ловле жемчужных устриц, я вспомнил о своем сокровище.

У нас в экипаже находился золотых дел мастер, который взялся просверлить мои жемчужины и нанизать их на нитку, поместив самую крупную в середину, а остальные—по величине. Получилось прелестное ожерелье.

Когда я показал эту драгоценность, Эмилия ахнула от восхищения, а майор взял ожерелье в руки и, внимательно осмотрев его, сказал:

— В Лондоне за него дали бы тысячу фунтов стерлингов.

— Но я его никогда не продам, разве уж если буду к тому вынужден.

— Никогда! — повторил майор, а Эмилия устремила на меня вопросительный взгляд, который я не знал, как объяснить. — Но к чему вам такое украшение?

— Я сохраню его, так как вытаскил его собственными руками из морской глубины, и если я расстанусь с ожерельем, то только для того, чтобы подарить его или сестре или, если женюсь, моей жене.

Я заметил по углам губ майора едва уловимую улыбку, но я был еще очень молод и слишком американец, чтобы понять ее. Эмилия любовалась ожерельем. Я осмелился попросить ее надеть ожерелье на шею, на что она с удовольствием согласилась, слегка покраснев.

— Как тебе идет это ожерелье, Эмилия! — вскричал восхищенный отец.

На следующее утро, когда я одевался, ко мне запыхавшись, влетел Неб.

— О, мистер Мильс! Лодка! Лодка!

— Какая лодка? Уже не упал ли кто-нибудь в море?

— Лодка от китоловного судна! Бедный капитан Мрамор! Лодка!

— Не может быть!

Неб, беги скорее к вахтенному офицеру; пусть он убавит ходу: я сейчас буду сам наверху.

Это было китоловное судно с лодкой; недалеко от него виднелся убитый кит.

— Кажется, они хотят говорить с нами! — сказал я Талькотту. — Это должно быть американское судно. Капитан — в лодке, он, вероятно, хочет передать нам письмо или какое-нибудь поручение.

Эмилия любовалась ожерельем...

Вдруг Галькотт закричал во весь голос:

— Урра, трижды ура, господа! Я вижу капитана Мрамора в лодке!

Тут посыпались радостные восклицания, которые должны были отозваться в сердце бедного Мрамора. Через три минуты он уже стоял на палубе. Я не мог выговорить ни слова; Мрамор тоже был очень взволнован.

— Я узнал вас, — выговорил он, наконец, со слезами на глазах, — узнал также эту проклятую „Полли“, как только рассеялся туман. Прекрасно, мой мальчик! Я счастлив, как будто я сам — победитель.

Вытерев глаза, он постарался придать твердости своему голосу:

— Вам известно, друзья мои, при каких обстоятельствах я расстался с вами, и затем мы потеряли из виду друг друга; я убежден, что вы беспокоились за мою судьбу во время бури.

— Мы целый день придерживались того места, где вы покинули нас! — вскричал я.

— Да, да, командир! — заговорили в один голос все матросы. — Мы сделали все, что от нас зависело, чтобы разыскать вас.

— Знаю, знаю! Вам нечего и говорить об этом. Ну, а мне пришлось выбирать одно из двух: оставаться на китоловном судне или бросаться в море; и я доволен своим выбором: вот мы опять все вместе, хотя и на сто миль от того места, где расстались.

— И вот наше старое судно, командир. Примите его в том же виде, каким вы его покинули, — проговорил я. — Как я счастлив, имея возможность собственноручно возвратить его в ваши руки.

— Чтобы я отнял командование судном у человека, который завоевал его! Да за кого вы меня считаете! Будь я проклят, если я соглашусь на это.

— Вы удивляете меня, командир. Вы теперь взволнованы, а потому рассуждаете неправильно. Да, наконец, ваш долг, в виду интересов ваших судовладельцев, продолжать начатое вами дело.

— Вы заблуждаетесь, Мильс Веллингфорд, — твердо сказал он. — Лишь только я узнал „Кризис“, мое решение было принято. При вашем начальстве их интересы выиграют гораздо более, чем при моем.

— Мне не хватает слов выразить вам, как вы меня огорчаете, командир; мы провели вместе столько времени...

— Но, мой милый мальчик, меня не было с вами при отобрании судна.

— Я исполнил только то, что вы сделали бы сами, не случись несчастья.

— Не знаю. Я много думал об этом вопросе; и мне кажется, что французы непременно разбили бы нас, если бы мы на них напали в открытом море. Ваш же образ действий оказался куда правильнее. Нет, слушайте, Мильс: вот все, что я могу сказать вам. Отправляйтесь теперь на остров, забирайте все, что вы там оставили. Оттуда вы ведь едете в Кантон?

— Да, это было мое намерение, и я рад, что, повидимому, вы одобряете его.

— Приехав туда, нагрузите шкуну всем, что вам не понадобится в Кантоне, например: медью и другими английскими товарами, которые я повезу в Нью-Йорк, пока вы будете продолжать плавание на „Кризис“, так как это право принадлежит исключительно одному вам.

Напрасно я приводил всевозможные доводы, чтобы уговорить Мрамора: его решение было непоколебимо. В тот же вечер он перешел на „Полли“, приняв его под свою команду.

ГЛАВА XIX

Обменявшись с китоловным судном несколькими фразами, мы возвратили ему лодку, а сами направились к острову.

Через десять дней после встречи с Мрамором мы прибыли благополучно к месту нашего назначения.

И „Кризис“ и шкуна вошли беспрепятственно в гавань.

Как только мы остановились, всему экипажу разрешили на день пользоваться свободой, и мы рассыпались по берегу в разные стороны. Нам нечего было опасаться неприятеля, и каждый наслаждался свободой по-своему.

Одни занялись рыбной ловлей, другие стали собирать кокосовые орехи, искать раковины на берегу, которых тут было очень много.

Эмилия с прислугой поместились в своей старой палатке, куда я приказал перенести все нужные для них вещи и приставил к ним Неба для наблюдений, чтобы они ни в чем не терпели лишений. В восемь часов Неб явился к нам от имени майора пригласить на завтрак капитана Веллингфорда и капитана Мрамора.

— Вот видите, Мильс, как я хорошо все устроил: теперь мы оба — капитаны.

— Но когда соединятся два капитана, то командует старший из них. Мы будем звать вас: командор Мрамор!

— Отложите шутки в сторону, Мильс, я говорю с вами серьезно. Ведь только благодаря вам я имею возможность управлять этой шкуной — наполовину французской, наполовину американской. Это моя вторая и последняя команда. Вот уже десять дней, как я раздумываю о своей жизни, и теперь я пришел к заключению, что могу быть только вашим помощником, но не начальником.

— Я не понимаю вас. Мрамор. Если бы я знал вашу жизнь, может быть, для меня все стало бы яснее.

— Мильс, хотите доставить мне удовольствие? Вам это нетрудно будет.

— Говорите, я с радостью все исполню.

— Так вот: между нами не должно быть официальности: называйте меня попросту Моисей, так же, как я буду звать вас Мильс.

— Хорошо, дорогой Моисей, но теперь расскажите мне свою историю; вот уже два года, как она мне обещана.

— Моя история недолга, но назидательна. Вы, конечно, знаете, кто дал мне имя?

— Полагаю, что ваши крестные родители.

— Вы близки к правде более, чем вы думаете. Мне рассказали, что меня нашли в мастерской мраморщика, когда мне было не более недели от роду; положили меня на камень, который обтачивался для могилы, рассчитывая, что так я наверное попадусь на глаза работникам. Это было на берегу речки, в городе Йорке.

— И каменотес нашел вас на следующее утро?

— Вы отгадали.

— Что же потом?

— Меня отослали в Дом Милосердия. Меня сначала занесли в реестр под № 19, а через неделю дали имя Моисея Мрамора.

— Вы долго оставались в этом доме? А когда же вы начали морскую карьеру?

— Мне было восемь лет, когда я распрощался со своим приютом. Теперь мне ровно сорок лет, а потому вы поймете, что я начал плавать задолго до революции.

— И все это время, вы, мой друг, оставались один, без родных?

— Совсем одинешенек.

Эти слова он произнес с горечью. Затем, хлопнув меня слегка по плечу, он сказал мне, переменяв тон.

— Однако, Мильс, майор с дочерью ждут нас завтракать, пойдете-ка. Как и следовало ожидать, нам оказали самый радушный прием.

— Мы с Эмилией считаем себя давнишними обитателями этого острова, — сказал майор, с удовольствием оглядываясь вокруг себя (стол был накрыт на свежем воздухе, под тенью деревьев), — и я с наслаждением провел бы здесь остаток дней, если бы меня не останавливала дочь моя, для которой жизнь со стариком-отцом, при ее молодости, может показаться слишком однообразной.

— За чем же остановка, майор? — заговорил Мрамор. — Любой из наших офицеров с радостью согласится составить компанию вашей дочери; во-первых, Талькотт, это прелестный малый и прекрасно воспитанный; во-вторых, капитан Веллингфорд; за последнего уж я вам отвечаю; он бросит свое Клаубонни со всеми принадлежащими ему землями, чтобы сделаться владельцем этого острова при таком очаровательном обществе.

— Конечно, конечно, молодые люди любят все романтическое. Но, знаете, господа, я говорю серьезно, мне очень улыбается перспектива поселиться здесь.

— Я очень рада, дорогой папа, что ваше желание еще не настолько сильно, чтобы вы решились исполнить его на деле.

— Да вот только ты и задерживаешь меня: что я буду здесь делать с молодой томящейся девицей, вздыхающей по балам и театрам?

— Да вы сами, майор, помрете с тоски без товарищей, без книг, без занятий.

— Я найду себе дело, Мильс; во-первых, буду размышлять о прошедшем, затем библиотека Эмилии заменит всякое общество. А занятий у меня найдется масса. Подумайте, сколько тут надо всего устраивать. А как приятно наслаждаться потом результатом своих собственных трудов! О! Да, я буду чувствовать себя принцем, и притом еще владетельным принцем.

— Да, майор, но я уверен, что вам надоест подобное владение, и вы сами от него отречетесь.

— Все может быть, Мильс, но эта идея для меня очень заманчива. У меня никогда не было своего клочка земли.

— У меня тоже! — с жаром перебил Мрамор.

— Здесь же, как видите, земли сколько угодно. Как вы думаете, господа, сколько тут акров, не считая скал и песчаников, негодных для возделывания!

— Сто тысяч! — вскричал Мрамор с таким азартом, что мы все так и покатались со смеху.

— Ну, нет, — ответил я. — По-моему, не более шести или восьми сот.

— И этого достаточно. Но я вижу, что Эмилия испугалась и уже дрожит при мысли сделаться наследницей такого обширного имения. А потому оставим этот разговор.

После завтрака майор отправился с Мрамором к месту крушения французского судна, мы же с Эмилией пошли в другую сторону.

— Странная мысль преследует моего отца, — сказала она после минутного молчания, — и вы знаете, что он не в первый раз говорит о ней!

— Это хорошо было бы для влюбленных, — ответил я, смеясь, — но для отца с дочерью не особенно занимательно. Я понимаю, что двое молодых людей, любящие друг друга, могут найти прелесть в уединении; но пройдет год, другой, и их потянет отсюда к людям.

— Как я вижу, вы не поэт, Мильс, — заметила Эмилия тоном упрека, — а я могла бы чувствовать себя счастливой везде, и здесь так же, как в Лондоне, при условии, чтобы со мной были близкие люди.

— А, это разница. Устроим здесь маленькую колонию из вашего отца, вас, Мрамора, доброго нашего мистера Гардинга, моих дорогих Грации и Люси, и я к вашим услугам!

— Кто же эти дорогие вам особы, мистер Веллингфорд, присутствие которых усладило бы ваше пребывание на пустынном острове?

— Во-первых, майор Мертон, человек достойный во всех отношениях; затем его дочь, которая...

— Оставим ее, ее недостатки мне известны лучше, чем вам. Но кто эта дорогая Грация?

— Грация — моя единственная сестра. Гардинг — мой опекун; а Руперт и Люси его дети.

Расставшись с Эмилией, я отыскал Мрамора. Он разгуливал один по аллее, расчищенной покойным ле-Контон.

— Этот майор человек неглупый, — сказал он мне, когда мы с ним поровнялись, — я люблю таких философов.

— Что же он вам сказал такое особенное?

— Да все та же его чортова мысль и мне засела в голову; и я уже почти решил остаться здесь, когда провожу вас.

Я посмотрел на Мрамора с удивлением. Но он не шутил, намереваясь выполнить на деле воздушные замки Мертона.

— Но ведь это еще не решено, мой друг, — ответил я, зная, что с ним шутить бесполезно в такие минуты, — подождите до завтрашнего дня; может быть, вы еще и передумаете.

— Наверяд ли, Мильс. Здесь можно найти все необходимое для существования.

— Я беспокоюсь не о пище: в этом отношении вы обеспечены, но ведь вы можете захворать, умереть. Человек создан не для того, чтобы прозябать в одиночестве; ему нужно общество и...

— Я обо всем подумал, и мне нравится жизнь отшельника. Я не говорю, что не был бы рад, если бы со мной остались такие люди, как Талькотт, майор или даже Неб; но раз этого нельзя, я останусь один. Когда вы возвратитесь к себе, вы, конечно, расскажете об этом острове, и, кто знает, быть может, время от времени сюда пристанет корабль из любопытства взглянуть на отшельника.

— Но ведь это безумие! Имейте в виду, что вам здесь придется, пожалуй, терпеть недостатки. Я даже не знаю, всегда ли полезны для здоровья кокосовые орехи, да и на других деревьях навряд ли имеются фрукты во всякое время года.

— Не беспокойтесь. У меня есть ружье, да и вы мне оставите еще оружия: кроме того, будут приставать сюда суда, так что у меня всегда будет возможность сделать новый запас провизии. А рыбная ловля? Потом я могу насадить овощей! На этой почве урожай должен быть обильный. Да, наконец, у меня целый ящик инструментов; я знаю и плотничные и слесарные работы. Тысячи бедняков, снующих по улицам больших городов, с радостью променяли бы свое жалкое существование на мое одиночество и благосостояние.

Я не стал более уговаривать Мрамора, подумав, что он теперь ненормален. На следующий день закипела работа. Медь, английские товары и многое из французского груза перевезли на остров. Мрамор оставался непоколебим в своем решении, начав с того, что отказался от командования „Полли“, которое я передал одному из наших офицеров, весьма способному молодому человеку.

Через неделю, потеряв всякую надежду добиться чего-либо от Мрамора, я отдал приказ отправляться в путь, предупредив капитана „Полли“, чтобы он обошел мыс Горн и всячески постарался миновать Магелланов пролив.

Я написал судохозяевам обо всем случившемся, сообщил им свои проекты относительно дальнейших оборотов; что же касается Мрамора, то ограничился тем, что объяснил его самовольную отставку чувством деликатности, заставившим его сложить свои обязанности с момента отнятия у французоз судна, при этом я прибавил, что на будущее время я принимаю на себя ответственность за их интересы.

„Кризис“ уже давно был готов к отплытию, но я все медлил из-за Мрамора. Я попросил майора Мертона повлиять на него, но майор сам слишком сочувствовал проекту Мрамора, чтобы отговаривать его. Увещения Эмилией тоже ни к чему не привели.

ГЛАВА XX

Истощив весь запас красноречия, нам оставалось употребить все меры для улучшения положения Мрамора.

Собрав по возможности строительный материал, мы ему живо соорудили хижину, в которой он мог укрываться в непогоду; затем сделали в ней окна и дверь. Хотя климат здесь был жаркий и камина не требовалось, все же мы перенесли к хижине печку, сделанную французами. Мы даже вспахали часть земли и обнесли ее изгородью, чтобы предохранить от домашней птицы. Так как нас работало около сорока человек, на острове скоро водворился порядок; я принимал во всех работах самое деятельное участие.

Мрамора почти не было с нами во все это время; он жаловался, что ему ничего не останется делать после нас, а на самом деле он был счастлив, видя с какой заботливостью мы относились к его благоустройству.

Предполагая, что Мрамору в конце концов одиночество наскучит и ему захочется направиться в другие места, я принялся за устройство ему шлюпки, в которой приказал сделать всевозможные приспособления для борьбы с бурей.

Мрамор следил с любопытством за нашей работой. Однажды вечером, когда уже все было кончено, и я объявил, что мы выезжаем на следующий день, он отвел меня в сторону с таинственным видом, как будто собирался сообщить нечто важное. Он был сильно взволнован, рука его дрожала.

— Благодарю, Мильс! Единственно, что у меня есть дорогого на сем свете, это вы, мой друг. Вы еще молоды, неопытны, а потому не отговаривайте меня от моего решения. Все, что я вас прошу в настоящую минуту,—это прекратить, наконец, приготовления для меня, а то, право, мне ничего не останется делать. А потом имейте в виду, что я и сам сумею оснастить эту шлюпку, без посторонней помощи.

— Да я в этом не сомневаюсь, друг мой; но я боюсь, что вы сами не захотите этого сделать. Я все еще не теряю надежды, что вы нас догоните и займете на „Кризисе" свое прежнее место.

Мрамор отрицательно покачал головой. Мы молча сделали несколько шагов. Вдруг он обратился ко мне дрогнувшим голосом:

— Мильс, ведь вы будете сообщать мне о себе?

— Каким же образом? Вы сами знаете, что между этим островом и Нью-Йорком не существует еще почтовых сношений.

— Да, я говорю глупости. Совсем потерял память. Конечно, когда вы уедете, для меня настанет конец всяким сношениям с миром.

— Но что же делать?

— Может быть, мне уже немного осталось жить.

— Ну, полно, Мрамор; еще не поздно, поезжайте с нами, хотя из дружбы ко мне.

Целый час я уговаривал его — и все напрасно. Наконец, я решительно объявил, что „Кризис" более ждать не может.

— Я это знаю, Мильс, а потому кончим все эти разговоры. Да вот, кстати, и Неб идет за вами. Спокойной ночи, дорогое мое дитя.

Я оставил Мрамора, все еще надеясь, что тишина ночи подействует на него благотворно и он образумится. У себя на „Кризисе" я сделал распоряжение, чтобы на следующий день, с восходом солнца, весь экипаж был бы в сборе для снятия якоря.

В назначенный час Талькотт явился возвестить мне, что все готово. Я назначил его старшим лейтенантом, а в помощники дал ему одного филладельфийца. Этот молодой человек обладал всеми качествами для морской службы, с одним недостатком: любил выпить. Но пьяницы не вредят на судне, где господствует порядок и дисциплина.

Итак, Талькотту велено было отчаливать. Я же отправился в лодке на остров—сделать последнюю попытку увезти с собой Мрамора. Но ни его, ни шлюпки нигде не было видно; по всей вероятности, он спрятался за погибшим французским судном.

Нечего было делать, пришлось поднять паруса и выйти из бассейна. Положительно, Мрамор пустился в море совсем один. Несколько часов мы еще прождали у скалы. Я все колебался. Но, наконец, „Кризис" стал быстро удаляться от земли.

За обедом мы сошлись с майором и его дочерью. Понятно, разговор зашел об исчезновении нашего старого товарища.

— Как жаль, — сказал Мертон, — что из ложного самолюбия Мрамор отказался отправиться с нами в Кантон, там он всегда мог бы перейти на другое судно, если бы захотел.

— Но зато мы это сделаем, милый папа, не правда ли? — сказала Эмилия, подчеркивая свои слова. — Пора освободить мистера Веллингфорда от наших особ.

— Так, по-вашему, выходит, мисс Мертон, что такое милое общество для меня в тягость? — возразил я. — Но я уверен, что вы думаете не то, что говорите. Для меня же тем приятнее, чем дольше я буду пользоваться вашим обществом.

Повидимому, Эмилия осталась довольна моим ответом; отец же ее, после минутного молчания, сказал:

— Но для меня крайне стеснительно, что мы столько времени сидим на шее мистера Веллингфорда, который отказывается, забывая даже всюду своих судовладельцев, принять от нас плату за проезд, чтобы покрыть хотя свои расходы. И как только мы приедем в Кантон, то перейдем на первое английское судно,

которое согласится принять нас.

Я стал горячо протестовать против подобного решения, однако не нашел сказать ничего убедительного.

Несколько недель плыли мы по Тихому океану. Благодаря обществу Мертонов, для нас с Талькоттом время шло незаметно.

Наконец, мы вошли в Китайское море; я собрался в Кантон, предварительно высадив своих пассажиров в Вампоа, где мы расстались, обещая повидать друг друга перед отъездом. Дела у меня оказались по горло. Надо было сбыть сандал, меха, приобрести партию чая, нанки⁷⁴, фарфор, одним словом, все то, что значилось в инструкциях, данных капитану Вильямсу. Я воспользовался случаем для покупки себе лично некоторых вещей, которые бы доставили удовольствие будущей хозяйке Клаубонни. Это лучшее употребление, которое я мог сделать из своих сбережений.

Одним словом, те шесть-восемь недель, которые мы провели в Кантоне, дали возможность совершить очень выгодные обороты для владельцев „Кризиса“.

Довольный собой, я вздохнул с облегчением, когда мы приготовились к отплытию.

Долг вежливости требовал сделать прощальный визит Мертонам, которых я видел всего два раза со времени нашей остановки. Я застал одну Эмилию. Известие о моем отъезде очень расстроило ее; я тоже был взволнован, но не так сдержан, как она.

— Мисс Мертон, когда мы теперь увидимся?

Эмилия вздрогнула и побледнела; игла задрожала в ее руке, но она, по обыкновению, овладела собой. Теперь я понимаю, отчего я тогда не бросился к ее ногам умолять ее, чтобы она сопровождала меня в Соединенные Штаты. Неожиданный приход майора помешал объяснению, которое непременно бы произошло между нами. Больной и расстроенный вид

Мертон поразил меня.

— Я боюсь, Мильс, что мы никогда больше не увидимся. Мой доктор сейчас откровенно сказал мне, что если я не возвращусь в холодный климат, то не проживу более шести месяцев.

— Так едемте со мной! — вскричал я. — Вам еще есть время собраться до завтрашнего дня.

— Мне запрещен Бомбей, — сказал майор, боязливо взглянув на дочь, — и я вынужден отказаться от места на долгое время.

— Тем лучше, майор. Через четыре месяца я могу доставить вас в Нью-Йорк, где климат для вас благоприятен. Вы поедете со мной как близкие друзья, а не как пассажиры. Я буду пользоваться вашим столом, так как моя каюта так загромождена всевозможными покупками, что в ней негде повернуться.

— Ваша деликатность, Мильс, равняется вашему великодушию, но что скажут судовладельцы?

— Они не имеют никакого права жаловаться. Мы условились, что я югу принимать пассажиров по своему усмотрению. Но уж если вы так настаиваете на плате, то для этого сотни долларов достаточно за глаза.

— На этих условиях я с благодарностью воспользуюсь вашим предложением. Позвольте мне теперь попросить вас ответить на один вопрос, можете вы остановиться у острова святой Елены?

— Ну, да, конечно, если вы желаете. Я даже нахожу эту остановку полезной для экипажа.

— Прекрасно, там я с вами и расстанусь, если мы найдем корабль, идущий в Англию. Итак, мой дорогой Мильс, значит, решено: завтра я буду готов.

На следующий день я с восторгом принял к себе на судно своих друзей. Талькотт радовался не меньше моего: общество Эмилии доставляло ему большое удовольствие.

Талькотт был хороший музыкант, я тоже недурно играл на скрипке. Аккомпанируя Эмилии, мы составляли очень недурное трио.

У Зондских островов я рассказал своим собеседникам о борьбе „Джона“ с пирогами и об его крушении у берегов Мадагаскара. Естественно, мы опять вспомнили Мрамора.

— Я убеждена, — сказала Эмилия, что Мрамор нарочно скрылся с острова, чтобы избежать наших приставаний, и как только судно скрылось из вида, он, наверное, возвратился обратно и теперь наслаждается жизнью отшельника.

Быть может, она была права; во всяком случае, такое предположение было самое утешительное. Так как мое намерение было провести на море еще не один год, то я в душе дал себе обещание при первой же возможности навестить Мрамора.

Между тем „Кризис“ находился в таком месте океана, где командиру судна нельзя было предаваться мечтаньям. Надо было усилить стражу: каждую минуту нас мог застигнуть неприятель.

На другой день рано утром Талькотт прибежал разбудить меня. — Вставайте скорей, командир! Пираты налетели на нас, точно вороны на труп. К несчастью, почти нет ветра.

В несколько минут я уже был на палубе, куда собрались все матросы; многие из них не успели даже накинуть на себя куртку. Море казалось усеянным неприятелями. Майор насчитал около тридцати пирог; в некоторых виднелась артиллерия; они действовали дружно и образовали вокруг нас род блокады.

Пираты начали с того, что выстрелили в нас залпом из двенадцати пушек. Ядра со свистом пробили наши мачты и снасти почти во всех направлениях. Мы ответили выстрелом с правого борта, но расстояние, отделявшее нас от неприятеля, было так велико, что вся картечь разлетелась в стороны, не достигнув цели.

⁷⁴ Нанка — хлопчатобумажная ткань.

Тогда мы начали стрелять направо и налево и, таким образом, расчистили себе проход, и скоро все пироги остались за нами, на западе. Но шесть из них, наиболее отважных, старались пересечь нам дорогу. Но мы круто повернули и устремились в самую середину флотилии, безостановочно стреляя. Пользуясь дымом, три-четыре пироги попробовали было взять нас на бордаж, но, вероятно, нашли, что сделалось чересчур жарко, так как прекратили преследование. Минут через пять мы были уже вне опасности, оставив их далеко за собою.

Переменив галс, мы спокойно продолжали путь. Наши повреждения оказались незначительными; ранены были только один матрос да Неб. Матрос умер до нашего прибытия к мысу, а Неб вскоре оправился настолько, что вновь принялся за свои обязанности.

Я пристал у острова святой Елены, исполняя данное обещание; но так как мои пассажиры не нашли желаемого судна, то решили сопроводить меня в Нью-Йорк.

Плавание наше от острова святой Елены до Нью-Йорка прошло благополучно. Хотя оно продолжалось долго, но никто из нас не скучал. Наконец, по нашим сообщениям, земля была уже совсем близко. Майор с Эмилией поднялись наверх. Вскоре послышался ожидаемый радостный возглас. Потом показалась туманная точка, которая постепенно выростала, обозначая контуры и выступы горы. Мы скоро прошли мимо маяка и вошли в верхнюю бухту ровно за час до заката солнца. Это было в конце июня 1802 года.

ГЛАВА XXI

Наше судно было уже около Бедлоу, как вдруг какая-то шкуна пересекла нам дорогу. В ту же минуту надо мной послышались крики. Это кричал Неб, убиравший один из бом-брамселей.

— Это еще что там за шум? — закричал я, так как терпеть не мог беспорядка. — Замолчите ли вы, а не то я вас проучу.

— Посмотрите, мистер Мильс, — сказал негр, — разве вы не узнаете „Полли“?

Действительно, это была она, и я ее тотчас же окликнул в рупор:

— Эй, „Полли“, куда вы едете и когда вернулись из Тихого океана?

— Мы отправляемся на Мартинику. Вот уже шесть месяцев, как „Полли“ возвратилась из южных морей. С тех пор мы совершаем третье плавание в Вест-Индию.

Теперь я убедился, что груз и мои письма дошли до своего назначения. Меня должны были ожидать, и лишь только „Кризис“ вошел в Гудзон, как нам навстречу выехала лодка, везя главных компаньонов нашего торгового дома.

Вскоре мы пристали к набережной и все привели в порядок на судне. Матросам было разрешено провести ночь на суше.

Я спешил окончить свой туалет и Небу велел сделать то же. Один из судовладельцев любезно предложил Мертону с Эмилией приличное помещение.

Когда Неб явился ко мне, я приказал ему следовать за собою, намереваясь зайти сначала в контору судовладельцев, взять там ожидающие меня письма, ответить на них и послать затем негра в Клаубонни известить о моем возвращении.

Нам с Небом некуда было спешить, и мы преспокойно себе расхаживали, поглядывая направо и налево. Передо мной шли двое молодых людей; барышня была одета просто, но со вкусом. Я ускорил шаг и вдруг услышал возглас, от которого весь задрожал:

— Мильс!

Передо мною стояла Люси Гардинг, бледная от волнения, готовая броситься ко мне в объятия...

— Люси Гардинг? Вы ли это? Вы сделали столь прекрасной, что я насилу узнал вас!

Тут было не до приличий. Несмотря на толпу публики и любопытные взгляды, устремленные на нас, я крепко расцеловал ее; бьюсь об заклад, что такого поцелуя ей не приходилось получать еще никогда в жизни. Моряки не любят ничего делать наполовину. Но такое нападение здорового детины с парюю солидных усов при всем честном народе вызвало на лице молодой девицы густую краску.

— Будет, довольно, Мильс, — сказала она, освобождаясь из моих объятий, — разве вы не видите отца и Руперта?

Действительно, все семейство было в сборе. Все они вышли на прогулку с Андреем Дреуэттом, товарищем Руперта, и в то же время открытым ухаживателем за его сестрой.

Грация лишь только узнала меня, как бросилась целовать от всего сердца, затем припала ко мне на плечо и зарыдала от радости. Прохожие из скромности не останавливались, не желая смущать семейных излишней; между тем подошел сам Гардинг. Он забыл, что перед ним верзила-моряк, который мог бы поднять его, как перышко, и начал целовать меня, как малого ребенка. Затем мы довольно сдержанно обменялись рукопожатием с Рупертом.

Что же касается мистера Дреуэтта, то ему пришлось долго ждать ответа от Люси, кто я такой.

— Это, верно, ваш хороший друг или близкий родственник, мисс Гардинг?

— И то и другое, — смеясь и вместе с тем плача, ответила Люси.

— Можно мне узнать его имя?

— Его имя, мистер Дреуэтт? Да ведь это наш Мильс, наш дорогой Мильс. Разве вы ничего не слышали о Мильсе? Ах, да! Я совсем забыла, что вы никогда не были у нас в Клаубонни. Но какой приятный сюрприз,

Грация?

Мистер Дреуэтт терпеливо выжидал, когда окончатся пожимания руки Грации и когда Люси снова заговорит.

— Вы еще что-то хотели сказать, мисс Гардинг?

— Я? Да, правда, я теперь ничего не помню. Неожиданность, радость, простите, мистер Дреуэтт. Да, я хотела сказать, что мистер Мильс Веллингфорд — воспитанник моего отца, который так же и его опекун, он брат Грации.

— Но позвольте спросить, в каком родстве он находится с мистером Гардингом?

— О! В очень близком. Нет, постойте, я говорю глупости! Ни в каком.

Мистер Дреуэтт был настолько воспитан, что счел нужным удалиться.

— Мы все время ожидали, так что вы нас врасплох не застигли! — вскричал мистер Гардинг, хлопая меня по плечу. — Я оттого и согласился приехать в Нью-Йорк, что последнее судно из Кантона известило, что „Кризис“ отправляется вслед за ним через десять дней.

Мы отправились к миссис Брандфорд. Дома на меня посыпались бесконечные вопросы. Я должен был начать с Адама и долго говорил без умолка.

Между тем о Небе все забыли. Оказывается, что он не отставал от нас и преспокойно сидел себе в кухне у миссис Брандфорд. Когда его позвали к нам, его радости не было границ. Переминаясь с ноги на ногу, он теребил в замешательстве свою шляпу.

Весь следующий день я употребил на окончание своих служебных дел. Всюду, где бы я ни появлялся, меня встречали, как героя. Сознаюсь в слабости: лезть удовлетворяла мое самолюбие.

ГЛАВА XXII

С Грацией, мистером Гардингом и его детьми мы виделись ежедневно. К Мертонам же я собрался лишь в конце недели. Они, повидимому, обрадовались мне, но, кажется, мое отсутствие несколько не помешало устроить свои дела.

Полковник Берклей — таково было имя английского консула — взял их под свое покровительство.

Когда я сказал Эмилии, что Грация и Люси в Нью-Йорке и собираются сделать ей визит, она, казалось, не особенно этому обрадовалась.

— Мисс Гардинг — родственница Руперту Гардингу, которого я вчера видела на одном обеде?

Не зная второго Руперта Гардинга, я ответил ей утвердительно.

— Ведь это сын пастора, который пользуется в свете большим почетом?

Этого для меня было достаточно, чтобы понять, что мисс Мертон считает теперь капитана „Кризиса“ последней спицей в колеснице.

Раздался звонок. Сверх моего ожидания, Эмилия приняла Грацию и Люси очень радушно. Она в самых искренних выражениях говорила им об ее признательности ко мне; похвалы, расточаемые мне, доставляли большое удовольствие обоим подругам. Затем заговорили о Нью-Йорке и его увеселениях.

Визит продолжался довольно долго, и новые подруги, расставаясь, обещали скоро увидеться вновь. Пожав по-английски руку Эмилии, я простился с ней.

— Действительно, Мильс, — сказала Грация, лишь только мы вышли на улицу, — молодая особа, которая тебе столь обязана, просто обворожительна. Она мне очень нравится. А ты, Люси, тоже моего мнения?

— Да, — сказала Люси несколько более сдержанным тоном; — я редко встречала более красивое лицо и не удивлялась...

— Чему? — спросила Грация, видя, что ее подруга замялась.

— О, я чуть было не сказала глупость, лучше не продолжать. Но какие прелестные манеры у мисс Мертон. Не правда ли, Грация?

— Если сказать правду, то мне именно не нравится, что ее манеры слишком уж хороши. Все, что неестественно, меня отталкивает.

— Может быть, это нам так кажется; для тех же, кто привык к таким манерам, было бы неприятно встретить отсутствие их.

Я знал, в чей огород бросался камешек, и мне трудно было сдержаться, а потому, под благовидным предлогом, я поспешил уйти от них. На набережной я натолкнулся на мистера Гардинга, который искал меня.

— Идите скорее, Мильс, — сказал он мне, — я давно вас тут поджидаю, мне необходимо серьезно переговорить с вами. Со всех сторон я слышу о вас только одно хорошее, и я теперь убежден, что вы прекрасный моряк. Много значит, что вы, в ваши годы, управляли целый год судном, ходящим в Индию. Я только что разговаривал с моим хорошим другом, Джоном Мурреем, одним из первых неготиантов Соединенных Штатов, и вот что он мне сказал про вас: „Раз это такой способный малый, надо дать ему ходу: купите ему судно; когда ему придется заботиться о своих собственных интересах, тогда из него выработается дельный человек“. Я уже давно подумывал об этом, и еще месяц тому назад наметил для вас подходящее судно: если вам улыбнется эта идея, то я его куплю для вас.

— Но хватит ли у меня денег на покупку судна, дорогой мой Гардинг?

— Об этом не беспокойтесь. Пойдите посмотреть его; если оно вам понравится, значит, дело решено.

То судно, которое я смотрел для себя, было все обито и скреплено медью и вмещало пятьсот тонн. Оно имело скорый ход, и ко всему этому было построено в Филадельфии, что в 1802 году придавало ему особенную цену. Оно уже совершило плавание в Китай, называлось „Авророю“; на носу его красовалось изображение богини⁷⁵.

Результатом моего осмотра „Авроры“ и тех сведений, которые я собрал о ней, было то, что мы в конце недели купили судно.

И в тот же день, как я вступил во владение „Авророю“, ко мне явились уже с различными предложениями в разные места. Мне пришлось выбирать между Голландией, Францией, Англией и Китаем. Посоветовавшись с опекуном, я остановился на Франции. В качестве лейтенантов я пригласил к себе Талькотта и еще одного филладельфийца, Вальтона, и мы приступили к нагрузке.

А пока я намеревался посетить Клаубонни и повеселиться там по этому случаю.

Я предложил Мертонам погостить у нас на ферме. Эмилия, которая чувствовала себя в блестящем обществе, как рыба в воде, с удовольствием согласилась приехать к нам, что меня очень удивило.

Когда все приготовления были окончены, я попросил Руперта не расстраивать нашей компании, зная, что его будет недоставать для Грации и Люси.

— Милый друг, Мильс, — ответил мне, зевая, молодой юрист. — Бесспорно, Клаубонни прелестное местечко, но после Нью-Йорка оно невыносимо. Мы здесь ни в чем не нуждаемся. Миссис Брандфорд так любит нас и заботится о нас. Вот уже два года, как она дает мне по шестисот долларов; Люси она делает поистине царские подарки.

Это открытие крайне поразило меня, так как Руперт, оказывается, не стесняясь, пользовался в то же время тем кредитом, который я ему устроил перед отъездом у моих судовладельцев.

— Очень жаль, что вы не едете с нами, — сказал я, — так как я рассчитывал, что и Мертонам будет веселее в нашем обществе.

— Мертонам! Но неужели они поедут на лето в Клаубонни?

— Они едут с нами завтра.

— Кстати, Мильс, я должен сказать, что единственное, что вы извлекли хорошего из всех ваших путешествий, это знакомство с мисс Мертон. Ее взгляды удивительно правильны.

— Разве она говорила с вами о моей профессии?

— Как же, не один раз, и всегда с сожалением. Вы сами отлично знаете, что моряк, не состоящий в военном флоте, неважная шишка.

Я так и покотился со смеху. Моя профессия, которой я так гордился, казалась Руперту недостойной!

— Мисс Мертон — англичанка, — продолжал Руперт, — и она ценит вас главным образом за ваши земли, о которых составила себе преувеличенное понятие; но я объяснил ей все.

— А, вот что! Но мне бы хотелось знать, как вы ей объяснили?

Руперт вынул изо рта сигару, выпустил несколько клубов дыма, задрал нос кверху, как бы наблюдая за ходом небесных светил, и, наконец, сообразовал ответить:

— Очень просто, милейший. Я ей сказал, что Клаубонни не поместье, а ферма. Затем я выяснил, как у нас смотрят на фермеров.

Эмилия умная девушка и поняла меня с полуслова.

— Ваше последнее слово, Руперт, — резко спросил я, — едете вы в Клаубонни или нет?

— Если там будет мисс Мертон, то я должен ехать.

Предупредив Руперта, что мы отправляемся завтра рано утром, я оставил его с чувством отвращения и досады.

В назначенный час все собрались, и мы поплыли по Гудзону на „Веллингфорде“. К двенадцати часам мы уже подъезжали к мельнице.

Вскоре перед нами показалось Клаубонни.

— Ах, какая прелесть это Клаубонни! — воскликнула Эмилия. — Гораздо красивее, чем вы его мне описывали, мистер Руперт.

Мой опекун, не стесняясь присутствия мисс Мертон, начал говорить мне о делах, о результатах его хлопот.

— Я надеюсь, Мильс, — сказал он, — что вы не разрушите этого дорогого старого дома с целью выстроить новый?

— Никогда! А что думает Люси по этому поводу. Нравится ли ей дом в настоящем виде?

— Этот вопрос решит когда-нибудь миссис Веллингфорд! — ответила она, уклоняясь от вопроса.

Мне так хотелось поймать взгляд Люси; я нагнулся вперед, но она отвернула голову. Мистер Гардинг подхватил ее слово на лету.

— Нет, серьезно, Мильс, пора подумать о вашей женитьбе. Но не советую вам выбирать себе в жены женщину, которая заставит вас бросить Клаубонни.

⁷⁵ Аврора — римская богиня зори.

ГЛАВА XXIII

На следующий день рано утром я вместе с Грацией отправился в сад, где мы нашли Люси.

— Я никогда не ожидала найти тебя здесь, милая Люси, за истреблением недоспелой смородины, — сказала Грация.

— Зеленые фрукты Клаубонни для меня вкуснее зрелых, купленных на рынках противного Нью-Йорка! — ответила Люси с жаром.

— Как жаль, что Мильс не разделяет наших вкусов, предпочитая море мирному пребыванию в этом месте. Ведь правда, Люси?

— Когда мы любим что-нибудь, то мы любим от всего сердца. Мужчинам же приятнее искать приключения, терпеть крушения, быть брошенными на пустынном острове, чем жить спокойно у себя дома.

— Я несколько не удивляюсь, что брата прельщают необитаемые острова, на которых он находит попугаиц в роде мисс Мертон.

— Имейте в виду, милая сестрица, я с нею познакомился в Лондоне, в Гайд-Парке, почти что в самом канале.

— Странно, Люси, что Мильс нам ничего не сообщал об этом. Люси не сказала ни слова. Я сделался задумчив и мрачен; разговор не клеился, и мы не замедлили воротиться домой.

За обедом я с удовольствием заметил, что Грация сделала большие успехи в хозяйстве.

Эмилия казалась вполне удовлетворенной вниманием, с которым к ней относились; Люси повеселела.

После обеда мистер Гардинг и майор остались за столом поболтать и распить бутылку мадеры. Молодежь же отправилась в сад. Лишь только наша группа расположилась, я исчез на минутку и тотчас же вернулся.

— Грация, — сказал я, — я еще не успел вам ничего сказать о жемчужном ожерелье, которое...

— О, да, мы с Люси знаем все, — ответила Грация с необычайным спокойствием. — Если мы не просили показать нам его, то это для того, чтобы ты не обвинил нас в любопытстве.

— Как, вы знаете, но от кого?

— А, это другой вопрос. Пожалуй, мы и ответим на него, когда увидим ожерелье.

— Нам об нем сказала мисс Мертон, Мильс, — ответила Люси, видя, что меня мучила неизвестность.

— Если мисс Мертон согласится померить ожерелье, то вы тогда можете судить, до какой степени оно красиво.

Эмилия согласилась померить.

— О, как оно теперь хорошо! — воскликнула Люси в полном восторге. — О, мисс Мертон, вы бы всегда носили жемчуг!

— Ты хочешь сказать, этот жемчуг, — заметил Руперт, всегда очень щедрый на чужой карман. — Ожерелье как раз на своем месте; его никогда не следовало бы снимать отсюда.

— Мисс Мертон знает его предназначение, — сказал я, — а также и условия собственника.

Эмилия расстегнула ожерелье; не торопясь положила его перед собой и долго смотрела на него молча. — Какое же это назначение и каковы условия, Мильс? — спросила Грация.

— Что ты спрашиваешь? — сказала Люси. — Конечно, оно приготовлено для тебя? Разве можно для него найти лучшее назначение?

— Вы ошибаетесь, мисс Гардинг, Грация простит мне на этот раз эгоизм. Это ожерелье будет принадлежать не мисс Веллингфорд, а миссис Веллингфорд, если таковая будет существовать. Но у меня есть про запас еще целая коробка жемчуга. Позвольте разделить его между вами.

— Что ж, мы не так горды, — смеясь, сказала Грация, — чтобы пренебречь щедростью вашей милости.

— Тебе, а, может быть, и Люси обладание ими может доставить удовольствие, так как я их сам доставал. А для мисс Мертон они будут иметь другое значение.

— Какое же?

— Как воспоминание о пребывании на Земле Мрамора.

— В таком случае, я возьму себе одну жемчужину, если мисс Веллингфорд выберет за меня.

— Ну, нет, — сказала Грация своим милым голоском, — возьмите одну на память о Мильсе, а пять на память обо мне, а то у вас и кольца не выйдут.

— С удовольствием; но поверьте, что незачем иметь сувенир, чтобы помнить, чем мы с отцом обязаны капитану Веллингфорду.

— Руперт, — обратилась к нему Грация, — у тебя хороший вкус, помоги-ка нам выбрать.

Руперт не заставил себя упрашивать. Он любил вмешиваться в подобные вещи.

— Посмотрите, мисс Мертон. Разве мой выбор плох? Завидую тем, кого вы будете вспоминать, глядя на это кольцо.

— Вы будете в числе их, господин Гардинг, так как вы немало постарались для меня, и при этом выказали столько вкуса; я этого не забуду.

Я хорошо не понял, что она этим хотела сказать, но Руперт покотился со смеху.

— Видите, Мильс, что значит не принадлежать к сословию адвокатов. Дамы не любят грубых профессий.

— Я это заметил, — сухо ответил я, — но, может быть, мисс Мертон уж чересчур насмотрелась на

нашу профессию.

Эмилия промолчала. Все ее внимание было устремлено на жемчуг.

— Но что мы теперь сделаем? Будем тащить жребий или вы положитесь на меня?

— Решай за нас, — сказала Грация, — обе части равные.

— Ну, хорошо, вот ваша часть, Люси, а вот твоя, Грация. Грация вскочила с своего места, обвила мою шею руками и крепко начала целовать, как она всегда благодарила меня, будучи ребенком, за малейший пустяк; Люси же, пробормотав несколько слов, не тронулась с места. Эмилию утомила, эта сцена. Сказав, что вечер дивно хорош, она предложила пройтись, на что Руперт и Грация с радостью согласились. Люси ждала, пока ей принесут шляпу; я же отказался от прогулки под предлогом, что мне необходимо написать несколько писем.

— Мильс, — позвала меня Люси, протягивая мне коробку с жемчугом.

— Вы хотите, чтобы я спрятал их, Люси?

— Нет, Мильс, не для меня, но для вас самих, для Грации, для миссис Мильс Веллингфорд, если хотите.

В голосе ее в эту минуту не слышалось никакой иронии; она просто обращалась ко мне с этой просьбой.

— Я, быть может, невольно огорчил вас чем-нибудь, Люси? — сказал я, смутившись.

— Рассудите, Мильс; мы более не дети, а в наши годы надо быть осмотрительнее. Этот жемчуг — слишком ценный подарок, и, наверное, отец не одобрил бы меня, если бы я приняла его от вас.

— И это вы так говорите со мной, Люси?

— Да, дорогой Мильс, — ответила девушка, стараясь улыбнуться сквозь слезы. — Берите же ваш жемчуг, и мы останемся такими же добрыми друзьями, как прежде.

— Если я вам предложу один вопрос, Люси, ответите ли вы мне на него откровенно?

Люси побледнела и задумалась.

— Чтобы я ответила, надо же сперва предложить его.

— Так как вы пренебрегаете моими подарками, то, наверное, у вас больше нет того медальона, который я вам дал на память перед отъездом?

— Извините, Мильс, я сохранила его и не расстанусь с ним во всю жизнь: это воспоминание о счастливых днях нашего детства, а потому он для меня навсегда будет дорог.

Лишь только жемчуг оказался в моих руках, Люси тотчас же исчезла.

Я решил в тот же вечер поговорить с Грацией откровенно и выяснить себе то, что меня интересовало более всего на свете — а именно намерения Андрея Дреуэтта.

ГЛАВА XXIV

Мне нетрудно было исполнить свое желание. В Клаубонни имелось зало, которым пользовались хозяева дома в исключительных случаях. Чтобы предупредить Грацию, я сунул ей в руку записочку со словами: „Ровно в шесть часов, в семейном зале“.

Войдя в залу, я увидел, что Грация уже ждала меня.

— Ты с „тех“ пор никогда не был в этой зале? — спросила она.

— Нет, не был.

— Мильс, но ведь ты не бросишь Клаубонни?

— Не беспокойся, Грация. Для меня Клаубонни теперь дороже еще, чем когда-либо.

Грация пристально и испуганно посмотрела на меня, затем сказала, пожав мою руку:

— Милый брат, ты еще слишком молод, чтобы так рассуждать, — при этом я первый раз заметил в ней такое грустное выражение лица, — слишком молод для мужчины; женщины — дело другое. Мне кажется, что нам всем суждено одно страдание.

У меня не хватило духу ответить, так как я подумал, что Грация сейчас станет говорить о Руперте. Несмотря на нашу дружбу, мы никогда ни одним намеком не затрагивали наших отношений к Руперту и Люси.

— Скажи же, Мильс, зачем, собственно, ты позвал меня сюда?

— Зачем? Ты ведь знаешь, что я уезжаю на будущей неделе; и мне надо кое-что сообщить тебе, чего я не могу сделать, когда ты вечно окружена посторонними людьми: Мертонами и Гардингами.

— Посторонними, Мильс! С каких это пор Гардинги стали для тебя чужими? Да я не помню того времени, когда бы я не любила Люси, как родную сестру.

— Я вполне разделяю твои чувства: Люси — прекрасная девушка. Но теперь положение Гардингов изменилось с того момента, как миссис Брандфорд вдруг воспылала к ним страстью!

— Вдруг, Мильс? Но ты забыл, что она их близкая родственница, что мистер Гардинг законный наследник миссис Брандфорд и что вполне естественно, что эта женщина оказывает внимание тем людям, которые имеют равные с нею права на ее средства.

— И Руперт тоже в числе ее наследников?

— Мне кажется, и я боюсь, что сам Руперт слишком рассчитывает на это. Конечно, и Люси не будет забыта. Она — любимица миссис Брандфорд. Только мистер Гардинг не согласился отпустить от себя дочь, и

миссис Брандфорд уступила с тем, чтобы Люси проводила у нее в Нью-Йорке каждую зиму. Руперт кончил изучение права, и теперь он там устраивается. в ожидании вступления в адвокатуру.

— И, конечно, как только стало известно, что Люси — наследница богатой тетки, ее шансы на приискание женихов возвысились?

— Хотя Люси не откровенничала со мной, но я догадываюсь, что она уже отказалась от одной партии два года тому назад, и от трех — нынешнюю зиму.

— В том числе и Андрею Дреузтту? — спросил я с такой поспешностью, что Грация удивилась и грустно улыбнулась.

— Думаю, что нет. Иначе он не считался бы ее женихом. Люси слишком правдива, чтобы поселять в душе человека сомнения. А ухаживания мистера Дреузтта начались совсем недавно, так что она еще не имела времени ему отказать. Кстати, тебе, конечно, известно, что мистер Гардинг пригласил его сюда?

— Сюда? Андрея Дреузтта? Зачем это?

— Я слышала, как он сам просил у мистера Гардинга позволения приехать.

Я негодовал в душе, но вскоре рассудок взял верх. В самом деле, мистер Гардинг имел полное право приглашать к нам кого угодно до моего совершеннолетия.

Грация, я хочу предложить тебе один вопрос: каковы состояние и положение этого мистера Дреузтта?

— И то — и другое — порядочные, судя по тому, как рассказывают.

— Значит, по крайней мере, хоть этот-то добывается руки Люси не из корыстных целей.

— Мистер Дреузтт — выше подобных расчетов.

— Но ты мне ничего не сказала, Грация, благосклонно ли относится Люси к ухаживаниям этого господина?

— Но что я могу тебе ответить, Мильс? — сказала она. — Который раз я тебе повторяю, что я положительно ничего не знаю об ее сердечных делах.

Наступило молчание, тягостное для нас обоих.

— Грация, — сказал я наконец. Я вовсе не завидую Гардингам, что им предстоит богатство. Но мне кажется, что не будь этого, наши отношения с ними были бы гораздо сердечнее, и мы все чувствовали бы себя счастливее.

Моя сестра задрожала и побледнела.

— Отчасти ты прав, Мильс, — сказала она после маленькой паузы.

Обменявшись еще несколькими фразами, мы с Грацией расстались.

Настала вторая половина недели. Я целыми днями пропадал в полях, чувствуя себя неловко в обществе Люси. Мистер Гардинг взялся заниматься майора: оба старика понаравились друг другу.

Наконец, настал день отъезда. Уже третий раз я покидал дом. Майор с Эмилией предполагали пробить здесь до июня, а затем отправиться на воды. С мистером Гардингом я провел целый час. Я не решился подойти к Люси и поцеловать ее, как прежде; в первый раз мы расстались так холодно. Все же она протянула мне руку, которую я крепко пожал. Грация же разрыдалась у меня на груди; с майором и его дочерью мы обменялись дружеским рукопожатием, обещаясь встретиться в Нью-Йорке после моего возвращения. Руперт проводил меня до шляпки.

Плывя вдоль берегов нашей бухты, я посматривал на кусты, не увижу ли среди них хотя бы Грацию. Надежда не обманула меня. Она пришла вместе с Люси на стрелку, которую мы должны были объехать. Как только они увидели шляпку, то замахали платками; я же посылая им воздушные поцелуи.

В это время мимо нас прошла лодка на парусах; в ней стоял господин, который тоже махал платком. Я сразу узнал в нем Андрея Дреузтта; он направил лодку прямо на стрелку, и минуту спустя я видел, как он вышел на землю и затем раскланывался с Грацией и Люси.

ГЛАВА XXV

„Аврора“ вступала в открытое море.

Я был в восторге от своего судна, которое оказалось на ходу лучше, чем я предполагал. Десять дней мы плыли по океану благополучно.

Но вот начал дуть сильный юго-западный ветер несколько часов сряду, подгоняя нас на одиннадцать узлов в час. Погода стояла ясная и теплая, так что ветер и минутные порывы бури только приятно освежили нам головы. Вечером, приказав убавить паруса, я спустился к себе в каюту, приказав в случае малейшей опасности позвать себя. Ночь прошла благополучно, но утром Талькотт пришел за мной и сказал:

— Не мешало бы вам подняться наверх, командир; у нас шквал, я один не знаю, как быть.

Когда я взошел на палубу, на „Авроре“ оставались только фок и фор-марсель со своими рифами. Я тотчас же велел убрать его. Вдруг судно потрясло до самого киля. Каким-то чудом устояла главная мачта; мы еле-еле смогли свернуть полотно.

Ветер свистел с такой яростью, что на палубе нельзя было разобрать, что кричали матросы с мачты. Талькотт сам вскарабкался на рею; он жестикулировал, указывая вперед, но волны вздымались так высоко, что заслоняли собою горизонт. Взобравшись на заднюю мачту, я рассмотрел какое-то судно с восточной стороны, делающее отчаянные скачки прямо на нас. Издали казалось, что оно взлетает на воздух. Мы быстро подвиг-

гались друг на друга.

Громадные волны, набегавшие на „Аврору“, совершенно накрывали ее то на один, то на другой бок, или же вдруг переворачивали ее задом наперед. Мачты и лик-тросы дрожали. Вдруг я „Аврору“ очутилась между внезапно выросшими горами воды. Весь экипаж дружно принялся за работу, и когда, наконец, судно вышло из этой пропасти, буря обрушилась на него со всею яростью, рванула последний парус и унесла его, оставив одни лохмотья. Это несчастье совсем сразило меня: с другого судна все могли видеть.

Но теперь было не до самолюбия; безопасность судна — прежде всего. Как только на „Авроре“ не осталось больше ни одного паруса, мне стало легче рассмотреть, что за судно виднелось перед нами; оно, повидимому, принадлежало англичанам и порядком-таки было нагружено.

Оба судна одновременно погружались в воду; наш сосед ежеминутно исчезал из вида; мы и не заметили, как он вдруг стал нам поперек дороги. Две кареты, влекомые взбесившимися лошадьми друг на друга, не произвели бы того ужасающего впечатления, как представившееся нам зрелище.

Еще одна минута, и мы со всего размаха разбили бы носом английское судно, К счастью, новый порыв ветра разъединил нас; в противном случае, общая гибель была бы неминуема. И в тот самый момент, как оба судна понеслись в противные стороны, раздался неистовый крик Таль-котта. И вдруг я увидел, что с кормы англичанина мне машет шляпой наш друг — Моисей Мрамор!

ГЛАВА XXVI

Оба экипажа спешили удалиться друг от друга. И мне, и капитану встречного судна представилась одна и та же мысль: вместо того, чтобы представить наши суда на произвол стихии, „Аврора“ стала править направо, а англичанин — налево, хотя ветер гнал нас по одному и тому же направлению. Понемногу мы начали водворять паруса.

К вечеру буря улеглась; море и ветер становились тише. Ночь прошла благополучно, а к утру море и совсем успокоилось. Оба судна распустили все паруса. Когда экипажи разошлись завтракать, мне удалось придвинуться к англичанину, и я окликнул его в рупор:

— Какое это судно?

— „Дэнди“, капитан Роберт Фергюсон. А вы кто?

— „Аврора“, капитан Мильс Веллингфорд. Откуда вы?

— Из Рио-де-Жанейро, направляемся в Лондон. А вы?

— Из Нью-Йорка, едем в Бордо. Скажите, не находится ли у вас на борту американец, по имени Мрамор? Нам вчера показалось, что его видели у вас на корме; это наш старый товарищ, мы оттого и последовали за вами, чтобы узнать о нем.

— Как же, как же, — ответил капитан, — он сейчас выйдет; теперь он внизу укладывает свои вещи, кажется, он хочет просить вас взять его к вам, чтобы вы его доставили в Соединенные Штаты.

Не успел он окончить этих слов, как Мрамор показался на палубе, помахивая шляпой. Тотчас же мы спустили лодку, в которой отправился Талькотт за нашим дорогим другом; и через каких-нибудь двадцать минут я с радостью пожимал руку Мрамора.

В первую минуту свидания он ничего не мог говорить от волнения и решительно со всеми обменялся рукопожатиями.

Приказав снести его сундук в каюту, я сел рядом с ним.

— Спасибо вам, милые мальчики, спасибо от всего сердца, — проговорил Мрамор, вытирая слезы обшлагами рукавов. — Нечего делать, надо удовлетворить ваше любопытство, хотя мне тяжело вспоминать свое упрямство и безумие. Итак, вы меня, наверное, искали в тот день, когда судно отчалило от острова?

— Еще бы! Но, не найдя вас, мы были уверены, что вы устрашились одиночества и уехали раньше нас.

— Отчасти вы были правы, а отчасти — нет. Когда вы отъехали, я подумал и сказал сам себе: „Моисей, они ни за что не уедут без тебя, они не решатся оставить тебя здесь на острове одного; если ты хочешь настоять на своем, то необходимо скрыться от них, пока „Кризис“ не распустит все паруса“. Ах, да, кстати, что сделалось со старым судном? Вы мне ничего не говорили о нем.

— Оно нагружалось в Лондоне, когда мы уезжали.

— И судовладельцы не решились поручить вам команду, вследствие вашей молодости, несмотря на все ваши старания для них?

— Напротив того, они предлагали мне и даже просили, но я предпочел приобрести „Аврору“ — это моя собственность.

— Это хорошо! Теперь будет хоть один честный человек среди судовладельцев.

— Мрамор, но вы знаете, вас ждет в Нью-Йорке кругленькая сумма: тысяча четыреста долларов, часть вашей награды и жалованье.

Мрамор повеселел при этом известии. Затем он пристально посмотрел на меня и почти грустно сказал:

— Мильс, если бы у меня была мать, как бы я ее осчастливил на старости лет! И зачем это деньги достаются людям, у которых нет матери!

Я дал ему успокоиться, а потом напомнил, что мы ждем продолжения его истории.

— Итак, я вам сказал, что принялся рассуждать, и решил, что вы меня потащите насильно, если я здесь

останусь до следующего дня. Я сел в шлюпку, выехал из бассейна и пустился в открытое море. Когда же вы отъехали на значительное расстояние, я возвратился в свои владения, где уже больше некому было противиться моим желаниям и бороться с моими фантазиями.

— А! Как я рад, что вы заговорили теперь иначе. Конечно, вами тогда руководил каприз, а не рассудок. И вы не замедлили сознаться в своей ошибке, мой друг, и стали скучать по родине?

— Ваша правда, Мильс; хотя у меня не было матери, ни брата, ни сестры, но у меня была родина, друзья, что бы я там ни говорил. А, главное, я думал и тосковал о вас.

— Бедный друг! Каким одиноким вы почувствовали себя!

— Первое время я работал над сооружением курятника; но к концу недели увидел, что куры да свиньи—плохая компания для человека.

— Я начинаю понимать ваше состояние; но что же вы сделали?

— Уехал. Снарядил свою шлюпку, нагрузил ее провизией и марш в дорогу.

— Значит, владение Землей Мрамора предоставлено теперь скотному двору?

— Да, Мильс, и я надеюсь, что бедные животные не умрут с голоду: я позаботился о них. Уехал я два месяца спустя после вас.

— А в одиноком плавании тоже ни весть какая сладость! Вы были все так же одиноки, как и на суше!

— Что вы говорите! Да разве моряк может чувствовать себя одиноким на море? К тому же на море всегда есть дело. А большое пространство меня не пугало. Надо было только опасаться нападений туземцев. Днем я летел на всех парусах, к ночи складывал их и засыпал, как милорд. Я все время находился в прекрасном настроении духа; и один из самых счастливых моментов моей жизни был тот, когда из моих глаз исчезли верхушки деревьев моего острова.

— И долго продолжалось ваше плавание?

— Семь недель.

— Где же вы останавливались?

— Да нигде, пока не встретил судно, идущее из Манилы в Вальпарайзо. Капитан взял меня к себе и свез туда. Из Вальпарайзо я на местном судне обогнул Анды, чтобы перебраться на эту сторону. Вы помните эти чудовищные горы, покрытые сплошь снегом?

— Еще бы! Они слишком поражают зрителя, чтобы забыть о них.

— Затем мы приехали в Буэнос-Айрес, откуда прибрежное судно доставило меня в Рио.

— А из Рио вы думали на „Дэнди" отправиться в Лондон, а потом при случае в Соединенные Штаты?

— Вы угадали. Но до этого я провел в Рио несколько месяцев, в надежде дожидаться какого-нибудь янки. Но под конец потерял терпение.

Так кончилась история Мрамора. Он вспомнил Неба, и мы сейчас же позвали негра. Мрамор пожал ему руку. Он не помнил себя от радости, что опять находился среди всех нас.

— Знаете что, Мильс и Роджер, — вскричал он, — я теперь точно у себя дома! Не хочу больше я вспоминать своего проклятого отшельничества. Да мне теперь страшно пройти одному через лес. Мне необходимо видеть перед собою человеческое лицо. Не оставляйте меня больше. Возьмите меня, Мильс, к себе метрдотелем или суньте меня, куда хотите.

— Теперь уж мы больше не расстанемся, разве это будет по вашей вине. Я постоянно думал о вас! Да вот в последнюю бурю мы с Талькоттом вспоминали, как бы вы поступили в данном случае.

— Старые уроки принесли пользу, друзья мои; я это сразу сообразил. У „Авроры" ой, ой, какой капитан, и ветру приходится посчитаться с ним.

Решено было, что Мрамор примет на себя команду одной вахты и будет делать все, что найдет нужным. А когда Талькотта назначат капитаном, чего, наверное, не придется долго ждать, тогда он на всю жизнь делается моим главным помощником. Я обернул все в шутку, прозвал Мрамора „командором" и прибавил, что только в качестве такового он останется у меня на борту. Никто так не радовался всему этому, как Неб. Он был положительно влюблен в Мрамора с того момента, как тот вытянул его за ухо из трюма „Джона".

По приезде в Бордо, выгрузив мой товар, я запасаюсь новым. Сначала я намеревался вернуться в Нью-Йорк, но отложил это намерение. Мне предложили доставить в Россию, в Кронштадт, партию вина и водок, и я согласился.

Я отправился по Балтийскому морю в конце августа. Хотя путешествие продолжалось долго, но бури не было, и я прибыл благополучно на место. Пока я стоял в Кронштадте, ко мне обратились консул Соединенных Штатов и хозяин торгового американского судна с просьбою уступить им Мрамора для доставки судна в Нью-Йорк, так как их капитан с помощником умерли от оспы. Напрасно я уговаривал Мрамора, он упорно отказывался. Тогда я предложил Талькотту команду над „Гиперионом". Хотя мне жаль было отпускать его, но для моего юного друга это был случай выдвинуться. „Гиперион" тотчас же уехал, и к моему великому горю, я никогда не мог узнать об его участи; по всей вероятности, он погиб.

Мрамор занял место Талькотта и, таким образом, сделался моим старшим лейтенантом. Русское правительство поручило мне доставить груз в Одессу.

Мы предполагали, что Блистательная Порта⁷⁶ беспрепятственно пропустит американское судно, но в

⁷⁶ Блистательная Порта — турецкое дореволюционное правительство.

Дарданеллах мне велено было повернуться назад; пришлось оставить груз на Мальте.

В Гибралтарском проливе к нам подошел английский фрегат, возвестивший нам об объявлении войны между Францией и Англией.

В Атлантическом океане я всячески старался избегать всех встреч и благополучно добрался до Нью-Йорка.

ГЛАВА XXVII

По выходе из конторы, с которой у меня были дела, я направился в отель и, при повороте на Валль-стрит, совсем неожиданно встретил Руперта. Он шел скорыми шагами; увидев меня, он как бы удивился и сконфузился, но все же поспешил сделать вид, что обрадовался мне. Он был в трауре, но тем не менее одет по последней моде.

— Веллингфорд! — воскликнул он. Это в первый раз, что он не называл меня Мильс. — Откуда это вы свалились, как снег на голову? О вас ходило столько разных слухов, что теперь ваше появление произведет такой же эффект, как явление здесь самого Бонапарта. А ваше судно?

— Вы знаете, что мы один другого не покидаем, разве только крушение или смерть могут разлучить нас.

— Вот именно так я и говорил всегда этим дамам: „Вы увидите, Веллингфорд если женится, то только на своей „Авроре“. Но у вас цветущий вид; знаете, вы на море хорошеете!

— Мне нечего жаловаться на свое здоровье. Но что же вы мне ничего не говорите о наших? Что поделяются наши друзья? Ваш отец?

— Он сейчас в Клаубонни.

— Прекрасно; но рассказывайте же мне о себе. — Я заранее дрожал при мысли услышать, что Люси уже замужем. — Как поживает Грация?

— О, Грация, как же это я забыл ее?! Надо было начать с нее. Увы! Мой милый капитан, я не стану скрывать от вас правды; ваша сестра теперь совсем не та, какой вы ее оставили, по крайней мере, я опасаясь за ее здоровье, потому что не видал ее целую вечность. Осень она провела с нами; на Рождество же захотела уехать к себе, объясняя это тем, что ее семья всегда проводила праздники в Клаубонни. С тех пор она не возвращалась; но я боюсь, что она плоха. Вы знаете, что Грация всегда была хрупким созданием; она настоящая американка! Ах, Веллингфорд, наши женщины не отличаются здоровьем: то ли дело англичанки!

Вся кровь бросилась мне в лицо. Я насилу удержался, чтобы не столкнуть этого мерзавца в яму, но, несмотря ни на что, он был брат Люси; затем я не имел доказательств, что он давал Грации повод думать, что любит ее; и я обязан был устранить все, что могло бы так или иначе компрометировать ее. А потому я постарался заглушить свой гнев, который просто душил меня.

— Это очень печальная новость, — ответил я, — Грация такой человек, который нуждается в нежной заботливости и ласке, а я-то все разъезжал из моря в море, в погоне за деньгами, вместо того, чтобы сидеть в Клаубонни около больной сестры.

— Деньги вещь хорошая, капитан, — ответил Руперт с выразительной улыбкой, — но зачем преувеличивать нездоровье Грации, она поправится. Надеюсь, что ваши путешествия были выгодны?

— А Люси? — прервал я его, не считая нужным отвечать. — Где она теперь?

— Мисс Гардинг в городе, в нашем доме на Валль-стрите, но она каждое утро ездит на дачу, так как невыносимо все время оставаться здесь, среди накаленных кирпичей. Ах, да! Я забыл, вы не знаете о постигшем нас несчастье?

— Мне сообщили в Италии о смерти миссис Брандфорд, и, видя вас в трауре, я заключил, что это правда.

— О, боже мой, да! Мы лишились незаменимой женщины. Она была для нас второй матерью.

— Миссис Брандфорд назначила вас своим наследником? Надо поздравить вас с таким счастьем. А Люси? Неужели она совсем забыла о ней?

— Руперт что-то пробормотал; я видел, что он точно жарился на углях.

Он долго не мог решиться довериться мне, наконец, дойдя до самого безлюдного квартала, начал:

— Вы знаете, Мильс, что миссис Брандфорд была довольно оригинальной особой, хотя с добрым сердцем. У женщин вообще странные идеи, а у американских — в особенности. Итак, миссис Брандфорд сделала завещание...

— Которым, полагаю, она разделяет свое состояние поровну между вами и Люси, к великому неудовольствию мисс Мертон?

— Не совсем так! Удивительная чудачка и капризная женщина эта миссис Брандфорд. В своем завещании она оставляет все движимое и недвижимое имущество моей сестре.

Я был сражен. Все мои надежды рушились.

— А кого она назначила душеприказчиком? — спросил я после небольшого молчания, предвидя заранее, что произойдет, если это будет предоставлено Руперту.

— Отца. У него теперь по горло дела. К счастью, ее дома в хорошем состоянии: деньги помещены под верное обеспечение или в акциях. Все вместе взятое приносит семь тысяч долларов чистого дохода.

— И все это принадлежит Люси! — вскричал я с невыразимой скорбью, чувствуя, что я безвозвратно теряю ее.

— Пока, конечно; хотя, видите ли, я считаю ее собственницей только одной половины. Ведь женщины считают всех молодых людей мотами. Конечно, они рассуждали между собою так: „Руперт добрый мальчик, но он еще молод и живо растратит все деньги. А потому, Люси, я оставляю все вам в завещании; но, конечно, вы потрудитесь отдать вашему брату половину или даже две трети, как старшему, лишь только будете совершеннолетней и будете в праве распоряжаться самостоятельно". Но вы знаете, что Люси только девятнадцать лет, следовательно, надо ждать еще два года.

— Люси известны намерения ее благодетельницы? И есть ли у вас доказательства на них?

— Доказательства?! Да я готов принести присягу, что оно так.

Разве это не благодарзвонно! Разве я не имею права ждать этого? А потом, слушайте. Между нами: у меня сейчас две тысячи долгу, а она не оставляет мне ни одного доллара, чтобы расквитаться с законными кредиторами. Женщина набожная не могла поступить таким образом, не будь у нее дальнейших видов. И раз она назначила Люси хранительницей капитала — дело объясняется просто.

— Но Люси, что она говорит?

— Вы знаете ее; фраз она не любит и пока молчит, хотя по всему видны ее намерения. Начала она с того, что поручила отцу заплатить за меня долги; затем она назначила для меня ежегодную пенсию в тысячу пятьсот долларов. Вы видите, Мильс, я ничего не скрыл от вас; но, поймите, что у меня нет ни малейшего желания кричать об этом во всеуслышание. Хорош бы я был, если бы все узнали, что один из блестящих молодых людей Нью-Йорка зависит от своей сестры, которая моложе его на три года! Да на меня стали бы указывать пальцем! А в виду этого я сказал правду только самым близким. Все думают, что наследник — я, а у Люси — ничего нет. Прекрасное средство отодвинуть на задний план всех искателей приданого.

— А что говорит об этом некий Андрей Дреуэнт? Когда я уезжал, он был сама преданность, и я никак не думал, что найду здесь мисс Гардинг.

— По правде сказать, Мильс, мне самому казалось, что они поженятся. Но вот умирает миссис Бранфорд; затем наступает траур. Но я доволен поведением Андрея. Он знает, что я друг ему. У него хороший тон, он прекрасно поставил себя в свете, имеет порядочное состояние, я повторяю Люси время от времени, что лучшей партии ей нечего и желать.

— Как же ваша сестра относится к этим внушениям?

— О, презабавно, как все девицы. Она краснеет, иногда сердится; потом начинает смеяться, дуться и говорит: „Замолчишь ли ты, Руперт, ты с ума сошел". Однако, прощайте, мне пора в театр, сегодня играет Купер: он теперь в моде.

— Руперт, еще одно слово. Вы ничего не сказали, здесь ли Мертоны?

— Мертоны? Конечно, здесь. Полковник нашел себе место, и климат здешний по нем. Кроме того, у него отыскались родственники в Бостоне, и, кажется, он ждет оттуда какого-то наследства. Мертоны! Да что стал бы делать без них Нью-Йорк?

— Значит, мой старый приятель тоже подвинулся по службе, потому что вы зовете его полковник?

— Вы думаете? Но его еще чаще называют генералом. Вы, должно быть, ошиблись, думая, что он майор; здесь его иначе не зовут, как полковник или генерал.

— Тем лучше для него. Прощайте, Руперт; я не выдам вас и...

— И что?

— Кланяйтесь от меня Люси. Скажите, что я желаю ей всевозможного счастья в ее новом положении и что я постараюсь повидать ее перед отъездом.

— Разве вы не придете в театр?

— Наверяд ли приду. Не забудьте же передать поклон сестре, прощайте.

Когда мы расстались, я долго не мог притти в себя от всего слышанного. Я решил завтра же отправиться в Клаубоини: здоровье сестры не на шутку тревожило меня.

Я машинально пошел по набережной, навестил „Аврору" и обменялся несколькими словами с Мрамором, потом возвратился на землю. Повинуясь какому-то тайному внушению, я прошел парком и очутился у двери театра. В надежде увидеть Люси, я взял билет в амфитеатр.

Зала была переполнена. Оглядев публику, я узнал Руперта по его курчавым волосам; он сидел с Эмилией; потом майор и около него молодая дама, должно быть, Люси. Меня охватила нервная дрожь, лишь только я узнал ее. Сначала мне видна была только верхняя часть ее лица, но как только она обернулась в сторону майора с своей очаровательной улыбкой, сомнения мои исчезли—это была она.

В ложе оставалось два незанятых места. Вскоре дверь открылась; все встали, и в ложу вошел Андрей Дреуэнт под руку с пожилой дамой, наверное, с матерью. Он устроился так, что поместился около Люси, а майор занялся старушкой! Все это было в порядке вещей, но я невыносимо страдал.

Из пьесы я ровно ничего не слышал: все мои мысли сосредоточились на Люси. Но чем больше я думал, тем больше чувствовал, что мои шансы совсем упали.

Но вот трагедия кончена, занавес спущен; партер редеет, а я сижу, как пригвожденный, не будучи в силах двинуться с места, оторвать от нее своего восхищенного взора; я забыл всех и все, и вдруг услышал голос, заставивший меня вздрогнуть: то был голос Люси. Она протягивала мне руку.

Меня узнали и обрадовались, как старому другу.

— Мильс Веллингфорд! Вы приехали, а мы ничего не знали! Очевидно, Руперт не сказал ни слова о моем возвращении и нашей встрече на улице. Ему стало неловко, и он постарался вывернуться.

— Как это я забыл сказать тебе, Люси, что встретил сегодня капитана Веллингфорда, когда шел за полковником и мисс Мертон!

— Я очень счастлив, — сказал я, — что нашел мисс Гардинг совершенно здоровой и что могу засвидетельствовать мое почтение своим бывшим пассажирам.

Поздоровавшись с ними, я раскланялся с Дреузттом, который очень вежливо уступил мне свое место.

— Мерси, мистер Дреузтт, — сказала Люси, — ведь мы с мистером Веллингфордом старые друзья; и мне многое надо рассказать ему. Идите же сюда, Мильс, и начинайте вашу историю.

Как только стали собираться уходить из театра, Руперт в беспокойстве отвел меня в сторону и шепнул на ухо:

— Мильс, все, что я вам говорил, должно остаться между нами; это семейная тайна.

— Не беспокойтесь.

— Майор проводил миссис Дреузтт до ее экипажа, куда она села вместе с сыном. Это обстоятельство давало мне возможность провести с Люси несколько счастливых минут. Она заговорила со мной о Грации, сказав, что с ней видится очень редко, чего прежде никогда не бывало, что напрасно она умоляла Грацию поселиться вместе с нею, а самой ей некогда ездить в Клаубонни.

— Вы зайдете ко мне завтра утром?

— Нет, не могу. Я уезжаю завтра в Клаубонни при начале отлива, в четыре часа утра. Спать буду в шлюпке.

ГЛАВА XXVIII

Я пришел к „Веллингфорду“ около одиннадцати часов и нашел там Неба, ожидающего меня с багажом. Я не мог дожидаться завтрашнего дня и велел немедленно распустить паруса. В Клаубонни мы прибыли в восемь часов утра.

Лишь только я вышел на берег, мне встретился мистер Гардинг. Как всегда, старик несказанно обрадовался мне.

— С благополучным приездом, дорогое мое дитя! — воскликнул он, увидев меня издалека. — А, Мильс, когда же наступит конец вашему честолюбию? Довольно вам гоняться за деньгами; разве в них счастье?

— Что бы там ни было, дорогой мой, — ответил я, — но я скорблю о потере вашей уважаемой родственницы; позвольте поздравить вас, что состояние ваших предков перешло в ваши руки.

— Все принадлежит не мне, а Люси. Я могу сказать вам правду, хотя Руперт скрывает ее от всех. Я назначен душеприказчиком, и мне приходится теперь делать столько расчетов, вычислений, выдавать расписок, что я не знаю, выдержу ли долго.

— Ничего, дорогой мой, за вас я спокоен. Но что Грация, вы ничего мне не говорите о ней?

Мистер Гардинг вдруг переменялся в лице.

— А, Грация! — ответил он нерешительно. — Она здесь, милое дитя, но ни ее прежней веселости, ни ее здоровья как не бывало. Я за нее вдвойне радуюсь вашему возвращению. Я серьезно опасуюсь за нее; надо непременно позвать доктора.

— Я боюсь, не опасна ли болезнь Грации?

— Будем надеяться, что нет, дитя мое. Она изменилась, это верно. Она избегает общества, и, несмотря на всю свою любовь к Люси, отказывается от ее приглашений погостить в Нью-Йорке, хотя отлично знает, что Люси не может ездить в Клаубонни.

Мне теперь стало все ясно.

— Грация ждет меня? — осмелился я, наконец, спросить, хотя голос мой сильно дрожал.

— Да, конечно, и очень обрадуется, увидев вас.

— Люси думает побывать летом в Клаубонни? — спросил я.

— Надеюсь, хотя она не может располагать своим временем. Вы видели ее брата, Мильс, не правда ли?

— Я встретил его на улице, затем видел в театре с Мертонами и Люси. Молодой Дреузтт был тоже там, со своею матерью.

Добрый пастор посмотрел мне прямо в глаза:

— Что вы думаете об этом молодом человеке? — спросил он, сам того не подозревая, что вонзает мне нож в самое сердце. — Нравится он вам?

— Я понимаю, вы намекаете на то, что мистер Дреузтт просил руки мисс Гардинг.

— Я бы вам не доверился, если бы сам Дреузтт не говорил об этом всем и каждому.

— Конечно, в виду устранения других претендентов, — сказал я с горечью, будучи не в силах побороть себя.

Мистер Гардинг показался удивленным и даже рассерженным моим замечанием.

— Я от вас не ожидал этого, дитя мое, — сказал он. — Зачем видеть в людях дурное? Что же тут неестественного, что Дреузтт старается обеспечить за собой право на Люси? И какое в том зло, что он говорит вслух о своих чувствах?

Я был неправ и вполне заслужил этот упрек, а потому и постарался смягчить свою вину:

— Мое замечание неуместно, я сознаюсь в этом, тем более, что его ухаживанья начались еще до смерти миссис Брандфорд, следовательно, у него нет корыстных целей.

— Совершенно верно. Вы привыкли к Люси с самого детства, любите ее, как сестру, и вам, понятно, странно, что она может возбудить серьезную страсть; но вы сами знаете, что она действительно обаятельна, хороша собой, и вообще прекрасная девушка.

— Кому вы это говорите, и кто в этом убежден более меня?!

Грация ждала меня. У двери стояла Хлоя, негритянка, дальняя родственница Неба, исполнявшая у Грации роль горничной. Она мне улыбнулась и сделала реверанс.

— Мисс Грация послала меня сюда, хозяин, сказать, что она ждет вас в семейной зале.

— Спасибо, Хлоя. Позаботьтесь, чтобы никто не помешал нам

Я больше года не видел свою сестру.

— Конечно, да, хозяин. А Неб, где теперь он?

— Он придет поцеловать вас через десять минут, Хлоя.

Я скорыми шагами направился к нашей заветной комнате. Открыв дверь, я приостановился, думая, что сестра, по обыкновению, бросится в мои объятия. Но в доме царил мертвая тишина, точно тут находился покойник. Грация сидела на кушетке, будучи не в силах подняться и двинуться от слабости и волнения. У меня не хватало слов, чтобы описать, что я чувствовал при виде ее. Я был подготовлен к тому, что она изменилась, но не ожидал найти ее стоящей одной ногой в могиле.

Грация слабо протянула мне руки; я бросился к ней, сел около нее и осторожно привлек ее к себе. Несколько минут мы оставались так молча.

— Я боялась, — сказала она наконец, — что ты приедешь слишком поздно.

— Грация, что ты хочешь этим сказать? Что с тобой?

— Разве надо объяснять тебе, Мильс, разве ты сам не понимаешь?

Я ничего не ответил, а только пожал ей руку. Я слишком хорошо понимал эту ужасную историю. Но для меня оставалось загадкой, как это Грация могла так глубоко любить такого ничтожного и пустого человека. В невыразимой душевной скорби я проговорил довольно громко:

— Подлец!

Грация, оставшаяся до этой минуты склоненной на моем плече, вдруг подняла голову. Во взгляде ее был упрек.

- Мильс, дорогой мой, выслушай меня, - сказала Грация, судорожно сжимая мои руки. - Ты должен заглушить в себе всякий гнев, чувство мести, даже оскорбленное самолюбие. Принеси мне эту жертву. Если бы я была виновата, я готова принять всякую кару; но все мое преступление в том что я не могу справиться со своим чувством; неужели же за это мое имя будет связано с двусмысленными сплетнями, вызванными вашей ссрой?! Потом вспомни, что вы жили как родные братья; вспомни, Гардинга твоего опекуна, подумай о моей дорогой, верной Люси...

- Да, верная Люси, которая остается в Нью-Йорке, когда ее место около тебя!

- Ей неизвестно, в каком я состоянии, ни причины этого. Но прежде чем выйти из этой комнаты, ты мне должен дать одно обещание.

— Разве я в чем-нибудь отказываю тебе? Но, Грация, я соглашусь только под одним условием

— Каким? Я заранее соглашаюсь на все.

— В таком случае я обещаю тебе не спрашивать у Руперта отчета в его поведении, да и вообще не делать ему никаких вопросов, ни даже упреков, — добавил я.

— Теперь говори мне свое условие, каково бы оно ни было, я все принимаю.

— Ты должна предоставить мне полное попечение о твоём здоровье и позволить мне позвать сюда доктора, и всех, кого я найду нужным.

— Только не его, Мильс!

— Не беспокойся: его присутствие выгнало бы меня самого из дома. Ну, а на все прочее согласна?

Грация утвердительно кивнула головой.

После некоторых колебаний я решился написать Люси. Хотя она и предпочитала меня Андрею Дреузтту, все же она была попрежнему привязана к Грации и не замедлит приехать в Клаубонни, как только узнает истину.

По ту сторону реки проживал очень знающий доктор Бард, к сожалению, переставший практиковать. Я и ему написал наудачу, умоляя приехать в Клаубонни. Затем отослал Неба с моими посланиями.

ГЛАВА XXIX

Прошло два дня. Я встал с восходом солнца и тотчас поехал верхом навстречу „Веллингфорду“.

Когда шлюпка приблизилась, я увидел в ней господина средних лет, высокого, худощавого, но с внушительной наружностью.

Это был доктор Пост, один из лучших докторов Нью-Йорка. Я поспешил поздороваться с ним, но не успел я еще подъехать к нему и соскочить с лошади, как ко мне подбежал Мрамор.

— Вот и я, Мильс! — вскричал мой лейтенант. — На этот раз далеко от соленой воды. Так вот оно, знаменитое Клаубонни! Но что это там виднеется, против холма, с какой-то машиною, вертящеюся в воде?

— Это мельница, друг мой, а колесо это то самое, которое погубило моего отца. Помните, я рассказывал вам?

Мрамор грустно посмотрел на меня, как бы смутившись, что напомнил мне о столь тягостном событии, потом пробормотал.

— А мне так не приходилось терять отца! Не было такого чортова колеса, которое бы могло похитить у меня того, кого я не имел никогда.

Ах, да, кстати, Мильс, в кормовой каюте с нами приехало сюда чудо красоты.

— Это, должно быть, Люси. — И, бросив доктора и Мрамора, я одним прыжком очутился у двери каюты.

Это действительно была Люси. Мы молча обменялись рукопожатиями, и я догадался по ее беспокойному взгляду, что она боялась спрашивать меня.

— Я думаю, что ей лучше, — сказал я, — по крайней мере, она как будто повеселела.

Когда все вышли из шлюпки, Люси взяла меня под руку, и мы поднялись на холм, у которого нас ждала карета. Я уговорил Мрамора и доктора сесть в нее, так как Люси предпочла идти пешком.

Как бы я был счастлив при других обстоятельствах побыть с нею наедине! Но теперь я испытывал смущение и неловкость.

Люси же нечего было скрывать от меня, и она заговорила со мною по-старому.

— Наконец-то я опять в моем милом Клаубонни. Да, Мильс, один день, проведенный здесь, стоит целого года жизни в Нью-Йорке!

— Зачем же вы так долго остаетесь там? Ведь вы отлично знаете, как здесь все бывают счастливы, когда вы с нами?

— Если бы я в этом была убеждена, то никогда не решилась бы расстаться с Грацией на целые шесть месяцев.

— И вы сомневались, сомневались во мне, Люси?

— Не в вас, нет, я не о вас говорю, а о Грации.

— Странно, Люси Гардинг дошла до того, что изверилась в своей подруге детства, которая была с ней почти сестрой!

— Почти сестрой, Мильс? Что бы я дала, чтобы поговорить с вами откровенно, как в былые годы!

— Кто же вам мешает? Говорите, я слушаю и отвечу вам чистосердечно.

— Но теперь есть между нами препятствие, Мильс, и большое препятствие; мне незачем называть его.

— Какое же это препятствие, Люси? Умоляю вас, говорите правду; между нами и без того уже образовалась целая пропасть за эти последние два года.

— Для меня эта разлука была столь же тяжка, как и для вас, Мильс, и, если хотите, я буду с вами откровенна, рассчитывая на ваше великодушие. Чтобы вам дать понять, что я хочу сказать, довольно вам назвать Руперта?

— Как, Люси, — высказитесь яснее, между нами какое-то недоразумение?

Она слегка прижала мою руку и добавила:

— Мильс, ведь вы любите моего отца и уважаете меня, чтобы забыть, что вы с Рупертом жили как братья.

— Грация говорила мне уже по этому поводу; я не поступлю с ним так, как он того заслуживает.

— Это все, о чем я хотела попросить вас, Мильс; благодарю вас, что успокоили меня относительно этого вопроса. Теперь я буду с вами вполне искренна, но раньше мне надо увидеть Грацию...

— Не бойтесь выдать ее тайну: я все знаю. Да, эта несчастная любовь к Руперту привела ее в такое состояние.

— Какое ужасное испытание для бедной Грации! Но, может быть, усиленным уходом за ней и нашей привязанностью мы поможем горю. Хорошо, что удалось привезти опытного доктора, и, по-моему, не надо от него ничего скрывать.

— Я сам хотел посоветоваться с вами об этом. Уж слишком тяжело выставлять напоказ заветные мысли Грации!

— До этого-то мы, пожалуй, не дойдем; но доктору необходимо знать, что главный корень болезни—в сердце, и что о нем надобно подумать прежде всего. Но довольно об этом, Мильс. Мне бы не мешало немножко успокоиться перед свиданием с Грацией. Как хорошо, мы опять в Клаубонни, и попрежнему друзья.

Эти слова были сказаны с такой кротостью, что я готов был броситься к ее ногам.

Но всякие излишние чувств были бы теперь неуместны. У двери Хлоя сказала нам, что мисс Грация хотела бы видеть Люси одну. Я испугался этого свидания и хотел присутствовать при нем, но Люси успокоила меня, сказав, что я могу вполне положиться на нее.

Я же тем временем отыскал доктора и вкратце сообщил ему о ходе болезни.

Через час Люси вернулась, и доктор вместе с нею прошел в комнату больной, где он пробыл довольно долго. Он прописал возбуждающие средства, посоветовал нам всячески отвлекать сестру от тяжелых мыслей; затем, по его мнению, необходимо было переменить для больной обстановку, если бы возможно было сделать это, не утомляя ее.

Я сейчас же предложил „Веллингфорд". Доктор вполне одобрил мой план. — У меня на водах есть один пациент, который просит меня навестить его, — сказал доктор Пост, — да и мне самому хотелось бы полечиться недельку. А потому, если можно, довезите меня до Альбани, а потом продолжайте свою экскурсию, насколько это позволят силы мисс Веллингфорд.

Этот проект всем показался прекрасным. Даже Грация улыбнулась, слыша наши совещания, и целиком отдалась в наше распоряжение. Теперь только оставалось приступить к выполнению его.

ГЛАВА XXX

На другой день, рано утром, я деятельно занялся приготовлением. Мрамора тоже пригласили в нашу компанию.

Когда все были в сборе, подняли якорь.

Обогнув стрелку, „Веллингфорд" ослабил шкоты, поставил лисели и марсель и поплыл вверх по Гудзону, направляясь к ключам. По пути нам встречалась масса парусов. На палубах многих судов находились дамы, очевидно, едущие на источники. Я сказал Мрамору, чтобы он постарался обратить внимание сестры на пассажиров, а потому он поспешил догнать один из шлюпов. На судне даже были лошади и экипаж.

Давно я не был так счастлив. Грация выглядела лучше, она стала спокойнее, и нервы ее утихли, а это— главное. Люси, оживленная от разнообразных впечатлений, при виде открывавшихся перед нею картин, просто сияла. Когда она оборачивалась ко мне, в ее взгляде выражалась, если не любовь, то уж, наверное, самая искренняя дружба.

Но каждый ее жест, каждое слово, обращенное к Грации, показывали, как тесно были связаны обе подруги. Мистер Гардинг тоже повеселел. Он согласился поехать с нами, при условии, что мы возвратимся в Клаубонии в воскресенье к обеду.

Мрамор восхищался ходом „Веллингфорда". Когда мы проходили около одного шлюпа, называвшегося „Геланд", шкипер ее, не могший разобрать нашего имени, закричал нам в рупор:

— Какой это шлюп?

— „Веллингфорд" из Клаубонии, только что вышел на экскурсию.

— По всей вероятности, я имею честь разговаривать с самим капитаном Веллингфордом? Тем самым, о котором мне столько говорили мои друзья, Мертоны? Они с вами возвращались из Китая. Они вспоминают о вас с большой благодарностью, говорят, что вы замечательно заботились о них, и если они еще когда-либо будут путешествовать морем, то только вместе с вами.

Я насилу отделался от этого разговора. Каково мне было слышать многократное повторение имен Мертонов при Грации, до которой могли долететь эти имена? Ведь для нее это была новая попытка. Люси побледнела, как полотно, и изъявила желание уйти к себе в каюту, куда я и увел ее, что оказалось как раз вовремя. Грация постоянно засыпала от слабости. Полчаса спусти Люси опять пришла к нам на палубу. В это время перед нами виднелось какое-то судно. Люси вдруг заволновалась.

— Не думаете ли вы подойти к этому шлюпу? — спросила она.

— Мне казалось, что с нас довольно сплетен, но если подобные переговоры занимают вас, то с удовольствием.

Люси затруднялась ответом. Она покраснела и подумала с минуту; потом с неестественной улыбкой, столь несвойственной ее натуре, сказала:

— Да, мне бы хотелось приблизиться к этому шлюпу, хотя вовсе не из тех мотивов, которые вы предполагаете.

Я видел, что ей не по себе, но не мог понять причины. Но желание Люси было для меня равносильно приказу, и я велел Небу ускорить ход. На корме шлюпа значилось: „Орфей". Палуба его была переполнена пассажирами обоюго пола. В это время Люси прижалась ко мне, как бы ища у меня защиты.

— Теперь, Мильс, вы будете говорить за меня в рупор; я не могу сама начать разговора при таком большом обществе.

— С удовольствием, Люси, но вы диктуйте мне то, что я должен сказать.

— Конечно, только сначала предложите общепринятые вопросы.

— Эй! „Орфей"? о— сказал я довольно громко.

— Ну, что там? — тветил шкипер, вынимая изо рта трубку. Я посмотрел на Люси, спрашивая ее взглядом: „А дальше?"

— Спросите его, там ли миссис Дреуэтт, — не господин, а миссис-мать, — сказала Люси смущенно.

Я был так поражен, что едва владел собою. Шкипер ждал с любопытством второго вопроса.

— Миссис Дреуэтт у вас? — спросил я отчетливо.

Прежде чем ответить, шкипер нагнулся к некоторым из пассажиров, не видных нам из-за паруса „Веллингфорда", гик которого выдвигался к стороне „Орфея".

— Миссис Дреуэтт здесь и желает узнать имя особы, осведомляющейся о ней.

— Скажите, что у мисс Гардинг есть поручение к миссис Дреуэтт от миссис Оджилви, которая едет в другом шлюпе, — сказала Люси тихим и неуверенным голосом.

Я задышался, однако сделал последнее усилие, чтоб передать фразу. Тотчас же я услышал, что кто-то

поднимается на борт судна и вслед за тем увидел Андрея Дреуэтта, со шляпою в руке и сияющей физиономией; выражение его лица, развязность манер, все указывало на короткость, существовавшую между ним и Люси. Последняя инстинктивно взяла меня под руку, и я чувствовал, что она дрожала.

Оба шлюпа были настолько близко один от другого, что они могли разговаривать, не особенно возвышая голос.

— Здравствуйте, — сказала Люси, — передайте, пожалуйста, вашей матери, что миссис Оджилви просит подождать ее в Альбани... Да вот и сама миссис Дреуэтт, — поспешила Люси прервать самое себя.

— У нас есть с собой кое-что для вас, моя милая, — ответила миссис Дреуэтт, вежливо раскланявшись со мной. — Вы так заторопились с отъездом, получив это противное письмо (это то, в котором я умолял Люси приехать к большой подруге), что забыли свой рабочий ящичек, а так как я знаю, что в нем много билетов — я говорю не о банковых билетах, — то мне непременно хотелось возвратить вам его в собственные руки. Вот он, но как мне его вам передать? Я счел нужным вмешаться.

— Господин Дреуэтт, — сказал я после взаимного поклона, — если вы попросите остановить ваш шлюп, я сделаю то же, и затем пошлю за ящиком лодку.

Это предложение заставило вопросительно взглянуть на шкипера. Он в это время сидел, облокотившись на руль, и курил. Нехотя вынув изо рта трубку, он проговорил:

— Очень нужно останавливаться! Точно ветер станет потом слушаться нас. Вот что еще выдумали!

Затем он снова взялся за трубку. Видя, что с ним не сладишь, я стал придумывать другое средство, как вдруг заметил не без удивления и некоторого беспокойства, что Андрей Дреуэтт взял ящичек из рук матери, затем бросился к нашему гик⁷⁷, конец которого доходил до его шлюпа. Видно было, что он намеревался дойти таким образом до нашей палубы, чтобы собственноручно передать Люси ее ящичек. Предприятие это было слишком рискованно. Конечно, все дамы заохали от ужаса. Бедная миссис Дреуэтт закрыла лицо руками, считая своего сына уже погибшим. Я боялся даже взглянуть на Люси.

Так как Дреуэтт, видимо, терял свое хладнокровие, то я решил принять меры не только в его интересах, но и в интересах коробки Люси. Неб, не дождавшись моего приказа, сам подскочил ко мне.

— Коробка упадет в море, хозяин, — сказал он мне вполголоса, — его ноги уже дрожат, и скоро он все выпустит.

— Что же сделать, Неб? Какое средство придумать?

— Если хозяин разрешит. Неб побежит по гик, возьмет ящик и принесет его мисс Люси.

— Что ж, иди, будь только осторожнее. Крик Хлои был сигналом того, что Неб начал опасное шествие. Он подвигался по гик твердою поступью, невзирая на протесты Дреуэтта, не желающего посторонней помощи. Неб подошел к нему в тот момент, когда молодой человек ухватился за канат, и ноги его тряслись так, что его положение внушало серьезную опасность. Лицо Неба изобразило любезную гримасу, и он протянул руку за ящичком.

— Хозяин Мильс полагает, что лучше отдать мне ящичек мисс Люси, — сказал он со всею вежливостью, на которую был способен.

Несмотря на оскорбленную гордость, Дреуэтт не прочь был получить эту маленькую поддержку и, ни слова не говоря, отдал негру ящик, на что Неб наклонил голову, спокойно повернулся на месте и твердым шагом пошел к самой мачте.

Неб с торжествующим видом преподнес Люси свой трофей, она молча передала ящик Хлое, не отрывая своего взора от Дреуэтта.

— Мерси, господин Дреуэтт, — сказала она, — теперь ящик в безопасности, вам нечего приходить сюда; мистер Веллингфорд поможет вам добраться до вашего шлюпа.

Я, действительно, принялся объяснять, как это сделать, но совсем неожиданно натолкнулся на два препятствия: во-первых, на самолюбие Дреуэтта, который ни за что не согласился отступить, а во-вторых, шкипер „Орфея“, взбесившись, что мы обогнали его, решился отомстить, отъехав от нас на сто аршин. Таким образом, теперь оставалось только одно средство спасти Дреуэтта.

— Держитесь за канат, господин Дреуэтт! — закричал я. — Я втащу гик на борт, и тогда вам будет легко подняться к нам.

Но Дреуэтт умолял меня ничего не делать, говоря, что он приноровился уже и сейчас последует примеру Неба.

— Нет, нет, прошу вас не беспокойтесь, господин Веллингфорд, неужели вы думаете, что я не смогу добраться до вас, как этот негр?!

— Но ведь негр — матрос, привычный к упражнениям такого рода; и он — босой, а вы в тонких и скользких башмаках.

— Да, это мне ужасно мешает. Но все же я надеюсь без всякой помощи дойти до мисс Гардинг, чтобы поздороваться с ней.

Сам Гардинг вмешался в дело, но напрасно. Дреуэтт упорствовал.

— Оставьте его, — сказала Люси умоляющим голосом, — он говорил, что умеет плавать.

Но было уже слишком поздно. Гордость, упрямство, тщеславие и любовь заставили его поступить по-своему: он двинулся, оставив канат, последнюю точку опоры. Он прекрасно знал, что ему не дойти до мачты.

⁷⁷ Гик—параллельный палубе брус, служащий нижним основанием косога паруса.

Не прошло нескольких секунд, как он бултыхнулся в воду. По его отчаянным барахтаньям, сразу было видно, что несчастный не умеет плавать. На мне была куртка, матросские штаны и башмаки.

Я тотчас же бросился вслед за ним. Дождавшись, когда он вынырнул, я схватил его за волосы, стараясь перевернуть на спину, лицом к воздуху, но вследствие усилия, которое мне пришлось употребить, я сам пошел ко дну. Пришлось на минуту выпустить его, чтобы набраться воздуха. Потом я сказал, чтобы он держался за мои плечи, опустив туловище в воду; если человек, находящийся в опасности, исполняет эти приказания, то хороший пловец без труда может протащить его целую милю. Но Дреуэтт потерял сознание и отчаянно отбивался от меня. На земле я бы живо справился с ним, но в воде приходилось бояться даже ребенка.

Преимущество, которое я предоставил ему, сказав, чтоб он держался за мои плечи, обошлось мне дорого. Он вместо этого стиснул мне шею обеими руками и, упираясь на меня, силился подняться наружу, а я вследствие такой тяжести шел на низ.

Каждая минута была дорога. Я сделал над собой нечеловеческие усилия, стараясь выплыть, но не мог. Его руки, как тиски, сжимали мне горло, мои движения были стеснены. Надо было решиться: или отделаться от него или потонуть самому...

Сознаюсь, я отказался от мысли спасти жизнь Дреуэтта и думал только о себе. В воде мы с ним сцепились, как два врага. Три раза мне удалось вынырнуть, чтобы перевести дыхание, таща за собою и Дреуэтта, который находился в более благоприятных условиях, чем я. Такая отчаянная борьба не могла продолжаться долго.

В четвертый раз мы пошли ко дну, и я чувствовал, что мне больше не подняться: силы стали мне изменять; но меня спасло неожиданное обстоятельство. В молодости отец приучил меня оставаться в воде с открытыми глазами. Вследствие этого у меня оказался маленький перевес над Дреуэттом, я, по крайней мере, мог видеть, куда направлять свои движения. И когда я настолько ослабел, что у меня исчез последний луч надежды на спасение, мне показалось, что на меня надвигается в воде какая-то масса, точно акула, хотя она редко попадает в Гудзон. Этот предмет вдруг вынырнул около нас, как бы намереваясь схватить свою добычу. Я почувствовал, что кто-то осторожно поднимает меня на поверхность, и как только показался свет и я мог вздохнуть. Мрамор оторвал от меня Дреуэтта. В это же время моя акула, отдуваясь, выплыла из воды и заговорила человеческим голосом.

— Мужайтесь, хозяин! Неб с вами!

Не знаю уж, как меня втащили на борт, где я лежал в полном изнеможении. Дреуэтт не подавал признаков жизни. В это время Неб, промокший до костей, уселся на дно лодки и стал выжимать воду из моих волос и вытирать мне лицо платком...

Когда Люси увидела меня, пришедшего в чувство, то не могла удержаться от радостного восклицания и со слезами кинулась ко мне. Безмерная радость наполнила мое сердце. Губы наши слились в одном долгом поцелуе.

Возвратившись домой, мы без лишних слов обручились, а там и повенчались. Наша радость омрачалась только видом Грации. Но отправившись вместе с нами в путешествие, она скоро поправилась.

Сборка книги окончена. 29.02.00.